

Цѣна 1 руб.

891 ф. 56 (12)

Собрание сочинений

Н. А. ДОБРОЛЮБОВА

Критически провѣрен. текстъ, біографическій очеркъ, вступительныя статьи, примѣчанія, два портрета и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда

— /ку

1066

Томъ третій

/65

Вагон Библиотека №

С.-Петербургъ.

Г. трогр дской сета.

Книгоиздательское Товарищество „Трѣхъ вѣстовъ“

Моск. Вилд. 2-й жел. дороги

Забалканскій проспектъ, собств. домъ, № 75

Всемирная библіотека.

Собранія сочиненій извѣстныхъ русскихъ и
иностранныхъ писателей.

II-ая серія:

Собраніе сочиненій

Д. Я. АЙЗМАНА.

Съ портретомъ автора.

5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 р. 75 к.
Допускается разсрочка платежа отъ 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

С. А. АН—СКАГО.

Подъ наблюденіемъ автора.

5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 руб. 75 коп.
Допускается разсрочка платежа отъ 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Б. А. ЛАЗАРЕВСКАГО.

Съ портретомъ автора.

5 томовъ по 1 руб., въ изящныхъ переплетахъ 7 руб. 50 коп.
Допускается разсрочка платежа отъ 1 руб. въ мѣс.

Собрание сочинений
Н. А. Добролюбова.

Всемирная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ
русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія
собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ автора;
Л. Н. Андреева, со вступительной статьей проф. М. А. Рейснера;
Ф. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
Г. А. Мачтета, подъ редакціей Д. П. Сильчовскаго;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ автора.

II серія.

Д. Я. Айзмана, подъ наблюденіемъ автора;
С. А. Ан-скаго, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Н. Златовратскаго, подъ наблюденіемъ автора;
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ автора;
А. И. Левитова, со вступ. статьей А. А. Измайлова;
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ автора;
Вас. И. Немировичъ-Данченко, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Ф. Олигера, подъ наблюденіемъ автора;
Н. М. Осиповича, подъ наблюденіемъ автора.

III серія.

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. Ив. Введенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
А. Н. Островскаго, подъ ред. М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, со вступ. статьей П. В. Быкова;
И. С. Никитина, подъ ред. А. Г. Томина и Ю. И. Айхенвальда;
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей В. П. Краинфельда;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора.

IV серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей Д. П. Сильчовскаго;
Элизы Оржешко, подъ ред. С. С. Зелинскаго;
Г. де Мопасана, съ критико-біографич. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографич. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ф. Д. Батюшкова и
Е. В. Аничкова;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Луцицкой.

С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

112/54-3

Собрание сочинений

112/54-3
Н. А. ДОБРОЛЮБОВА.

Критико-біографическій очеркъ, вступительныя статьи,
примѣчанія, бібліографическій указатель, два портрета
и автографъ.

Подъ редакціей

Вл. П. Кранихфельда.

Милый другъ, я умираю
Оттого, что былъ я честенъ;
Но за то родному краю
Вѣрно буду я извѣстенъ.

Милый другъ, я умираю,
Но спокоенъ я душою
И тебя благословляю:
Шествуй тою же стезею.

Н. Добролюбовъ.

1066
Томъ III.

Вагонъ Библиотека №

Г. троп. дской сети.

С.-Петербургъ.

Типо-литографія Акц. О-ва „Самообразование“,
Забалканскій просп., д. № 75

Бумага безъ примѣси древ-ной массы.

Оглавленіе тома III.

	Стр.
Предисловіе редактора къ тому III.	1

Современникъ 1858 г.

Уличные листки (№ 9)	13
Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ (Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie, par Nicolas de Gérébtzoff. Двѣ статьи:	
Статья первая (№ 10)	31
Статья вторая (№ 11)	84
О нравственной стихіи въ поэзіи, соч. Ореста Миллера на степень магистра русской словесности (№ 10)	166
Буддизмъ, его догматы, исторія и литература, соч. В. Васильева. Буддизмъ, рассматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. Соч. Нила, архіепископа Ярославскаго (№ 11)	186
Пѣсни Беранже, переводъ В. Курочкина (№ 12) . . .	209

Современникъ 1859 г.

Литературныя мелочи прошлаго года. Двѣ статьи: .	
Статья первая (№ 1).	237
Статья вторая (№ 4).	286
Сочиненія А. Бѣшенцева въ прозѣ и стихахъ (№ 1) .	344
О русскомъ государственномъ цвѣтѣ. Составиль А. Языковъ (№ 1)	355
Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора, часть III (№ 2)	362
Путешествіе по Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ. А. Лакіера (№ 3)	378

Отъ редактора.

Предисловіе къ тому III.

Второй томъ настоящаго изданія закончился словами Добролюбова объ освобождающемъ значеніи смѣха, а третій открывается статьей объ уличныхъ листкахъ, по поводу которыхъ критикъ высказываетъ досаду, что смѣхъ они замѣнили пошлымъ зубоскальствомъ.

Основатель, редакторъ и единственный сотрудникъ институтскихъ сатирическихъ листковъ «Слухи» (въ 1855 г.) и «Сплетни» (въ 1856 г.), основатель и самый дѣятельный участникъ знаменитаго «Свистка», заведеннаго при «Современникѣ» съ начала 1859 г., — Добролюбовъ высоко цѣнилъ общественную роль сатиры. Онъ не могъ поэтому не обратить вниманія на небывалый наплывъ въ первой половинѣ 1858 г. уличныхъ юмористическихъ и сатирическихъ листковъ, потѣшающихъ публику «своей веселостью, юморомъ, шутками и всякой всячиной». Добролюбовъ насчиталъ въ Петербургѣ 30 штукъ такихъ листковъ, усиленно распространявшихся, по его наблюденіямъ, въ каждой гостиницѣ, въ каждой мелочной лавочкѣ, на каждомъ перекресткѣ. Родоначальникомъ всей этой литературы былъ

«Весельчакъ», основанный въ концѣ 1857 г. извѣстнымъ книгопродавцемъ-издателемъ Плюшаромъ и, въ отличіе отъ массы другихъ листковъ подобнаго же содержанія, имѣвшій характеръ періодическаго изданія. Попытки другихъ издателей усвоить и своимъ листкамъ такой же характеръ и форму немедленно же пресѣкались цензурой. Такъ, листокъ «Смѣхъ», представленный въ цензуру съ пометкой № 1, вышелъ оттуда подъ № 0, второй номеръ появился подъ № 00, а на третьемъ номерѣ цензоръ Бекетовъ совсѣмъ вычеркнулъ очередные три нуля, и «Смѣхъ» вышелъ съ подзаголовкомъ: «(подъ хрѣномъ)»¹.

Такимъ образомъ, среди другихъ изданій «Весельчакъ» занималъ привилегированное положеніе, но, какъ замѣчаетъ Добролюбовъ, явленіемъ литературнымъ онъ все же не сдѣлается. Извѣстна эпитафия Цербаны на этотъ листокъ:

Всѣхъ патріотовъ „Весельчакъ“,
Тупого юмора кабакъ,
Приводитъ въ слезы и раздумье
О нашемъ жалкомъ осіроумѣ.

Другіе листки были, насколько это возможно, и того хуже. На Добролюбова они нагнали «тоску невыносимую», а ихъ площадная полемика другъ противъ друга возбуждала въ немъ даже отвращеніе. Это острое отношеніе критика къ листкамъ вызывалось въ немъ сознаніемъ, что они «могли бы сдѣлаться лучшими проводниками здравыхъ понятій въ тѣ слои общества, которые чуждаются серьезной литературы».

¹ См. «Отрывки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX ст.», М. Лемке, Спб. 1904.

Могли бы. Но критикъ упустилъ изъ вида, что интересующими его «слоями общества» въ такой же мѣрѣ, но только съ другого конца, интересуются и соответствующія вѣдомства. И въ самомъ дѣлѣ, въ дневникѣ цензора Никитенки уже подъ датою 17 мая 1858 г. находится такая злобѣщая записъ: «Генераль-губернаторъ напалъ на несчастные листки, которыхъ завелось нынѣ множество и которые продаются на улицѣ по пяти копеекъ. Это его пугаетъ. Между тѣмъ въ этихъ листкахъ нѣтъ ничего ни умнаго, ни опаснаго; имъ строго воспрещено печатать что-нибудь относящееся къ общественнымъ вопросамъ». И въ томъ же 1858 г. двумя циркулярами министра просвѣщенія было предписано цензорамъ усилить бдительность за этими даже неумными, но все же пугающими листками. Строгъ, но справедливъ былъ судъ Добролюбова надъ пошлымъ зубоскальствомъ уличныхъ листовъ. И все-таки, рассматриваемые въ исторической перспективѣ, они могутъ быть названы предвѣстниками той сатирической бури или, — какъ утверждали ея ненавистники, — «свистопляски», которая въ началѣ слѣдующаго же 1859 г. ознаменовалась открытіемъ при «Современникѣ» «Свистка», а вмѣстѣ съ нимъ — съ 1 января 1859 г. — и отдѣльнаго сатирическаго журнала «Искры», поставившей себѣ цѣлю «разработку общихъ вопросовъ путемъ отрицанія ложнаго во всѣхъ проявленіяхъ въ жизни и въ искусствѣ».

Большая статья Добролюбова, — «Русская цивилизація, сочиненная г. Жеребцовымъ», — написанная по поводу нелѣпо тенденціозной и нынѣ совершенно забытой исторической работы Жеребцова, можетъ показаться современному читателю сильно устарѣвшей. Однако мы не считали возможнымъ

исключить ее изъ настоящаго изданія, считая ее необходимымъ дополненіемъ къ вошедшимъ во второй томъ статьямъ критика о Петрѣ Великомъ (по поводу работы Устрялова) и о Станкевичѣ. Вниманіе, которое критикъ посвятилъ двухтомной работѣ Жеребцова, объясняется, конечно, не личными качествами самого автора, точно также какъ и не качествами его никчемной исторіи. Дѣло въ томъ, что Жеребцовъ объявилъ себя представителемъ славянофильской партіи, и общія положенія, которыя онъ проводитъ въ своей исторіи, дѣйствительно принадлежатъ не ему, а славянофиламъ вообще, и вотъ съ ними-то Добролюбовъ и счелъ необходимымъ считаться, оставляя въ сторонѣ личныя промахи и нѣпости автора. Благодаря такой обобщенной постановкѣ вопроса, статья Добролюбова сохраняетъ интересъ и понынѣ, такъ какъ въ ней разсматривается и оцѣнивается славянофильская историческая теорія, удержавшаяся въ извѣстныхъ кругахъ русскаго общества и до нашихъ дней. Попутно Добролюбову приходится обосновывать и свою точку зрѣнія, и читатель найдетъ въ этой статьѣ интересныя разсужденія критика объ истинномъ патріотизмѣ, который не уважается въ его сознаніи съ непріязнью къ отдѣльнымъ народностямъ, объ эгоизмѣ, какъ основѣ любви къ общему благу, и т. д. Теорія эгоизма, развернутая здѣсь Добролюбовымъ въ этомъ послѣднемъ смыслѣ, напрашивается на сопоставленіе со статьей о Станкевичѣ, гдѣ та же теорія эгоизма, по замѣчанію Скабичевскаго, противопоставляется теоріи нравственнаго долга и свободное влеченіе сердца представляется основой нравственности.

Защищая эту же теорію эгоизма, Добролюбовъ

бурно обрушился на неудачную магистерскую диссертацию Ореста Миллера съ его проповѣдью умѣренной добродѣтели, отреченія отъ собственной личности и поклоненія авторитету. Впослѣдствіи, быть можетъ даже не безъ вліянія этой рецензіи, Орестъ Миллеръ во многомъ отступилъ отъ воинствующаго идеализма своихъ первыхъ выступленій, но что касается данной диссертации, то Добролюбовъ имѣлъ основанія приравнять ее къ безтолковой брошюрѣ заслуженнаго казанскаго профессора Берви («Физиологическо-психологическій сравнительный взглядъ на начало и конецъ жизни»), написанной для того, чтобы «по силѣ возможности» содѣйствовать отвлеченію человѣка отъ заботъ о настоящей жизни. Рецензія на брошюрку Берви помѣщена Добролюбовымъ въ 3-й книжкѣ «Современника» за 1858 г., но мы не включили ее въ настоящее изданіе въ виду явной нелѣпости содержанія самой брошюры, которая къ тому же едва ли и попадется когда-нибудь на глаза современному читателю.

Книги профессора Васильева и архіепископа Нила, послужившія Добролюбову матеріаломъ для статьи о буддизмѣ, въ настоящее время еще менѣе пригодны для изученія буддизма, чѣмъ книга Вашингтона Ирвинга для изученія исламизма. Въ соотвѣтствіи съ этимъ нельзя не признать устарѣвшей и основанную на нихъ статью критика. Однако статья о буддизмѣ, точно также какъ и статья о Магометѣ (см. томъ II настоящаго изданія), часто упоминаются біографами Добролюбова, такъ какъ для характеристики самого критика онѣ имѣютъ значеніе и цѣнность: въ нихъ открываются взгляды Добролюбова на значеніе и характеръ вѣрованій въ исторіи. «Эзоповское» окончаніе статьи о буддизмѣ ясно

указывать и ея цѣль: путемъ замаскированной для цензорскаго ока параллели между буддизмомъ и христіанствомъ показать земное происхожденіе послѣдняго.

Статья Добролюбова о Беранже побудила одного изъ историковъ русской критики, Нв. Иванова¹, обрушиться и на Беранже и на его критика нѣсколькими страницами яростнаго негодованія. Добролюбовскую оцѣнку французскаго поэта Ивановъ называетъ «безпримѣрнымъ панегирикомъ въ честь пѣсенника-бонапартиста, вложившаго всю душу свою въ убѣщанье наполеоновской крутой плъны и сѣраго сюртука и не перестававшаго бить въ барабанъ и наигрывать военные марши въ то время, когда страна напрягала все усилія залѣчить раны и упорядочить культурный внутренній строй послѣ дикой бандитской оргіи «великаго императора»». Достаточно этихъ приведенныхъ строкъ, чтобы убѣдиться, что въ оцѣнкѣ данной статьи Добролюбова историкъ литературы впалъ почему-то въ тонъ злостнаго памфлета, направленнаго одинаково и въ Беранже и въ Добролюбова.

А между тѣмъ, если даже и допустить, что критикъ нѣсколько переоцѣнилъ не слишкомъ и не всегда строгую къ себѣ музу Беранже, то основанія для этой оцѣнки историкъ литературы легко могъ бы найти и въ статьѣ Добролюбова и въ общихъ литературныхъ переживаніяхъ того времени. Пѣснями Беранже съ ихъ устремленіемъ къ вопросамъ жизни, съ ихъ человѣчною тенденціей, увлекался не одинъ Добролюбовъ. Еще Бѣлинскій отзывался о Беранже какъ о «великомъ и истинномъ поэтѣ современной

¹ См. «Исторія русской критики» Нв. Иванова, Спб. 1900.

Франціи». А во времена Добролюбова даже поэты-эстеты, по образному выраженію Полонскаго, пытались уподобиться волнѣ, движеніе которой чутко передаетъ возмущеніе стихін. Что же касается либеральныхъ упрековъ Иванова по адресу Беранже въ политической неустойчивости послѣдняго, то статья Добролюбова и по этому пункту даетъ вполнѣ определенный и точный отвѣтъ. Передъ Добролюбовымъ и его современниками стояла, требуя разрѣшенія, огромная соціальная проблема, на фонъ которой тѣ или иные политическія формы могли представиться имъ только болѣе или менѣе красивыми орнаментами. Поэтому защищая Беранже отъ нападокъ «близорукихъ либераловъ», въ число которыхъ заднимъ числомъ неожиданно включилъ себя и Ивановъ, Добролюбовъ пишетъ: «они никакъ не могутъ дорасти до взгляда чловѣка, который ищетъ только существеннаго добра, мало обращая вниманія на внѣшнюю форму, въ которой оно можетъ проявиться».

Блестящая по формѣ, богатая содержаніемъ, публицистическая статья Добролюбова—«Литературныя мелочи прошлаго года», — несмотря на злободневный какъ будто ея характеръ, читается и въ настоящее время съ живымъ, а мѣстами даже съ захватывающимъ интересомъ. Этотъ интересъ статьи объясняется не только способностью критика къ широкимъ обобщеніямъ фактовъ жизни и литературы, но въ значительной степени и другимъ его свойствомъ, которое въ данной статьѣ Добролюбовъ впервые обнаружилъ въ такой сокрушительной мощи — пафосомъ демократическаго настроенія, обращеннаго къ прошлому съ возмущеннымъ отрицаніемъ, а къ будущему — съ призывомъ

и вѣрой. Только прочитавъ эту статью, отъ начала и до конца проникнутую непримиримымъ демократизмомъ, начинаешь понимать, почему даже лучшіе представители стараго барства, въ лицѣ Герцена и Тургенева, должны были вспылать ненавистью къ этому убѣжденному трибуну демократіи. Развѣ они могли простить ему упреки, которые онъ, не называя именъ, обратилъ къ нимъ: — упреки въ безжизненной отвлеченности и въ порожденной ею «колоссальной фразѣ»? А между тѣмъ правда была на сторонѣ Добролюбова. И, упрекая лучшую часть литературы въ непониманіи существа новыхъ потребностей, а всю вообще литературу того времени въ массѣ обвиняя въ узко-классовомъ дворянскомъ подходѣ къ этимъ потребностямъ, Добролюбовъ черезъ голову литературы обращался къ обществу — къ «новому» обществу — съ призывомъ къ активной защитѣ своихъ интересовъ.

Объ отдѣльныхъ положеніяхъ этой статьи, развитыхъ Добролюбовымъ въ послѣдствіи, намъ еще придется сказать въ пояснительныхъ замѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ статьямъ критика.

Рецензію о прозѣ и стихахъ нынѣ никому неизвѣстнаго Бѣшенцова удерживаемъ здѣсь исключительно въ виду ея отношенія къ «Свистку», гдѣ читатель еще разъ встрѣтится съ этимъ поэтомъ.

Рецензія на брошюру Н. Языкова и сейчасъ сохраняется, можно сказать, злободневный характеръ, такъ какъ вопросъ о русскомъ государственномъ цвѣтѣ находится въ настоящее время на разсмотрѣніи одной изъ междувѣдомственныхъ правительственныхъ комиссій.

О Шевыревѣ съ достаточной опредѣленностью успѣлъ высказаться еще Бѣлинскій въ обзорахъ

русской литературы 1846 и 1847 гг. Разсмотрѣвъ двѣ первыя части «Исторіи русской словесности, преимущественно (?) древней», Бѣлинскій призналъ, что въ этомъ сочиненіи авторъ обнаружилъ обширную начитанность, которая сдѣлала бы честь самому кропотливому нѣмецкому гелертеру, но — замѣтилъ критикъ: — это не помѣшало трудолюбивому и почтенному профессору «представить факты въ самомъ неистинномъ свѣтѣ». Передъ Добролюбовымъ была третья часть «Исторіи русской словесности», и его отзывъ объ этой части только дополняетъ сказанное Бѣлинскимъ о первыхъ частяхъ кропотливой, но бездарной работы профессора-славянофила.

Въ статьѣ, посвященной внутреннему устройству Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Добролюбовъ воспользовался «Путешествіемъ» Лакіера только какъ поводомъ, придиркой. Матеріалы же для этой статьи Добролюбовъ черпалъ, по его же собственному признанію, не только у Лакіера, но пользовался и другими иностранными источниками. Обѣщанной второй статьи на ту же тему — о бытѣ и нравахъ Сѣв. Америки — критикъ, отвлеченный другими работами, не далъ.

Возможно, впрочемъ, что обѣщаніе было дано собственно для отвода цензорскихъ глазъ, чтобы безпрепятственно провести эту статью, въ которой — накануне ожидающейся коренной ломки стараго режима — русскому абсолютизму и централизму Добролюбовъ противопоставляетъ американское народовластіе и децентрализацию. Обращаемъ вниманіе на подчеркнутую въ этой статьѣ «формулу прогресса»: «весь ходъ исторіи представляетъ постепенное уясненіе правъ личности и освобожденіе

людей отъ ложныхъ авторитетовъ, создаваемыхъ суевѣріемъ и невѣжествомъ». Объ этой «формулѣ» критикъ, принимая ее, но не приписывая ее себѣ, выражается неопредѣленно: «много разъ уже высказано было . . . »! Разумѣется, эта неопредѣленность была вынужденной, такъ какъ имя Фейербаха, точка зрѣнія котораго здѣсь проводится, считалось запретнымъ въ то время общаго увлеченія идеями нѣмецкаго мыслителя.

„Современникъ“ 1858 г.

Уличные листки.

Уличные листки. «Бардадымъ», «Безсонница», «Безструнная балалайка», «Весельчакъ», «Всякая всячина», «Говорунъ», «Дядя шутъ гороховый», «Ералашъ», «Картинки съ натуры», «Литература на ходу», «Моимъ трутямъ совѣтъ», «Муха», «Народное разгулье на петербургскихъ островахъ», «Новѣйшіе юмористическіе рассказы», «Ороскопъ кота», «Потѣха», «Правда въ стихахъ и прозѣ», «Пустозвонъ», «Пустомеля», «Ракъ», «Рододендронъ», «Смѣхъ и Горе», «Сплетни», «Сплетникъ», «Фантазеръ», «Фонарь», «Шутникъ», «Щелчокъ», «Юмористъ».

Итого 30 штукъ!

Между тѣмъ какъ Москва сѣтуетъ и плачетъ въ лицѣ своего Гераклита, г. М. Дмитріева, въ Петербургѣ каждый день появляются новые Демокриты, потѣшающіе серьезную столицу своей веселостью, юморомъ, шутками и всякой всячиной. И Петербургъ рѣшительно потѣшается, — въ каждой гостиницѣ, въ каждой мелочной лавочкѣ, на каждомъ перекресткѣ. Одно время эпидемія на смѣхъ была такъ сильна, что серьезныхъ людей останавливали на улицѣ и приставали къ нимъ съ ножомъ къ горлу: смѣйся, да и только. Я самъ видѣлъ, какъ одного почтеннаго горбатаго чиновни-

ка, бѣжавшаго въ департаментъ съ портфелемъ подмышкой и, повидимому, съ очень мрачными мыслями, остановилъ вдругъ на Невскомъ проспектъ ловкій господинъ, запустившій руку въ карманъ пальто почтеннаго чиновника. «Что это, что это значитъ?» забормоталъ испуганный чиновникъ. — Пять копеекъ-съ, — развязно отвѣчалъ ловкій господинъ, указывая на листокъ «Смѣха», торчавшій уже изъ кармана горбатаго чиновника. Бѣднякъ, застигнутый врасплохъ, остановился, разинувъ ротъ, но, не будучи въ состояніи произнести ни одного слова, съ видомъ отчаянія и покорности судьбѣ взглянулъ онъ на «Смѣхъ», медленно вынулъ изъ кармана пяточокъ и молча подаль его развязному господину, съ такою печальною, убитою гримасой, что на него смотрѣть было жалко. Но развязный господинъ былъ, повидимому, слишкомъ веселъ для того, чтобы проникнуться чувствомъ состраданія; онъ жадно схватилъ пяточокъ, проговорилъ съ улыбкою: «точно такъ-съ», и исчезъ.

Изъ этого разсказа иногородные читатели могутъ заключить, что если бы Петербургъ и имѣлъ твердое намѣреніе удаляться отъ смѣха, то нѣтъ ему для этого ни малѣйшаго способа. Смѣхъ сдѣлался въ нѣкоторомъ случаѣ священнѣйшею, хотя и тяжелою, его обязанностию; смѣхъ есть для него не забава, не естественное проявленіе веселости, а долгъ человеколюбія и благотворительности. Издаватели листковъ болѣею частью сами объявляютъ съ благородной откровенностью, что все ихъ претензіи ограничиваются *малою толикою* пяточковъ, на бѣдность, или, какъ иные изъ нихъ выражаются, *на голые зубы*. Иные изъ нихъ стараются разжалобить публику и для этого выдѣлываютъ разные

смѣшныя гримасы. Напр. «Смѣхъ и Горе» не назначить даже цѣны себѣ, а, надѣясь на доброту покупателей, провозгласить: «что пожалуете». Вверху первой страницы этого листка напечатано: «Покупатель кладетъ въ кассу *Горя*, что ему угодно, для утѣшенія издателя». Оказалось, что кто-то опустилъ въ кассу *Горя* (при магазинѣ Крашениникова) какія-то крупныя деньги, и вотъ во второмъ выпускѣ «Смѣха и Горе» издатель пишетъ: «Русское спасибо публикѣ! Нашелся одинъ и покупатель-меценатъ! Не одни конейки, пятакъ и гривенники опущены были въ кассу *Горя*... Что стоитъ богачу опустить нѣсколько рублей серебромъ? Но какъ замѣтить ему бѣдный листокъ, который вывѣсили на оконкѣ книжнаго магазина? Захочетъ ли онъ отказаться отъ нѣкоторыхъ удовольствій, отъ какой-нибудь прихоти для этого листка?.. У насъ многіе любятъ благотворить тайнѣ, и мы высоко цѣнимъ эту добродѣтель...». Это объясненіе, похожее на жалостный вопль саженицы, уже очень много говоритъ о характерѣ всего предпріятія. Но благородная откровенность издателя простирается еще далѣе. Онъ безцеремонно рассказываетъ слѣдующій случай: «Одинъ покупатель-благотворитель, опуская гривенникъ, спрашиваетъ хозяина книжнаго магазина П. Крашениникова (тамъ только и есть касса *Горя*): «а что, это бѣдный человѣкъ, который издаетъ «Смѣхъ и горе»? По всему видно было, что покупатель привыкъ благотворить. Хозяинъ замаялся и не зналъ, что сказать; можетъ быть, и отъ того, что въ магазинѣ сидѣлъ издатель. Бѣдный, онъ сказать не хотѣлъ, потому что это значило бы почти просить у покупателя милостыню, богатый тоже, потому что

онъ знаетъ, что издатель небогатъ. И потому онъ сказалъ почти: и да, и нѣтъ». Изъ этого разсказа, выписаннаго нами даже безъ измѣненія пунктуаціи, читатели могутъ видѣть, каковъ долженъ быть юморъ листка, издаваемого при столь плачевныхъ обстоятельствахъ.

Если «Смѣхъ и Горе» старается возбудить въ покупателяхъ состраданіе и рассчитываетъ на ихъ чувствительное сердце, то другіе листки стремятся къ достиженію своей цѣли, дѣйствуя ех abrupto, по-ноздревски, обрушиваясь на читателя быстрымъ потокомъ сильныхъ выраженій. Вотъ какъ объясняется, напр., на первой страницѣ своей «Бессонница». «Да вы, милостивый государь, пожалуй, и не читайте, только пятачокъ серебра намъ за экземплярчикъ отдайте . . . Слѣдовательно, главная цѣль «Бессонницы», чтобы сонздаателямъ на голые зубы малую толику пятачковъ пріобрѣсти (хоть и и мѣдными — они не погнѣваются)». Такая безцеремонность намъ, впрочемъ, прарится: хоть-то хорошо, что не лицемерствуетъ человѣкъ, напрямки валяетъ себѣ, что ему требуется . . .

Большая часть другихъ листковъ высказываютъ тѣ же корыстолюбивыя стремленія, хотя въ тонѣ болѣе или менѣе умѣренномъ. Всѣ они стараются, по-видимому, подражать «Весельчаку», начавшему свое «знаменитое и всему свѣту извѣстное» (какъ писали о дѣвицѣ Пастранъ) объявленіе деликатнымъ извиненіемъ: «извините, почтеннѣйшіе читатели, что я, не имѣя чести вась знать, сую руку къ вамъ въ карманъ». Издатели листковъ вообразили, что стоитъ имъ, отливъ такую же пулю, и карманы покупателей мгновенно отверзнутся предъ ними. И, кажется, сначала заклинаніе это дѣйствительно

имѣло силу; но потомъ въ скоромъ времени потеряло ее, вслѣдствіе неумѣренно-частаго повторенія.

Сами листки, впрочемъ, сознаютъ по временамъ, что «совать руку въ чужой карманъ» не совсѣмъ благовидно. «Сплетникъ» выразился на этотъ счетъ даже очень строго. «Дѣйствительно, почтенная публика, — восклицаетъ онъ, — литература въ настоящее время не что иное какъ промыселъ достать себѣ кусокъ хлѣба. Отчего же, развѣ добывать себѣ кусокъ хлѣба постыдно? спросите вы. Ничуть; но гдѣ же тутъ добросовѣстность? Гдѣ ихъ назначеніе? Гдѣ юморъ? Смѣшнить писатель-временщикъ не въ состояніи; цѣль — пяточки, въ которыхъ всѣ въ настоящее время нуждаются!» И, самъ повидимому сконфуженный такимъ возвышеннымъ, благороднымъ обличеніемъ, «Сплетникъ» тутъ же возглашаетъ: «покупай, покупай, публика, «Сплетника», вѣдь удивительно дешево!» . . .

Такимъ образомъ, по принципу, изъявленному самими издателями, литературная сторона во всѣхъ веселыхъ листкахъ этихъ должна исчезать предъ торговою. Но, по извѣстнымъ началамъ ученыхъ экономистовъ, торговые интересы, при обширной конкуренціи, непременно должны способствовать совершенству фабрикаціи. Литературныя достоинства листовъ должны возрастать по мѣрѣ того, какъ конкуренція увеличивается, хотя бы издатели ничего не имѣли въ виду, кромѣ сбыта своихъ продуктовъ. Такъ бы, конечно, слѣдовало ожидать; но, къ сожалѣнію, начала политической экономіи оказываются рѣшительно неприменимыми въ настоящемъ случаѣ. Вопреки ея соображеніямъ, листки, появляющіеся одинъ за другимъ, не только не совершенствовались, а становились все, нехлѣбѣе. Библиотека

скучиѣ. «Фантазеръ», появившійся, по-времени, кажется двадцатымъ, изумителенъ по своей нелѣпости и тупости; а «Бардадымъ», одинъ изъ послѣднихъ листковъ, превосходить пошлостью и бездарностью все, что только можно вообразить. Это обстоятельство, столь неблагопріятное для приложения у насъ экономическихъ теорій, можетъ быть, какъ намъ кажется, объяснено особеннымъ характеромъ тѣхъ сдѣлокъ, посредствомъ которыхъ всякій старается у насъ пріобрѣсти и увеличить свои выгоды. Это — характеръ Щукина двора, гдѣ всякій сбываетъ свой товаръ на томъ основаніи, что у другихъ все дороже и хуже. Вамъ никогда не скажутъ на Щукиномъ дворѣ, что торгуемая вами вещь стоитъ запрошенной цѣны потому-то и потому-то, не прибавивши къ этому, что у другихъ вы дешевле не купите, а между тѣмъ другіе васъ надуютъ, дадутъ гнилого, лежалаго, стараго, линючаго и т. п. Въ этомъ выражается одна изъ особенностей всего нашего общества, во всѣхъ его классахъ; это — желаніе подставить ногу другому для того, чтобы самому опередить его. Ясно, что при такой системѣ конкуренція ни для кого не можетъ быть особенно благотельна. Но такая конкуренція не требуетъ большихъ трудовъ, знаній и достоинствъ, поэтому она очень сильно распространена у насъ между многими, вслѣдствіе недостатка дѣйствительныхъ знаній, искусства и трудолюбія. Къ такой системѣ *охаиванья* чужого для восхваленія себя прибѣгли и наши юмористы-издатели. Нѣкоторые листки почти сплошь наполнены тонкими намеками на своихъ собратій, и если вы не слѣдили за всѣми листками, то бы, конечно, ничего не поймете изъ этихъ намековъ. Грубая брань и тупыя на-

смѣшки, направленные противъ собратовъ, никому неизвѣстныхъ и ничѣмъ незамѣчательныхъ, — вотъ чѣмъ думаютъ веселить издатели листковъ свою публику. Главный ихъ непріятель, ихъ bête noire — это «Весельчакъ»; о немъ отзываются листки то съ ожесточеніемъ, то съ пренебреженіемъ, но всегда желчно и непріязненно. «Весельчакъ» съ своей стороны не вытерпѣлъ нападеній, хотя между этими маленькими звѣрьками онъ и представляетъ довольно большое животное (онъ выходитъ каждую недѣлю по листу, тогда какъ изъ другихъ листковъ только «Смѣха» вышло пять выпусковъ въ полъ-листа, а другіе ограничивались тремя, двумя и всего чаще однимъ выпускомъ). Онъ счелъ, вѣроятно, не безопаснымъ молчать и поражать своихъ противниковъ стихами крайне жалкаго свойства. Впрочемъ, можетъ быть, въ «Весельчакѣ» были и остроумные стихи, и статьи дѣйствительно веселыя. Мы не можемъ говорить о «Весельчакѣ» съ полной увѣренностью, потому что болѣе половины нумеровъ его не видали. Странную судьбу, въ самомъ дѣлѣ, имѣетъ этотъ «Весельчакъ». Повидимому, онъ распространенъ странно: въ трактирахъ онъ есть столь же необходимая принадлежность, какъ «Полицейскія Вѣдомости»; на станціяхъ желѣзной дороги — сотни экземпляровъ послѣдняго нумера «Весельчака» красуются вмѣстѣ съ «Пріятнымъ Собесѣдникомъ» г. Булгарина, «Атакой женскихъ сердець» г. Ѳедорова и «Предубѣжденіемъ» г. Львова. Изъ книжнаго магазина присылаютъ вамъ книги: онѣ завернуты въ листокъ «Весельчака»; въ него же обернуть вамъ въ лавкѣ папиросы, свѣчи и т. п. На лоткѣ разносчика подъ яблоками или апельсинами разостланъ опять «Ве-

сельчакъ». И несмотря на такой избытокъ экземпляровъ «Весельчака», ничего нѣтъ труднѣе какъ достать полный экземпляръ его, съ начала изданія. Мы не подписывались на «Весельчакъ» и потому обращались за нимъ къ нѣсколькимъ изъ его подписчиковъ: оказывалось обыкновенно, что налицо состоитъ или одинъ послѣдній номеръ, или нѣсколько первыхъ номеровъ . . . Такъ мы и не могли добыть-ся полнаго собранія листковъ «Весельчака», чтобы рассмотреть его въ подробностяхъ. Замѣтили мы только одно: что новая редакція (г. Львова) сильно ожесточена противъ старой (Барона Брамбеуса). Прежняя редакція возбудила негодованіе всего литературнаго круга тѣмъ, что пустилась въ остроуміе слишкомъ уже грубое, аляповатое, площадное. Но этой-то грубости остротъ и площадной сальности выходокъ она и была одолжена своимъ успѣхомъ въ массѣ читателей извѣстнаго разряда. Повидимому, «Весельчакъ» на нихъ и рассчитывалъ, и несмотря на всю его пошлость, можно было надѣяться, что онъ, подъ покровомъ шутовства и глупства, пожалуй, что-нибудь и не совсѣмъ праздное и цѣлѣное выскажетъ своимъ простодушнымъ читателямъ. Но по смерти Барона Брамбеуса редакція перешла къ г. Львову, который рѣшился придать «Весельчаку» другой колоритъ. Попытка была впрочемъ, если судить по нѣкоторымъ номерамъ, бывшимъ у насъ въ рукахъ, не совсѣмъ удачна. «Весельчакъ» поднялся на ходули и, избѣгая прежняго остроумія, не умѣлъ избѣжать прежней грубости. Вышло то, что въ немъ остались топорныя заманки, а острота исчезла. Явленіемъ литературнымъ «Весельчакъ» все-таки не сдѣлался.

Чтобы доказать свое полное отреченіе отъ

прежней редакціи, г. Львовъ, подъ собственной фамиліей, помѣщаетъ теперь въ «Весельчакъ» біографію Ивана Ивановича Хлопотенко-Хохотунова-Пустяковскаго, отъ имени котораго написано было объявленіе о «Весельчакъ», такъ заманившее его публику. Возможности появленія этой біографіи мы даже не понимаемъ. Положимъ, что г. Пустяковскій не существуетъ на свѣтѣ, это вымышленное лицо, миѳъ; но вѣдь его имя красуется въ «Объявленіи» «Весельчака»; если это не настоящая фамилія, то псевдонимъ чей-нибудь, и псевдонимъ, тѣсно связанный съ прежней редакціей «Весельчака». А между тѣмъ г. Львовъ написалъ на него пасквиль, въ которомъ весьма неприлично касается его частной жизни... Положимъ, что нареканія, изложенныя въ этой біографіи, никому въ литературѣ повредить не могутъ; но что если г. Пустяковскій, или тотъ авторъ объявленія, которому принадлежитъ этотъ псевдонимъ, обратится къ г. Львову уже не какъ къ литератору (между литераторами такія продѣлки невозможны), а просто какъ къ человѣку, пятнающему безъ всякаго права его частную жизнь, и потребуетъ у него отчета въ его словахъ? Мы не знаемъ, можетъ быть «Весельчакъ» разсчитываетъ на то, что г. Пустяковскій, принесшій ему столько подписчиковъ своимъ остроуміемъ, не захочетъ уже теперь съ нимъ связываться; во всякомъ случаѣ мы находимъ, что ожесточеніе новой редакціи противъ старой доводитъ ее до неблагоразумія и даже неприличія.

Воюя съ прежней редакціей, «Весельчакъ» нападаетъ также съ яростью на «Атеней» и «Современникъ». Это, впрочемъ, только въ послѣднее время, послѣ того какъ въ нихъ напечатаны были разборы

комедіи г. Львова «Предубѣжденіе». Нараженія эти не могутъ принести особеннаго удовольствія *записнымъ* читателямъ «Весельчака»: но для *посторонней* публики они могутъ быть довольно забавны, по крайней мѣрѣ въ той степени, какъ моска, лающая на слона.

Изъ другихъ листковъ «Смѣхъ» всѣхъ ближе подходитъ къ «Весельчаку» по своему тону. Онъ, напр., остервенился противъ самого «Весельчака», который, по его словамъ, надулъ его: обѣщалъ веселить, да и не веселить, — и зато отдѣлывается его вотъ какимъ манеромъ: «Хохочемъ-то мы и теперь ужъ повеселѣе его, хохъ онъ и кричитъ про себя во все горло: я де, я, я настоящій весельчакъ. А коли настоящій весельчакъ, такъ и веди себя на чистоту, по-весельчаковски, а не умничай такъ высокоумно и не вытягивай свою фізіомордію(!) такъ длинно, что, право, такъ вотъ руки и чешутся... то есть, просто, такъ вотъ зудомъ и зудятъ...». За такое чисто-русское остроуміе «Смѣхъ» приобрѣлъ, кажется, еще большую популярность, чѣмъ «Весельчакъ»: его разошлось 13,000 экземпляровъ. По крайней мѣрѣ такъ объявлено было въ «Сплетникѣ».

Зато и досталось же «Смѣху», вмѣстѣ съ «Весельчакомъ», отъ другихъ листковъ, особенно пока листки эти не успѣли еще перебраниться между собою. Но вскорѣ попили они одинъ на другого, и вышла кутерьма неописанная. Возьмешь листокъ и съ перваго слова встрѣчаешь брань на кого-то; но на кого, за что, почему и для чего — остается неизвѣстно. Наконецъ сообразишь, что это относится къ другому листку, и только удивишься, для какихъ пошлостей можетъ иногда служить литера-

тура въ рукахъ нѣкоторыхъ господъ. Сами листки нерѣдко обращали на себя вниманіе въ этомъ отношеніи и какъ будто каялись. Такъ, «Пустозвонъ», наполнившій два первыхъ выпуска своими вялыми и многорѣчивыми нападеніями на «Весельчакъ», въ третьемъ внезапно образумился, когда самого его отдѣляли въ листкѣ «Смѣхъ и Горе». Полный справедливаго негодованія, онъ воскликнулъ: «Кому доставить удовольствіе читать чуть-чуть что не руганье двухъ или трехъ лицъ? Кому этотъ вздоръ интересенъ? Къ тому же, если кто пожелаетъ читать вздоръ, то купить «Смѣхъ» (безъ горя) или меня «Пустозвона», а не вздорный листокъ «Смѣхъ и Горе»».

На «Пустозвонъ» грозно возсталъ зато г. Ижицынъ, авторъ двухъ стихотвореній, одинаково пошлыхъ и безграмотныхъ: «Ороскопъ кота» и «Моимъ трутнямъ совѣтъ». На кого направлено первое, мы не могли добиться¹; въ немъ говорится о какомъ-то кривомъ котѣ, котораго слѣдуетъ сослать въ Ботанибей, а потомъ «за полюса-звѣзду повѣсить», а къ хвосту ему привѣсить колоколь. Изъ всего этого выходитъ акростихъ: «колокольцу петля готова». О безграмотности этого «Ороскопа» замѣчено было вскользь въ «Иллюстраціи», и г. Ижицынъ сочинилъ, въ отвѣтъ на это замѣчаніе, новый, иллюстрированный, акростихъ: *«обезьянать трезвона»*. На этотъ разъ мы поняли въ чемъ дѣло: нелѣпость эта направлена была противъ «Пустозвона», который выставилъ обезьяну и понугая въ вишнеткѣ своего изданія, «какъ эмблему подражанія и болтовни», по его собственному объясненію.

¹ Конечно, Добролюбовъ понимаетъ, что рѣчь идетъ о Герценѣ, издававшемъ «Полярную Звѣзду» и «Колоколь». *Вл. Кр.*

Г. Ижицынъ, обращаясь къ «Пустозвону» (который онъ, — вѣрно ради стиха, — называетъ трезвономъ), вспоминаетъ и свой «Ороскопъ», но такъ замысловато, что мы не беремся объяснять отношенія между этими двумя явленіями. Судите сами, можно ли что понять изъ такихъ стиховъ:

Трутень прихотливый,
Рѣзвый балагуръ,
Ежикъ ты болтливый
Звонко фальшишь: чуръ!
Внемли же совѣту
„Ороскопъ“: не твой!
Не брани жъ по свѣту
Астролога бой!

Ни одной запятой мы не перемѣнили въ этихъ стихахъ. Есть ли возможность отыскать въ нихъ хоть малѣйшій слѣдъ здраваго смысла?

За стихами слѣдуетъ ругательство на «Иллюстрацію», и рисунокъ, изображающій какое-то дикое соединеніе разнородныхъ предметовъ, съ странными подписями. Тутъ васька-котъ, пишущій что-то, надъ нимъ петля, вверху полярная звѣзда, внизу колоколь, еще ниже — обезьяны. Видно, г. Ижицынъ хотѣлъ представить въ лицахъ свой «Ороскопъ кота».

И неужели все это противъ невиннаго «Пустозвона» за его невинную вишнетку? Нѣтъ, тутъ, вѣроятно, есть другая цѣль, и она объясняется подписью внизу листка: цѣна 10 коп. сер. Очевидно, что это несовсѣмъ добросовѣстная спекуляція на карманъ ближняго. Видно, авторъ «Ороскопа» и «Совѣта» находится въ обстоятельствахъ еще болѣе разстроенныхъ, чѣмъ безцеремонный издатель «Безсонницы», и менѣе разсчитываетъ на

сострадательное сочувствіе публики, чѣмъ издатель «Смѣха и Горя». Вотъ онъ и хватилъ: «цѣна 10 коп.», вмѣсто обычнаго пятачка!...¹.

Есть, впрочемъ, и безкорыстныя изданія въ числѣ этихъ листковъ. Къ числу ихъ относимъ мы «Правду въ стихахъ и прозѣ», г. Гр. Н—а. Что хуже у г. Гр. Н—а, стихи или проза, рѣшить трудно; но его направленіе, по крайней мѣрѣ, безкорыстно.

¹ (По связи съ этими строками, здѣсь надобно помѣстить библиографическую статью, найденную нами въ бумагахъ П. А. Добролюбова и написанную за мѣсяцъ до напечатанія статьи объ «Уличныхъ листкахъ». *Прим. издателя.*)

Басня. Ороскопъ кота. Акростихъ. Спб. 1858.

Недавно въ книжныхъ лавкахъ появился печатный листокъ, въ видѣ какой-то прокламаціи, съ тройнымъ заглавіемъ: «Басня. Ороскопъ кота. Акростихъ». Въ баснѣ этой, сочиненной довольно безграмотно какимъ-то г. Ижицкимъ, очевидно не литераторомъ, говорится, что какой-то лжецѣпный и кривой котъ Васька забрался въ Альбіонъ, придумавъ ломать родной край, и для этого «присталъ къ машинновскимъ рядамъ, сталъ шинать и рвать лежанку, на которой спалъ, и онучки съ тернымъ полушубкомъ, и весь тотъ соръ (т. е. лежанку и онучки) издавать въ журналѣ». Но вдругъ, говоритъ авторъ басни-акростиха, г. Ижицынъ, у брнговъ является alien bill, смыслъ котораго, по понятію г. Ижицына, состоитъ въ томъ, чтобы «ловить кота Ваську, отправить Я новельмошного кота и гора въ Ботанибей и велѣть

...За полюса-звѣзду повѣсить,
А колоколь коту къ хвосту привѣсить.

Послѣ этого, по мнѣнію г. Ижицына, миши, крысы и педанты не будутъ ужъ попадать въ арестанты.

Изъ акростиха выходятъ слова: колокольщику петля готова И Ч С Н.

Все это крайне изумило насъ. Что это за кривой котъ, издающій въ Альбіонѣ лежанку съ онучами и полушубкомъ? Отчего этотъ котъ названъ въ акростихѣ колокольщикомъ? Откуда взято толкованіе alien bill? Что разумѣется подъ мышами, которыхъ брали подъ арестъ? Зачѣмъ педанты присоединены къ мышамъ и крысамъ? Что общаго у кривого кота съ рядами Мадзини? Что за таинство сокрыто въ заключительныхъ словахъ акростиха: И Ч С Н? Зачѣмъ вообще напечатана эта басня, и какой смыслъ соединяется съ нею въ головѣ г. Ижицына? Для чего продаетъ онъ ее по гривеннику? Неужели послѣдній вопросъ служить имѣть и отвѣтомъ на то, зачѣмъ явилась басня? Или тутъ выражается какой-нибудь личная, темная неприязнь, которой не имѣть права знать русская публика? Тогда для чего ей пать и ругательства г. Ижицына?

Въ предисловіи онъ бранитъ литераторовъ за то, что они обличаютъ чужіе пороки, а о своихъ собственныхъ не думаютъ: а въ концѣ превозноситъ г. Кокорева, должно быть какъ человѣка, подающаго примѣръ обличенія тончайшей и деликатнѣйшей ироніей, которую даже можно бы принять за чистую монету, если бы похвалы не были слишкомъ ужъ преувеличены. Къ статейкѣ этой приотворяютъ читателя стихи: «На отъѣздъ спекулянта», въ которыхъ поэтъ провожаетъ спекулянта на воды за границу и между прочимъ говоритъ:

Но нельзя ли захлебнуться
И къ намъ больше не вернуться?
Много бѣ одолжилъ.
Ты вѣдь намъ теперь не нуженъ,
Весь разгаданъ, обнаруженъ:
Для кармана жилъ!

Послѣ стиховъ слѣдуетъ статейка: «Что дѣлаютъ русскіе люди за-границей?». Въ статейкѣ этой говорится съ изумленіемъ объ одномъ необыкновенномъ явленіи, именно, что «русскій человѣкъ, вышедшій изъ простонародья, не получившій никакого школьнаго образованія, занимавшійся прежде исключительно торговыми оборотами», вдругъ написалъ политико-экономическое сочиненіе объ Англіи, Франціи, Бельгіи и Пруссіи, изучивъ эти страны въ четыре мѣсяца своего путешествія по нимъ. Это тѣмъ болѣе изумительно, говоритъ авторъ, что въ политико-экономическихъ трудахъ особенно нужно серьезное изученіе и совершенное знакомство съ предметомъ. Но что же вышло? Въ европейскихъ и русскихъ журналахъ расхвалили скороспѣлое произведеніе русскаго самоучки; въ доказательство приодятся авторомъ выписки изъ

«Nord», гдѣ и было помѣщено расхваливаемое произведение. Поставивши вопросъ такъ лукаво, авторъ съ неменьшимъ лукавствомъ заключаетъ свой панегирикъ: «Что же это значитъ? Это значитъ, читатель, что посреди насъ явился свѣтлый и обширный умъ, насквозь проникающій предметъ изслѣдованія и въ то же время обнимающій его со всѣхъ сторонъ; для умовъ подобнаго свойства врожденный инстинктъ замѣняетъ лѣта долгаго изученія, и богатство безошибочныхъ идей создаетъ новое, своеобразное, мѣткое, всѣмъ понятное, неотразимо-увлекающее слово. Это значитъ, что къ незабвеннымъ именамъ Посошкова и Кошнихина должны мы присоединить отнынѣ имя Кокорева. Но уважаемый современникъ нашъ больше намъ по душѣ, нежели его предшественники: въ груди его бьется не только русское, но и вполне христіанское сердце».

Не совсѣмъ грамотно, но чрезвычайно зло!.. Признаемся, не поздоровится отъ этакихъ похвалъ...

Мы увѣрены, что направленіе г. Гр. Н—а совершенно безкорыстно.

До сихъ поръ занимались мы болѣе нравственной стороною *листокъ*; можетъ быть потребуютъ отъ насъ и оцѣнки литературной ихъ стороны. Но намъ, право, совѣстно говорить о нихъ, какъ о явленіяхъ литературныхъ. Ихъ анекдоты стары или безтолковы, ихъ остроты тупы или неприличны, ихъ разсужденія нелѣпы или пошлы, ихъ очерки бездарны. Соединеніе всего этого нагоняетъ тоску невыносимую; а полемическія выходки *листокъ* другъ противъ друга возбуждаютъ даже отвращеніе. Онѣ-то окончательно и опошили теперь этотъ

только что возникшій у насъ родъ. А если бы вести ихъ мало-мальски порядочно, родъ этотъ могъ бы утвердиться и оказывать немалое пособіе серьезной литературѣ. Журналы выписываются немногими, серьезные книги еще меньше распространены въ публикѣ; къ газетамъ у насъ тоже какъ-то плохо привыкаютъ. При такомъ положеніи дѣль летучіе листки могли бы сдѣлаться лучшими проводниками здравыхъ понятій въ тѣ слои общества, которые чуждаются серьезной литературы. Подъ покровомъ шутокъ можно бы здѣсь высказывать очень многое. Къ сожалѣнію, никто изъ издателей листковъ этимъ не воспользовался. Если кто и обнаружилъ какія-нибудь стремленія, то развѣ стремленіе къ сальностямъ. Въ этомъ родѣ особенно отличались «Сплетни», великосвѣтское изданіе, обладающее весьма посредственнымъ остроуміемъ и рассказывающее исторіи въ родѣ анекдота о ночномъ подкинутіи взрослого мальчика въ постель молодой женщины и т. п.

Одинъ только недурной анекдотъ нашли мы въ «Рододендронѣ» (листокъ этотъ, вмѣстѣ съ «Пустомелею», получше другихъ), и для образца мы даже выпишемъ его. Онъ называется: «Образецъ послушанія».

Начальникомъ единственнаго учебнаго заведенія въ одномъ изъ германскихъ княжествъ сдѣланъ былъ, по волѣ владѣтельнаго князя, оставной генералиссимусъ всѣхъ военныхъ силъ (военныя силы княжества были незначительны). Учебное заведеніе имѣло боганический садъ. Новый начальникъ началъ съ того, что велѣлъ разставить всѣ растенія по росту. Въ то время, какъ растенія разставлялись подъ собственнымъ его наблюденіемъ, явился инспекторъ и принесть жалобу на одного молодого человѣка, который оказался до крайности непослушнымъ. Начальникъ

позвалъ молодого человѣка къ себѣ, долго доказывалъ ему, что послушаніе есть добродѣтель, и наконецъ прибавилъ: „Берите съ меня примѣръ. Мнѣ Фердинандъ ІІХ¹, дѣдъ настоящаго князя, приказалъ сдѣлаться солдатомъ, — и я сдѣлался. Преемникъ его Фридрихъ СХХVІІІ приказалъ мнѣ быть генераломъ, — и я генералъ. Наконецъ Фридрихъ СХХІХ сказалъ, что я долженъ быть ученымъ, и я, какъ видите, исправляю должность ученаго (онъ показалъ на растенія). А если бы я оказался непослушнымъ, что бы вышло?“

За этого послушнаго генералиссимуса «Рододендронъ» непременно попалъ бы въ образцы лучшихъ произведеній поэзіи у г. Ореста Миллера, о которомъ мы еще будемъ имѣть удовольствіе говорить съ читателями. Здѣсь такъ ярко отразился нравственный идеалъ нашего ученаго моралиста. Жаль, что онъ издалъ свою диссертацию, не дождавшись появленія «Рододендрона».

Приведемъ, пожалуй, образцы остроумія и изъ другихъ листковъ.

По случившемуся случайному случаю, продается новый фракъ, безъ подкладки, на воротникѣ 33 заплатаки.

»

Однажды спросили слугу, у котораго умеръ кривой господинъ, тяжелою ли смертію умеръ его господинъ.

— Ахъ, нѣтъ, — отвѣчалъ онъ, — закрыть одинъ только глазъ.

Это изъ «Безструнной Балалайки»; а вотъ острота изъ «Шута гороховаго»:

Бутылку хорошаго вина можно назвать увеличительнымъ стекломъ удовольствія и уменьшительнымъ печали.

Вотъ также остроуміе г. П. Новикова, сочинителя «Новѣйшихъ юмористическихъ разсказовъ»:

---

¹ Изъ княжествъ, о которомъ идетъ рѣчь (оно уже не существуетъ), правители въ теченіе многихъ столѣтій были только Фердинанды и Фридрихи. (Прим. „Рододендрона“.)

Гдѣ можно получить практику легкаго обмана по части торговой? — Въ толкучемъ рынкѣ.

Гдѣ можно видѣть небывалыхъ звѣрей? — Во снѣ.

Гдѣ даютъ деньги даромъ? — Не знаю.

Вотъ изъ «Фантазера» анекдотъ: «Страны свѣта».

Спросить на экзаменѣ голубчика, купеческаго купчика, учителя, юншескаго ума творителя: „Сколько частей свѣта?“. На вопросъ этотъ, юноша быть въ скупѣ, вовсе не думая объ наукѣ, отвѣчать: „Четыре Адмиралтейскихъ, Выборгская, Петербургская, и т. д.“.

И вотъ все почти въ этомъ родѣ. Безграмотно, безсмысленно, съ какими-то дикими прибаутками, съ претензіями, безъ всякаго признака хоть какого-нибудь убѣжденія, хоть какой-нибудь идеи. Жаль бѣдныхъ читателей, которымъ, по степени ихъ образованности, недоступна *настоящая* наша литература, и которые подобными пошлостями должны удовлетворять свою любовь къ чтенію. А много такихъ читателей...

Мы слышали, что Москва, несмотря на горькія сѣтованія своего Гераклита, тоже собирается взяться за юмористическія изданія. Подождемъ, не будутъ ли они получше петербургскихъ.

Русская цивилизація,

сочин. г. Жеребцовымъ.

(„Essai sur l'histoire de la civilisation en Russie“ par Nikolas de Gerebtzoff, Paris 1858. Два тома.)

Луна обыкновенно дѣлается въ
Гамбургѣ, и прескверно дѣлается.

Гоголь („Записки сумасшедшаго“).

I.

Сочиненіе г. Жеребцова объ исторіи цивилизаціи въ Россіи представляетъ собою явленіе весьма замѣчательное. Оно назначено авторомъ въ руководство иностранцамъ, которые желали бы имѣть истинное и полное понятіе о Россіи, — объ ея исторіи, правахъ, просвѣщеніи, законодательствѣ, вообще о томъ, какъ наше отечество развивалось и какой степени достигло въ своемъ развитіи. Все это почтенный авторъ старается объяснить Европѣ въ двухъ толстыхъ томахъ (1,200 страницъ) своего сочиненія. Такой объемъ необходимъ былъ потому, что г. Жеребцовъ обращаетъ рѣчь свою къ людямъ, которыхъ невѣжество относительно Россіи до того велико, что съ ними нельзя ограничиться легкимъ очеркомъ, а надобно прочесть имъ цѣлый курсъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ г. Жеребцовъ говоритъ, что «въ своихъ продолжительныхъ путеше-

ствіяхъ по всѣмъ частямъ Европы» онъ былъ «поражаемъ тѣмъ невѣдѣніемъ, какое тамъ обнаруживаетъ большая часть людей, даже образованныхъ, относительно Россіи, не только древней, но и новой». Для оправданія своего невѣжества европейцы говорили, что Россія слишкомъ далеко отъ нихъ находится, а книгъ для ея изученія у нихъ нѣтъ. Есть только Гакстгаузенъ и Карамзинъ: но Гакстгаузенъ неполонъ, а Карамзинъ слишкомъ обширенъ; всѣ же другія сочиненія не внушаютъ къ себѣ довѣрія. «Я рѣшился попытаться пополнить этотъ пробѣлъ», говоритъ г. Жеребцовъ, и плодомъ этого рѣшенія былъ «Опытъ объ исторіи цивилизаціи въ Россіи».

Имѣя въ виду наставленіе Европы, г. Жеребцовъ, естественно, долженъ былъ писать по-французски. «Но я не могъ мыслить и чувствовать иначе какъ по-русски, — замѣчаетъ онъ, — и потому въ стилѣ моемъ остался, можетъ быть, отпечатокъ иностраннаго происхожденія». Дѣйствительно, стиль г. Жеребцова не далеко ушелъ отъ стиля той дамы, которая писала о своей горничной: «j'ai la laissée sur la liberté, parce qu'elle a bien marchée derrière mes enfants». Но это, по нашему мнѣнію, послѣднее дѣло въ книгѣ: французы на этотъ счетъ очень снисходительны, какъ извѣстно, — нѣмцы, пожалуй, и не замѣтятъ, а англичане если и замѣтятъ, такъ не обратятъ вниманія. Главное — было бы содержаніе любопытно. А какъ же не быть любопытнымъ содержанію такой книги, какъ сочиненіе г. Жеребцова. Предметъ его чрезвычайно интересенъ, въ особенности для иностранцевъ, ничего не знающихъ о Россіи. Объемъ его позволялъ автору коснуться всѣхъ сторонъ развитія древней и новой Руси, систематически провести

свои воззрѣнія на русскую цивилизацію, представить въ стройной картинѣ то положеніе, въ какое наконецъ приведено наше отечество въ настоящее время непрерывнымъ ходомъ своего историческаго развитія. Все это предметы чрезвычайно интересные, и иностранцы, не знающіе автора, могли ожидать, что найдутъ въ его книгѣ вполне основательное и безпристрастное изложеніе всего что касается судебъ Россіи, тѣмъ болѣе, что сочиненіе г. Жеребцова является при обстоятельствахъ чрезвычайно благопріятныхъ. Эти благопріятныя обстоятельства, по нашему мнѣнію, состоятъ въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ — г. Жеребцовъ издаетъ свой опытъ въ 1858 г., вскорѣ послѣ восточной войны, парижскаго мира и прочихъ обстоятельствъ, оживившихъ наши международныя отношенія и установившихъ у насъ нѣсколько новыя отношенія къ Западу. Теперь прошло для насъ время безтолковаго, слѣплаго подражанія всему иностранному, прошло и время бесполезнаго, надутаго хвастовства своими, будто бы исключительными національными достоинствами. Прошло и для иностранцевъ время надменнаго презрѣнія ко всему русскому, равно какъ и то время, когда они боялись русскаго государства, какъ скопища дикихъ варваровъ, готовыхъ остановить всякій прогрессъ, преградить путь всякой живой идеѣ. Въ восточной войнѣ мы сходились съ ними на чистоту и подъ конецъ рѣшились признаться въ превосходствѣ ихъ цивилизаціи, въ томъ, что намъ нужно многому еще учиться у нихъ. И какъ только кончилась война, мы и принялись за дѣло: тысячи народа хлынули за границу, внѣшняя торговля усилилась съ пониженіемъ тарифа, иностранцы явились къ намъ строить желѣзныя дороги, отъ насъ по-

ѣхали молодые люди въ иностранные университеты, въ литературѣ явились цѣлыя періодическія изданія, посвященныя переводамъ замѣчательнѣйшихъ иностранныхъ произведеній, въ университетахъ предполагаются курсы общей литературы, англійскаго и французскаго судопроизводства, и пр. Рядомъ съ этимъ — и въ литературѣ и въ жизни возникаютъ голоса противъ злоупотребленій, издавна вошедшихъ въ нашъ бытъ, слышатся жалобы на нашу отсталость, апатію, преслѣдуется и выставляется на общій позоръ наше домашнее зло. Такая минута, какъ намъ кажется, чрезвычайно благопріятна для того, чтобы привлечь общее вниманіе и любопытство представленіемъ полной и вѣрной картины русскаго развитія. Безъ ложнаго стыда, безъ робкихъ обвиняковъ, безъ пропусковъ и умолчаній могъ авторъ говорить обо всемъ, что задерживало или ускоряло ходъ русскаго развитія. Отбросивъ національные предразсудки и ложно-патріотическую гордость, могъ онъ признать все, чѣмъ обязана Россія другимъ народамъ и чего еще недостаетъ ей въ сравненіи съ ними. Онъ могъ спокойно и безпристрастно оцѣнить теперь тѣ начала и идеи, которыми опредѣляется ходъ русскаго развитія, могъ откровенно и съ очевидною ясностью представить всѣ обстоятельства, доведшія Россію до того состоянія, въ какомъ застала ее восточная война и котораго неудобства во многихъ отношеніяхъ мы сами провозгласили открыто и громко. Такая задача давалась автору потребностями минуты, въ которую онъ пишетъ, и надо признаться, что въ эту именно минуту исполненіе такой задачи было бы легче, чѣмъ когда-нибудь, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣло бы болѣе значенія, чѣмъ во всякое другое время.

Другое обстоятельство, благопріятствовавшее автору «Опыта исторіи цивилизаціи въ Россіи», было то, что онъ писалъ свою книгу для Европы и издалъ въ Европѣ; авторъ, пишущій о Россіи въ самой Россіи, невольно поддается всегда чувству нѣкотораго пристрастія въ пользу того, что его окружаетъ, что ему такъ близко и такъ съ нимъ связано различными отношеніями. Повидимому, наши слова несправедливы именно въ настоящее время, когда вся литература наша не только не допускаетъ сладенькихъ восхваленій, а, напротивъ, отличается жестокими обличеніями всего дурного, что есть у насъ. Но несмотря на всю разительность этого факта, мы признаемъ рѣшительно несомнѣннымъ присутствіе пристрастія къ своему, родному, даже въ обличительной нашей литературѣ послѣдняго времени. Не говоримъ о лирическихъ мѣстахъ въ самыхъ мрачныхъ произведеніяхъ; не говоримъ ни о герояхъ добродѣтели, которыхъ, какъ умѣютъ, стараются выводить наши авторы, ни о счастливыхъ развязкахъ, въ которыхъ порокъ достойно наказывается... Упомянемъ только объ одномъ, весьма характеристическомъ обстоятельствѣ: до сихъ поръ всѣ литературныя произведенія, написанныя въ такъ называемомъ отрицательномъ духѣ, имѣли характеръ частный и касались большею частью мелочей. Видно въ этихъ произведеніяхъ, что у автора накопилось много желчи, что онъ многое видѣлъ и многое могъ бы поразсказать. Но какъ только берется онъ за перо, чтобы повѣдать обществу результаты своихъ думъ и опытовъ, духъ родины начинается невидимо носиться надъ нимъ, сердце его невольно смягчается, и онъ ограничивается пустячками, какъ бы опасаясь тревожить раны болѣе глубокія, кото-

рыхъ боль должна же отозваться на немъ самомъ. Такимъ образомъ самое порицаніе часто парализуется у насъ, вслѣдствіе вліянія чувства, совершенно противоположнаго. Напротивъ того, диопрамбы наши нерѣдко доходятъ до чудовищныхъ размѣровъ. Безпрестанно читаешь въ русскихъ книгахъ и даже въ нѣкоторыхъ журналахъ:—то «Бѣлорусскій край щедро надѣленъ всѣми дарами природы»; то «въ русскихъ деревняхъ между крестьянами сплошь да рядомъ встрѣтишь такихъ красавицъ, какія и въ Италіи чрезвычайно рѣдки»; то «довольныя сердца русскаго народа такъ сильно быются, что бои ихъ заглушаетъ звуки колоколовъ московскихъ». И все это кажется такъ естественнымъ, такъ обыкновеннымъ, что никто и не замѣчаетъ оригинальности подобныхъ выходокъ. Зато, напротивъ, на чело-вѣка, который рѣшится сказать, что, напримѣръ, возможно въ Россіи существованіе важныхъ особъ, смѣшивающихъ собственныя выгоды съ казеннымъ интересомъ, — на такого чело-вѣка тотчасъ возстанутъ его друзья и недруги цѣлымъ хоромъ: ты, дескать, честь отечества пятнаешь. Бѣдный авторъ ужъ и совсѣмъ сконфузится. Иной разъ и сказать бы что-нибудь, и именно изъ желанія добра сказать бы, — да испугается: а что, дескать, если это вотъ такому-то моему пріятелю не понравится, или вотъ такой-то благодѣтель за это разсердится? . . И пропала для общества полезная правда добраго чело-вѣка, связаннаго условіями и принципами этого же самаго общества.

Совсѣмъ не въ такомъ положеніи находится авторъ, пишущій о Россіи въ отдаленіи отъ своего отечества. Его взглядъ можетъ быть шире, глубже и самостоятельнѣе. На мелочи онъ не станетъ обращать

бниманія, потому что издали не видны мелочи. Высвѣсившись надъ всѣми личностями, онъ тѣмъ свободнѣе и безпристрастнѣе можетъ разобрать самую сущность дѣла. Избавленный отъ разныхъ мелочныхъ житейскихъ отношеній и помѣхъ, часто задерживающихъ не только дѣло, но и слово, — онъ можетъ высказывать свои мнѣнія и взгляды прямо, откровенно, не стѣсняясь никакими личными отношеніями. Положеніе поистинѣ завидное и какъ нельзя болѣе благопріятное для писателя, желающаго принести дѣйствительную пользу . . .

Есть еще одна сторона, благопріятно располагающая будущихъ читателей къ автору книги о Россіи, выходящей въ настоящее время въ Европѣ. Это свойство самой публики, для которой книга назначается. Предполагается обыкновенно, что объемистое сочиненіе о Россіи возьметъ въ руки въ Европѣ человѣкъ образованный, имѣющій нѣкоторыя гражданскія убѣжденія и хотя нѣсколько опредѣленный образъ мыслей насчетъ разныхъ общественныхъ отношеній. Для такихъ читателей нельзя сочинить книги въ родѣ «Россіи» г. Булгарина; имъ надобно дать что-нибудь получше, и навѣрное авторъ позаботился объ этомъ . . . Подобныя соображенія заранѣе поднимаютъ автора въ глазахъ читателя, подобно тому, какъ стеченіе образованной публики въ аудиторіи заранѣе внушаетъ намъ нѣкоторое уваженіе къ профессору, рѣшающемуся читать предъ такими слушателями . . . «Если онъ осмѣлится взойти на кафедру съ тѣмъ, чтобы говорить имъ вздоръ, то ужъ это будетъ крайнее безстыдство или самодовольное тупоуміе», — думаемъ мы и по добродушію, свойственному вообще человѣческой природѣ, никакъ не хотимъ предположить ни без-

стыдства, ни тупоумія, а все ждемъ истиннаго достоинства, пока горькимъ опытомъ не убѣдимся въ противномъ.

Все, нами сказанное, сводится къ слѣдующимъ мыслямъ. Предметъ, избранный г. Жеребцовымъ, важенъ и интересенъ самъ по себѣ какъ для иностранцевъ, такъ и для самихъ русскихъ. Обстоятельства, при которыхъ является книга г. Жеребцова, придаютъ ей еще болѣе интереса, возбуждая любопытство читателей и внушая имъ уже предварительно довѣріе къ автору. Стоитъ ему честно воспользоваться своимъ положеніемъ, сдѣлать то, что могутъ отъ него ожидать и требовать, и успѣхъ книги несомнѣненъ. Успѣха ея, безъ всякаго сомнѣнія, авторъ желалъ и, конечно, для пріобрѣтенія его дѣлалъ, что могъ. Что же именно сдѣлалъ онъ и какъ воспользовался своимъ положеніемъ, это мы и намѣрены теперь представить нашимъ читателямъ.

Изъ предисловія г. Жеребцова мы уже видимъ, что сочиненіе его вызвано патріотическимъ желаніемъ вразумить иностранцевъ относительно Россіи. Вслѣдствіе этого «Опытъ» г. Жеребцова имѣетъ нѣкоторыя особенности, сообразныя съ его спеціальною цѣлью. «Я долженъ былъ приноравливаться къ потребностямъ моихъ читателей, — говоритъ онъ, — и потому я опускалъ нѣкоторыя подробности, интересныя, можетъ быть, для моихъ соотечественниковъ, но скучныя для другихъ, и распространялся иногда о вещахъ, очень хорошо извѣстныхъ въ Россіи, но болѣе или менѣе новыхъ для иностранцевъ». Такой образъ дѣйствія совершенно понятенъ и естественъ; но, прочитывая сочиненіе г. Жеребцова, мы замѣтили, что не одна степень извѣстности или неизвѣстности фактовъ руководила имъ въ его

разсказѣ. Мы замѣтили у него выборъ предметовъ, подсказанный ему, безъ сомнѣнія, патріотическими его чувствованіями: преимущественно останавливается г. Жеребцовъ на тѣхъ явленіяхъ нашей исторіи и жизни, которыя ему кажутся хорошими; темныя же стороны онъ большею частью, особенно въ древней Руси, указываетъ очень бѣгло или даже вовсе о нихъ умалчиваетъ. По нашему мнѣнію, это уже совершенно напрасно, и даже патріотизмъ мало можетъ извинить автора за представленіе фактовъ не совсѣмъ въ томъ свѣтѣ, въ какомъ бы слѣдовало.

Впрочемъ, едва ли слѣдуетъ ошибки подобнаго рода складывать на патріотизмъ. Слово это многими злоупотребляется, благодаря тому, что значеніе его (какъ и значеніе многихъ словъ, употребляемыхъ у насъ въ печати) не совсѣмъ опредѣлено. Мы не думаемъ, что далеко уклонимся отъ предмета нашего разбора, если, пользуясь случаемъ, сдѣлаемъ теперь нѣсколько замѣчаній о томъ, какой смыслъ, по нашему мнѣнію, имѣетъ настоящій патріотизмъ и что такое часто прикрывается его именемъ.

Патріотизмъ въ своемъ чистомъ смыслѣ, какъ одно изъ видовыхъ проявленій любви человѣка къ человѣчеству, вполне естественъ и законенъ. Какъ чувство темное, безсознательное, онъ является вмѣстѣ съ первымъ развитіемъ понятій въ ребенкѣ, тотчасъ какъ только онъ начинаетъ отличать самого себя отъ внѣшнихъ предметовъ. Объ этомъ дѣтскомъ патріотизмѣ не стоитъ, конечно, говорить, какъ о чемъ-то важномъ и прекрасномъ, но нельзя и не признать его значенія въ дѣтскомъ и отроческомъ періодѣ жизни человѣка. Въ первые годы жизни человѣкъ еще не умѣетъ мыслить о предметахъ отвлеченныхъ; тѣмъ менѣе могутъ быть ему доступ-

ны общія начала и вѣчные законы міровой жизни. Въ немъ есть эгоизмъ, побуждающій его искать лучшаго, и есть, какъ у всѣхъ животныхъ изъ породъ стадныхъ, темный инстинктъ, подсказывающій, что лучшее-то отыскивается не въ одиночествѣ, не въ себѣ самомъ, а въ обществѣ другихъ. Дальнѣйшій опытъ жизни съ каждымъ днемъ все болѣе подтверждаетъ и проясняетъ эту темную догадку ребенка, и онъ начинаетъ уже понимать связь собственнаго благосостоянія съ благосостояніемъ другихъ. Сначала онъ предается стремленію овладѣвать чужимъ благосостояніемъ для самого себя, и въ этомъ находитъ удовольствіе, которое будетъ продолжаться болѣе или меньше, смотря по тому, въ какой мѣрѣ окружающая обстановка будетъ благопріятствовать развитію въ немъ инстинктовъ хищной породы. Но при нормальномъ развитіи ребенка эгоизмъ его недолго обращается на притѣсненіе чужой личности и собственности въ пользу своей особы. Скоро онъ почувствуетъ, что, питая себя лишешніями другихъ, онъ опять становится одинокимъ, чуждымъ всему, какъ будто единственнымъ существомъ особой породы, имѣющимъ одно спеціальное назначеніе — поядать все окружающее. Сознаніе такого положенія тяжело, потому что противно природнымъ инстинктамъ человѣка, да и вообще животнаго. Оттого-то, по замѣчанію педагоговъ, эгоизмъ дѣтей очень недолго остается въ грубомъ видѣ, при которомъ нужно только удовлетвореніе личныхъ, исключительно животныхъ потребностей. Какъ скоро пробуждается мысль и начинаетъ работать разсудокъ, и самый эгоизмъ принимаетъ другое направленіе: для удовлетворенія его дѣлаются нужны симпатическія отношенія съ другими. По-

требность эта еще болѣе развивается безпредѣльными услугами и помощью всякаго рода, необходимо оказываемыми ребенку отъ старшихъ. На нихъ-то и обращается прежде всего то чувство любви, которое естественно находится въ натурѣ каждаго человека и которое въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи должно обнять собою все человѣчество. Небольшой переходъ нуженъ отсюда, чтобы перенести ту же любовь и на тѣ предметы, тѣ привычки, понятія и т. п., которыя принадлежатъ любимымъ людямъ. Отсюда и происходитъ та прелесть, которую сохраняютъ надъ многими до конца жизни —

Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ
И первыхъ лѣтъ уроки.

Порицать за это чувство нельзя и взрослого человека, если только онъ остается въ предѣлахъ чувства и не принимается резонировать. Обнаруживать посягательство на мою субъективную жизнь никто не имѣетъ права. Кто можетъ упрекнуть меня за то, что во мнѣ пробуждаются свѣтлыя воспоминанія дѣтства при видѣ стола, покрытаго ярославской набивной скатертью, на которомъ стоитъ шипящій самоваръ, или при звукахъ sentimentalной пѣсни: «Выду ль я на рѣченьку», съ акомпаниментомъ гитары? Я могу быть смѣшонъ для васъ, если эти предметы производятъ на меня болѣе сильное впечатлѣніе, нежели какое бы слѣдовало по вашему мнѣнію; но даже и насмѣшка съ вашей стороны будетъ негуманна въ томъ случаѣ, когда я скромно предаюсь своему субъективному настроенію, никого не

тревожа. Другое дѣло, если я начну навязываться другимъ съ своими чувствами, начну требовать, чтобы всѣ окружающіе раздѣляли ихъ. Тогда уже всякій имѣетъ полное право осуждать меня и смѣяться надъ моими фантазіями, потому что онѣ получаютъ объективное значеніе, подлежащее общему суду. Когда я предъявляю претензію, чтобы и другіе чувствовали то, что я, тогда признаю уже, слѣдовательно, что предметъ, возбудившій во мнѣ тѣ или другія чувства, дѣйствительно способенъ ихъ возбуждать, самъ по себѣ, а не по случайнымъ отношеніямъ, исключительно для меня только имѣющимъ значеніе. А признавая это, я уже выражаю мнѣніе, съ которымъ другіе могутъ не согласиться и за которое могутъ признать меня идіотомъ. Если я захочу, напри-мѣръ, чтобы другіе непременно восхищались нелѣпой пѣсней, пріятной мнѣ по воспоминаніямъ дѣтства, то я обнаружу этимъ, что не признаю ея нелѣпости, а вижу въ ней дѣйствительныя достоинства. За это, разумѣется, и признаютъ меня человѣкомъ, не имѣющимъ эстетическаго вкуса, — чего не могутъ сказать обо мнѣ только на томъ основаніи, что мнѣ лично бываетъ пріятно слышать эту пѣсню. У каждаго человѣка, на какой бы степени развитія ни стоялъ онъ, всегда остаются кое-какія привычки, пристрастія, воспоминанія, отъ которыхъ сердце его не можетъ совершенно освободиться, хотя разсудкомъ своимъ онъ и понимаетъ ихъ нелѣпость. Этотъ маленькій разладъ внутри человѣка неизбѣженъ по слабости человѣческой натуры, и на него не слѣдуетъ смотрѣть слишкомъ строго, пока онъ не выражается во внѣшней дѣятельности человѣка. Но когда онъ обнаруживается съ претензіей на то, чтобы дѣтскія грезы и другими были принимаемы

за истину, тогда его нужно изобличать и преслѣдовать. И при этомъ изобличеніи мы уже имѣемъ полнѣйшее право сказать, не обвинуясь, что господинъ, выказавшій подобныя претензіи, тупоумень, а самыя претензіи его вредны, такъ какъ въ нихъ заключается попытка привить и другимъ свое тупоуміе.

Обращаясь теперь къ тому, что обыкновенно разумѣется у насъ подъ именемъ патріотизма, мы можемъ приложить и къ нему многое изъ того, что сказали вообще о впечатлѣніяхъ дѣтства. Въ первомъ своемъ проявленіи патріотизмъ даже и не имѣетъ другой формы, кромѣ пристрастія къ полямъ, холмамъ роднымъ, златымъ играмъ первыхъ лѣтъ, и пр. Но довольно скоро онъ формируется болѣе опредѣленнымъ образомъ, заключая въ себѣ всѣ понятія историческія и гражданственныя, какія только успѣваетъ пріобрѣсти ребенокъ. Патріотизмъ этотъ отличается, до извѣстной поры, полною и безграничною преданностью *всему своему*, — будетъ ли это хорошее или дурное — все равно. Причина такого безразличія заключается въ томъ, что дитя еще и не понимаетъ хорошенько разницы между дурнымъ и хорошимъ, потому что мало имѣетъ или не имѣетъ вовсе предметовъ для сравненія. Не имѣя понятій о другихъ городахъ, какъ можетъ ребенокъ изъяснять недовольство устройствомъ своего города? Живя непосредственною жизнью, руководствуясь во всемъ единственно желаніемъ расширить, сколько возможно, предѣлы собственнаго эгоизма, связавши его съ эгоизмомъ другихъ, — ребенокъ восхищается всѣмъ, что онъ можетъ, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, назвать *своимъ*. При дальнѣйшемъ развитіи, когда взглядъ его расширяется съ пріобрѣтеніемъ новыхъ понятій, начинается работа

различенія хорошихъ и дурныхъ сторонъ въ предметѣ, прежде казавшемся вполне совершеннымъ. Такимъ образомъ переходя постепенно отъ одного къ другому, человекъ отрѣшается отъ безусловнаго пристрастія и пріобрѣтаетъ вѣрный взглядъ сначала на свое родное семейство, на свое село, свой уѣздъ, потомъ на всю губернію, на другую, третью губернію, на столицу, и т. д. Въ результатъ выходитъ наконецъ отрѣшеніе отъ предразсудковъ мѣстности или увлеченіе только тѣмъ, что уже составляетъ общія народныя или государственныя черты. Но человекъ, нормальнымъ образомъ развивающійся, не можетъ остановиться и на этой степени выраженія патріотизма. Онъ сознаетъ, что его чувства къ родинѣ, при всей своей силѣ и живости, не имѣютъ еще той разумной ясности, которая дается только изученіемъ дѣла въ связи со всѣми однородными явленіями. Такимъ образомъ отъ идеи своего народа и государства человекъ, не останавливающійся въ своемъ развитіи, возвышается посредствомъ изученія чужихъ народностей до идеи народа и государства вообще, и наконецъ постигаетъ отвлеченную идею человечества, такъ что въ каждомъ человекѣ, представляющемся ему, видитъ прежде всего человека, а не нѣмца, поляка, жида, русскаго и пр. На этой степени развитія въ человекѣ необходимо должно исчезнуть то, что было дѣтскаго, мечтательнаго въ его патріотизмѣ, что возбуждало только ребяческія фантазіи, несообразныя съ дѣйствительностью и здравымъ смысломъ. Всѣ исключительныя предилекціи, всѣ утопическія мечтанія о высшемъ предназначеніи одной націи къ тому-то, другой — къ тому-то, всѣ національныя перекоры о взаимныхъ преимуществахъ — исчезаютъ въ мыс-

ли человека, правильно и вполне развившагося. Для него уже не существуют вопросы въ родѣ «кичливый лихъ или вѣрный россъ?» и пр. «Германское или славянское племя будетъ выше въ исторіи послѣдующихъ вѣковъ?» и т. п. Подобныя выходки онъ уже считаетъ фразерствомъ и забавляется ими, въ родѣ того, какъ забавляемся мы, напримѣръ, перекорами Москвы съ Петербургомъ, возобновляемыми время отъ времени въ нашей юной литературѣ. Но изъ этого теоретическаго равнодушія и безразличія къ землячеству вовсе не нужно заключать, чтобы высшее развитіе человека дѣлало его неспособнымъ къ патріотизму. Напротивъ, оно только и можетъ сдѣлать человека настоящимъ, дѣйствительнымъ патріотомъ, — и вотъ какимъ образомъ.

Получивъ понятіе объ общемъ, т. е. о постоянныхъ законахъ, по которымъ идетъ исторія народовъ, расширивъ свое міросозерцаніе до пониманія общихъ нуждъ и потребностей человѣчества, образованный человекъ чувствуетъ непремѣнное желаніе перенести свои теоретическіе взгляды и убѣжденія въ сферу практической дѣятельности. Но кругъ дѣятельности человека, равно какъ и его силы и самыя желанія, не могутъ простираться на весь міръ одинаково, и потому онъ долженъ избрать себѣ какой-нибудь частный, ограниченный кругъ, и въ немъ прилагать свои общія убѣжденія. Этотъ кругъ всего скорѣе, всего естественнѣе будетъ — отечество. Мы сроднились съ нимъ, больше его знаемъ и вслѣдствіе того болѣе ему сочувствуемъ. И сочувствіе это вовсе не является въ ущербъ любви и уваженію къ другимъ народностямъ; нѣтъ, оно есть простое слѣдствіе болѣе близкаго знакомства съ однимъ, чѣмъ съ другимъ. Мы читаемъ преспокойно въ

газетахъ, что въ такой-то сшибкѣ убито столько-то; но то же извѣстіе производитъ на насъ сильнѣйшее впечатлѣніе, если намъ знакомы нѣкоторые изъ убитыхъ; и оно же можетъ повергнуть насъ въ глубокую горестъ, ежели въ числѣ убитыхъ находится нашъ лучший другъ. Мы горюемъ о немъ, вовсе, однакоже, не думая, что другіе были хуже его и недостойны нашей горести. Если бы мы сошлись съ ними, то, можетъ быть, плакали бы о нихъ еще больше; но судьба не свела насъ съ ними, а всѣхъ чужихъ покойниковъ не оплачешь. То же самое и съ патріотизмомъ; мы болѣе сочувствуемъ своему отечеству, потому что болѣе знаемъ его нужды, лучше можемъ судить о его положеніи, сильнѣе связаны съ нимъ воспомина-ніями общихъ интересовъ и стремленій и наконецъ — чувствуемъ себя болѣе способными быть полезными для него, нежели для другой страны. Такимъ образомъ въ человѣкѣ порядочномъ патріотизмъ есть не что иное какъ желаніе трудиться на пользу своей страны и происходить не отъ чего другого, какъ отъ желанія дѣлать добро, — сколько возможно больше и сколько возможно лучше. И потому-то никто не можетъ упрекать замѣчательныхъ дѣятелей, если они переносятъ свою дѣятельность изъ одной страны въ другую, находя, что они могутъ быть тамъ полезнѣе, нежели на своей родинѣ. Джонъ Лоу осуществилъ свои финансовыя теоріи во Франціи. Лафайетъ участвовалъ въ американской войнѣ, Байронъ сражался за грековъ: кто же упрекнетъ ихъ за это въ недостаткѣ патріотизма? Очень естественно, что одинъ искалъ себѣ среды, гдѣ бы удобнѣе примѣнить свои планы, другіе поспѣшали туда, гдѣ было

болѣе опасности. Патріотизмъ живой, дѣятельный именно и отличается тѣмъ, что онъ исключаетъ всякую международную вражду, и человѣкъ, одушевленный такимъ патріотизмомъ, готовъ трудиться для всего человѣчества, если только можетъ быть ему полезенъ. Ограниченіе своей дѣятельности въ предѣлахъ своей страны является у него вслѣдствіе сознанія, что здѣсь именно его настоящее мѣсто, на которомъ онъ можетъ быть наиболѣе полезенъ. Оттого-то настоящій патріотъ терпѣть не можетъ хвастливыхъ и восторженныхъ восклицаній о своемъ народѣ, оттого онъ смотритъ презрительно на тѣхъ, которые стараются опредѣлить грани разъединенія между племенами. Настоящій патріотизмъ, какъ частное проявленіе любви къ человѣчеству, не уживается съ непріязнью къ отдаленнымъ народностямъ; а какъ проявленіе живое и дѣятельное, онъ не терпитъ ни малѣйшаго реторизма, всегда какъ-то напоминающаго трупъ, надъ которымъ произносятся надгробную рѣчь. Понимая патріотизмъ такимъ образомъ, мы поймемъ, отчего онъ развивается съ особенною силою въ тѣхъ странахъ, гдѣ каждой личности представляется большая возможность приносить сознательную пользу обществу и участвовать въ его предпріятіяхъ. Мы часто жалуемся, что у насъ слабо развитъ патріотизмъ; это оттого, что дѣятельность массы отдѣльных лицъ у насъ почти совершенно разъединена съ общимъ теченіемъ дѣлъ, и слѣдовательно кругъ интересовъ каждого необходимо мельчаетъ. Скажите вашему извозчику, что мы завоевали Амуръ: онъ сначала даже и не пойметъ васъ. Растолкуйте ему, какое значеніе имѣетъ это для страны: онъ согласится съ вами, но все-

таки вашъ разсказъ не произведетъ на него сильнаго впечатлѣнія. Что ему, въ самомъ дѣлѣ, за надобность до Амура? Какое отношеніе къ нему можетъ имѣть пріамурскій край? Его гораздо болѣе занимаетъ соображеніе о томъ, прибавите ли вы ему, сдѣлавши конецъ, пятакъ серебра или заплатите по таксѣ . . . Не таково развитіе патріотизма, напримѣръ, въ Англіи, гдѣ общественныя пріобрѣтенія и неудачи принимаются массою съ такимъ участіемъ, какъ будто дѣло идетъ о личныхъ интересахъ каждаго. Тамъ не безплодно звучать слова объ общемъ благѣ, о пользахъ страны, потому что и на самомъ дѣлѣ каждый принимаетъ участіе въ общественныхъ интересахъ, понимая связь ихъ съ своими собственными. За общее тамъ вступаются люди въ томъ смыслѣ, что не желаютъ видѣть присвоенія кѣмъ-либо частицы чужого, т. е. интересы *всего вообще* охраняются не иначе какъ посредствомъ охраненія интересовъ *каждаго изъ всѣхъ*. Естественно при этомъ, что каждый интересуется общими дѣлами и что фраза о славѣ націи, о величій государства не увлекаетъ тамъ людей, если она не согласна съ дѣйствительными ихъ интересами. Зато и личные интересы не могутъ получить такого исключительнаго преобладанія, чтобы прійти въ полное разобщеніе съ общими выгодами. Англичанинъ или американецъ, не крича о томъ, что его, напримѣръ, служебная дѣятельность необходима для поддержанія государства и для блага народа, — никогда, однако, не продастъ своего служебнаго долга ради личной выгоды: это запрещается ему чувствомъ его патріотизма. Совершенно противное тому, по разсказамъ путешественниковъ, происходитъ, напримѣръ, въ Австріи, гдѣ

обиліе патріотическихъ фразъ не мѣшаетъ еще большому обилію всякаго рода преступленій противъ блага отечества. Это уже во всякомъ случаѣ — не патріотизмъ, что бы ни говорили и что бы ни писали австрійскія газеты. Настоящій патріотизмъ выше всѣхъ личныхъ отношеній и интересовъ и находится въ тѣснѣйшей связи съ любовью къ человечеству. Образецъ проявленія его можно указать, напримѣръ, въ англичанахъ, которые, едва только утихъ взрывъ перваго негодованія на индійскую рѣзню, принялись доказывать, что они сами виноваты, что нужно измѣнить систему управленія въ Индіи, и наконецъ рѣшилось покончить съ Остъ-Индскою компаніею. Другой образецъ можно, пожалуй, видѣть у сѣверо-американцевъ, гдѣ высшіе сановники живутъ почти въ бѣдности, не смѣя и подумать истратить для себя хоть одинъ грошъ изъ огромныхъ общественныхъ суммъ, находящихся у нихъ въ рукахъ, и гдѣ даже бѣлый домикъ президента ничѣмъ не отличается отъ жилища гражданина средняго состоянія. Вотъ это патріотизмъ!..

Совершенно другіе результаты представляетъ псевдо-патріотизмъ, иногда съ удивительнымъ безстыдствомъ прикрывающійся именемъ истинной любви къ отечеству. Онъ совершенно противоположенъ настоящему патріотизму. Тотъ есть ограниченіе общей любви къ человечеству; этотъ, напротивъ, есть расширеніе, до возможной степени, неразумной любви къ себѣ и къ своему, и потому часто граничитъ съ человѣконеавидѣніемъ. Тотъ является вслѣдствіе разумнаго опредѣленія своихъ отношеній къ міру и вслѣдствіе сознательнаго выбора частной дѣятельности; этотъ же является въ недоросляхъ, не добившихся до разумныхъ опредѣ-

леніи, не умѣющихъ понять своего мѣста въ мірѣ и старающихся хоть какъ-нибудь и куда-нибудь пристроиться, чтобы носить по возможности почетное званіе и тунеядствовать. Проявленіе подобнаго патріотизма замѣчается уже и въ дѣтскомъ возрастѣ, если дѣти получаютъ ложное развитіе. Такъ, патріотизмъ, соединенный съ человѣконенавидѣніемъ, обыкновенно выражается въ нихъ какою-то безтолковой воинственностью, желаніемъ рѣзать и бить непріятелей во славу своего отечества, между тѣмъ какъ воинственный мальчишка и не понимаетъ еще, что такое отечество и кто его непріятели. Та же самая исключительность, соединенная съ сознаніемъ собственнаго безсилія, видна въ патріотическихъ и корпораціонныхъ спорахъ мальчишекъ, когда они поступаютъ въ школу. Если въ школѣ есть мальчишки разныхъ національностей, то непременно они начнутъ хвалиться другъ передъ другомъ и выказывать непріязненные расположенія, которыя пропадаютъ только по мѣрѣ большаго развитія мальчиковъ. Тутъ же имѣетъ мѣсто другое явленіе, весьма близко сюда подходящее: мальчишки перекоряются другъ съ другомъ, хвастаясь, что одинъ былъ въ такомъ-то пансіонѣ, другой учился у такого-то, третій бралъ уроки у такихъ-то учителей и т. п. Всѣ эти споры имѣютъ одинъ источникъ: мальчику хочется чѣмъ-нибудь похвалиться насчетъ своего ученья; но самъ онъ слишкомъ слабъ и ничтоженъ, чтобы лучами ихъ славы озарить себя самого. Замѣчательно, что чѣмъ умнѣе и дѣятельнѣе мальчикъ, тѣмъ скорѣе пропадаетъ у него охота хвастаться своими прежними учителями. Черезъ нѣсколько времени общаго пребыванія въ одной школѣ такая охота только

и остается уже у самых пустыхъ и безнадежныхъ лѣнтяевъ. Подобное этому явленію представляли старинные слуги, типъ которыхъ столько разъ былъ уже изображаемъ въ нашихъ романахъ и повѣстяхъ. Не находя въ себѣ никакого собственнаго, личнаго значенія, не видя возможности опереться въ чемъ-нибудь на самихъ себя, потерявши благородный эгоизмъ самобытной личности, но будучи одержимы мелочнымъ и грубымъ самолюбіемъ, они постоянно старались придавать себѣ важности непомѣрнымъ превозношеніемъ своихъ господъ. И замѣчательно, что ихъ диѳирамбы своимъ барамъ, составленные чисто съ холопской точки зрѣнія, обыкновенно имѣли характеръ, не слишкомъ рекомендующій превозносимыхъ господъ въ глазахъ человека порядочнаго. Но старый слуга не подозрѣвалъ этого: онъ рассказывалъ съ необычайной наивностью похожденія своего барина, съ убѣжденіемъ въ ихъ безукоризненномъ величій и съ мыслью, что вотъ, дескать, смотрите на насъ, — какимъ господамъ мы принадлежали!..

Люди, входящіе въ подобную роль — неопытнаго, заносчиваго школьника или престарѣлаго, недальняго слуги, — обнаруживаютъ, конечно, весьма низкую степень развитія, нравственнаго и умственнаго. Подобно этому, — и псевдо-патріоты, фразисто расписывающіе свою любовь къ милому, славному, великому отечеству, доказываютъ только, что имъ кромѣ фразъ нечѣмъ заняться. Ихъ развитіе не такъ высоко, чтобы понять значеніе своей родины въ средѣ другихъ народовъ; ихъ чувства не такъ сильны, чтобы выразиться въ практической дѣятельности; ихъ личность не столько самобытна, чтобы въ собственныхъ силахъ искать

правъ на какое-нибудь значеніе. И вотъ эти нравственные недоросли, эти рабски-лѣнивыя и рабски-подлыя натуры дѣлаются паразитами какого-нибудь громкаго имени, чтобы его величіемъ наполнить собственную пустоту. Нерѣдко это громкое имя бываетъ — отечество, родина, народность, и тутъ уже не бываетъ конца цвѣтистымъ фразамъ и риторическимъ изображеніямъ, лишеннымъ всякаго внутренняго смысла. На дѣлѣ, разумѣется, не бываетъ у этихъ господъ и слѣдовъ патріотизма, такъ неутомимо возвышаемаго ими на словахъ. Они готовы эксплуатировать, сколько возможно, своего соотечественника, не меньше, если еще не больше, чѣмъ иностранца; готовы такъ же легко обмануть его, погубить ради своихъ личныхъ видовъ, готовы сдѣлать всякую гадость, вредную обществу, вредную, пожалуй, цѣлой странѣ, но выгодную для нихъ лично . . . Если имъ достанется возможность показать свою власть хоть на маленькомъ клочкѣ земли въ своемъ отечествѣ, они на этомъ клочкѣ будутъ распоряжаться какъ въ завоеванной землѣ . . . А о славѣ и величіи отечества все-таки будутъ кричать . . . И оттого они — псевдо-патріоты! . .

Наведенные на эти замѣчанія «Опытомъ объ исторіи русской цивилизаціи», мы однакоже высказали ихъ вовсе не съ тѣмъ, чтобы примѣнять къ г. Жеребцову что-нибудь изъ того, что нами сказано о патріотизмѣ. Распространяясь объ этомъ предметѣ, мы имѣли въ виду только вотъ какую цѣль. Въ продолженіе нашей статьи намъ неоднократно придется указывать на миѣнія г. Жеребцова, внушенные ему, очевидно, его патріотическими чувствами. Чтобы не надоедать читателямъ повтореніемъ однихъ и тѣхъ же разсужденій по поводу ихъ,

мы и рѣшились высказать предварительно и разомъ наше понятіе о разныхъ родахъ патріотизма или того, что нерѣдко скрывается подъ этимъ именемъ. Послѣ этого мы уже считаемъ возможнымъ избавить себя отъ подробныхъ объясненій по поводу разныхъ мнѣній г. Жеребцова. Мы станемъ только указывать ихъ, и читатели, надѣемся, сами уже легко поймутъ, къ какому разряду отнести патріотизмъ «Опыта объ исторіи цивилизаціи въ Россіи».

Прежде чѣмъ мы раскроемъ нѣкоторыя подробности взгляда автора на русскую цивилизацію, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на его понятія о цивилизаціи вообще. Въ этомъ случаѣ г. Жеребцовъ имѣлъ себѣ прекрасный образецъ въ Гизо, котораго первая лекція о цивилизаціи во Франціи посвящена общимъ взглядамъ, такъ же какъ и введеніе г. Жеребцова. Но г. Жеребцовъ отвращается всего, что можетъ напомнить Западъ; онъ хлопочетъ о народномъ возрѣніи и потому постарался сочинить свое собственное опредѣленіе цивилизаціи и элементовъ, ее составляющихъ. Вышло, дѣйствительно, что-то не похожее ни на Гизо и ни на какого мыслителя, но въ дальнѣйшемъ приложеніи чего-то авторъ не выдержалъ, сбился и съѣхалъ опять-таки на того же Гизо. Не вытанцовывается какъ-то наша самобытность, да и только. Для читателей, позабывшихъ опредѣленіе Гизо, мы можемъ привести страницу изъ его первой лекціи; а потомъ обратимся къ г. Жеребцову.

«Мнѣ кажется, — говоритъ Гизо, — что, по общему понятію, цивилизація состоитъ существенно изъ двухъ явленій: развитія соціальнаго и интеллектуальнаго, т. е. изъ улучшенія внѣшняго положенія общества и изъ совершенствованія внутренней при-

роды человѣка, его личности, словомъ, изъ развитія стороны общественной и чисто-человѣческой.

«Но мало сказать, что цивилизація состоитъ изъ этихъ двухъ явленій; надо прибавить, что для ея совершенства необходима совокупность ихъ, ближайшее и одновременное соединеніе, взаимное дѣйствіе одного на другое. Хотя и случается, что иногда они разрозниваются, и то общественныя усовершенствованія, то внутреннее развитіе отдѣльныхъ лицъ идетъ скорѣе и дальше, — но тѣмъ не менѣе оба явленія не могутъ обойтись совсѣмъ другъ безъ друга, они взаимно возбуждаются и производятся одно другимъ, рано или поздно. Если они долго идутъ порознь и соединеніе ихъ наступаетъ не скоро, то душою наблюдателя овладѣваетъ ощущеніе какой-то тягостной пустоты, какого-то унынія, какъ будто вамъ чего-то недостаетъ. Когда видишь въ народѣ огромныя улучшенія общественныя, огромныя успѣхи матеріальнаго благосостоянія, не сопровождаемые внутреннимъ развитіемъ человѣка и соразмѣрными успѣхами ума, то всѣ общественныя улучшенія кажутся ненадежными, непонятными, даже почти незаконными. Спрашиваешь себя: какими идеями произведено, чѣмъ оправдывается это улучшеніе, съ какими принципами оно связано? Хочется увѣрить себя, что оно не ограничится нѣсколькими поколѣніями, какимъ-нибудь клочкомъ земли, что оно сообщится далѣе, распространится, сдѣлается достояніемъ народовъ. Но какимъ образомъ общественное улучшеніе можетъ сообщиться другимъ и распространиться, если тутъ нѣтъ общей идеи, если доктрина невозможна? Вѣдь только идеи перепрыгиваютъ пространства, переплываютъ моря и повсюду бы-

вають непремѣнно поняты и приняты. Такова ужъ натура человѣка, что онъ не можетъ понять громад-наго развитія матеріальной силы безъ участія силы моральной, которая должна къ ней присоеди-ниться и управлять ею. Какъ будто что-то низкое выражается въ самомъ благосостояніи матеріаль-номъ, если оно не приносить другихъ плодовъ, кромѣ этого самаго благосостоянія, если оно не воз-вышаетъ ума человѣка въ уровень съ его внѣшнимъ положеніемъ.

«Зато, если блеснетъ иногда и необычайное раз-витіе умственное, не ведя за собою никакихъ обще-ственныхъ улучшеній, и это заставляетъ удивляться и беспокоиться. Какъ будто видишь прекрасное дерево, не приносящее плодовъ, или солнце, не грѣющее и не дѣйствующее плодотворно на почву. Чувствуется нѣкотораго рода пренебреженіе къ идеямъ, которыя столь безплодны, что не въ состоя-ніи овладѣть міромъ матеріальнымъ. Мало того, является наконецъ сомнѣніе въ ихъ разумной за-конности, въ истинѣ; является поползновеніе счи-тать ихъ химерами, такъ какъ онѣ оказываются безсильными и не имѣютъ власти надъ внѣшнимъ положеніемъ человѣка. Такъ сильно въ человѣкѣ сознаніе того, что онъ долженъ переносить идеи въ дѣйствительность, передѣлывать міръ и управлять имъ сообразно съ тѣми истинами, которыя онъ понялъ и созналъ. Такимъ образомъ два великіе элемента цивилизаціи — развитіе соціальное и интеллектуальное — тѣсно связаны одинъ съ дру-гимъ, и совершенство цивилизаціи зависитъ не про-сто отъ ихъ соединенія, но отъ ихъ соотвѣтствія, отъ тѣхъ размѣровъ легкости и скорости, съ каки-ми они вызываются и производятся одинъ другимъ».

Когда смотришь на развитіе народовъ естественно, съ исторической точки зрѣнія, то опредѣленіе Гизо кажется почти совершенно удовлетворительнымъ. Оно очень широко захватываетъ исторію народовъ и очень опредѣлительно выражаетъ собою общее стремленіе нашего времени возводить факты къ идеямъ, а идеи призывать на окончательный судъ и повѣрку фактами. Въ одномъ можно упрекнуть Гизо: онъ слишкомъ рѣзко отдѣляетъ моральную силу отъ матеріальной, какъ будто сила находится гдѣ-то отдѣльно отъ матеріи, а не въ ней самой. Впрочемъ, въ сущности мысль Гизо можетъ имѣть слѣдующій смыслъ. Бываетъ, что общественныя улучшенія, которыя должны быть результатомъ извѣстной степени развитія народа, появляются въ немъ тогда, когда онъ еще не достигъ до этой степени развитія. Такимъ образомъ, какъ будто нѣтъ нравственной основы для матеріальнаго благосостоянія, и она дѣйствительно можетъ не быть въ самомъ этомъ обществѣ, а быть принесена извнѣ, и въ такомъ случаѣ само видимое благосостояніе общества угрожаетъ непрочностью. Въ такомъ смыслѣ — положеніе Гизо представляется вполне вѣрнымъ.

Но г. Жеребцовъ не опровергъ и не дополнилъ того, что можетъ подать поводъ къ возраженіямъ у Гизо. Напротивъ, съ тѣмъ, что моральная сила есть нѣчто совершенно особое, вовсе не находящееся въ матеріальныхъ предметахъ, а навязываемое имъ извнѣ, — съ этимъ онъ вполне согласенъ. Опредѣленіе цивилизаціи, сдѣланное у Гизо, не могло понравиться ему по другой причинѣ. По мнѣнію г. Жеребцова, идеи, управлявшія исторіей Россіи, начала, по которымъ народъ нашъ развивался, были всегда высоки, непреложны и благотвор-

ны, начиная отъ новгородскихъ славянъ и отъ князя Владиміра кіевскаго. Но общественныя улучшенія вводились въ странѣ очень медленно (этого не можетъ не сознать авторъ) и вовсе не соответствовали этой высокой степени развитія, на которой отдѣльныя лица стояли у насъ уже въ самыя древнія времена. Такъ продолжалось много столѣтій, и слѣдовательно, если бы ужъ признать положеніе Гизо, то пришлось бы идеи, управлявшія развитіемъ древней Руси, сравнить съ негрѣющимъ солнцемъ и признать безплодными, немоцными относительно общественнаго благосостоянія. А г. Жеребцовъ никакъ не хочетъ признать этого; онъ, напротивъ, начала древней Руси ставитъ даже въ примѣръ для нынѣшней. — Слѣдовало, значитъ, сочинить собственное, народное опредѣленіе цивилизаціи, въ которомъ бы идеи и умственное развитіе человека были сами по себѣ, а общественное благосостояніе — само по себѣ. Г. Жеребцовъ и сочинилъ такое опредѣленіе, въ которомъ превзошелъ самого себя и изъ котораго онъ ясно могъ вывести, что идеи, господствовавшія въ древней Руси, вовсе и не должны были способствовать общественнымъ улучшеніямъ и матеріальному благосостоянію. Вотъ его опредѣленіе:

«Совершенная цивилизація состоитъ, по нашему мнѣнію, въ высшемъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ способностей всѣхъ лицъ, составляющихъ націю, — въ развитіи, приспособленномъ къ возможно большому благу всѣхъ и каждого».

Опредѣленіе это, какъ видите, сдѣлано съ совершенно иной точки зрѣнія, нежели опредѣленіе Гизо. Здѣсь нѣтъ рѣчи объ общественномъ, матеріальномъ благосостояніи, а упоминается вообще о ка-

комъ-то *благѣ*. Въ чемъ состоитъ это благо, по мнѣнію автора, — трудно понять, не прочитавъ его книги. Такимъ образомъ опредѣленіе страдаетъ неопредѣленностью и принадлежитъ къ числу общихъ мѣстъ, тѣмъ болѣе, что и «развитіе умственныхъ и нравственныхъ способностей» представляетъ у г. Жеребцова фразу, лишенную опредѣленнаго содержанія. Что онъ разумѣетъ подъ нравственными способностями? Въ чемъ полагаетъ ихъ развитіе? Это остается вопросомъ, который всякимъ можетъ быть рѣшаемъ по-своему. Г-нъ Орестъ Миллеръ полагаетъ, напримѣръ, что высшее нравственное развитіе состоитъ въ приниженіи своей личности и, если возможно, даже въ совершенномъ отреченіи отъ нея. Можетъ быть, и г. Жеребцовъ близокъ къ подобному взгляду. Тогда — въ чемъ же, по его мнѣнію, будетъ состоять цивилизація?

Слѣдя далѣе за г. Жеребцовымъ, мы находимъ, что онъ предъявляетъ слѣдующія положенія. Для полнаго развитія человѣка и цѣлаго народа необходимы, говоритъ онъ, хорошее знаніе предметовъ, умѣнье хорошо мыслить о нихъ и любовь къ общему благу. Такимъ образомъ цивилизація состоитъ, по выраженію г. Жеребцова, въ томъ, чтобы каждый хорошо *зналъ*, хорошо *мыслилъ* и хорошо *хотѣлъ*. По нашему мнѣнію совершенство мышленія зависитъ непремѣнно отъ обилія и качества данныхъ, находящихся въ головѣ человѣка, и раздѣлять эти двѣ вещи довольно трудно, особенно когда понимать подъ знаніемъ не поверхностное, внѣшнее свѣдѣніе о фактѣ, а внутреннее, серьезное проникновеніе имъ, — какъ и понимаетъ самъ г. Жеребцовъ. Но для него ничего не значитъ поставить мышленіе и знаніе въ совершеннѣйшей отдѣльности

другъ отъ друга, — не только въ отдѣльномъ человѣкѣ, но даже и въ цѣломъ народѣ. По его мнѣнію, есть народы, которые много знаютъ, но разсуждаютъ плохо, — и есть другіе народы, которые знаютъ мало, но зато разсуждаютъ отлично. Въ образецъ послѣднихъ г. Жеребцовъ, къ немалому удивленію нашему, приводитъ — Англію! Онъ увѣряетъ, что у англичанъ разсудочныя способности очень развиты и дѣйствуютъ весьма правильно, — несмотря на недостатокъ знаній. «Это ужъ зависитъ отъ враждебнаго расположенія народа къ разсужденію» (*raisonnement*), замѣчаетъ онъ. Это объясненіе показалось намъ чрезвычайно похожимъ на слова свахи въ «Женитьбѣ» Гоголя: «что жъ дѣлать, это ужъ такъ ему Богъ далъ, что ни скажетъ слово, то совретъ. Онъ-то и самъ не радъ, да ужъ не можетъ, чтобы не прилгнуть: такая ужъ на то воля Божія». Такъ и англичане несчастные: ужъ и сами не рады, а не могутъ, чтобы не разсуждать; такая ужъ на то воля Божія! . .

Мнѣніе автора о недостаткѣ знаній въ Англіи относится, впрочемъ, къ низшему классу народа. Въ аристократіи онъ признаетъ достаточныя познанія. Но по собственнымъ понятіямъ г. Жеребцова, народу вовсе и не нужно знать больше того, что онъ знаетъ и что нужно для исполненія имъ разныхъ его работъ. Такъ долженъ полагать г. Жеребцовъ, судя по тому, что онъ говоритъ о высшей степени знанія, которую называетъ усвоеніемъ (*assimilation*), и о томъ, когда знаніе это бываетъ истинно полезнымъ. Усвоеннымъ знаніемъ называетъ онъ то, которое не остается просто въ памяти, а переходитъ въ убѣжденіе, въ жизнь и ведетъ къ дальнѣйшимъ выводамъ и открытіямъ. О пользѣ знанія

говорить онъ вотъ что: «Чтобы распространеніе знаній было полезно и благотворно, нужно слѣдующее существенное условіе: знанія должны быть распредѣлены въ народѣ такъ, чтобы каждый могъ всю массу своихъ знаній прилагать на дѣлѣ, въ сферѣ своихъ практическихъ занятій, — и наоборотъ, чтобы всякій хорошо зналъ то, что можетъ приложить съ пользою для себя и для общества на практикѣ». Мы, разумѣется, не можемъ вполне согласиться съ такимъ требованіемъ, потому что изъ него можетъ вытекать, напримѣръ, вопросъ: зачѣмъ мужику грамота, которой онъ не можетъ ввести въ кругъ своихъ практическихъ занятій? или вопросъ: зачѣмъ дворянину учиться географіи, когда извозчики есть? . . . и т. п. Вообще въ разныхъ опредѣленіяхъ и мнѣніяхъ г. Жеребцова видна крайняя незрѣлость мысли и шаткость его убѣжденій, происходящая, можетъ быть, отъ непривычки къ разсужденіямъ о предметахъ отвлеченныхъ, а можетъ быть — и отъ той же причины, по которой у г. Жеребцова англичане разсуждаютъ такъ отлично . . . Въ настоящемъ случаѣ мы находимъ, что онъ ужъ слишкомъ увлекся мыслью о практической приложимости знаній, — опасаясь, вѣроятно, того, чтобы при большемъ развитіи просвѣщенія каждый не сталъ разсуждать больше, чѣмъ сколько ему позволяетъ его знанія и состояніе. А между тѣмъ тотъ же г. Жеребцовъ въ другихъ мѣстахъ выражаетъ пренебреженіе къ практическимъ улучшеніямъ и хлопочетъ почти исключительно о высокомъ развитіи умственныхъ и нравственныхъ силъ. Съ этой-то точки зрѣнія онъ и хотѣлъ упрекнуть Англію, заимствовавши свой упрекъ у Гизо, который говоритъ, что сторона чисто интеллектуальная, разви-

тіе человѣка, — гораздо слабѣе въ Англіи, чѣмъ соціальная сторона, развитіе гражданства. Г-нъ Жеребцовъ не сообразилъ, что, избравъ другую точку зрѣнія, надобно ужъ и проводить ее иначе, и принимаясь повторять объ Англіи мысли Гизо. Но у Гизо ясно отдѣлено интеллектуальное и соціальное развитіе; а г. Жеребцовъ скомкалъ это въ одно — распространеніе знаній, да еще сказалъ, что приложимость (т. е. развитіе соціальное) принадлежитъ высшей степени знанія (т. е. интеллектуальнаго); а потомъ принялся упрекать Англію въ недостаткѣ знаній. Въ путаницѣ, образовавшейся отъ смѣшенія чужихъ идей съ народнымъ воззрѣніемъ, г. Жеребцовъ и не замѣтилъ, что если въ чемъ нельзя упрекать Англію, такъ это именно въ недостаткѣ знаній, приложимыхъ въ практической дѣятельности.

Но этимъ г. Жеребцовъ не довольствуется. Онъ взводитъ на Англію еще обвиненіе *въ недостаткѣ любви къ общему благу*, и здѣсь опять перефразируя мысли Гизо объ интеллектуальномъ развитіи и скрашивая ихъ милыми возгласами о самоотверженіи, любви ко врагамъ и т. п. Въ объясненіе того, отчего въ Англіи такъ сильна нелюбовь къ общему благу, г. Жеребцовъ приводитъ двѣ причины. Первая состоитъ въ недостаткѣ благочестія истинно-христіанскаго и евангельскаго, которое мы не беремся ни оправдывать, ни объяснять. Вторая причина заключается «въ превосходствѣ положенія, занимаемаго страпою, и въ ея политической силѣ, препятствующей въ ней развитію чувствъ смиренія и братства». Силою какихъ умозаключеній дошелъ г. Жеребцовъ до подобныхъ мыслей, мы опять объяснить не можемъ. По всей вѣроятности, русское

народное воззрѣніе много участвовало въ его изумительной логикѣ.

Продолжая свое обозрѣніе, г. Жеребцовъ переходитъ къ Франціи. Къ этой странѣ онъ очень не благоволитъ. Знанія здѣсь распространены больше, чѣмъ въ Англіи; но зато степень усвоенія ихъ меньше. (А ужъ и въ Англіи-то г. Жеребцовъ находитъ мало его въ народѣ.) При томъ знанія распространены не такъ, какъ бы хотѣлось г. Жеребцову. Люди пріобрѣтаютъ тамъ много знаній, которыхъ не къ чему приложить; вслѣдствіе этого многіе пускаются въ дурные разговоры или въ злостныя (*méchant*) писанія. Оттого часто и революціи происходятъ во Франціи. Этому помогаетъ еще и неосновательность французскаго разсудка, происходящая оттого, что онъ знаетъ много лишняго и пускается разсуждать о предметахъ чуждыхъ ему, какъ будто о самыхъ близкихъ. Но особенно губельно для Франціи отсутствіе въ ней любви къ общему благу. При мысли объ этомъ г. Жеребцовъ приходитъ даже въ несвойственное ему раздраженіе и сначала поражаетъ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, называя ихъ злополучными (*néfastes*) затѣмъ говоритъ, что «напрасно Бурбоны, по возвращеніи своемъ, хотѣли дѣйствовать съ французами какъ съ народомъ, не совсѣмъ еще потерявшимъ чувства вѣры и благочестія, и что напрасно хотѣли вывести французовъ на дорогу нравственности, бывшей для нихъ противоположною» . . . Г-нъ Жеребцовъ такъ вооруженъ противъ Франціи, что даже и въ теперешнемъ ея состояніи не хочетъ надъ нею сжалиться и признать ее цивилизованною, говоря, что въ ней слишкомъ развитъ *личный интересъ*. Въ этомъ случаѣ г. Жеребцовъ строже, чѣмъ самъ На-

полеонъ III, еще недавно признавшій торжественно, что французскій народъ есть «peuple éminemment catholique, monarchique et soldat», слѣдовательно весьма цивилизованный. Ни одного изъ этихъ качествъ г. Жеребцовъ не признаетъ во французахъ и вслѣдствіе того ставитъ ихъ весьма низко въ отношеніи къ цивилизаціи. За одно только хвалитъ ихъ нашъ мыслитель, — за патріотизмъ. «Одно нравственное чувство, — говоритъ онъ, — сохранившееся въ этой націи, къ чести французовъ, — есть общее стремленіе къ славѣ своей страны»... Не мѣшало бы прибавить, что это чувство особенно сильно развито въ гасконцахъ.

Къ Германіи всего болѣе лежитъ сердце автора. Тамъ находитъ онъ и повсюдное распространеніе знаній, и вѣрность, основательность разсудка, и любовь къ общему благу, развитую въ большей степени, чѣмъ гдѣ-либо. О недостаткѣ приложимости теоретическихъ знаній нѣмцевъ упоминаетъ онъ слегка, въ особенности напирая на ихъ любовь къ общему благу. Въ Германіи протестантской, — говоритъ онъ, — общая нравственность основывается на убѣжденіяхъ философскихъ, получающихъ свою силу отъ принциповъ евангельскихъ; въ Германіи же католической, наоборотъ, нравственность основана прямо на религіи, подкрѣпляемой и убѣжденіями философскими. Такимъ образомъ результатъ выходитъ въ обоихъ случаяхъ одинъ и тотъ же — и вотъ вамъ легкое примиреніе протестантства и католицизма!.. Впрочемъ, мы все-таки должны замѣтить, что г. Жеребцовъ уже слишкомъ рѣшительно поступилъ, позволивъ себѣ сдѣлать такого рода похвальный отзывъ о цѣлой Германіи. Читая этотъ отзывъ, такъ и представляешь французскаго тури-

ста, который пишетъ о Россіи: «Русскій народъ очень любитъ французскій языкъ и старается безпрестанно говорить на немъ. Вся Россія достигла высокой степени умственного развитія, потому что всѣ тамъ умѣли съ перваго раза оцѣнить мои достоинства и принимали каждое мое слово съ живѣйшимъ энтузіазмомъ» и пр.

Вотъ такова степень цивилизаціи главнѣйшихъ народовъ Европы; теперь сравнимъ съ ними Россію, — говоритъ г. Жеребцовъ, и вслѣдъ затѣмъ приступаетъ къ изложенію исторіи русской цивилизаціи. Изложеніе это составлено способомъ довольно легкимъ. Всю исторію Россіи г. Жеребцовъ раздѣлилъ, разумѣется, на два отдѣла — древній и новый. Въ первомъ томѣ излагается древняя исторія до Петра; во второмъ новая, отъ Петра до нашихъ временъ. Древняя исторія раздѣлена на четыре періода: до-христіанскій, отъ христіанства до монголовъ, монгольскій и періодъ царей. Обзорѣнія собственно историческія весьма коротки и скомпилированы большею частью изъ Карамзина. Изъ Карамзина же извлечены почти всѣ свѣдѣнія, излагаемая въ главахъ о внутреннемъ состояніи Россіи въ разные періоды, — по слѣдующимъ рубрикамъ: законодательство, администрація, просвѣщеніе, нравственность, литература, искусства, промышленность и торговля. Такимъ же способомъ составлено обзорѣніе новой исторіи Россіи; но здѣсь уже не было для г. Жеребцова руководящей нити, въ родѣ исторіи Карамзина, и потому фактическихъ ошибокъ здѣсь сравнительно больше. Зато объясненіе фактовъ и общій взглядъ на развитіе Россіи — совершенно одинаково ошибочны, узки и странны, — какъ въ первой, такъ и во второй ча-

сти «Опыта» г. Жеребцова. Мы предоставляемъ себѣ въ слѣдующей статьѣ прослѣдить взгляды автора на различныя эпохи русской исторіи и указать его частныя ошибки и увлеченія. Въ сущности, конечно, этого бы и не стоило дѣлать; но г. Жеребцовъ объявляетъ себя въ своей книгѣ представителемъ цѣлой партіи, извѣстной у насъ подъ именемъ славянофиловъ, а въ его «Опытѣ» называемой «le vieux partie russe». Относительно знаній и силы убѣжденія это, правда, представитель довольно плохой; но зато онъ очень полно выразилъ мнѣнія своей партіи, систематически провелъ ихъ по всей русской исторіи и весьма стократно высказалъ тѣ начала, которымъ, по его мнѣнію, долженъ слѣдовать русскій народъ въ своемъ развитіи. Указаніемъ его общихъ взглядовъ мы и закончимъ пока эту статью, съ тѣмъ чтобы въ слѣдующей прослѣдить ихъ развитіе въ частности. Полагаемъ, что для нашихъ читателей вовсе нѣтъ надобности идти въ этомъ случаѣ отъ анализа фактовъ къ синтезу идей, какъ полагаетъ это необходимымъ г. Жеребцовъ для своихъ европейскихъ читателей. Исторія наша извѣстна намъ болѣе или менѣе, слѣдовательно, высшіе взгляды г. Жеребцова могутъ быть понятны. А между тѣмъ общій взглядъ автора на русскую цивилизацію недурно поставить здѣсь рядомъ съ его воззрѣніемъ на цивилизацію другихъ народовъ Европы.

Слѣдуя своему ученію о трехъ элементахъ цивилизаціи, г. Жеребцовъ, въ заключеніе своего «Опыта», даетъ намъ опредѣленіе того, въ какомъ положеніи эти три элемента находятся въ русскомъ народѣ. *Любовь къ общему благу*, признаваемая у него главнымъ изъ элементовъ, приводитъ его въ

восхищеніе высокой степени своего развитія. Великія добродѣтели находятъ г. Жеребцовъ въ русскомъ народѣ: вѣрность православію, набожность, покорность и сострадательность. Добродѣтели эти помрачаются только ничтожнѣйшими, по его мнѣнію, пороками: лукавствомъ, недостаткомъ твердости, лѣнностью и склонностью къ чужому. Но и эти ничтожные пороки извиняются тѣмъ, что они явились вслѣдствіе монгольскаго владычества. Одно только безпокоитъ нѣсколько г. Жеребцова: то, что чѣмъ выше подниматься отъ народа, тѣмъ нравственность болѣе слабѣетъ. Обстоятельство дѣйствительно ужасное; мы вполнѣ это понимаемъ и придаемъ этому такое значеніе, что рѣшаемся привести здѣсь въ переводѣ слова самого г. Жеребцова, опасаясь измѣнить что-нибудь въ начертанной имъ картинѣ (т. II, стр. 584 и слѣд.).

Нравственность разныхъ сословій въ Россіи находится въ обратномъ отношеніи къ общественной іерархіи. Высшій классъ общества, не сохранивши съ народомъ никакой связи въ идеяхъ, обычаяхъ, вѣрованіяхъ и нравственности, стоитъ совершенно отдѣльно, какъ будто особое племя. Онъ создаетъ для себя собственную исторію и свой особенный ходъ нравственнаго развитія, совершившагося въ немъ послѣ реформы. Люди этого класса начали съ отреченія отъ всѣхъ глубокихъ вѣрованій православнаго христіанства, которыми отличались ихъ предки. Они пытались замѣнить ихъ философскими убѣжденіями, взятыми изъ французскихъ писателей XVIII вѣка. Но въ этомъ умышленномъ фейерверкѣ они не нашли твердаго основанія нравственности и погнались за нравственными наслажденіями низшаго сорта, удовлетворяя себя властолюбіемъ, чванствомъ, лестью окружающихъ, роскошью жизни, и такимъ образомъ стараясь наполнить искусственно ту пустоту, которую произвело въ души ихъ отсутствіе религіозныхъ чувствъ, спокойствія и надежды.

Въ этихъ-то нравственныхъ переворотахъ прошелъ весь

XVIII вѣкъ и начало XIX. Идя отъ высшихъ, эти гибельныя стремленія проникали мало-по-малу во все слои дворянства (*toutes les couches de la noblesse*). Чинолюбіе овладѣло всѣми, потому что съ чиномъ все можно было удовлетворить: честолюбіе удовлетворялось полученіемъ многихъ чиновъ; чванство также находило удовлетвореніе, потому что низшій чиномъ обыкновенно прислуживался къ тому, кто имѣлъ чинъ побольше; наконецъ, по чиnamъ занимали мѣста болѣе или менѣе выгодныя, дававшія возможность роскоши, этого единственнаго выраженія превосходства въ обществѣ глубоко матеріалистическомъ. Не прошедши чрезъ школу рыцарства, высшій классъ общества въ Россіи имѣлъ только искусственное и поверхностное понятіе о чести. Это чувство никогда не проникало въ глубину убѣжденій: сего этого класса и очень слабо замѣняло идею долга, основанную на вѣрѣ религіозно-нравственной. Начала философіи полковника Вейсса не были столь сильною уздою для страстей, какою была для нихъ боязнь грѣха. Мысль — оставить честный слѣдъ своего существованія, провозглашенная моралистами XVIII вѣка, не была столько привлекательна, какъ надежда вѣчной награды за добродѣтель, — надежда, составляющая основаніе христіанской вѣры.

Страсти разнообразились по мѣрѣ уточенности въ матеріальныхъ наслажденіяхъ; узда, ихъ сдерживавшая, ослаблялась съ измѣненіемъ горячей и энергической вѣры въ міръ будущій — на слабую и ничтожную мысль о честномъ существованіи временномъ. При этомъ нравственность того класса общества, который подвергся дѣйствию этого измѣненія, необходимо должна была пасть. Распутство и продажности въ общественныхъ должностяхъ были послѣдствіями этого нравственнаго переворота.

Все начали чувствовать тяжесть этихъ недостатковъ, и появилась сатира. Сначала она поражала членовъ низшаго дворянства, потомъ брала себѣ предметы изъ средняго слоя этого сословія; и нынѣ мы видимъ, что она дерзаетъ (*risque*) время отъ времени задѣвать даже высшее дворянство (*sommités nobiliaires*) своимъ благотѣльнымъ остріемъ. Результаты были благотворны: все примѣтило существованіе нравственнаго безобразія въ обществѣ.

NB. Вынужденные нашимъ предметомъ разсмотрѣть

нравственное состояніе дворянства, мы должны были быть строгими въ нашей оцѣнкѣ, потому что, имѣя честь сами принадлежать къ этому дворянству, мы не хотѣли заслужить упрека въ пристрастіи къ нашему собственному сословію. Тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ насъ сказать, что русское дворянство можетъ представить великое множество личностей, достойныхъ всякаго уваженія и всякаго пощенія, и что только по причинѣ слишкомъ огромнаго количества фамилій, составляющихъ это сословіе, и по различію степеней образованія между ними, общее заключеніе постоянно выходитъ въ ихъ невыгоду."

По этой страницѣ, и въ особенности по примѣчанію, читатели наши могутъ судить, до какой степени откровененъ и безпристрастенъ г. Жеребцовъ. Мы ничего не въ состояніи прибавить къ этой выпискѣ, да полагаемъ, что это и не нужно: тутъ весь г. Жеребцовъ — съ своими началами, тенденціями, логикой, свѣдѣніями, способомъ выраженія и пр. Можно только замѣтить еще, что не всегда г. Жеребцовъ выражается такъ смѣло и рѣзко, какъ въ приведенной выпискѣ: здѣсь онъ особенно хотѣлъ показать себя, потому что «не хотѣлъ заслужить упрека въ пристрастіи».

Оставляя, впрочемъ, въ сторонѣ самого автора, будемъ слѣдить далѣе за его идеями. Любовь къ общему благу онъ признаетъ весьма сильною въ народѣ и только высшій классъ общества считаетъ удалившимся отъ этой любви, по причинѣ зараженія его философскими началами полковника Вейсса. Что касается до исчисленныхъ г. Жеребцовымъ пороковъ народа, то онъ считаетъ ихъ неважными, а нѣкоторые признаетъ даже большими достоинствами. Напримѣръ, съ особеннымъ сочувствіемъ говоритъ онъ о томъ, что въ народѣ нашемъ не считается безчестнымъ тѣлесное наказаніе, и что ругательство

или тюремное заключеніе считается гораздо хуже. «Основаніе такого понятія, — говоритъ г. Жеребцовъ, — религіозное: вѣрующій простолюдинъ никакъ не можетъ допустить, чтобы могло быть безславнымъ пятномъ тѣлесное наказаніе, которому подвергался самъ Спаситель рода человѣческаго; онъ вѣруеть, что словесная обида поражаетъ бессмертную часть человѣка, тогда какъ ударъ производитъ страданіе только въ низшей части нашего существа». Послѣ этого убѣдительнаго объясненія г. Жеребцовъ обращается даже съ упрекомъ къ тѣмъ, которые осмѣлились говорить о равнодушіи русскихъ къ тѣлесному наказанію безъ надлежащаго уваженія къ этому прекрасному качеству. Затѣмъ г. Жеребцовъ справедливо заключаетъ, что Россія *хочетъ хорошо, veut bien*. И прекрасно!..

Зато относительно распространенія знаній въ Россіи г. Жеребцовъ сознается, что эта часть у насъ еще слаба. Разумѣется, виновниками этого признаются Батый и Петръ Великій: такъ ужъ выходитъ по народному воззрѣнію!.. Но мы не будемъ на этомъ останавливаться, оставляя всю историческую часть до слѣдующей статьи. Здѣсь представимъ только догматическія положенія г. Жеребцова, относящіяся къ настоящему и отчасти къ будущему Россіи. Относительно знаній, по мнѣнію автора «Опыта», Россія въ настоящее время достигла уже той зрѣлости труда, при которой дальнѣйшіе успѣхи нужно уже будетъ считать не годами, а мѣсяцами. Г. Жеребцовъ не сомнѣвается, что въ самое короткое время Россія выработаетъ даже *избытокъ* знанія, который можетъ потомъ удѣлить на воздѣлываніе общечеловѣческой науки (стр. 614). Въ особенности поддерживаешь такую надежду ха

рактеристика славянскаго ума, сочиненная г. Жеребцовымъ. «Славянинъ вообще,— говоритъ онъ (стр. 547),—обладаетъ особенной способностью приобрѣтать познанія обширныя и разнообразныя. Глубокое знаніе какой-нибудь одной части не поглощаетъ его совершенно; онъ всегда находитъ въ себѣ довольно способности для изученія и другихъ частей, болѣе или менѣе различныхъ между собою, а иногда даже и совершенно разнородныхъ. Славянинъ по натурѣ своей — энциклопедистъ; это — олицетворенный эклектизмъ». И вслѣдъ за этимъ, черезъ двѣ страницы, г. Жеребцовъ восклицаетъ: «вотъ что, по нашему мнѣнію, должно понимать подъ именемъ народности въ наукѣ, провозглашенной старою русскою партіей и навлекшей на нее столько насмѣшекъ со стороны приверженцевъ космополитизма» (стр. 550). Мы ничего не скажемъ относительно достоинства логики, какую обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ г. Жеребцовъ, а замѣтимъ только, что онъ обнаруживаетъ въ этомъ случаѣ нѣкоторый manque de savoir. Совершенно вопреки его предположеніямъ, мнѣніе о томъ, что народность русская состоитъ въ эклектизмѣ, въ подражательности, — было провозглашено именно однимъ изъ приверженцевъ космополитизма. Какъ слишкомъ ужъ оригинальное, оно не нашло защитниковъ въ своей партіи, а отъ старой русской партіи заслужило насмѣшки, да вѣдь какія! . . Если бы г. Жеребцовъ зналъ ихъ, онъ ни за что бы не высказалъ своего мнѣнія о томъ, что подъ именемъ народности въ наукѣ нужно разумѣть славянскій эклектизмъ.

Впрочемъ, славянофилы пощадили бы, по всей вѣроятности, г. Жеребцова за то, что онъ написалъ о будущей народной наукѣ, между прочимъ, слѣдую-

щее: «Славянинъ упроститъ приложеніе знанія къ пользамъ человѣчества и обобщитъ это приложеніе. Въ наукахъ историческихъ, политическихъ и философскихъ роль славяноруса состоитъ въ *облагонравленіи* (moralisation) этихъ наукъ. Онъ сумѣетъ придать имъ этотъ характеръ нравственной пользы, этотъ религіозный духъ, который возвыситъ и очиститъ человѣка, вмѣсто того, чтобы развратить его и погрузить въ міръ матеріальный, безъ будущности и безъ совершенствованія».

Соглашаясь, что въ Россіи еще мало распространены знанія, г. Жеребцовъ не придаетъ, впрочемъ, большого значенія этому обстоятельству: онъ находитъ, что русскіе и безъ науки умны. Способности ихъ такъ велики, что, и не зная ничего, они могутъ разсуждать отлично. Въ подтвержденіе такого сверхъестественнаго феномена стоитъ только, по мнѣнію г. Жеребцова, привести Юстиніана и Кокорева (стр. 552). Юстиніанъ, какъ извѣстно, былъ славянинъ и назывался прежде Управдою. Извѣстно и то, что онъ былъ великій императоръ и что не получилъ никакого школьнаго образованія. Прокопій свидѣтельствуетъ даже, что онъ едва умѣлъ подписывать свое имя. «А между тѣмъ, — восклицаетъ г. Жеребцовъ, — идеи его управляютъ міромъ вотъ уже 1,300 лѣтъ!» И затѣмъ онъ продолжаетъ: «Эта способность славянъ не выродилась и въ наше время. Знаменитый Кокоревъ (le fameux Kokoreff), съ такой выгодной стороны показавшій себя Европѣ своими письмами о русской торговлѣ, которая отличаются оригинальными взглядами и нѣкоторыми глубокими соображеніями, есть дитя народа, и его школьное образованіе ограничивается курсомъ элементарной школы». Такимъ образомъ Юстиніанъ

и Кокоревъ могутъ совершенно утѣшить всякаго, кто вздумалъ бы огорчиться недостаточнымъ распространеніемъ знаній въ Россіи. На основаніи этихъ великихъ примѣровъ и нѣкоторыхъ соображеній, столько же поразительныхъ и оригинальныхъ, г. Жеребцовъ произноситъ слѣдующій приговоръ о мыслительныхъ способностяхъ русскаго народа: «Итакъ, русскій народъ щедро одаренъ умственными способностями, чтобы быть въ состояніи хорошо мыслить. Исторически онъ воспитанъ такъ, что могъ развиваться и усовершенствоваться въ этомъ второмъ элементѣ цивилизаціи, и соперничать съ другими народами, которые считаютъ себя совершенно цивилизованными. Мы не говоримъ: *превзойти*, потому что русскіе скорѣе скромны, чѣмъ самонадѣянны».

Таковы общія идеи автора, таковы его взгляды и желанія. Мы не знаемъ, нужно ли доказывать ихъ несостоятельность предъ судомъ здраваго смысла и ихъ полное несоотвѣтствіе съ дѣйствительностью. Шаткость понятій автора и безпрерывныя противорѣчія его сужденій, замѣтныя даже для самаго невнимательнаго читателя, могли бы насъ избавить отъ этого. Но мы вспоминаемъ опять, что г. Жеребцовъ представляетъ, — плохо, правда, но все-таки представляетъ,—миѣнія цѣлой партіи. Поэтому сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній относительно взгляда на русскую цивилизацію, который такъ неудачно и неловко высказанъ г. Жеребцовымъ, но который въ существенныхъ чертахъ своихъ принимается тою партіею, къ которой авторъ «Опыта» самъ себя причисляетъ. Мы не примемъ на себя труда ронять автора, который такъ нетвердъ на ногахъ, что и самъ по себѣ безпрестанно спотыкается и падаетъ на пу-

ти своихъ умозрѣній. Мы оставимъ въ покоѣ — и полковника Вейсса, какъ развратителя нашего дворянства, и народный характеръ, состоящій въ эклектизмѣ, и сравненіе Юстиніана съ Кокоревымъ, и сочувствіе къ тѣлесному наказанію, столь наивно выраженное; мы не коснемся собственной логики г. Жеребцова, пройдемъ молчаніемъ тѣ качества, какія выразилъ онъ въ характеристикѣ недостатковъ высшаго сословія въ Россіи и въ примѣчаніи къ этой характеристикѣ. Оставимъ все это: навѣрное, немного найдется читателей, которые бы сами не поняли, откуда истекаютъ и къ чему ведутъ соображенія г. Жеребцова, и навѣрное никто не сочтетъ ихъ справедливыми. Поэтому мы обратимъ вниманіе на общія черты взгляда г. Жеребцова, не касаясь личныхъ его ошибокъ.

Во взглядѣ этомъ прежде всего поражаетъ насъ искусственная точка зрѣнія. Берутся свои отвлеченныя принципы, и подъ нихъ подводится живое народное развитіе. Совершенно произвольно ставятся общія начала, дѣлается искусственная классификація, насильственно раздѣляется то, чего нельзя раздѣлять, соединяется то, что не имѣетъ между собою ни малѣйшей связи. Вовсе не думаютъ взглянуть прямо и просто на современное положеніе народа и на его историческое развитіе, съ тѣмъ, чтобы представить картину того, что имъ сдѣлано для усвоенія общечеловѣческихъ идей и знаній, для примѣненія ихъ къ своему быту, или что имъ самимъ создано полезнаго для человечества. Нѣтъ, прежде всего ставятъ надъ народомъ собственныя, условныя идейки, и затѣмъ смотрятъ только на то, въ какой степени удовлетворяетъ онъ этимъ идейкамъ. И какой мертвечиной схоластики вѣетъ отъ самыхъ иде-

скъ этихъ! Какъ будто можно не шутя отдѣлять въ народномъ развитіи знаніе отъ мышленія и мышленіе отъ стремленія къ общему благу! Какъ будто есть возможность серьезно искать общаго блага, когда не умѣешь порядочно разсуждать, и будто можно хорошо разсуждать, не имѣя нужныхъ свѣдѣній, не зная того, о чемъ хочешь разсуждать! . Вѣдь это можно въ насмѣшку повторять слова щедринской талантливой натуры, что «русскіи чело-вѣкъ безъ науки всѣ науки прошелъ»; въ насмѣшку можно сказать, что г. Кокоревъ, не имѣя никакихъ познаній, внезапно написалъ гениальное сочиненіе о предметѣ, который отъ другихъ обыкновенно требуетъ продолжительныхъ занятій и серьезнаго изученія. Не въ шутку этого говорить нельзя и объ отдѣльномъ чело-вѣкѣ, не только что о цѣлой націи. Въ развитіи народовъ и всего чело-вѣчества — сами принципы, признаваемые главнѣйшими двигателями исторіи, зависятъ несомнѣнно отъ того, въ какомъ положеніи находятся, въ ту или другую эпоху, чело-вѣчскія познанія о мѣрѣ. Сужденіе о предметѣ, мнѣніе — необходимо связывается съ каждымъ знаніемъ. Невозможно представить себѣ предмета, который бы я зналъ и о которомъ бы у меня не было никакого сужденія въ головѣ. Сужденіе мое можетъ быть невѣрно или нетвердо, робко; но и это опять будетъ зависеть отъ недостаточнаго знанія всѣхъ сторонъ предмета. Если же я знаю предметъ такъ основательно и ясно, что въ немъ уже не остается для меня ничего незнакомаго или непонятнаго, то заключеніе мое о немъ непременно будетъ отличаться тою же рѣшительностью и ясностью. Да вѣдь самый процессъ усвоенія знаній заключаетъ въ себѣ и разсудочную дѣятельность, т. е. соста-

вленіе сужденій и умозаключеній. Извѣстно, даже изъ начальныхъ основаній логики, что только посредствомъ силлогизма можно составить понятіе о предметѣ; а силлогизмъ опять основывается на посылкахъ, которыхъ вѣрность зависитъ отъ большей или меньшей правильности данныхъ; для правильности же данныхъ нужно знать предметъ, къ которому они относятся, и т. д. И это, столь неразрывное въ своемъ единствѣ, органически-цѣлое явленіе хотятъ намъ представить какъ двѣ вещи совершенно отдѣльныя, изъ которыхъ одна легко можетъ обойтись безъ другой! Хотятъ увѣрить насъ, что можетъ быть народъ, набивающій себя познаніями, безъ умѣнья мыслить, и можетъ быть другой народъ, предающійся мысли, безъ знаній. Да вѣдь что же составляетъ матеріаль мысли, какъ не познаніе внѣшнихъ предметовъ? Возможна ли же мысль безъ предмета; не будетъ ли она тогда чѣмъ-то не постижимымъ, лишеннымъ всякой формы и содержанія? Вѣдь защищать возможность такой безпредметной и безформенной мысли рѣшительно значитъ утверждать, что можно сдѣлать что-нибудь изъ ничего! . .

Но раздѣляющіе знаніе отъ мышленія говорятъ, что не всѣ люди одарены одинаковой способностью комбинировать тѣ данныя, которыя имъ представляются, и что отсюда-то и происходитъ разнообразіе выводовъ, какіе дѣлаются различными людьми объ однихъ и тѣхъ же предметахъ. Съ этой точки зрѣнія, говорятъ они, и можно разсматривать разныя личности и разныя народности совершенно отдѣльно по каждому изъ двухъ пунктовъ; знанія могутъ быть у человѣка въ извѣстномъ объемѣ и порядкѣ, но умѣнье распоряжаться ими можетъ быть развито

совершенно несоотвѣтственнымъ образомъ. Справедливость факта этого можно признать; но если и можно придавать ему какое-нибудь значеніе, то во всякомъ случаѣ скорѣе относительно отдѣльныхъ лицъ, нежели цѣлаго народа. Въ значительной массѣ людей не такъ легко можетъ произойти наплывъ невыработанныхъ и противорѣчащихъ знаній, ставящихъ въ тупикъ силу мыслящую, какъ въ одномъ человѣкѣ; въ цѣломъ же народѣ рѣшительно невозможно это, потому что непонятное или неясно понятное однимъ непременно будетъ здѣсь уясняться и повѣряться другими. Если можетъ быть существенное различіе между народами въ умственномъ отношеніи, такъ это въ обиліи и характерѣ самыхъ знаній, успѣвшихъ войти въ сознаніе народа. Знанія эти, завися отъ разнообразія мѣстныхъ предметовъ, могутъ, конечно, значительно различаться у разныхъ народовъ, производя разницу въ характерѣ народа, относительно его пылкости или холодности, стремительности или медленности, и т. п. Разнообразіе же въ мыслительной способности можетъ состоять и здѣсь только въ томъ, что о предметахъ чужихъ, менѣе извѣстныхъ, сужденія составляются медленнѣе и съ меньшей основательностью, чѣмъ о явленіяхъ близкихъ и всѣмъ хорошо знакомыхъ.

Все это такъ просто и ясно, что мы не считаемъ нужнымъ даже подтверждать это примѣрами и болѣе пространными разсужденіями. Но даже если различіе въ умственныхъ способностяхъ разныхъ народовъ и признать фактомъ справедливымъ, и тогда все-таки этого различія нельзя принять за исходную точку для взгляда на развитіе цивилизаціи. Народныя различія вообще зависятъ всего болѣе отъ историческихъ обстоятельствъ развитія народа.

Въ особенностяхъ же это можно сказать о чисто-интеллектуальномъ развитіи. Всякое различіе въ этомъ отношеніи должно быть признаваемо слѣдствіемъ цивилизаціи, а не коренною ея причиною. Не потому, въ самомъ дѣлѣ, англичане отличаются практическими приложеніями знаній, что таковы ужь искони врожденныя ихъ свойства, «такъ ужь имъ это Богъ далъ»; а напротивъ — эти самыя свойства явились у англичанъ въ продолженіе вѣковъ, въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ ихъ историческаго развитія. Такъ точно — не потому русскіе до сихъ поръ подражали Западу, что ужь такая у славянъ природа эклектическая, а просто потому, что къ подражанію велъ ихъ весь ходъ русской цивилизаціи. Такимъ образомъ, если ужь и можно обращать вниманіе на народныя различія съ этой стороны, то не иначе какъ въ строгой, послѣдовательной, неразрывной связи разсматривая внѣшнее распространеніе знаній и внутреннюю ихъ обработку въ сознаніи народа. Раздѣлять эти двѣ вещи можно было бы еще тогда, когда бы авторъ объявилъ, что подъ знаніемъ вообще онъ разумѣетъ все, что только когда-либо коснулось слуха народа, хотя бы и не оставивъ въ сознаніи его ни малѣйшаго слѣда. Но можно ли называть это знаніемъ, можно ли подобное знаніе принимать какъ одинъ изъ элементовъ цивилизаціи? Нѣтъ, очевидно, тутъ разумѣется знаніе живое, ясное, глубоко-проникшее въ сознаніе, сдѣлавшееся убѣжденіемъ и правиломъ жизни. И вдругъ — такое знаніе хотятъ разсматривать отдѣльно отъ умственныхъ способностей! . .

Еще болѣе странною представляется намъ ошибка, какую дѣлають добрые люди, толкуя о третьемъ

элементъ ихъ цивилизаціи, — о любви къ общему благу, независимо отъ знаній и умственнаго развитія народа. Намъ представляется прежде всего страшная неопредѣленность въ этомъ выраженіи: любовь къ общему благу. Каждый можетъ толковать его по-своему. Затѣмъ мы не понимаемъ, какая же нелюбовь къ общему благу можетъ быть въ цѣломъ народѣ? Безъ всякаго сомнѣнія, каждый народъ вообще хочетъ себѣ добра и старается его достигнуть, когда дѣйствуетъ свободно, всей массой, не стѣсняемый посторонними препятствіями. Если же его дѣйствія стѣсняются кѣмъ-нибудь и направляются не къ добру, то отвѣтственность за это, какъ за дѣйствіе несвободное, снимается съ народа и переносится на тѣ лица, которыя его стѣсняютъ. Когда же можетъ быть случай, чтобъ народъ весь выразилъ нелюбовь къ общему благу? Въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ попадаетъ на ложный и вредный путь развитія? Но тутъ надобно видѣть ошибку, недостатокъ вѣрныхъ знаній, а все-таки не отвращеніе отъ общаго блага. Очевидно, что люди, отыскивающіе въ народахъ развитіе любви къ общему благу, берутъ уже здѣсь не массу народа, а отдѣльныя личности. Много имъ встрѣтилось въ народѣ лицъ, подающихъ милостыню: значитъ, любовь къ общему благу развита. Много нашлось людей, ищущихъ только собственной выгоды: стало быть, любовь къ общему благу развита слабо. Что можетъ быть наивнѣе такого заключенія? Ничего никому не доказывая, оно можетъ служить только къ большому обнаруженію несостоятельности мнѣнія о любви къ общему благу, какъ о чемъ-то реальномъ, особо и самостоятельно существующемъ въ народѣ. Заключеніе о разли-

чѣи въ народахъ этой любви основывается очевидно на томъ, что въ одномъ народѣ менѣе людей, ищущихъ собственнаго, личнаго блага, а въ другомъ — болѣе. Но вѣдь это совершенно несправедливо. Бсѣ люди, во всѣ времена, во всѣхъ народахъ, искали и ищутъ собственнаго блага; оно есть неизбѣжный и единственный стимулъ каждаго свободнаго дѣйствія человѣческаго. Разница только въ томъ, кто какъ понимаетъ это благо, въ чемъ видитъ удовлетвореніе своего эгоизма. Есть эгоисты грубые, которыхъ взглядъ чрезвычайно узокъ и которые понимаютъ свое благо въ лѣни, въ чувственности, въ уничиженіи предъ собою другихъ и т. п. Но есть эгоисты и другого рода. Ихъ дѣйствія можно производить изъ безкорыстной любви къ общему благу, но въ сущности и у нихъ первое побужденіе — эгоизмъ. Отецъ, радующійся успѣху своихъ дѣтей, гражданинъ, принимающій близко къ сердцу благо своихъ соотечественниковъ — тоже эгоисты: вѣдь все-таки *они, они сами*, чувствуютъ удовольствіе при этомъ, вѣдь они не отрекаются отъ себя, радуясь радости другихъ. Даже когда человѣкъ жертвуетъ чѣмъ-нибудь своимъ для другихъ, — эгоизмъ и тутъ не оставляетъ его. Онъ отдастъ бѣдняку деньги, приготовленные на прихоть: это значитъ, что онъ развился до того, что помощь бѣдняку доставляетъ ему больше удовольствія, нежели исполненіе прихотей. Но если онъ дѣлаетъ это не по влеченію сердца, а по предписанію долга, повелѣвающаго любовь къ общему благу? Въ этомъ случаѣ эгоизмъ скрывается глубже, потому что здѣсь уже дѣйствіе не свободное, а принужденное: но и тутъ есть эгоизмъ. Почему-нибудь человѣкъ предпочитаетъ же предписаніе долга

своему внутреннему влеченію. Если въ немъ нѣтъ любви, то есть страхъ: онъ опасается, что нарушеніе долга повлечетъ за собою наказаніе или какія-нибудь непріятныя послѣдствія; за исполненіе же онъ надѣется: награды, доброй славы и т. п. Такимъ образомъ, любовь къ общему благу (въ которой иные могутъ видѣть и самоотверженіе, и обезличеніе человѣка) есть, по нашему мнѣнію, не что иное какъ благороднѣйшее проявленіе личнаго эгоизма. Когда человѣкъ до того развился, что не можетъ понять своего личнаго блага внѣ блага общаго; когда онъ при этомъ ясно понимаетъ свое мѣсто въ обществѣ, свою связь съ нимъ и отношенія ко всему окружающему, тогда только можно признать въ немъ дѣйствительную, серьезную, а не реторическую, любовь къ общему благу. Ясно, слѣдовательно, что для значительнаго развитія въ обществѣ этого качества нужно высокое умственное развитіе всѣхъ его членовъ, нужно много живыхъ и здравыхъ понятій, не головныхъ только, но проникшихъ въ самое сердце, перешедшихъ въ практическую дѣятельность, переработанныхъ въ плоть и кровь человѣка. Не случайные порывы, не призрачныя стремленія, развившіяся по чужимъ фантазіямъ, а именно масса такихъ выработанныхъ знаній, проникшихъ въ народъ, управляетъ ходомъ исторіи человѣчества. До сихъ поръ подобныхъ знаній еще весьма мало выработано людьми, да и тѣ, которыя выработаны, рѣдко проникали во всю массу народа. Оттого до сихъ поръ исторія народовъ представляетъ въ своемъ ходѣ нѣкотораго рода путаницу: одни постоянно спятъ, потому что хоть и имѣютъ нѣкоторыя знанія, но не выработали ихъ до степени сердечныхъ, практическихъ убѣжденій;

другіе не возвысили еще своего эгоизма надъ инстинктами хищной природы и хотятъ удовлетворить себя притѣсненіемъ другихъ; третьи, не понимая настоящаго, переносятъ свой эгоизмъ на будущее; четвертые, не понимая самихъ себя, тѣшатъ свой эгоизмъ помѣщеніемъ себя подъ чужой покровъ, и т. д. Непониманіе того, въ чемъ находится настоящее благо, и стараніе отыскивать его тамъ, гдѣ его нѣтъ и не можетъ быть, — вотъ до сихъ поръ главный двигатель всемірной исторіи.

Какъ же это у насъ-то такъ сильно развилась любовь къ общему благу? — спросимъ мы г. Жеребцова съ братією. Откуда ей было взяться у насъ, если знанія у насъ распространены такъ мало, по собственному сознанію автора «Опыта», — сознанію, вполнѣ согласному съ дѣйствительностью? Или г. Жеребцовъ и всѣ, признающіе справедливость его мнѣнія, понимаютъ подъ любовью къ общему благу что-нибудь другое, а не то, что слѣдуетъ; или въ ихъ сужденіи находится явное и грубое противорѣчіе. Чтобы *понять общее благо*, нужно много основательныхъ и твердыхъ знаній объ отношеніи человѣка къ обществу и ко всему вышнему міру; чтобы *полюбить* общее благо, нужно воспитать въ себѣ эти здравыя понятія, слить ихъ съ собственнымъ существомъ своимъ. Но и этого еще мало отдѣльному человѣку для того, чтобы по идеѣ любви къ общему благу *расположить всю свою дѣятельность*. Тутъ уже силы одного человѣка ничтожны: нужно, чтобы большинство общества прониклось тѣми же убѣжденіями, достигло такой же степени развитія. Тогда только можно сказать объ обществѣ, что въ немъ дѣйствительно распространена истинная любовь къ общему благу. Но ска-

зять это объ обществѣ, въ которомъ самъ же признаешь недостатокъ распространенія даже элементарныхъ свѣдѣній, значить сказать горькую насмѣшку...

Намъ могутъ замѣтить, что предъявляемые нами требованія никогда и нигдѣ еще не были выполняемы. Мы это знаемъ и не хотимъ указывать русскому обществу какіе-нибудь идеалы въ современныхъ европейскихъ государствахъ. Но мы не думаемъ, чтобъ этимъ уничтожалась истина нашихъ словъ. Мы ставимъ мѣрку: пусть никто не доросъ до нея, все-таки по ней можно судить объ относительномъ ростѣ каждаго. А по фантастической чертѣ, проведенной г. Жеребцовымъ въ воздухѣ, ни о чемъ нельзя судить.

Мы предвидимъ, впрочемъ, что приверженцы взгляда, излагаемаго г. Жеребцовымъ, скажутъ намъ, что любовь къ добру есть чувство врожденное человѣку и отъ знанія не зависитъ. Мы готовы согласиться съ этимъ, потому что сами опредѣляемъ природный эгоизмъ человѣка стремленіемъ къ возможно большему добру. Но тутъ, какъ на зло, непременно является неотвязный вопросъ: въ чемъ же добро-то? Для разрѣшенія этого вопроса опять-таки неизбѣжно знаніе. А какъ быть, сжали его нѣтъ?

На вопросъ этотъ мы находимъ положительный отвѣтъ относительно древней Руси и въ книгѣ г. Жеребцова и во всѣхъ твореніяхъ славянофиловъ. Они увѣряютъ, что вопросы о томъ, что добро и что худо, были еще издавна въ древней Руси разрѣшены Византіею. Отъ Византіи пришла къ намъ образованность, оттуда получили мы и готовое рѣшеніе вопросовъ о добрѣ и злѣ. Въ теченіе вѣ-

ковъ византійскія убѣжденія проникли въ массу народа, срослись съ существомъ его и въ практической дѣятельности выразились избыткомъ любви къ общему благу. Это мнѣніе есть одинъ изъ основныхъ пунктовъ славянофильскаго ученія. Но мы позволяемъ себѣ совершенно иначе думать о вліяніи на русскій народъ греческой образованности. Не говоримъ о томъ, было ли оно благотѣльно тамъ, куда успѣло проникнуть, но мы знаемъ, что оно весьма мало проникло въ народъ, не вошло въ его убѣжденія, не одушевило его въ практической дѣятельности, а только наложило на него нѣкоторыя свои формы. Въ слѣдующей статьѣ мы будемъ имѣть случай показать, какъ мало благотѣльнаго значенія имѣло византійское вліяніе въ историческомъ развитіи Руси; теперь же замѣтимъ только, что, видно, слабо оно дѣйствовало въ сердцахъ русскихъ, когда не могло противостоять волѣ одного человѣка, да и то напавшаго на него не прямо, а очень и очень косвенно, при реформѣ государственной. Лично для г. Жеребцова мы, пожалуй, прибавимъ еще слѣдующее замѣчаніе: очень, видно, слабо было византійское вліяніе въ русскихъ сердцахъ, когда оно уступило даже вліянію «заразительной» философіи полковника Вейсса! . .

Что касается вопроса, въ какой мѣрѣ въ настоящее время любовь къ общему благу распространена въ обществѣ и народѣ русскомъ, объ этомъ мы ужъ и говорить не рѣшаемся послѣ всего, что на этотъ счетъ было писано гг. Щедринымъ, Печерскимъ, Селивановымъ, Елагинымъ и пр. Собственнымъ примѣромъ эти писатели доказали, что любовь къ общей пользѣ доходитъ въ нѣкоторыхъ представителяхъ русскаго общества до самоотвер-

женія; объективная же сторона ихъ дѣятельности показала, что самоотверженіе русскаго народа доходитъ дѣйствительно до крайнихъ предѣловъ, даже до глупости. Наши соображенія относительно этого предмета покажутся слишкомъ слабыми послѣ прекрасныхъ этюдовъ названныхъ нами писателей. Впрочемъ, еще прежде ихъ весьма краснорѣчиво и убѣдительно говорилъ объ этомъ извѣстный своимъ самоотверженіемъ для пользы общей, Антонъ Антоновичъ Сквозникъ-Дмухановскій, словами котораго мы и закончимъ пока съ этимъ вопросомъ и съ настоящей статьей! «Иной городничій, конечно, радѣлъ бы о своихъ выгодахъ. Но вѣрите ли, что, даже когда ложнись спать, все думаешь: Господи Боже мой, какъ бы такъ устроить, чтобы начальство увидѣло мою ревность и было довольно. Наградятъ ли оно или нѣтъ, — конечно, въ его волѣ, — но крайней мѣрѣ я буду спокоенъ въ сердцѣ. Когда въ городѣ во всемъ порядокъ, улицы выметены, арестанты хорошо содержатся, пьяницъ мало . . . то чего жъ мнѣ больше? Ей-ей, и почестей никакихъ не хочу. Оно, конечно, заманчиво . . . но предъ добродѣтелью все прахъ и суета! . . .».

II.

Мы начали первую статью нашу о г. Жеребцовѣ указаніемъ на тѣ обстоятельства, которыя поставляли автора въ особенно благопріятное положеніе при изданіи его книги. Теперь, приступая къ разбору нѣкоторыхъ частныхъ сочиненій г. Жеребцова, мы должны прежде всего замѣтить, что ни однимъ изъ этихъ обстоятельствъ онъ не умѣлъ

или не хотѣлъ воспользоваться. Онъ какъ будто позабылъ, что пишетъ въ Европѣ, что издастъ свою книгу для европейскихъ читателей, не совсѣмъ привыкшихъ къ тѣмъ понятіямъ, которыя такъ обыкновенны и естественны кажутся у насъ. Увлеченный тѣми патріотическими стремленіями, о которыхъ такъ много распространялись мы въ прошедшей статьѣ, г. Жеребцовъ не избѣжалъ громкихъ фразъ и риторическихъ изображеній, которыми, конечно, никого теперь не обманешь въ Европѣ. Мало того, — въ порывѣ патріотическаго усердія г. Жеребцовъ наговорилъ о любезномъ отечествѣ не мало такихъ вещей, которыя, — совершенно незаслуженно, — бросаютъ на любезное отечество не совсѣмъ хорошую тѣнь, хотя авторъ, рассказывая всѣ эти вещи, имѣлъ въ виду единственно превознесеніе означеннаго любезнаго отечества. Все это произошло оттого, что г. Жеребцовъ слишкомъ уже понадѣялся на то, что Европа ничего не знаетъ о Россіи и что слѣдовательно ей можно рассказывать все, что угодно. Но очевидно, что такая надежда автора слишкомъ преувеличена, и кромѣ того, онъ совершенно напрасно позабылъ о томъ, что если европейскіе читатели не знаютъ исторіи и образованности русской, то все же они знакомы хоть съ *какой-нибудь* исторіей и имѣютъ хоть *какую-нибудь* образованность. Смотря на всю Европу съ высоты своего славянскаго величія, г. Жеребцовъ рѣшительно не хочетъ признать этого и поступаетъ съ своими читателями такъ, какъ будто бы они не имѣли ни малѣйшаго понятія — не только объ исторіи и образованности, но даже о самыхъ простыхъ логическихъ построеніяхъ; какъ будто бы они лишены были не толь-

ко всякихъ познаній, но даже и здраваго смысла. Столь ложныя отношенія автора къ своимъ читателямъ служатъ источникомъ множества забавныхъ ошибокъ и ложныхъ положеній, наполняющихъ книгу г. Жеребцова. Трудно отыскать хотя одну страницу въ его историческихъ обзорѣняхъ, на которой бы не было грубыхъ недосмотровъ, самыхъ произвольныхъ толкованій, самыхъ поразительныхъ невѣрностей даже въ простомъ изложеніи фактовъ. И все это соединяется съ рѣзкою самоувѣренностью тона, доходящею до того, что личныя, ни на чемъ не основанныя догадки автора высказываются какъ аксіомы, какъ факты несомнѣнно доказанные! Удивительно, невѣроятно казалось намъ фантастическое произведеніе русскаго патріота барона Розена, утверждавшаго, что Россія должна гордиться скиѣскимъ царемъ Мидіасомъ, затмившимъ Александра Македонскаго, и что «преобладательный скиѣскій элементъ» особенно ярко выразился у насъ въ Святославѣ, Петрѣ Великомъ и Суворовѣ. Изумителенъ и непонятенъ былъ намъ г. Вельтманъ, доказывавшій, что славянскія государства процвѣтали уже задолго до троянской войны и что Борисъ Годуновъ былъ дядя царя Федора Ивановича. Страненъ и забавенъ былъ для насъ извѣстный ученый, изъ патріотизма восхитавшійся тѣмъ, что «не жадеи русскій народъ, не завистливъ» — ибо «летаетъ вокругъ него птица — онъ не бьетъ ея, плаваетъ рыба — онъ не ловитъ ея и довольствуется скудною и даже нездоровою пищею». Но всѣ эти патріоты и ученые должны уничтожиться предъ патріотизмомъ и ученостію г. Жеребцова: онъ такъ далеко простеръ историческое невѣдѣніе и отсутствіе правильности и

добросовѣстности въ выводахъ, что ученые натяжки гг. Розена, Вельтмана, Шевырева и пр. кажутся просто невинной шалостью въ сравненіи съ его умствованиями и изобрѣтенными имъ фактами. На нашихъ доморожденныхъ ученыхъ можно было смотрѣть съ кроткимъ умилениемъ: они вѣдь просто забавлялись, шалили для собственнаго удовольствія . . . При томъ же ихъ фантастическія бредни, если и выходили иногда изъ предѣловъ приличія, дозволяемаго здравымъ смысломъ, то могли, по крайней мѣрѣ, быть извинены тѣмъ, что авторы не церемонятся показываться отечественной публикѣ совершенно по-домашнему, — небритые, немытые, неодѣтые. Но нѣтъ этого оправданія для человѣка, который рѣшается показать себя и Россію Европѣ, который рекомендуется наставникомъ и просвѣтителемъ европейской публики. Онъ не можетъ представлять своимъ читателямъ голыя фразы; онъ долженъ заpastись хоть какими-нибудь знаніями, хоть немножко промыть себѣ очи и привести въ порядокъ свои разбросанныя мысли. Въ противномъ случаѣ авторъ показываетъ величайшее неуваженіе не только къ своимъ читателямъ, но и къ тому предмету, о которомъ берется разсуждать.

Предметъ г. Жеребцова—Россія и ходъ ея развитія—вовсе не такъ ничтоженъ, чтобы можно было приниматься за него, не давши себѣ труда усвоить даже элементарныя свѣдѣнія о виѣшнихъ фактахъ, не говоря уже о ихъ внутреннемъ значеніи и связи. Намъ совѣстно было бы постоянно слѣдить за г. Жеребцовымъ въ его промахахъ, выдумкахъ и искаженіяхъ фактовъ русской исторіи, и мы надѣемся, что читатель этого отъ насъ не потребуетъ. Но нельзя же не дать нѣсколькихъ образчиковъ того,

до какой степени простирается небрежность и невѣдѣніе автора, и мы рѣшаемся исполнить эту прискорбную обязанность, чтобы не стали насъ обвинять въ голословности нашего отзыва.

Выбирать у г. Жеребцова не изъ чего: все равно, куда ни загляни. Поэтому мы и начнемъ съ самаго начала, — съ основанія Руси. Тутъ ли ужъ, кажется, не легко автору соблюсти вѣрность и основательность въ краткомъ изложеніи событій? Сколько объ этомъ было у насъ писано, сколько источниковъ подъ руками, какъ разъясненъ взглядъ на эпоху! Посмотрите же, какъ хорошо г. Жеребцовъ всѣмъ этимъ воспользовался.

Т. I, стр. 50. «Сподвижники Рюрика носили титулъ князя, если были его родственники, или мужа, если не были изъ его фамиліи».

Откуда взято такое положительное свѣдѣніе? Неужели, перенося его изъ позднѣйшаго періода ко временамъ Рюрика, авторъ не сообразилъ, что слова *мужъ* и *князь* не могли быть занесены въ Русь варягомъ Рюрикомъ, что они гораздо ранѣе существовали въ славянскихъ нарѣчіяхъ, безъ всякаго отношенія къ родословному древу Рюрика, и что во времена Рюрика и Олега лѣтописи упоминаютъ князей, которые вовсе не должны были приходить роднею Рюрику. Олегъ требуетъ съ грековъ «уклады на русскіе города, по тѣмъ бо городомъ сѣдяху князья, подъ Ольгомъ суще». Игорьвы послы говорятъ, что они посланы «отъ Игоря, Ольги и отъ всякое княжья»... Не хочетъ ли г. Жеребцовъ представить родословное древо этой «всякой княжьи»? Ему, кажется, очень хочется, чтобы «всякое княжье» не могло происходить иначе какъ отъ Рюрика.

Стр. 50. «Рюрикъ послалъ двухъ изъ своихъ мужей, Аскольда и Дира, чтобы они его именемъ заняли городъ Кіевъ».

Сравните это хоть съ рассказомъ Карамзина, который говоритъ: «Аскольдъ и Диръ, *можетъ быть* недовольные Рюрикомъ, отправились искать счастья» . . . Въ примѣчаніи же Карамзинъ прибавляетъ: «у насъ есть *повѣйшая* сказка о началѣ Кіева, въ коей авторъ пишетъ, что Аскольдъ и Диръ, отправленные Олегомъ послами въ Царьградъ, увидѣли на пути Кіевъ», и пр. . . . Очевидно, что г. Жеребцову понравилась эта сказка, и онъ ее еще измѣнилъ по-своему для того, чтобы изобразить Аскольда и Дира ослушниками великаго царя и оправдать поступокъ съ ними Олега.

Стр. 51. «Узнавъ о неудачѣ предпріятія Аскольда и Дира противъ Царьграда, Олегъ подумалъ, что ему легко теперь овладѣть Кіевомъ. Съ этою цѣлью онъ пошелъ на Смоленскъ», и пр. . . .

Увлечшись мыслью о дипломатической мудрости Олега, г. Жеребцовъ не сообразилъ, что походъ Аскольда и Дира на Царьградъ былъ въ 866 г., еще при Рюрикѣ, и что Олегово княженіе начинается, по лѣтописямъ, только съ 879 г., походъ же на Смоленскъ и Кіевъ относится къ 882 г. Выходитъ, что Олегъ-то 16 лѣтъ думалъ воспользоваться неудачею Аскольда и Дира: плохая дипломатія!

Стр. 52. «Подоспѣвши къ Кіеву, Олегъ послалъ Аскольду и Диру приглашеніе — *явиться къ нему въ станъ, для привѣтствія князя Игоря, съ которымъ онъ отправлялся въ Константинополь*».

Спрашивается: зачѣмъ г. Жеребцовъ, рассказывая извѣстное преданіе, искажаетъ его и не хочетъ

сказать, что Олегъ обмануль Аскольда и Дира, назвавшись купцомъ и не помянувь обѣ Игорѣ? . .

Стр. 52. «Олегъ сдѣлалъ Кіевъ своею столицею. Можетъ быть, мятежный духъ новгородцевъ и ихъ постоянныя республиканскія стремленія имѣли вліяніе на такое рѣшеніе Олега».

Какое разумное объясненіе! Какъ оно вытекаетъ изъ характера первыхъ князей русскихъ! И какая честь для мудраго и храбраго Олега, что онъ бѣжалъ отъ своего народа, опасаясь его либеральныхъ наклонностей! . .

Стр. 53. «Олегъ прибилъ къ воротамъ Царьграда щитъ Игоря, съ изображеніемъ всадника».

Не понравилось г. Жеребцову извѣстіе, что Олегъ прибилъ свой щитъ къ воротамъ Царьграда; онъ и сочинилъ Игоревъ щитъ, да еще и съ изображеніемъ всадника. Последнее извѣстіе взято, конечно, изъ Стрыйковскаго, который говоритъ, что самъ видѣлъ щитъ на Галатскихъ воротахъ, съ изображеніемъ св. Георгія. Такое свидѣтельство не могло не прельстить г. Жеребцова: какъ же не прельститься, — у Олега на щитѣ изображенъ св. Георгій, и греки отъ Олега до Стрыйковскаго любятъ вражескимъ трофеемъ на воротахъ своей столицы! . . Можно ли не воспользоваться такимъ великолѣпнымъ извѣстіемъ? Можно ли за него не чувствовать симпатіи къ Стрыйковскому, который, между прочимъ, сообщаетъ и такія извѣстія, что Добрыня (Никитичъ) былъ женщина! . .

Стр. 54. «Договоръ Олега заключенъ былъ 15 сент. 912 г.».

Умѣетъ авторъ читать лѣтописи! Тамъ сказано: «мѣсяца сентябрю въ 2, а въ недѣлю 15, въ лѣто созданія міру 6420».

Стр. 55. «Большая часть этихъ законовъ, «изложенныхъ въ договорѣ Олега, имѣла силу въ Новгородѣ еще до пришествія норманновъ, и по нимъ-то хотѣли управляться новгородцы, призывая къ себѣ князей на княженіе».

На чемъ основалъ авторъ такое рѣшительное сужденіе? Не на томъ ли, что новгородцы часто брали съ князей обѣщаніе держать ихъ «по льготнымъ грамотамъ Ярославовымъ?». Можетъ быть, онъ полагаетъ, что Ярославъ былъ въ Новгородѣ до пришествія норманновъ?

Стр. 55. «Въ 914 г., воспользовавшись несчастной войною имперіи съ болгарами, Игорь пошелъ на грековъ».

Удивительно, какъ неудачно г. Жеребцовъ навязываетъ князьямъ русскимъ дипломатическія соображенія. Дѣйствительно, Симеонъ болгарскій велъ войну съ императоромъ Романомъ, но только это было въ 929 г. Игорь опоздалъ 12 годами у г. Жеребцова; въ 941 г., когда онъ пошелъ на грековъ, то, по извѣстіямъ нашихъ лѣтописей, «послалъ болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ».

Стр. 56. «Игорь обязался давать каждому изъ своихъ подданныхъ, отправляющемуся во владѣнія императора, письменный паспортъ, въ которомъ прописывалась цѣль путешествія и свидѣтельствовались мирныя намѣренія путешественника».

Такой смыслъ придаетъ г. Жеребцовъ статьѣ договора, гдѣ говорится о *послахъ и гостяхъ*: «Иже посылаеми бывають отъ нихъ *сли и госте*, да приносятъ грамоту, пишюче сице: яко послахъ корабль селько. И отъ тѣхъ да увѣмы и мы, яко съ ми-

ромъ приходятъ». Кажется, это не совсѣмъ то, что выводитъ г. Жеребцовъ.

Стр. 56. «Игорь въ этомъ году началъ новую войну съ древлянами, чтобы заставить ихъ увеличить количество платимой ими дани. Пополнивши дань, онъ отослалъ ее въ Кіевъ, вмѣстѣ съ частью своей дружины; но (что значитъ здѣсь *но*?) древляне, будучи раздражены и пользуясь изнеможеніемъ его войска, напали на него и его убили».

Какъ скромно рассказываетъ г. Жеребцовъ похождения Игоря! Иностранцы могутъ повѣрить ему; но мы ему напомнимъ простодушный рассказъ лѣтописи, не лишенный своего рода занимательности. «Въ лѣто 6453 рекоша дружина Игоревн: отроци Свѣнелжи изодѣлися суть оружіемъ и порты, а мы нази; понди, княже, съ нами въ дань, да и ты добудеши, и мы. Послуша ихъ Игорь, иде въ Деревя въ дань, и примышляше къ первой дани, насиляще имъ, и мужи его; возъемавъ дань, поиде въ градъ свой. Идуцю же ему вснятъ, размысливъ рече дружинѣ своей: «идите съ данью домови, а я возвращюся, похожу и еще». Пустя дружину свою домови, съ маломъ же дружины возвратися, желая больша имѣнья. Слышавше же древляне, яко опять идетъ, сдумавше съ княземъ своимъ Маломъ: «аще ся ввадитъ волкъ въ овцы, то выносить все стадо, аще не убьютъ его; тако и се, аще не убьемъ его, то вся насъ погубить», послана къ нему, глаголюще: «почто идеши опять? Поймалъ еси всю дань». И не послуша ихъ Игорь, и вышедши изъ града изъ Коростеня, древляне убили Игоря и дружину его». Вотъ какъ происходило дѣло, по сказанію лѣтописи. Напрасно г. Жеребцовъ въ своемъ рассказѣ совершенно измѣнилъ характеръ происшествія.

Краткость его историческихъ очерковъ не можетъ служить ему оправданіемъ.

На стр. 56—57 находится разсказъ о воробьяхъ и голубяхъ, посредствомъ которыхъ Ольга сожгла Коростень, и ни слова не говорится о послахъ древлянскихъ къ Ольгѣ. Видно, что авторъ счелъ разсказъ о послахъ баснею, а воробьевъ принялъ за чистую монету. По крайней мѣрѣ преданіе о воробьяхъ разсказано у г. Жеребцова тономъ глубочайшей увѣренности въ исторической истинѣ событія!

Стр. 58. «Ольга обходила свои области, проповѣдуя евангеліе».

Какъ легко г. Жеребцовъ выдумываетъ историческіе факты — для красоты слога! . . И каково читателямъ, когда такіа выдумки, искаженія и грубыя ошибки попадаютъ на каждой страницѣ, а всѣхъ страницъ около 1200! . . Намъ надоѣло уже слѣдить за промахами г. Жеребцова; вѣроятно, и читателямъ тоже. Поэтому мы прекращаемъ свои замѣчанія, которыя могли бы тянуться въ безконечность, потому что небрежность и недобросовѣстность поражаютъ читателя на каждомъ шагу въ «Опытѣ объ исторіи цивилизаціи въ Россіи». Самыя элементарныя свѣдѣнія, излагаемыя въ каждомъ учебникѣ, повидимому, вовсе неизвѣстны автору. Онъ увѣряетъ, напр., что по смерти Владиміра Русь раздѣлена была на 13 удѣльныхъ княжествъ, такъ какъ у Владиміра было 12 сыновей, а 13-ый—усыновленный Святополкъ. Между тѣмъ о двухъ сыновьяхъ Владиміра прямо говоритъ лѣтопись, что они умерли прежде отца, а о трехъ иѣтъ свѣдѣній, даны ли имъ удѣлы, и, кромѣ того, Святополкъ вездѣ входитъ въ счетъ 12 сыновъ Вла-

диміра... Смѣло утверждаетъ г. Жеребцовъ, что Святополкъ убилъ своихъ братьевъ, Бориса, Глѣба и Владиміра; между тѣмъ извѣстно, что убитъ былъ Святославъ, а сына Владиміра вовсе и не было у Владиміра I; — развѣ это былъ тотъ роковой тринадцатый, котораго сочинилъ г. Жеребцовъ. «Не ранѣе 1033 г. Ярославъ успѣлъ изгнать Святополка изъ Кіева», — положительно утверждаетъ г. Жеребцовъ; между тѣмъ въ самомъ краткомъ учебникѣ русской исторіи вы найдете, что бѣгство и смерть Святополка относятся къ 1019 г. И съ такою-то тщательностью составлена вся книга!.. Небрежность автора можетъ равняться только его самоувѣренности и хвастливости...

Правда, приближаясь къ новымъ временамъ, г. Жеребцовъ становится нѣсколько осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ. Такъ напр., онъ удерживается отъ всякихъ заключеній относительно смерти царевича Димитрія и говоритъ о Годуновѣ, что «историческое безпристрастіе налагаетъ на насъ обязанность не позорить память геніальнаго человѣка, взводя на него преступленіе, которое было ему приписываемо особенно потому, что оно ему именно принесло выгоду» (т. I, стр. 229). Равнымъ образомъ, говоря объ отреченіи отъ престола Іоанна III, г. Жеребцовъ весьма благоразумно замѣчаетъ слѣдующее насчетъ извѣстнаго мнѣнія о смерти Петра:

Спусти нѣсколько дней послѣ своего отреченія, котораго актъ былъ написанъ весь его собственною рукою, онъ скончался, какъ говорятъ, отъ геморроидальной колики. Нѣкоторые, основываясь на современныхъ запискахъ, говорятъ, будто онъ былъ отравленъ; но гдѣ доказательства? Мы имѣемъ объ этомъ только современные рассказы, имѣнныя основаніемъ единственно слухъ, ходившій въ обще-

ствѣ; но должно ли вѣрить слухамъ, какіе ходятъ въ народѣ во время подобныхъ переворотовъ? Но крайней мѣрѣ они не даютъ намъ права питать обвиненіемъ въ ужасномъ преступленіи память гениальной женщины, великой государыни“. (Т. II, стр. 39.)

Нельзя не признать этого замѣчанія г. Жеребцова весьма благоразумнымъ, нельзя на этотъ разъ не отдать чести его осторожности въ историческихъ сужденіяхъ. Но, къ сожалѣнію, онъ весьма рѣдко соблюдаетъ эту осторожность; большею частью онъ не церемонится съ фактами и безпрестанно выдумываетъ то происшествіе, то произвольныя объясненія ихъ причинъ и слѣдствій. То скажетъ, что Святославъ передъ смерью намѣренъ былъ призвести голеніе на христіанъ въ Россіи, приписывая неудачу своей послѣдней войны гнѣву боговъ за терпимость его къ христіанамъ . . . То откроетъ, что въ жизни Владиміра отразилось вліяніе Ольги, которая была его воспитательницей (хорошо было бы вліяніе: Владиміръ до христіанства отличился братоубійствомъ и нѣсколькими сотнями наложницъ!) . . . То сочинитъ, что Владиміръ потому не принялъ вѣры римско-католической, что уже предвидѣлъ на Западѣ возможность Григорія VII . . . И такія фантастическія вещи являются у г. Жеребцова не только въ изложеніи событій глубокой древности, а даже и въ разсказѣ о временахъ болѣе новыхъ. Онъ, напр., преспокойно увѣряетъ, что за царемъ Федоромъ Ивановичемъ была княгиня Ирина Годунова, что при Федорѣ утверждено было владычество Россіи надъ Грузіею и всѣми горными племенами Кавказа. Изобрѣтенія подобнаго рода ничего не стоятъ для г. Жеребцова . . .

Впрочемъ мы опять вовлеклись въ указаніе фак-

тическихъ ошибокъ г. Жеребцова; между тѣмъ продолжать это указаніе мы вовсе не желаемъ, — сколько изъ опасенія надоесть читателямъ, столько же и по личному отвращенію къ подобной работѣ, которая намъ кажется странною и даже совершенно непозволительною въ приложеніи къ такой книгѣ, какъ сочиненіе г. Жеребцова. Есть люди, которые ужасно любятъ дѣлать замѣтки о чужихъ ошибкахъ, гдѣ бы онѣ ни находились и какого бы рода ни были. Услышать ли они нѣмца, плохо говорящаго по-русски, — останавливаютъ и поправляютъ его на каждомъ словѣ; заглянуть ли въ карты къ плохому игроку, — тотчасъ начинаютъ выходить изъ себя, критикуя каждый ходъ его; найдутъ ли тетрадку пошленькихъ стишковъ, переписанныхъ безграмотнымъ писаремъ, — немедленно примутся читать ее, преслѣдуя на каждомъ шагу неправильное употребленіе запятыхъ и буквы ѣ. Дѣлая это, они бываютъ необычайно довольны собою. Да и какъ же иначе? Съ одной стороны, имъ тутъ представляется случай выказать собственные познанія, насколько ихъ хватитъ; съ другой — они своими замѣчаніями все-таки оказываютъ услугу обществу, потому что ихъ поправки, если и не выучатъ нѣмца хорошо говорить по-русски, то по крайней мѣрѣ докажутъ слушателямъ, что дѣйствительно — нѣмецъ говоритъ неправильно. Подобныхъ людей много является повсюду; есть они и въ литературѣ. Имъ мы и предоставимъ подробное перечисленіе всѣхъ ошибокъ г. Жеребцова; они вѣрно не пропустятъ ничего, что замѣтить и поправить позволить имъ состояніе ихъ собственныхъ познаній. Вѣроятно найдутся и читатели, которые будутъ очень довольны трудолюбіемъ усерд-

ныхъ поправщиковъ. Что касается до насъ, то мы не питаемъ особеннаго сочувствія къ подобнымъ критикамъ. Они напоминаютъ отчасти чтеніе плохой корректуры, а еще болѣе — человѣка, который идетъ съ вами по болоту и при каждомъ шагѣ кричитъ: «Здѣсь вязко, здѣсь топко, здѣсь грязно, здѣсь трясица, здѣсь болото, здѣсь увязнуть можно!». Нельзя сказать, чтобъ всѣ эти восклицанія были несправедливы, но — бесполезны они и надоѣдаютъ очень ужъ скоро. И всего забавнѣе то, что вѣдь этотъ человѣкъ, кричащій о топкости болота, какъ бы въ предостереженіе вамъ, обыкновенно самъ не знаетъ болота, по которому идетъ, и чуть чуть успѣетъ ступить на твердое мѣстечко, тотчасъ и увѣдомляетъ, что тутъ ужъ нѣтъ болота, что тутъ безопасно. А вы тутъ-то и провалитесь... И выходитъ, что лучше бы было, если бъ вашъ руководитель не выкрикивалъ своего мнѣнія о болотѣ при каждомъ вашемъ шагѣ, а просто предупредилъ бы васъ, что вамъ предстоитъ идти черезъ болото и что слѣдуетъ при этомъ быть осторожнѣе. Такой образъ дѣйствія избираемъ и мы въ отношеніи къ «Опыту исторіи цивилизаціи въ Россіи». Конечно, мы не думаемъ предостерегать «европейскихъ читателей», для которыхъ писалъ г. Жеребцовъ; но мы полагаемъ, что его книга (уже появившаяся въ продажѣ въ Петербургѣ) легко можетъ попасть въ руки и русскимъ читателямъ. Въ прошедшей статьѣ мы объяснили обстоятельства, которыя могутъ заинтересовать русскихъ читателей въ пользу книги г. Жеребцова, прежде чѣмъ они успѣютъ узнать ея сущность. Прибавимъ къ этому, что до сихъ поръ значительная часть образованнаго русскаго общества читаетъ

охотиѣ по-французски, чѣмъ по-русски, и слѣд. примется за «Опытъ» г. Жеребцова скорѣе, чѣмъ хотъ, напр., за вышедшую на дняхъ книгу г. Лешкова «Русскій народъ и государство», хотя г. Лешковъ и не уступитъ въ патриотизмъ г. Жеребцову. Имѣя это въ виду, мы не считаемъ лишнимъ предупредить читателей, что «Опытъ исторіи цивилизаціи въ Россіи» дѣйствительно можно уподобить топкой трясины, въ которой ежеминутно можно погрязнуть въ тинѣ лжи, выдумокъ, безобразныхъ искаженій и произвольныхъ толкованій фактовъ. Затѣмъ, для совершенной очистки собственной совѣсти, мы представляемъ читателямъ источникъ, изъ котораго можно почерпнуть опроверженіе главныхъ историческихъ ошибокъ г. Жеребцова. Этотъ источникъ — «Краткое начертаніе русской исторіи», г. Устрялова, изданное для приходскихъ училищъ; этого источника очень достаточно. Указавши на него, мы считаемъ возможнымъ избавить себя отъ мрачной обязанности составлять перечень фактическихъ погрѣшностей г. Жеребцова.

Гораздо болѣе интереса представляетъ для насъ другая задача: уловить тѣ начала, которыми руководился авторъ въ своей книгѣ, прослѣдить ту систему мнѣній, которой онъ слѣдовалъ, изобразить тенденціи, для выраженія которыхъ послужила ему исторія русской цивилизаціи. Мы уже коснулись въ первой статьѣ взглядовъ автора на современную цивилизацію въ Европѣ и въ Россіи; не мѣшаетъ разсмотрѣть и то, путемъ какихъ историческихъ выводовъ дошелъ авторъ до своихъ оригинальныхъ заключеній. Не мѣшаетъ это и потому, что изложеніе взглядовъ и пріемовъ г. Жеребцова можетъ показать, какія понятія возможны еще

у насъ даже между людьми, принадлежащими къ образованному классу общества, путешествовавшими по разнымъ странамъ Европы, читавшими и узнавшими кое-что,—хотя и поверхностно,—и умѣющими написать по-французски два толстыхъ тома о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе. Но кромѣ этого спеціального интереса, взгляды г. Жеребцова имѣютъ и болѣе общее значеніе: мы уже имѣли случай замѣтить, что мнѣнія, излагаемые имъ, близко подходятъ къ системѣ взглядовъ цѣлой партіи, къ которой г. Жеребцовъ самъ причисляетъ себя. Общія положенія г. Жеребцова не имѣютъ выдуманы; ему лично принадлежатъ только ошибки и неумѣнье развить эти положенія. Вотъ почему мы и оставляемъ въ сторонѣ его личные промахи и рѣшаемся обратиться къ тому, что является въ книгѣ его не по ошибкѣ и невѣдѣнію, а намѣренно, вслѣдствіе принциповъ, принятыхъ авторомъ.

Противодѣйствіе ложной идеѣ, старающейся утвердиться посредствомъ ложнаго толкованія фактовъ, составляетъ, по нашему мнѣнію, одну изъ важнѣйшихъ обязанностей современной критики. Ложь, облекающаяся покровомъ научнаго, серьезнаго изложенія и нѣсколькими блестящими либеральными тенденціями, всегда и вездѣ опасна; но особенную опасность представляетъ она въ наше время у насъ. Мы только что успѣли еще понять превосходство мысли и науки предъ грубою силой и потому рвемся неудержимо ко всему, что имѣетъ хотя видъ чего-то мыслящаго, хотя только претензію на разумность. Мы такъ разучились разсуждать, что теперь готовы, разинувъ ротъ, слушать всякое разсужденіе и приходить отъ него въ

восторгъ только потому, что это все-таки резонное разсужденіе, а не бессмысленно заданный урокъ, который мы должны бессмысленно выучить. Понятно, что въ такомъ состояніи мы безпрестанно подвергаемся опасности сдѣлаться жертвою ловкаго шарлатана, который вздумаетъ заговорить насъ. Такъ при первомъ вступленіи въ жизнь попадаются въ сѣти мошенниковъ неопытные юноши, которыхъ все воспитаніе строго сообразовалось съ однимъ великимъ принципомъ: «не разсуждать».

Полное, грубое невѣжество, презирающее мысль и правду, вовсе не опасно въ наше время: надъ нимъ уже всякій смѣется, зная, что время преобладанія грубой силы прошло невозвратно. Сами противники знанія и прогресса очень хорошо понимаютъ это и стараются достигнуть своихъ цѣлей, прибѣгая къ помощи того же знанія, которое они такъ не любятъ. Такимъ образомъ знаніе становится въ ихъ рукахъ орудіемъ ихъ личныхъ стремленій; истина признается тамъ только, гдѣ она удовлетворяетъ ихъ вкусу, согласна съ ихъ выгодами. Собственно говоря, имъ до истины и дѣла нѣтъ; имъ нужно только какъ-нибудь порезоннѣе вывести свои результаты, заранѣе уже готовые, — и это очень часто имъ удается, благодаря тому, что для человѣка вообще очень трудно бываетъ отрѣшиться отъ личныхъ пристрастій и искать только истины.

Особенно легко впасть и ввести другихъ въ заблужденіе при изслѣдованіяхъ историческихъ. Исторія представляетъ собою то же разнообразіе, отрывочность и смѣшанность разныхъ элементовъ, какія представляются намъ и въ самой жизни. Поэтому здѣсь — чего хочешь, того просишь: мож-

но найти данныя для подтвержденія какой угодно теоріи. И даже уличить въ неправдѣ трудно, потому что итоги фактовъ не подведены окончательно, и группировка ихъ въ нашихъ книжкахъ довольно еще безхарактерна. Невольно соблазняется даже самый добросовѣстный изслѣдователь и объясняетъ факты по тѣмъ философскимъ убѣжденіямъ, какія уже составились у него въ головѣ. Трудно найти человѣка, который бы занимался историческими изысканіями, вовсе не предполагая, что изъ нихъ выйдетъ — опроверженіе ли его убѣжденій или подтвержденіе ихъ. Чтобы достигнуть этого, надобно стать выше всѣхъ человѣческихъ пристрастій. Можно, конечно, желать этого; но нельзя слишкомъ строго требовать отъ всякаго, занимающагося исторіею.

Зато можно отъ каждого требовать, по крайней мѣрѣ, добросовѣстности предъ самимъ собою. Пусть человѣкъ приступитъ къ своимъ занятіямъ не вполнѣ свободный отъ извѣстныхъ идей, заранѣе имъ усвоенныхъ; пусть у него вначалѣ будетъ даже желаніе разработать факты именно для подтвержденія этихъ идей. Но пусть онъ не простираетъ пристрастія къ своимъ идеямъ до того, чтобы для нихъ искажать факты и прибѣгать къ обману. Какъ бы ни былъ человѣкъ ослѣпленъ пристрастіемъ, но въ глубинѣ его сознанія всегда остается еще нѣкоторое чувство истины, которое можетъ вывести его на прямую дорогу. Даже мать, желающая превознести и возвеличить дѣтей своихъ, можетъ быть приведена къ убѣжденію въ ихъ негодности, если ей безпрестанно будутъ представляться факты, свидѣтельствующіе объ ихъ дурномъ поведеніи. Тѣмъ скорѣе можетъ и долженъ по-

нять истину ученый, видя, что факты вовсе не благоприятствуютъ убѣжденіямъ, составленнымъ имъ заранее. Если человекъ признаетъ факты и все-таки упорствуетъ въ томъ, что этими фактами опровергается, это уже явный признакъ нѣкотораго помѣнательства или природнаго идіотства. Въ примѣръ подобнаго упорства мы можемъ привести анекдотъ, недавно слышанный нами. Одинъ ученый хотѣлъ какимъ-то особеннымъ способомъ добыть калийную соль. Опыты его не удались: что-то такое получилось, но въ этомъ чемъ-то калия вовсе не было. Тѣмъ не менѣе ученый остался въ полномъ убѣжденіи, что добытое имъ что-то было — именно калийная соль; онъ былъ очень доволенъ и рассказывать о результатахъ своихъ опытовъ такимъ образомъ: «Я наконецъ успѣлъ добыть калийную соль; и замѣчательно, что эта соль вовсе не содержитъ въ себѣ калия!» Такого рода упрямцы безвредны: помѣнательство ихъ обыкновенно бываетъ кротко и простодушно. Но настоящую язву общества составляютъ упрямцы другого рода, — недобросовѣстные. Эти поступаютъ обыкновенно такъ: если имъ представляется пять фактовъ, — одинъ въ пользу ихъ мнѣнія, одинъ сомнительный и три противъ нихъ, то они послѣдніе три бросаютъ, сомнительный передѣлаютъ на свой ладъ и съ особеннымъ ожесточеніемъ налягутъ на тотъ одинъ, который для нихъ выгоденъ. Съ такими господами нечего уже дѣлать: ихъ не урезонишь, потому что они не хотятъ убѣжденія, не хотятъ правды, а видятъ и знаютъ только то, что имъ выгодно. Такого рода обращеніе съ наукою дѣйствительно неблагогородно и заслуживаетъ того, чтобъ быть выведеннымъ на чистую воду. И само

собою разумѣется, что вывести его можно не простымъ пересмотромъ частныхъ погрѣшностей, а показаніемъ того, какъ различныя неправды изслѣдователя цѣпляются за одну главную ложь, положенную имъ въ основаніе своихъ изысканій.

Обращаясь къ г. Жеребцову, мы считаемъ необходимымъ отдѣлнить въ его мнѣніяхъ двѣ тенденціи, одну общую и наружную, которой онъ старается щегольнуть явно, и другую личную, болѣе глубокую, которую онъ тщательно, хотя и не совсемъ искусно, старается прикрыть. Сначала изложимъ мнѣнія автора, которыя онъ самъ хочетъ поставить на видъ.

Общая система мнѣній, которую избралъ г. Жеребцовъ орудіемъ для своихъ задушевныхъ цѣлей, не отличается особенной новостью и оригинальностью. Она представляеть довольно монотонныя варіаціи того глубокомысленнаго замѣчанія, которое поставлено эпиграфомъ нашей статьи. Авторъ силится вездѣ провести ту мысль, что всѣ бѣдствія Россія происходятъ оттого, что она заимствовала отъ Запада цивилизацію, которая тамъ дѣлается прескверно. Чтобы убѣдиться въ этомъ, довольно прочесть оглавленіе того отдѣла, въ которомъ г. Жеребцовъ представляетъ «*résumé analytique*» всей своей книги. Вотъ, напримѣръ, какимъ образомъ резюмируетъ онъ русскую исторію:

Благочестіе и общинное устройство были основаніями общественнаго развитія въ Россіи. — Подражаніе западу всегда было пагубно для этого развитія. — Международныя сношенія новгородцевъ. — Феодалыныя идеи Рюрика, перенесенныя въ Кіевъ. — Христіанство, пришедшее изъ Константинополя. — Различіе направленій въ развитіи Европы и Россіи. — Двѣ общественныя основы приходятъ въ Рос-

сію изъ Константинополя и изъ Новгорода. — Россія спасаетъ Европу отъ нашествія монголовъ. — Во время монгольскаго ига религія спасаетъ народность. — Она господствуетъ надъ государственной властью. — Религіозное значеніе царской власти. — Патріархальный и религіозный характеръ правовъ. — Вліяніе западныхъ людей произвело погибель патріарха Никона. — Реформа Петра Великаго. — Ея характеръ и форма. — Ограниченіе вліянія церкви. — Матеріальное развитіе идетъ по пути усовершенствованій. — Высшій классъ развращается. — Императоръ Николай производитъ возвратъ къ народности и православію. — Распространеніе добрыхъ идей въ обществѣ. — Русская партія. — Купцы и мѣщане. — Народъ.

То же самое отвращеніе къ Западу ясно выражается, напр., и въ оглавленіи слѣдующей статьи, въ которой г. Жеребцовъ излагаетъ общій взглядъ на исторію распространенія знаній въ Россіи. Вотъ какіе моменты опредѣляетъ онъ (т. II, стр. 530):

Знаніе въ древней Руси. — Характеръ этого знанія. — Общее уваженіе къ людямъ образованнымъ. — Слѣдствіе реформы Петра. — Народу нѣтъ болѣе времени для пріобрѣтенія знаній. — Утрата стремленія къ образованію. — Новое обнаруженіе этого стремленія въ продолженіе царствованія Николая. — Польза соединить пріобрѣтеніе познаній съ нравственнымъ воспитаніемъ.

Эти заголовки достаточно уже показываютъ сущность взгляда автора на историческія событія въ Россіи. Для желающихъ знать подробности развитія этого взгляда, сообщимъ слѣдующія мысли г. Жеребцова.

Исторія Руси начинается въ Новгородѣ, который еще задолго до IX вѣка находился въ цвѣтущемъ состояніи и простиралъ свое вліяніе отъ Финляндіи за Кіевъ и отъ Двины до Оки (т. I, стр. 40). Благо-состояніемъ своимъ онъ обязанъ былъ тому, что

сѣверные славяне не были вовлечены въ общее движеніе гунновъ, устремившихся на Западъ Европы, и вслѣдствіе того избѣгли близкихъ столкновений съ Западомъ (т. II, стр. 503). Такимъ образомъ въ то время когда на Западъ происходили сцены варварства, славяне работали для своего нравственного и общественнаго развитія и имѣли полную возможность достигъ замѣчательнаго совершенства въ политическомъ и въ общественномъ своемъ устройствѣ. Но, къ несчастью, новгородцы не были совершенно изолированы отъ Запада; ихъ торговля дѣла заставляли имѣть сношенія съ западными народами. При этихъ сношеніяхъ они слышали о силѣ и храбрости норманновъ и, какъ народъ торговый, признали ихъ, чтобы тѣ служили для Новгорода чѣмъ-то въ родѣ наемнаго войска (т. I, стр. 97). Между тѣмъ Рюрикъ принесъ съ собою въ Русь феодальныя понятія и законодательныя идеи, почерпнутыя изъ капитуляріевъ Карла Великаго. Новгородцы увидѣли, что дѣло плохо; произошло возстаніе противъ иноземнаго вліянія, подъ предводительствомъ Вадима. Но варяги одолѣли, и съ тѣхъ поръ «феодальные сеньеры и грубые норманны раздавили своею тяжелой и стѣснительной властью цвѣтущую республику новгородскую; послѣ шестивѣковой непрестанной борьбы съ неправо-захваченной властью (*contre un pouvoir usurpateur*) она потеряла наконецъ свою вольность и сдѣлалась простою провинціею московскою» (т. II, стр. 505). Изъ Новгорода феодальныя идеи перешли и въ Кіевъ съ Олегомъ. Къ счастью, сношенія съ Константинополемъ указали русскимъ князьямъ иной образецъ государственнаго устройства: тамъ видѣли они власть единую и неограниченную; примѣръ

этотъ ослабилъ феодальныя ихъ стремленія. Такимъ образомъ вмѣсто настоящаго феодализма у насъ явилась удѣльная система. Всѣ бѣдствія, причиненныя ею, должно приписать тому, что мы не убереглись отъ вліянія Запада. Принятіе христіанства изъ Константинополя, отдаливши насъ отъ Запада, могло бы, конечно, благотвительно подѣйствовать и въ этомъ отношеніи. Но, къ несчастью, Владиміръ имѣлъ сношенія съ западными государями — Стефаномъ венгерскимъ, Болеславомъ III богемскимъ и Болеславомъ I польскимъ. Эти весьма гибельныя (*bien funestes*) сношенія поддержали во Владимірѣ феодальную идею, хотя, съ другой стороны, его увлекала чисто-славянская идея о правѣ и связяхъ родовыхъ (*du droit et des liens de race*). Стараюсь соединить эти двѣ идеи, и Владиміръ принялъ систему удѣловъ (т. I, стр. 73). Гибельныя слѣдствія этой системы не препятствовали, впрочемъ, развитію цивилизаціи въ древней Руси, потому что сношенія съ Западомъ вскорѣ прекратились, и Русь развивалась самобытно. Въ Европѣ развивались знанія и улучшался матеріальный бытъ, при постепенномъ развращеніи нравовъ; въ Россіи же сохранялась чистота вѣры и нравственности, при чемъ она не отставала и на пути просвѣщенія, утверждая его на религіозныхъ основаніяхъ. Съ другой стороны — въ Европѣ и королевская власть и значеніе народа были унижены феодалами; въ Россіи же всѣ власти были уравниваемы (т. II, стр. 507). Благодаря этимъ нравственнымъ условіямъ, Русь могла безвредно вынести всѣ бѣдствія удѣльныхъ междоусобій. Тѣ же условія помогли ей вынести и монгольское иго. Собственно говоря, Русь могла бы соединиться съ монголами и идти на Европу, которая

также неизбежно сдѣлалась бы добычею варваровъ. Но одушевленные славянской отвагой и христіанской ревностью, русскіе сочли безчестнымъ союзъ съ нечестивыми монголами и приняли на себя тѣ удары, которые назначались монголами для Западной Европы. Такъ мстила Русь Западу за все то зло, какое отъ него потерпѣла! . . Впрочемъ самое владычество монголовъ, предохранивъ Россію отъ близкихъ столкновеній съ Западомъ, принесло ей великую пользу: оно развило въ русскихъ духъ благочестія. Религіозное чувство сдѣлалось особенно сильнымъ и всеобъемлющимъ и въ это-то время основана большая часть русскихъ монастырей (т. I, стр. 156). Сила этого чувства вполне сохранилась и по сверженіи ига, и подъ вліяніемъ именно восточнаго православія утверждалась русская монархія въ періодъ царей. Объ этомъ мы приведемъ въ точности собственные слова г. Жеребцова.

Правительство составляло полунатріаршество теократическое: цари должны были быть жаркими поборниками православія, одушевленными христіанскою любовью къ своимъ подданнымъ; ихъ нравственность должна была быть безукоризненна. Это самое и обезпечивало для нихъ христіанскую покорность ихъ подданныхъ во всемъ, что только не касалось православной вѣры. Самъ Иванъ IV, во время самыхъ ужасныхъ своихъ жестокостей, не осмѣливался предаваться сластолюбію, слѣдуя своимъ наклонностямъ. Единственное нарушеніе каноническихъ правилъ, которое онъ себѣ позволилъ, состояло въ томъ, что онъ семь разъ женился, то во вдовствѣ, то отъ живыхъ женъ. Но и это дѣлать онъ не иначе, какъ оградивши себя разрѣшеніемъ восточныхъ патріарховъ, митрополитовъ или соборовъ. Только исполняя все церковныя обряды и строго соблюдая все посты, могъ онъ сохранить свою неограниченную власть. Народъ его боялся и не любилъ, но почиталъ, какъ помазанника Божія, посланнаго небомъ въ наказаніе, для очищенія вольныхъ и невольныхъ прегрѣшеній каждаго. (Т. II, стр. 510.)

Во все это время образованность въ Россіи, на время задержанная монголами, развивалась съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Образованность народа въ Россіи, въ періодъ царей, до Петра, была гораздо выше, нежели во всѣхъ другихъ странахъ Европы (т. II, стр. 531). Въ особенности распространено было знаніе началъ христіанской нравственности. Вообще, русскіе мало обращали вниманія на развитіе матеріальныхъ удобствъ жизни, а заботились болѣе о нравственномъ совершенствѣ, занимаясь ученіемъ вѣры, священной исторіей и житіями людей, которые могли служить образцами благочестія. Законодательство развивалось во все это время, основываясь на изученіи отечественной исторіи (т. II, стр. 533). Для занятій науками у всѣхъ были средства и время. Это доказывается тѣмъ, что въ Новгородѣ, Москвѣ и слѣдовательно во всѣхъ торговыхъ городахъ, равно какъ у князей, царей, бояръ и всѣхъ поземельныхъ собственниковъ, у купцовъ и всѣхъ почти свободныхъ сословій — были несмѣтные богатства. Это скопленіе богатства было слѣдствіемъ простой и воздержанной жизни русскихъ, которые немного требовали для своего домашняго обихода, и слѣдовательно большую часть своего времени могли посвящать на чтеніе книгъ (т. II, стр. 532). Въ то же время уваженіе къ образованности было очень велико. Это доказывается тѣмъ, что уже въ древности существовала пословица: «ученье свѣтъ, а неученье тьма», и что неграмотные называли себя: «мы люди темные» (т. II, стр. 531).

Такимъ образомъ все шло прекрасно до тѣхъ поръ, пока Петръ опять не ввелъ насъ въ сношенія съ зловреднымъ Западомъ. Собственно говоря, Петрова реформа даже и за успѣхъ свой должна все-

таки благодарить предыдущее развитіе Руси. Предшествовавшая Петру гармонія между правительствомъ и народомъ, основанная на православіи, произвела въ народѣ полное довѣріе къ своимъ правителямъ, и только это довѣріе произвело то, что Петръ могъ совершить свои преобразованія безъ открытой оппозиціи. Но Петръ не былъ въ гармоніи съ народомъ. Онъ подружился съ неправославными нѣмцами, жилъ долго въ Голландіи, странѣ протестантской, и вслѣдствіе того пренебрегъ тѣми началами, на которыхъ постоянно утверждалась народность русская. Онъ уничтожилъ патріаршество, какъ помѣху своему произволу, и учредилъ синодъ; онъ оставилъ безъ вниманія духовное образованіе и началъ заводить свѣтскія школы; онъ обратилъ особенныя заботы свои на матеріальныя улучшенія въ странѣ и далъ возможность водвориться безнравственности въ высшемъ обществѣ, съ котораго онъ началъ свою реформу. Послѣ него зло быстро стало распространяться и усиливаться: въ высшемъ классѣ общества перестали исполняться церковныя обряды, появилось множество знатныхъ господъ и госпожъ, зараженныхъ полковникомъ Вейссомъ, все пошло на иностранный манеръ (т. II, стр. 518). За высшимъ обществомъ потянулось среднее и, разумѣется, заразилось еще болѣе. Такое положеніе дѣлъ продолжалось цѣлое столѣтіе, до тѣхъ поръ, пока не было воздвигнуто новое знамя русскаго развитія, съ надписью: *православіе, самодержавіе и народность!* (т. II, стр. 78). Сообразно съ этими началами въ послѣднюю четверть вѣка преобразовано было все народное образованіе. Нужно было, чтобы юношество пріобрѣтало знанія обширныя и разнообразныя, но имѣющія

официальный характеръ. Хотѣли, чтобы съ самаго начала нѣжнаго возраста дѣти привыкли къ строгому порядку, субординаціи и подчиненію своей воли волѣ начальства. Не допуская, подобно Ликургу, необходимости семейныхъ нѣжностей, старались сдѣлать воспитаніе какъ можно болѣе общественнымъ, а не семейнымъ. Закрытыя учебныя заведенія необычайно размножились; каждая спеціальная отрасль знаній имѣла свое училище. И вездѣ образованіе опиралось на началахъ строго-народныхъ (т. II, стр. 179). При такомъ толчкѣ, данномъ обществу, все понеслось по дорогѣ прогресса, съ быстротою локомотива (т. II, стр. 519). Законодательство, администрація, литература, науки, искусства, торговля и промышленность,—все оказало безмѣрные успѣхи въ послѣднюю четверть вѣка. Только еще любовь къ общему благу не успѣла совершенно овладѣть обществомъ, потому что зло, произведенное въ этомъ отношеніи реформою Петра, слишкомъ глубоко укоренилось. До Петра всѣ условія общественной жизни Руси необычайно способствовали развитію въ ней любви къ общему благу. Если бы Петръ не измѣнилъ направленія русской цивилизаціи, то этотъ главный элементъ ея развился бы превосходно. Но Петръ отвергъ народныя начала, и зло овладѣло обществомъ. Впрочемъ въ послѣднюю четверть вѣка и въ этомъ отношеніи русское общество далеко подвинулось, благодаря начатамъ православія и народности, столь энергически провозглашеннымъ въ это время (т. II, стр. 520).

Самое лучшее доказательство того, что общество обращается теперь къ православію и народности, представляетъ «m-r le chambellan Муравь-

евъ, который есть въ одно и то же время превосходный писатель, искренний и благочестивый христіанинъ и свѣтскій человѣкъ. Одаренный природнымъ краснорѣчіемъ и проникнутый истинами, которыя онъ исповѣдуетъ, онъ не боится возвыщать и защищать ихъ въ многочисленныхъ собраніяхъ, имъ посѣщаемыхъ, и предъ многочисленными посѣтителями его собственнаго салона. Истины, имъ исповѣдуемыя и развиваемыя, оспариваются слушателями, но наконецъ проникаютъ въ ихъ убѣжденія. Эти новые адепты сами потомъ слѣдуютъ примѣру шамбеляна Муравьева, и такимъ образомъ религіозныя идеи распространяются въ обществѣ, единственно силой своей истинности. Это, какъ видите, повтореніе философическихъ французскихъ салоновъ XVIII вѣка, только въ другомъ духѣ: тамъ разрушали, а здѣсь создаютъ. Честь же и слава этому доброму христіанину! Сѣмена, посѣянные въ обществѣ его словомъ, уже принесли и еще принесутъ благотворные плоды для нашего любезнаго отечества» (т. II, стр. 521).

Выпискою изъ сочиненія г. Жеребцова этого знаменательнаго явленія можно и заключить изложеніе системы, принятой авторомъ во взглядѣ на русскую исторію. Прибавлять къ нему, кажется, нечего: онъ говоритъ самъ за себя. Мы старались въ нашемъ изложеніи какъ можно ближе держаться подлинныхъ словъ автора, стараясь только удалять его частныя фактическія ошибки и противорѣчія. Дѣлать замѣчанія на отдѣльныя мысли автора мы не станемъ, потому что иначе мы обнаружили бы недовѣріе къ здравому смыслу читателей. Но мы не можемъ удержаться, чтобы не высказать своего глубокаго сожалѣнія о главной тенденціи авто-

ра, которой дѣйствительно нельзя не назвать жалкою. Согласно со многими изъ славянофиловъ, г. Жеребцовъ полагаетъ, что русскій народъ находился на пути къ прогрессу и уже стоялъ на высокой степени совершенства нравственнаго и умственнаго, когда Петръ внезапно измѣнилъ направленіе русской цивилизаціи и произвелъ на цѣлое столѣтіе застои и даже отступленіе назадъ въ развитіи истинно-народномъ. Утверждая это, г. Жеребцовъ вовсе не думаетъ унижать народъ русскій; напротивъ — онъ во всей книгѣ отстаиваетъ народность, силится превознести все русское. А между тѣмъ какое унизительное понятіе о цѣломъ народѣ сообщаетъ онъ читателю, который вздумалъ бы повѣрить всему, что говоритъ онъ о реформѣ Петра. Вѣдь, конечно, между читателями г. Жеребцова весьма немного найдется такихъ, которые бы не знали, что исторія народовъ зависитъ въ своемъ ходѣ отъ нѣкоторыхъ законовъ, болѣе общихъ, нежели произволъ отдѣльныхъ личностей. Зная это, всякій, кому можетъ попасться въ руки книга г. Жеребцова, думаетъ, конечно, и о реформѣ Петра какъ о явленіи совершенно законномъ и естественномъ, вызванномъ исторической необходимостью, обусловленномъ самымъ предшествующимъ развитіемъ древней Руси. Но что долженъ читатель подумать о русскомъ народѣ и о всей русской исторіи, если онъ повѣритъ г. Жеребцову, что Русь измѣнила своей народности и мгновенно приняла новыя начала цивилизаціи, уступая произволу одного человека? Никогда ни одинъ народъ, ни въ древней, ни въ новой исторіи, не дѣлалъ такихъ внезапныхъ отреченій отъ своей народности вслѣдствіе

воли одной личности. Что же за народъ эти русскіе, такъ безтолково податливые? И что это за развитіе древней Руси, успѣвшее довести народъ до такой эластичности? Человѣка, мѣняющаго свои воззрѣнія изъ уюжденія первому встрѣчному, мы признаемъ дряннымъ, подлымъ, не имѣющимъ никакихъ убѣжденій. Женщину, уступающую первому требованію перваго ловкаго мужчины, мы называемъ дамою легкаго поведенія. Если такъ судимъ мы объ отдѣльныхъ личностяхъ, то что же сказать о цѣломъ народѣ? Г. Жеребцовъ замѣчаетъ, что народъ и не принялъ реформы Петра, а приняло только высшее общество. Но въ такомъ случаѣ что же это было за общество? Значитъ, оно было хуже народа; отчего же оно было *высшее*, отчего управляло народомъ? Стало быть, въ древней Руси были совершенно ненормальныя отношенія между классами общества: худшее стояло на высотѣ, а лучшее попиралось ногами? Въ такомъ случаѣ гдѣ же то совершенство, та гармонія общественнаго развитія, которою славянофилы такъ восхищаются въ допетровской Руси? И если дѣйствительно народъ былъ такъ проникнутъ своими началами, которыя ему славянофилы навязываютъ, то какъ могъ онъ терпѣть уклоненіе высшаго общества отъ этихъ началъ? Г. Жеребцовъ объясняетъ это тѣмъ, что все предшествующее время развило въ народѣ довѣріе къ высшимъ. Но, значитъ, это довѣріе было слѣпо и неразумно, когда оно могло довести народъ до того, что онъ смотрѣлъ равнодушно на уклоненіе отъ самыхъ коренныхъ началъ своей народности. И зачѣмъ же въ такомъ случаѣ самъ г. Жеребцовъ объясняетъ паденіе Лжедимитрія тѣмъ, что

онъ не уважалъ русской народности, не соблюдалъ постовъ, не ходилъ въ баню и пр.? Развѣ Петръ менѣе нарушалъ русскую народность, по мнѣнію г. Жеребцова съ славянофилами? Или пресловутое *довѣріе* ихъ явилось въ народѣ только въ промежутокъ времени между самозванцами и Петромъ? Какъ вся исторія-то идетъ у г. Жеребцова по щучьему велѣнію! Но Петръ, говорятъ, былъ царь законный, а Лжедмитрій — сомнительный. Однакоже и противъ Петра были бунты и покушенія на его жизнь. Да Петръ и дѣлать не то, что Лжедмитрій... Говорятъ, что преобразованія Петра не касались непосредственно народа, захватили только высшее общество. Но измѣненіе администраціи простиралось и на народъ; переложеніе податей съ сохи на душу, рекрутская повинность — прямо относилась къ народной массѣ. Мало того — г. Жеребцовъ приписываетъ Петру самое установленіе крѣпостного права; кого же это касалось, какъ не народа? И будто все это могло совершиться внезапно, *ex abrupto*, по выраженію г. Жеребцова, безъ всякихъ отношеній къ предыдущему развитію Россіи? Нѣтъ, это было бы ужъ слишкомъ нелѣпо. Признавая реформы Петра произвольными, сдѣланными наперекоръ естественному ходу историческаго развитія Руси, г. Жеребцовъ съ братією невольно обнаруживаетъ презрѣніе къ русскому народу, нѣвѣріе въ его внутреннія силы. Это презрѣніе, находящееся въ основѣ историческихъ взглядовъ г. Жеребцова, не прикроютъ риторическіе фразы о величій и славѣ Россіи, обильно разсыпанныя во всемъ «Опытѣ». Исторія русскаго развитія, представленная г. Жеребцовымъ такъ, какъ мы изло-

жили выше, произведетъ на каждаго образованнаго читателя такое впечатлѣніе, что ему

Захочется сказать великому народу:
„Ты жалкій и пустой народъ!“

Къ счастью, положенія г. Жеребцова совершенно ложны, съ начала до конца, и едва ли могутъ ввести въ заблужденіе читателя, имѣющаго хоть какое-нибудь понятіе о естественномъ ходѣ исторіи. Только крайнее невѣжество можетъ считать реформы Петра случайнымъ слѣдствіемъ прихотливаго произвола этого человѣка. Человѣкъ мыслящій не можетъ не видѣть въ нихъ естественнаго послѣдствія предыдущей исторіи Россіи. Если онѣ были приняты народомъ безъ прекословія и разсужденія, даже со всѣми несовершенствами, какія въ нихъ были, — такъ и это опять обуславливалось характеромъ историческаго развитія Руси до Петра. Развитие это было такъ скудно и слабо, начала, приводящія въ восторгъ г. Жеребцова, такъ мало проникли въ сознаніе массъ, что народу ничего не стоило принять новое направленіе, имѣвшее то преимущество предъ старымъ, что заключало въ себѣ зародыши жизни и движенія, а не застоя и смерти. Все это должно быть извѣстно всякому мало-мальски образованному человѣку, и удивительно, что г. Жеребцовъ не знаетъ этого или не хочетъ знать, и предполагаетъ, что пышными фразами можно читателямъ отвести глаза отъ такихъ ясныхъ и простыхъ вещей.

Изъ основного противорѣчія, указаннаго нами во взглядѣ г. Жеребцова, очевидно уже, что онъ, несмотря на объявленіе себя ревностнымъ патріотомъ и защитникомъ народности, вовсе не думаетъ

о народѣ русскомъ, сочиняя свои воззрѣнія. Народъ для него, какъ видно, дѣло неважное; онъ не боится унижить и оклеветать народъ своими оригинальными соображеніями. Главное дѣло для него состоитъ въ томъ, чтобы отстоять начала, которыми опредѣлялось развитіе древней Руси. Но чѣмъ же милы ему эти начала? Что сдѣлалъ ему Западъ и отчего онъ съ такимъ суевѣрнымъ благоговѣніемъ обращается къ Востоку? Да и дѣйствительно ли начала народности, хотя бы и ложно понятой, заставляютъ г. Жеребцова порицать и уничтожать все послѣ-петровское развитіе Руси до послѣдняго тридцатилѣтія, ознаменованнаго возвратомъ къ народности и православію? Судя по всему характеру труда г. Жеребцова, мы думаемъ, что нѣтъ. Мы готовы представить на это нѣсколько доказательствъ изъ книги г. Жеребцова.

Во всемъ своемъ трудѣ онъ безпрестанно уклоняется отъ мысли, которую принять въ основаніе своихъ взглядовъ. Половина страницъ всей книги написана *такъ только*, для того чтобы что-нибудь написать и чтобы книга вышла потолще. Въ очеркѣ древней исторіи повторяются сказки о походѣ Олега и мести Ольги да выдумки «Степенной книги». Въ очеркахъ литературы, науки, законодательства, администраціи — перечисляются заглавія книгъ, названія разныхъ властей и должностей, главы судебниковъ и т. п., безъ всякой даже попытки заглянуть въ самую жизнь народа, съ которымъ имѣли дѣло эти власти, книги и судебники. Да и самыя перечисленія дѣлаются крайне забавно, обнаруживая полное невниманіе автора къ тому дѣлу, за которое онъ взялся. Напримѣръ, онъ говоритъ о путешествіяхъ русскихъ ко свя-

тымъ мѣстамъ, и, чтобы дать понятіе о богатствѣ этой отрасли русской литературы въ періодъ отъ сверженія монгольскаго ига и Петра (1480—1689), перечисляетъ путешествія, которыхъ описанія сохранились. Чтобы показать, какъ нелѣпо и наобумъ составлено это перечисленіе, не нужно никакихъ замѣчаній: мы приведемъ его только поставивши въ скобкахъ годы путешествій, поставленныхъ рядомъ у г. Жеребцова. «Путешествія по святымъ мѣстамъ: Трифона Коробейникова (1583), Василя Гагары (1634), Іоны (1651), Арсенія Лелунскаго (никогда такого не бывало), Антонія архіепископа (1200), монаха Льва (мы не знаемъ такого), Стефана Новгородца (1350), діакона Ігнатія (1389)». (Т. I, стр. 449.) Каковы свѣдѣнія автора о характеризуемой имъ эпохѣ? Конецъ XII вѣка онъ прихватываетъ для характеристики періода послѣ-монгольскаго. Не говоримъ ужъ о томъ, что за важное значеніе имѣютъ имена этихъ путешественниковъ для уразумѣнія хода и характера русской цивилизаціи. Г. Жеребцовъ постоянно вращается въ кругу подобныхъ мелочей, особенно въ новой исторіи Руси. Тутъ онъ упоминаетъ и о томъ, что г. Теофиль Толстой сочинилъ нѣсколько прелестныхъ романсовъ (т. II, стр. 393); и о томъ, что Наполеонъ III далъ орденъ Айвазовскому (372); и о томъ, что г. Лакіеръ сочинилъ книгу о геральдикѣ (322); и о томъ, что въ губерискомъ правленіи (въ переводѣ г. Жеребцова *la régence du gouvernement*) три совѣтника и одинъ ассессоръ; и о томъ, что апрѣльская книжка «Отечественныхъ Записокъ» (у г. Жеребцова *le Contemporain*) очень толста, и т. д. Само собою разумѣется, что даже и эти

мелькія свѣдѣнія перепутаны и искажены въ книгѣ, какъ видно даже изъ указанныхъ нами примѣровъ¹. И между тѣмъ авторъ излагаетъ подобные факты даже не мимоходомъ, не кратко, а очень обстоятельно, не отдѣляя ихъ отъ вещей дѣйствительно важныхъ. Странно, напр., въ исторіи цивилизаціи встрѣтитъ подробный рассказъ объ улучшеніи конскихъ породъ. Фактъ этотъ, конечно, имѣетъ важное значеніе въ своемъ мѣстѣ; но для чего же вносить его въ исторію цивилизаціи? А между тѣмъ г. Жеребцовъ вотъ съ какою обстоятельностью рассказываетъ о немъ на стр. 187-й II тома своей книги.

---

¹ Чрезвычайно забавно читать глубокомысленныя замѣчанія г. Жеребцова о русской журналистикѣ и между прочимъ о „Современникѣ“ и „Отечественныхъ Запискахъ“ и вѣдь затѣмъ видѣть, что авторъ не умѣетъ или не хочетъ даже различать эти два журнала. Вотъ оглавление апрѣльской книжки „Современника“, — говоритъ онъ, и — перепечатывается на трехъ страницахъ (304—306) оглавленіе „Отечественныхъ Записокъ“! Кстати, замѣтимъ здѣсь еще ошибку г. Жеребцова, касающуюся „Современника“. Онъ говоритъ: „Общество молодыхъ литераторовъ купило журналъ Свинына „Отечественныя Записки“ (*the Memorial National*), и редація его была поручена гг. Краевскому и Панаеву“ (стр. 301). Это несправедливо; г. Панаевъ никогда не былъ редакторомъ „Отечественныхъ Записокъ“, хотя и находился въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ ихъ редакціи въ первые годы ихъ существованія. Не можемъ не замѣтить также ложности мысли г. Жеребцова, будто бы „Отечественныя Записки“ въ сороковыхъ годахъ, при Бѣлинскомъ, издавались „въ ущербъ вѣрѣ, народности и даже патриотизму“ (стр. 302). Это грубая клевета. Русская публика знаетъ, какъ благородно было направленіе Бѣлинскаго, какой любовью къ Россіи дышали всѣ статьи его. Конечно, патриотизмъ „Отечественныхъ Записокъ“ не выражался въ такихъ пышныхъ и безплодныхъ возгласахъ, какъ напр. въ книгѣ г. Жеребцова. Но никто не можетъ упрекнуть „Отечественныя Записки“ времени Бѣлинскаго въ отсутствіи того благороднаго, дѣятельнаго, истиннаго патриотизма, о которомъ говорили мы въ прошлой статьѣ. Мы съ глубокимъ негодованіемъ и отвращеніемъ отмѣчаемъ здѣсь эту клевету на одного изъ лучшихъ двигателей современнаго развитія русскаго общества! *Да будетъ стыдно господину Николаю Жеребцову!*

Можетъ быть, клевета г. Жеребцова произошла *по незнанію*, которое онъ такъ часто обнаруживаетъ въ своей книгѣ. Но говорить о томъ, чего не знаешь, считается признакомъ неосновательности и

Было одно время, когда императоръ Николай обратилъ особенную заботливость (*sa sollicitude particulière*) на улучшение породъ лошадей въ имперіи. Онъ выбралъ для этой цѣли человека, который всю свою жизнь служилъ въ кавалеріи и имѣлъ репутацію одного изъ отличившихся знаменитовъ по этой части, графа Леванова. Онъ поручилъ ему устройство конскихъ заводовъ и повелѣлъ принять все необходимое мѣры, особенно для улучшения туземныхъ породъ. Чтобы придать болѣе значенія (*plus d'importance*) этой новой отрасли администраціи, императоръ Николай возвысилъ ее на степень особаго министерства; графъ Левановъ сдѣлалъ много распоряженій, весьма полезныхъ; но по смерти его это особенное министерство было присоединено къ министерству государственныхъ имуществъ, какъ отдѣльный его департаментъ.

Не менѣе странно встрѣчать въ «Опытѣ исторіи цивилизаціи» генеалогическія подробности о

пустоты даже тогда, когда ложныя сужденія безвредны и никого не хотятъ очернить. А если они посягаютъ на репутацію другого, то уже означаютъ нѣчто гораздо худшее, чѣмъ пустая неосновательность. Не мѣшало бы г. Жеребцову быть нѣсколько поосмотрительнѣе, особенно въ отношеніи къ литературѣ. А онъ съ нею-то и не церемонится. Онъ, напр., вотъ какъ соединяетъ имена русскихъ поэтовъ: Дмитріевъ, Батюшковъ, Грибодовъ, князь Вяземскій, Марлинскій, Лермонтовъ, Хомяковъ и Манковъ!! (т. II, стр. 261). И болѣе о Лермонтовѣ ни слова!.. Въ числѣ романистовъ — Булгаринъ и Загоскинъ, и нѣтъ Лажечникова! (т. II, стр. 278). Сахаровъ и Калачовъ — ознѣчены какъ издатели русскихъ повестей (т. I, стр. 190). Между натуралистами изображены такіе, какъ напр. гг. Горяиновъ, Глуховъ, графъ Кайзерлингъ и не упомянуты напр. гг. Брандъ, Рулье, Свѣрцовъ, Савельевъ и др. Подборъ замѣчательныхъ дѣятелей въ наукахъ историческихъ и нравственныхъ сдѣланъ такъ дико, что его нельзя даже приписать невѣдѣнію, и потому мы говоримъ о немъ далѣе. Теперь же, какъ выше подмечено г. Жеребцова въ небрежности и самоуверенной безцеремонности съ литературой, приведемъ слѣдующій фактъ. Каждому изъ нашихъ читателей памято, конечно, знаменитое «*снѣгу*», которымъ Тарасъ Бульба у Гоголя отвѣчаетъ на предсмертный ропъ казнимаго сына. Г. Жеребцовъ, рассказывая содержаніе Тараса Бульбы, вотъ какъ передаетъ это «*снѣгу*!»: «При каждомъ оборотѣ колесъ Тарасъ чувствуетъ на себѣ все муки казнимаго сына, наконецъ, не могши болѣе выдержать, онъ издаетъ крикъ: «хорошо, слышь мой! Остань предъ смертію узнаешь голосъ своего отца и отвѣчаетъ: «отечъ я тебя слышу» II, 284. Къ этому факту прибавить нечего, онъ свидѣтельствуешь въ одно время и о томъ, какъ г. Жеребцовъ знаетъ русскую литературу, и о томъ какъ онъ *починаетъ* ся явленія

частныхъ лицахъ. Какое значеніе для цивилизаціи русской имѣло, напр., то, что «въ 1286 г. въ Черниговѣ былъ бояринъ Бяконтъ, который имѣлъ въ супружествѣ одну изъ дочерей Александра Невского» (семейное преданіе рода Жеребцовыхъ), что «отъ этого супружества произонлю пять сыновей: Элевѣрій, Теофанъ, Матвій, Константинъ и Александръ», и что «отъ Теофана пошелъ родъ Жеребцовыхъ, отъ Матвія — Игнатьевыхъ» и пр. (т. I, стр. 168). Кто можетъ ожидать, что въ исторіи русской цивилизаціи встрѣтитъ фамиліныя преданія рода Жеребцовыхъ и подробности объ улучшеніи въ Россіи коннозаводства? Какія идеи, какія соображенія руководили г. Жеребцовымъ при подборѣ фактовъ, подобныхъ вышеприведеннымъ? Неужели и тутъ надо видѣть основную мысль его — отстоять древнюю русскую народность восточную отъ тлетворнаго вліянія Запада?

Нѣтъ, прочитавши сочиненіе г. Жеребцова, невольно приходишь къ мысли, что и самыя начала, защитникомъ которыхъ онъ выступалъ, вовсе не такъ близки душѣ его, какъ онъ старается показать. Если бы въ самомъ дѣлѣ славянофильскія теоріи безкорыстно занимали его, то онъ постарался бы обработать и провести ихъ хоть немножко потщательнѣе. А то вѣдь мало того, что онъ слишкомъ часто уклоняется отъ нихъ, — онъ впадаетъ въ безпрерывныя противорѣчія съ собственными воззрѣніями. Напримѣръ, онъ постоянно увѣряетъ, что образованность древней Руси достигала весьма высокой степени во всей массѣ народа, и что, между прочимъ, знаніе чужихъ языковъ не было рѣдкостью, такъ какъ еще отецъ Владиміра Мономаха говорилъ на пяти языкахъ.

И между тѣмъ, объясняя, почему Петръ давалъ своимъ учрежденіямъ иностранныя названія, г. Жеребцовъ говоритъ: «Можетъ быть, онъ дѣлалъ это изъ желанія показать своимъ подданнымъ, что онъ знаетъ много языковъ; это придавало въ то время блескъ знанія и тѣмъ самымъ увеличивало довѣріе къ человѣку, до такой степени образованному» (т. II, стр. 103). Что сказалъ бы на такое объясненіе почтенный г. Сухомлиновъ, авторъ извѣстной статьи о языкознаніи въ древней Руси?

Другой примѣръ. Во всей книгѣ проводятся параллели между Европой и Россіей, и оказывается, что во всѣ времена до Петра цивилизація Россіи была выше цивилизаціи европейской. Начинается съ того, что Новгородъ былъ цвѣтущей и сильной республикой «въ ту печальную эпоху, когда въ Европѣ римская цивилизація гибла въ пламени и въ потокахъ крови» (т. I, стр. 49). Въ монгольскій періодъ у насъ сохранился «священный огонь любви къ знаніямъ, вѣра и чистая нравственность, а въ народахъ Европы господствовали невѣжество и неразвитость умственныхъ способностей, нравственное униженіе и готовность поддаться всякому, кто польститъ грубымъ наклонностямъ» (т. I, стр. 208). Послѣ монголовъ то же самое. Законодательство и администрація представляли въ Европѣ безобразную и непонятную смѣсь, а у насъ все было организовано чрезвычайно стройно; каждая часть управленія была опредѣлена правильно; каждая частность распредѣлена по Приказамъ, и пр. (т. I, стр. 335) Знанія были распространены у насъ больше, чѣмъ въ Европѣ (т. I, стр. 420). О нравственности нечего и говорить. И вдругъ, послѣ всего этого, въ концѣ

книги г. Жеребцовъ какимъ-то манеромъ вычисляетъ, что новые народы Европы для развитія цивилизаціи имѣли тысячу лѣтъ впередъ противъ насъ (т. II, стр. 622). Какъ онъ эту тысячу высчиталъ, мы не умѣли сообразить. Но главное, — къ чему было ее высчитывать, ежели мы или все наравнѣ съ Европой? Очевидно, что г. Жеребцовъ хотѣлъ какъ-то вывернуться и оправдать запоздалость Руси, и при этомъ совсѣмъ позабылъ свои параллели. Такъ точно позабылъ онъ ихъ, сознаваясь при изложеніи дѣлъ Петра, что до него у насъ мало было училищъ и что всѣ власти были нѣсколько перемѣшаны.

Вообще видно, что г. Жеребцовъ не употребляетъ большихъ усилій логики для поддержанія своихъ идей. Онъ, напр., хочетъ доказать, что во весь періодъ царей русскій народъ очень сильно двигался впередъ, а въ Европѣ былъ застой. Для доказательства онъ употребляетъ слѣдующій способъ. Иванъ III, говоритъ онъ, былъ современникомъ Людовика XI, а Петръ — Людовика XIV. Въ промежутокъ этого времени у насъ утверждалось правильное общественное устройство на религіозно-правственныхъ основаніяхъ; а въ Европѣ народъ былъ въ дремотѣ, ничего не дѣлалъ, и только абсолютизмъ утверждался все болѣе и болѣе. Знанія умножались; но умственные силы находились въ застоѣ, а нравственность падала (т. I, стр. 514—515). Положимъ, что кто-нибудь и повѣритъ въ этомъ г. Жеребцову; но какіе же результаты представляетъ онъ самъ далѣе? Послѣ Ивана III былъ у насъ Иванъ IV, а во время абсолютизма Людовика XIV у насъ утвердился абсолютизмъ Петра I. Гдѣ же благотѣльные слѣд-

ствія нашего древняго развитія? Попали мы на ту же дорогу, какъ и Европа, съ той только разницей, что она во время борьбы королей съ феодалами организовала городскія общины, пріобрѣла парламенты, произвела реформацію, а древняя Русь растеряла и свои земскіе соборы и боярскую думу и произвела только раскольниковъ. Параллель эта прямо бросается въ глаза всякому, а г. Жеребцовъ хочетъ изъ нея извлечь какія-то выгоды для древней Руси... Куда ужъ!..

Но есть же какая-нибудь причина, почему г. Жеребцовъ стоитъ за древнюю Русь, хотя и не умѣетъ этого сдѣлать и даже не можетъ какъ слѣдуетъ понять того дѣла, которое берется защищать? Конечно, причина есть, но она, по нашему мнѣнію, вовсе не заключается въ простодушной любви къ народу, которому въ древней Руси было будто бы лучше и привольнѣе, чѣмъ нынѣ. Мы убѣждены, что г. Жеребцову въ древней Руси правится одна сторона: родовыя отношенія. Онъ вездѣ съ особеннымъ умиленіемъ говоритъ о томъ, какъ почитается у славянъ родоначальникъ фамиліи, какъ старика называютъ дѣдушкой, какъ роды связаны между собою, и проч. Самую народность онъ защищаетъ на томъ основаніи, что покои въѣку есть на свѣтѣ разныя породы людей, различной пробы, и что вотъ славянская порода удалась при ея созданіи лучше, нежели всѣ другія, чѣмъ мы и должны гордиться. Такимъ образомъ *народность* г. Жеребцова можно назвать *генеалогическою*. При этомъ становится совершенно понятною его любовь къ древней Руси и ненависть къ реформѣ Петра; эта любовь и ненависть тоже — *генеалогическія*. Родъ, порода,

происхожденіе — вотъ слова, возбуждающія умиленіе г. Жеребцова; вотъ его задушевная идея, прикрытая любовью къ народности. Какъ скоро это открывается, все становится яснымъ. Ясно, почему бѣдствія удѣльной системы произвелъ г. Жеребцовъ не изъ родовыхъ отношеній, а изъ феодальныхъ идей. Ясно, почему всѣхъ славянскихъ князей считаетъ онъ родственниками варяга Рюрика. Ясно, почему онъ придаетъ такую важность для исторіи цивилизаціи фамильнымъ преданіямъ рода Жеребцовыхъ. Ясно даже и то, почему заняло его улучшеніе породъ лошадей въ Россійской имперіи. Вездѣ порода и порода... Къ ней пристрастенъ г. Жеребцовъ, отъ нея старается онъ отклонить всякое нареканіе, всякое подозрѣніе. Этимъ объясняется, между прочимъ, и то, почему, рисуя картину нравовъ древней Руси и изображая тогдашнюю общественную іерархію, онъ ни единого слова не говоритъ о смѣшныхъ и гадкихъ проявленіяхъ мѣстничества. Понятно становится и то, почему г. Жеребцовъ вооружается противъ *литературныхъ пролетаріевъ*, которые, по его мнѣнію, все неспособны къ возвышеннымъ чувствованіямъ, а умѣютъ говорить только фразы. Понятенъ для насъ и тотъ подборъ ученыхъ историковъ, юристовъ и пр., какой сдѣлалъ г. Жеребцовъ, говоря о русской литературѣ и наукѣ. Мы нисколько не удивляемся теперь, что онъ превознесъ предъ Европою г. Морошкина, г. Никиту Крылова, г. Василія Григорьева, г. Шевырева, и т. п., и не удостоилъ упомянуть *Грановскаго* (!), Кудрявцева, Ешевскаго, Бабста, Забѣлина и пр. О Кавелинѣ только упомянуто, что онъ юристъ, между гг. Баршевымъ и Поповымъ. На г. Чичерина сдѣланъ

только намекъ, при опредѣленіи достоинствъ г. Никиты Крылова, «недавно отличившагося (dernièrement il s'est distingué) опроверженіемъ одной диссертациі» (стр. 321). Все это совершенно понятно, когда знаешь, что всѣ люди, пройденные презрительнымъ молчаніемъ у г. Жеребцова, весьма мало придаютъ цѣны генеалогическимъ привилегіямъ, которымъ поклоняется г. Жеребцовъ. Какъ право, хорошо, когда поймешь наконецъ настоящую точку зрѣнія: все понятно, рѣшительно все!

Чтобы для читателей не оставалось уже никакого сомнѣнія насчетъ задушевнѣйшей, тайной тенденціи, руководящей г. Жеребцовымъ, мы выпишемъ нѣсколько мыслей его о русской аристократіи изъ двухъ мѣстъ его книги.

Первое мѣсто находится въ первомъ томѣ, на стр. 271, гдѣ г. Жеребцовъ разбираетъ общественную іерархію древней Руси.

«Служилые люди раздѣлялись на двѣ категоріи: *родословные роды и неродословные роды*. Въ первой заключались всѣ княжескія фамиліи, происходящія отъ удѣльныхъ князей, а также фамиліи иностранныхъ принцевъ, вступавшихъ въ службу московскихъ князей и которыхъ родословная начиналась словами: «и былъ мужъ честный» и пр. Во второй категоріи заключались всѣ остальные фамиліи служилыхъ людей...».

Затѣмъ объясняется, что быть внесаннымъ въ родословныя книги значило больше, чѣмъ получить княжескій титулъ. Многіе мурзы татарскіе получили право называться князьями, а въ родословныя книги все-таки не попали. Далѣе авторъ продолжаетъ:

«Фамиліи, принадлежавшія къ категоріи родо-

словныхъ, пользовались огромными привилегіями; онѣ во всемъ имѣли преимущество предъ неродословными, до такой степени, что тѣмъ даже запрещено было соперничать въ чемъ-нибудь съ семействами родословными. Послѣ уничтоженія разрядовъ при Θεодорѣ Алексѣевичѣ, родословные роды все-таки сохранили значительныя привилегіи. Члены этихъ семействъ несравненно скорѣе подвигались въ службѣ, нежели члены семействъ неродословныхъ. Положимъ, что это было слѣдствіе политическаго значенія этихъ родовъ и слѣдствіе протекціи, какую они оказывали своимъ братьямъ; но право судиться по особымъ законамъ (*le droit d'être juger d'après les lois privilégiées*) и изъятія отъ всякаго рода судебныхъ пошлинъ суть привилегіи, всегда и вездѣ составляющія принадлежность собственно такъ называемой знати, аристократіи.

«Какъ доказательство, что право вписываться въ родословную книгу было наследственное, и слѣдовательно, поистинѣ дворянское и аристократическое, мы скажемъ, что до Петра Великаго ни одинъ изъ государей не вознаграждалъ службу поданныхъ пожалованіемъ этого права, а это пожалованіе было единственнымъ средствомъ получить дворянскія привилегіи. Слѣдовательно, эти государи смотрѣли на вписываніе въ родословную книгу какъ на привилегію самого рожденія, которой они не могли даровать» (т. I, стр. 271—273).

Другое мѣсто, не оставляющее никакого сомнѣнія о причинахъ непріязненнаго взгляда г. Жеребцова на Петрову реформу, находится во второмъ томѣ (стр. 71 и слѣд.), гдѣ г. Жеребцовъ разсуждаетъ о зловредности чина.

«Получая чинъ, всякій пріобрѣталъ дворянскія права. Главныя преимущества дворянства состояли въ правѣ владѣть населенными помѣстьями и вступать въ службу, т. е. имѣть возможность пріобрѣтать чины. Петръ, чтобы доказать, что дворянство дается не рожденіемъ, а службою, взялъ на Московской площади маленькаго пирожника, Менишкова, и сдѣлалъ его своимъ денщикомъ, полковникомъ, генераломъ, свѣтлѣйшимъ княземъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы доказать, что дворянство можно давать и не за военныя или гражданскія заслуги, онъ далъ дворянство простому кузнецу Акинѣю Демидову.

«Введя свой табель о рангахъ, Петръ уничтожилъ всякое различіе въ правахъ между древними родословными дворянами и вновь произведенными. Въ то же время, производя въ дворяне всѣхъ жильцовъ, дѣтей боярскихъ и однопорцевъ, добровольно вступившихъ въ службу, онъ безмѣрно увеличилъ число членовъ этого дворянства, и еще болѣе усилить его, давая возможность достигъ дворянства, посредствомъ чина, каждому рекруту и каждому писцу.

«Такой порядокъ вещей естественно ввелъ въ благородное сословіе массу лицъ и фамилій, отличающихся грубостью нравовъ поистинѣ плачевною. Порядочныя фамиліи (*les familles comme il faut*), сдѣлавшись по своимъ правамъ равными этой массѣ, болѣе или менѣе перемѣшивались съ нею и мало-по-малу утратили отличное чувство дворянина, выражавшееся въ словахъ: *noblesse oblige*.

«Дворянство, составленное изъ огромнаго количества фамилій, стоявшихъ на самыхъ различныхъ степеняхъ образованія, — начиная отъ бояръ

и оканчивая дѣтьми боярскими, которые были простыми солдатами или крестьянами, — дворянство это не имѣло другихъ правъ, кромѣ права владѣть крестьянами (*droit de la possession d'esclaves*). Но зато они обречены были на постоянную службу, въ которой и члены древнихъ фамилій, также точно какъ и новопожалованные дворяне, подвержены были тѣлесному наказанію. Эта мѣра была, можетъ быть, необходима для новопроизведенныхъ въ это дворянство; но она не могла не быть унижительною для древнихъ родословныхъ дворянъ, нравственно униженныхъ этимъ смѣненіемъ, и при этомъ еще принуждаемыхъ къ скороспѣлой цивилизаціи, такъ какъ истинная цивилизаціи была несовмѣстима съ тѣмъ общественнымъ положеніемъ, въ какое они были поставлены» (т. II, стр. 71—79).

Кажется, довольно для того, чтобы убѣдиться, въ чемъ состоятъ задушевные стремленія г. Жеребцова и какія начала прикрываются въ его книгѣ разглагольствіями о народности, православіи и т. п. Мы не знаемъ, отчего произошло у г. Жеребцова столь сильное стремленіе къ генеалогическимъ отличіямъ. Но вообще говоря, подъ покровъ геральдики, генеалогіи, родственныхъ связей и всякаго рода протекцій прибѣгаютъ обыкновенно люди, лишенные внутренней возможности опереться на свои собственные силы, на свое личное достоинство. Дряхлые старички приходятъ въ восторгъ, смотря на своихъ дѣтей, племянниковъ, внуковъ и воображая, что всѣ они будутъ великими людьми; глухія дѣти хвалятся обыкновенно значеніемъ своихъ отцовъ, родственниковъ, учителей и т. п. Между взрослыми же людьми встрѣчаются иногда

такіе, въ которыхъ неразуміе дѣтства соединяется съ старческой дряхлостью; эти съ одинаковымъ безразсудствомъ и наивностью восхищаются и наслѣдственными привилегіями рода и великой будущностью страны, находящейся въ младенческомъ состояніи. Не стоило бы долго толковать съ этими престарѣлыми дѣтьми, если бы, къ несчастью, ихъ птюзін не вводили въ заблужденіе другихъ, хотя тоже не совсѣмъ взрослыхъ, но по крайней мѣрѣ и не совсѣмъ еще одряхлѣвшихъ людей. Изъ желанія предупредить хоть сколько-нибудь возможность подобныхъ заблужденій мы взяли за разборъ книги г. Жеребцова, изъ того же желанія рѣшаемся теперь прибавить еще нѣсколько словъ относительно главной тенденціи, въ ней обнаруженной.

Со времени Крылова, на всю Россію опозорившаго надменныхъ потомковъ славныхъ римскихъ гусей, у насъ нѣтъ надобности распространяться о томъ, что защита привилегій породы смѣшна и постыдна. Тѣмъ не менѣе часто слышатся выходки противъ какого-то демократическаго направленія, противопоставляемаго аристократіи. По нашему мнѣнію, всѣ подобныя выходки лишены всякаго существеннаго смысла. Что за аристократы, что за демократы, что за различіе породъ въ одномъ народѣ, въ одномъ племени? Совѣстно обращаться за цитатою къ нашему же писателю, излагавшему свои идеи за полтора вѣка до насъ; но какъ не вспомнить при этихъ выходкахъ слова Кантемира:

Адамъ дворянъ не родилъ, но одному сыну
Жребій быть конатъ сать, насъ другому скотину;
Пой въ ковчегъ съ собою спасъ все себѣ равныхъ,
Простыхъ земледѣтелей, правами лишь славныхъ.

Конечно, борьба аристократіи съ демократіей составляетъ все содержаніе исторіи; но мы слишкомъ бы плохо ее поняли, если бы вздумали ограничить ее одними генеалогическими интересами. Въ основаніи этой борьбы всегда скрывалось другое обстоятельство, гораздо болѣе существенное, нежели отвлеченныя теоріи о породѣ и о наследственномъ различіи крови въ людяхъ благородныхъ и неблагородныхъ. Массы народныя всегда чувствовали, хотя смутно и какъ бы инстинктивно, то, что находится теперь въ сознаніи людей образованныхъ и порядочныхъ. Въ глазахъ истинно-образованнаго человѣка нѣтъ аристократовъ и демократовъ, нѣтъ бояръ и смердовъ, браминовъ и парій, а только *люди трудящіеся* и *дармоѣды*. Уничтоженіе дармоѣдовъ и возвеличеніе труда — вотъ постоянная тенденція исторіи. По степени большаго или меньшаго уваженія къ труду и по умѣнью оцѣнивать трудъ болѣе или менѣе соотвѣтственно его истинной цѣнности — можно узнать степень цивилизаціи народа. Степень возможности и распространенія дармоѣдства въ народѣ можетъ служить безошибочнымъ указателемъ большей или меньшей недостаточности его цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія не генеалогическія преданія и не внѣшняя стройность государственной организаціи должны занимать историка народной образованности. Гораздо болѣе заслуживаютъ его вниманія съ одной стороны — права рабочихъ классовъ, а съ другой — дармоѣдство во всѣхъ его видахъ, въ печальномъ ли табу океанійскихъ дикарей, въ индійскомъ ли браминствѣ, въ персидскомъ ли сатрапствѣ, римскомъ патриціанствѣ, средневѣковой десятинѣ и феодализмѣ; или въ современныхъ откупахъ, взя-

точничествѣ, казнокрадствѣ, прихлебательствѣ, служебномъ бездѣльничествѣ, крѣпостномъ правѣ, денежныхъ бракахъ, дамахъ-каamelіяхъ и другихъ подобныхъ явленіяхъ, которыхъ еще не касалась даже сатира. При разсмотрѣніи всего этого выкажутся и степень распространенія знаній въ народѣ, и степень его нравственной силы. Нигдѣ дармоѣдство не исчезло, но оно постепенно вездѣ уменьшается съ развитіемъ образованности. Трудъ считается презрѣннымъ у народовъ невѣжественныхъ, у которыхъ грабежъ служить болѣе почетнымъ средствомъ пріобрѣтенія, нежели работа. Трудъ не получилъ надлежащаго значенія во всемъ древнемъ мірѣ, дошедшемъ только до того, чтобы признать нѣкоторые труды приличными лучшимъ классамъ общества, а все остальное предоставить рабамъ. Самъ Платонъ, сочиняя свою республику, призналъ въ ней необходимость рабскаго сословія, которое бы занималось физическими работами, чтобы доставить все нужное высшимъ сословіямъ, — правительственному и воинскому. Въ среднихъ вѣкахъ, — не говоря о феодализмѣ, — лучшими людьми провозглашены были *artes liberales*, т. е. только умственные занятія признаны приличными свободнымъ людямъ; на остальные работы смотрѣли съ презрѣніемъ. Въ новой исторіи совершилось признаніе всякаго труда. Но до сихъ поръ ни одна страна еще не достигла до умѣнья правильно оцѣнивать трудъ, вполнѣ соотвѣтственно его полезности. Часто пользуются почетомъ занятія во все непронизводительныя и пренебрегаются труды въ высшей степени полезные. Дармоѣдство теперь прячется, правда, подъ покровомъ капитала и разныхъ коммерческихъ предпріятій, но тѣмъ не ме-

нѣе оно существуетъ вездѣ, эксплуатируя и при-
давливая бѣдныхъ тружениковъ, которыхъ трудъ
не оцѣняется съ достаточной справедливостью. Яс-
но, что все это происходитъ именно оттого, что
количество знаній, распространенныхъ въ массахъ,
еще слишкомъ ничтожно, чтобы сообщить имъ пра-
вильное понятіе о сравнительномъ достоинствѣ
предметовъ и о различныхъ отношеніяхъ между
ними. Оттого-то, отвергнувши и заклеивши гра-
бежъ подъ его собственнымъ именемъ, новые на-
роды все-таки не могутъ еще распознать того же
самаго грабежа, когда онъ скрывается дармоѣдами
подъ различными вымышленными именами. Правда,
теперь самые размѣры грабежа ужъ не тѣ, что
были прежде; современные Лукуллы и Вителліи ни-
чего не значатъ въ сравненіи съ древними. Но все-
таки существуютъ маленькіе Лукуллики, и нѣтъ
сомнѣнія, что они эксплуатируютъ много народа.
Роскошь, съ этой точки зрѣнія, составляетъ дѣй-
ствительно одно изъ главныхъ проявленій обще-
ственной безправственности, но только вовсе не
потому, что она разнѣживаетъ, ослабляетъ че-
ловѣка, отводитъ его мысли отъ возвышенныхъ
идей къ матеріальнымъ наслажденіямъ и т. п.
Вовсе нѣтъ, — она есть признакъ соціаль-
ной безправственности потому, что указываетъ
на то печальное положеніе общества, при ко-
торомъ кровь и потъ многихъ тружениковъ
должны тратиться для содержанія одного дармо-
ѣда.

Смотря на дѣло такимъ образомъ, мы удивляем-
ся, какъ можетъ г. Жеребцовъ смотрѣть съ пре-
небреженіемъ на промышленные успѣхи Россіи со
временъ Петра и какъ можетъ онъ восхищаться

великолѣніемъ и обиліемъ досуга у древнихъ бояръ московскихъ.

Впрочемъ пора уже разстаться намъ съ г. Жеребцовымъ. Читатели изъ нашей статьи, надѣемся, успѣли уже познакомиться съ нимъ настолько, чтобы не желать продолженія этого знакомства. Поэтому, оставляя въ покоѣ его книгу, мы намѣрены теперь исполнить обѣщаніе, данное нами въ прошлой статьѣ: сдѣлать нѣсколько замѣчаній относительно самыхъ началъ, которыя навязываются древней Руси ея защитниками, и которыя оказываются такъ несостоятельными предъ судомъ исторіи и здраваго смысла.

Образованность древней Руси развивалась съ самыхъ древнихъ временъ подъ вліяніемъ христіанства. Этого никто не отвергаетъ и не можетъ отвергнуть. Но защитники древней Руси, рассматривая вліяніе христіанства, представляютъ дѣло въ какомъ-то особенномъ свѣтѣ. Они, во-первыхъ, приписываютъ его почему-то древней Руси преимущественно предъ новою; во-вторыхъ, кромѣ христіанства примѣшиваютъ еще къ дѣлу Византію и Востокъ въ противоположность Западу; въ третьихъ, формальное принятіе вѣры смѣшиваютъ съ дѣйствительнымъ водвореніемъ ея началъ въ сердцахъ народа. Все это весьма мало имѣетъ основаній въ дѣйствительности. Конечно, съ распространеніемъ въ Россіи западно-европейской образованности ослабѣли многія вѣрованія, бывшія слишкомъ твердыми въ Руси. Нарушеніе постовъ и нѣкоторыхъ обрядовъ не считается теперь рѣдкостью, какъ прежде, и это, конечно, нехорошо. Но надобно же отдать справедливость и новому времени хоть въ томъ, что при распространеніи по-

выхъ научныхъ понятій исчезаютъ или ослабѣваютъ многія суевѣрія и грубые обычаи, которыми полна была Русь древняя. И если сравнивать въ этомъ отношеніи старинное время съ новымъ, то старинѣ никакъ нельзя отдать преимущества. Ежели нынѣ вѣрованія нерѣдко затемняются блескомъ кичливаго ума, набравшагося свѣтскихъ знаній, то въ древности эти вѣрованія страдали отъ примѣси суевѣрій и грубыхъ предразсудковъ. Нынѣ мѣшаютъ вѣрѣ философскія воззрѣнія, а тогда мѣшало язычество: — какая же выгода отъ этого различія для древней Руси? Равнымъ образомъ, какая была сладость для народа отъ связей съ Византіею, независимо отъ живительной силы самого христіанства, не измѣняющей отъ мѣстныхъ и частныхъ отличій? Византія только сообщила Россіи педантизмъ и мертвенную формалистику, которую она усвоила себѣ гораздо ранѣе, нежели началось господство схоластики на Западѣ. Оттого мертвая буква постоянно занимала русскихъ книжниковъ, какъ бы вовсе не чувствовавшихъ потребности въ живомъ влѣянніи духа. Какъ на доказательство образованности, указываютъ часто на множество списковъ книгъ церковныхъ, существовавшее въ древней Руси. Но безобразныя искаженія въ этихъ спискахъ, извѣстныя изъ исторіи исправленія книгъ, именно доказываютъ, что переписка была весьма часто бессмысленна. Слѣдовательно, обиліе списковъ (если и допустить, что оно было такъ велико, какъ предполагаютъ нѣкоторые) можетъ быть важно только развѣ для исторіи каллиграфіи, а никакъ не для исторіи образованности народа. То же вліяніе византійскаго педантизма видимъ мы и въ самыхъ расколахъ русскихъ: значительная часть ихъ про-

изошла изъ-за виѣшнихъ формальностей. II въ то время когда въ Европѣ общее умственное движеніе возбуждено было реформаціей, у насъ все спорило о нѣсколькихъ словахъ и фразахъ, искаженныхъ въ книгѣ безграмотными и безтолковыми переписчиками. Подавляя насъ своимъ педантизмомъ въ теоріи, чему же могла Византія IX вѣка научить насъ на практикѣ? Лъстивость, хитрость и вѣроломство были отличительными, объявленными качествами грековъ, современныхъ образованію русскаго государства. Русскіе до принятія христіанства ѣздили въ Константинополь продавать тамъ рабовъ; при византійскомъ дворѣ они видѣли пышность и роскошь, которыя дразнили ихъ. Все это не слишкомъ благотворно могло дѣйствовать на нравы древней Руси.

Безъ всякаго сомнѣнія, принятіе христіанства при Владимірѣ много смягчило и улучшило нравы. Но это необходимо должно было идти постепенно, а византійскій формализмъ не только не содѣйствовалъ улучшенію народной нравственности, но даже какъ будто пренебрегалъ имъ, обращая все свое вниманіе на виѣшность. Оттого-то мы и видимъ, что общественная нравственность въ древней Руси постоянно была въ состояніи весьма печальномъ. Не рѣшаясь пускаться въ подробныя изысканія, мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько замѣтокъ на этотъ счетъ изъ наиболее извѣстныхъ и уважаемыхъ у насъ источниковъ.

«Купель христіанская, освятивъ душу Владиміра, не могла вдругъ очистить народныхъ нравовъ»,—говоритъ Карамзинъ (т. I, стр. 154). Ту же мысль подробнѣе развиваетъ г. Соловьевъ въ слѣдующихъ словахъ: «Понятно, что древнее языческое общество

не вдругъ уступило новой власти свои права, что оно боролось съ нею, и боролось долго; долго, какъ увидимъ, христіане только по имени не хотѣли допускать новую власть вмѣшиваться въ свои семейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу только въ верхнихъ слояхъ общества и съ трудомъ проникали внизъ, въ массу, гдѣ язычество жило еще на дѣлѣ въ своихъ обычаяхъ. Вслѣдствіе родового быта у восточныхъ славянъ не могло развиваться общественное богослуженіе, не могло развиваться жреческое сословіе; не имѣя ничего противопоставить христіанству, язычество легко должно было уступить ему общественное мѣсто; но, будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Язычникъ русскій, не имѣя ни храма, ни жрецовъ, безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцомъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца, въ роцѣ. Борьба, вражда древняго язычества противъ вліянія новой религіи и ея служителей выразилась въ суевѣрныхъ примѣтахъ, теперь безсмысленныхъ, но имѣвшихъ смыслъ въ первые вѣка христіанства на Руси: такъ, появленіе служителя новой религіи закоренѣлый язычникъ считалъ для себя враждебнымъ, зловѣщимъ, потому что это появленіе служило знакомъ къ прекращенію нравственныхъ безпорядковъ, къ подчиненію его грубаго произвола нравственно-религіозному закону» (Сол., «Ист. Р.», т. I, стр. 291).

Замѣчанія г. Соловьева совершенно объясняютъ, какое значеніе нужно придавать свѣдѣніямъ о распространеніи церквей, монастырей и т. п. въ

древней Руси. Очевидно, что это распространение никакъ не можетъ служить мѣриломъ того, какъ глубоко правила новой вѣры проникли въ сердца народа. Къ этому можно прибавить замѣтку г. Соловьева и о томъ, что самыя извѣстія о содержаніи церквей щедротами великихъ князей могутъ указывать на недостаточность усердія новообращенныхъ прихожанъ.

Нельзя не замѣтить, что даже замѣчаніе г. Соловьева о томъ, что «въ верхнихъ слояхъ общества новая вѣра скоро получила силу», требуетъ значительныхъ ограниченій. Множество фактовъ говоритъ противъ него. Добрыня и Путята, крестившіе новгородцевъ огнемъ и мечемъ, конечно, не были проникнуты началами любви христіанской. Яро-славъ, поднявшій оружіе противъ отца, обманувшій и избившій новгородцевъ, поступалъ, конечно, противно христіанской правдивости. Святополкъ, избившій братьевъ, представляетъ ужасное явленіе среди новообращеннаго народа, въ которомъ одна-коже нашлось много пособниковъ для исполненія кровожадныхъ замысловъ этого князя. Междоусобія Изяслава, Всеволода и послѣдующихъ князей, вѣроломство Олега Святославича, ослѣпленіе Василька тотчасъ послѣ мирнаго съѣзда князей и крестнаго цѣлованія, кровавая вражда Олеговичей и Мономаховичей, — вотъ явленія, наполняющія весь до-монгольскій періодъ нашей исторіи; видно ли изъ нихъ, что кроткое вліяніе новой вѣры глубоко проникло въ сердца князей русскихъ? А подобныхъ явленій не мало можно отыскать и въ послѣдующей исторіи Руси.

И не только частные факты доказываютъ, что язычество долгое время было сильно у насъ даже

въ верхнихъ слояхъ общества; то же самое видно изъ законодательства. Многія статьи Ярославовой «Правды» носятъ на себѣ несомнѣнные признаки языческаго происхожденія. Не забудемъ, что въ ней узаконяется родовая месть, и холопъ признается вещью.

Общественная нравственность была въ весьма печальномъ состояніи во весь до-петровскій періодъ. При Владимірѣ царствовали по всей Руси грабежи и убійства; по принятіи христіанства Владиміръ изъ человѣколюбія не хотѣлъ казнить разбойниковъ, а бралъ только *виры*; и разбои умножились, такъ что сами епископы должны были просить его, чтобъ онъ опять принялся казнить (Полн. Собр. Лѣт., т. I, стр. 54). Въ уставѣ о церковныхъ судахъ, приписываемомъ Ярославу, находится изложеніе безчисленнаго множества самыхъ тонкихъ подраздѣленій любодѣянія, съ опредѣленіемъ за него денежныхъ штрафовъ (Кар., т. II, пр. 108). Митрополитъ Іоаннъ писалъ въ концѣ XI вѣка: «О, горе вамъ, яко имя мое васъ ради хулу пріимаетъ во языцѣхъ! Иже въ монастырехъ часто пиры творятъ, сзываютъ мужи вкупѣ и жены, и въ тѣхъ пирѣхъ другъ другу преспѣваютъ, кто лучшій творитъ пирь» (Кар., т. II, пр. 158). О нравахъ XII вѣка свидѣтельствуешь Несторъ, говоря въ лѣтописи, что мы только словомъ называемся христіане, а живемъ *поганьскы*. «Видимъ бо игрища утолочена, и людій много множество, яко упихати начнутъ другъ друга, позоры дѣюще отъ бѣса замышленнаго дѣла, а церкви стоятъ; егда же бываетъ годъ молитвы, мало ихъ обрѣтается въ церкви» (Полн. Собр. Лѣт., т. I, стр. 72). Изъ XIII вѣка можно привести отрывокъ одного поученія Серапіона: «Много разъ бесѣдовалъ я съ вами, же-

лая отвратить васъ отъ худыхъ навыковъ; но не вижу въ васъ никакой перемѣны. Разбойникъ ли кто изъ васъ, — не отстаесть отъ разбоя; воръ ли кто, — не пропуститъ случая украсть; имѣесть ли кто ненависть къ ближнему, — не имѣесть покоя отъ вражды; обижаесть ли кто другого, захватывая чужое, — не насыщается грабежемъ; лихоимецъ ли кто, — не перестанесть брать мзду» («Обз. дух. лит.», Филар., стр. 50). Въ началѣ XIV вѣка митрополитъ Петръ въ окружномъ посланіи запрещаетъ духовенству заниматься торговлей и давать деньги въ ростъ (тамъ же, 67). Въ началѣ XV вѣка Фотій, вслѣдствіе нѣкоторыхъ безпорядковъ, писалъ посланіе къ новгородскому духовенству, предписывая, что «въ которомъ монастырѣ живутъ черницы, тамъ не должны жить чернцы, — и гдѣ будутъ жить черницы, тамъ избрать священниковъ съ женами, а вдоваго попа тамъ не должно быть» (тамъ же, 88). Еще черезъ столѣтіе одинъ священникъ, Георгій, представлялъ собору 1563 г.: «Господа священноначальники! Недуховно управляются вѣрные люди: надзираете за церковью по обычаю земныхъ властителей, чрезъ бояръ, дворецкихъ, тіуновъ, недѣльщиковъ, подводчиковъ, и это для своего прибытка, а не по сану святительства» (тамъ же, 113). Такого рода разнообразныя обличенія обращались весьма нерѣдко даже и къ лицамъ духовнымъ; что же говорить о мірскихъ людяхъ? Карамзинъ отзывается, что въ монгольскій періодъ вообще «отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство; сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ, — не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татѣба сдѣлалась общею язвою собственности» (т. V, стр. 217).

По сверженіи монгольскаго ига нравственное состояніе общества немного улучшилось. Объ этомъ можемъ судить по извѣстіямъ иностранцевъ и по нѣкоторымъ русскимъ сочиненіямъ того времени. Заключение выводится очень неблагопріятное: праздность, пьянство, обманъ, воровство, грабежъ, лихоимство, роскошь высшихъ классовъ, безправіе и нищета низшихъ, — вотъ черты, приводимыя у Карамзина (т. VII, гл. 4; т. X, гл. 4), котораго никто не назоветъ противникомъ древней Руси. Надѣмся, всякій согласится, что общество, въ которомъ господствуютъ подобныя пороки, не совсѣмъ удобно превозносить за глубокое проникновеніе нравственными началами христіанства. Вліянія византійскаго тутъ, конечно, отрицать нельзя; но едва ли стоитъ тщеславиться его проникновеніемъ въ русскую народность.

Истинныя начала Христовой вѣры не только не отражались долгое время въ народной нравственности, но даже и понимаемы-то были дурно и слабо. Во весь до-петровскій періодъ въ нашей духовной литературѣ не прерываются обличенія противъ суевѣрій, сохраненныхъ народомъ отъ временъ язычества. Несторъ съ негодованіемъ говоритъ о суевѣрахъ, боящихся встрѣчи со священникомъ, съ монахомъ и со свиньею (Лавр. лѣт. 1067 г., стр. 73), а между тѣмъ самъ онъ, несмотря на свою значительную по тогдашнему времени образованность, безпрестанно обнаруживаетъ собственное суевѣріе. То его смущаютъ знаменія небесныя, то уродъ, вытщенный изъ рѣки, кажется зловѣщимъ признакомъ, то злобный характеръ князя объясняется волшебной повязкой, которую носилъ онъ отъ рожденія, и т. д. Древнѣйшій письменный памятникъ

нашей поэзіи — «Слово о полку Игоревѣ» — конца XII вѣка, отличается совершенно языческимъ характеромъ. Въ XIII и даже XIV вѣкахъ сохранялось еще языческое богослуженіе во многихъ мѣстахъ. Объ этомъ есть свидѣтельство въ Пансіевскомъ Сборникѣ. Нѣсколько ранѣе этого времени есть свидѣтельство (въ «Словѣ Христолюбца»), о томъ, что язычество долго держалось даже въ образованныхъ слояхъ общества. Христолюбецъ говоритъ, что много есть христіанъ, «двовѣрно живущихъ, вѣрующихъ и въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима, и въ Ргла, и въ Вилы... Огневи ся молятъ, зовуше его Сварожицемъ, и честновитокъ богомъ творять... Не токмо же се творять невѣжи, но и вѣжи, попове и книжники» (Фил., «Обз дух лит.», стр. 48). Какую роль волнебство и чародѣйство постоянно играло въ древней Руси, не только въ простомъ народѣ, но даже при дворѣ и среди самого духовенства, — извѣстно, конечно, всѣмъ и каждому. Стоглавъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что даже нѣкоторые черницы пользовались суевѣріемъ народа, такъ какъ въ это время хотя и воздвигалось множество новыхъ храмовъ, но истиннаго усердія къ вѣрѣ не было, а дѣлалось это единственно по тщеславію. Вообще — постановленія Стоглавна Собора даютъ много весьма грустныхъ свидѣтельствъ о духовномъ состояніи Руси въ половинѣ XVI вѣка. Мы не хотимъ пріискивать самыхъ мрачныхъ его обличеній, а просто приведемъ тѣ изъ нихъ, которыя указываются у Карамзина (т. IX, стр. 271—272), вовсе не желавнаго выбирать только худшее. «Да никто изъ князей, вельможъ и всѣхъ добрыхъ христіанъ не входитъ въ церковь съ главою покровенною, въ тафьяхъ мусульманскихъ.

Да не вносятъ въ алтарь ни пива, ни меду, ни хлѣба, кромѣ просфоръ. Да уничтожится навѣки нелѣпый обычай возлагать на престолъ такъ называемыя сорочки, въ коихъ рождаются младенцы . . . Злоупотребленія и соблазны губятъ нравы духовенства. Что видимъ въ монастыряхъ? Люди ищутъ въ нихъ не спасенія души, а тѣлеснаго покоя и наслажденій. Архимандриты, игумены не знаютъ братской трапезы, угощая свѣтскихъ друзей въ своихъ келіяхъ. Иноки держатъ у себя отроковъ и юношей; принимаютъ безъ стыда женъ и дѣвицъ, разоряютъ села монастырскія. Обителі, богатые землями и доходами, не стыдятся требовать милостыни отъ государя: впредь да не стужаютъ ему. Милосердіе христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и престарѣлыхъ, а злоупотребленіе ввело въ оныя молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ. Многіе иноки, черницы, міряне, хвалясь какими-то сверхъестественными сновидѣніями и пророчествомъ, скитаются изъ мѣста въ мѣсто съ святыми иконами, и требуютъ денегъ для сооруженія церквей, непристойно, безчинно, къ удивленію иноземцевъ . . . Духовенство обязано искоренять языческія и всякія гнусныя обыкновенія. Напримѣръ, когда истецъ съ отвѣтчикомъ готовятся къ бою, тогда являются волхвы, смотрятъ на звѣзды и проч. Легковѣрные держатъ у себя книги Аристотелевскія, звѣздочетныя, зодіаки, альманахи, исполненные еретической мудрости. Наканунѣ Иванова дня люди сходятся ночью, пьютъ, играютъ, пляшутъ цѣлыя сутки; такъ же безумствуютъ и наканунѣ Рождества Христова, Василія Великаго и Богоявленія. Въ субботу Троицкую плачутъ, вопятъ и глумятъ на кладбищахъ, прыгаютъ, быютъ въ ла-

доши, поють сатанинскія пѣсни. Въ утро Великаго четверга палятъ соломѣ и кличутъ мертвыхъ; а священники въ сей день кладутъ соль у престола и лѣчатъ ею недужныхъ. Лживые пророки бѣгають изъ села въ село, нагіе, босые, съ распущенными волосами; трясутся, падаютъ на землю, баснословятъ о явленіяхъ св. Анастасіи и св. Пятницы. Ватаги скомороховъ, человѣкъ до ста, скитаются по деревнямъ, объѣдаютъ, опиваютъ земледѣльцевъ, даже грабятъ путешественниковъ на дорогахъ. Дѣти боярскія толпятся въ корчмахъ, играютъ зерною, разоряются. Мужчины и женщины моются въ однѣхъ баняхъ, куда самые иноки, самыя инокини ходить не стыдятся. На торгахъ продають зайцевъ, утокъ, тетеревей удушенныхъ; ѣдятъ кровь или колбасы, вопреки уставу соборовъ вселенскихъ; слѣдую латинскому обычаю, бреютъ бороду, подстригаютъ усы, носятъ одежду иноземную, клянутся во лжи именемъ Божиимъ и сквернословятъ; наконецъ, — что всего мерзостнѣе и за что Богъ казнитъ христіанъ войнами, голодомъ, язвою, — впадаютъ въ грѣхъ содомскій» (Кар., т. IX, стр. 271—273, прим. 822—831). Такой картины нравовъ (при всей смѣшанности понятій, господствующей въ самомъ описаніи), конечно, никто не назоветъ отрадною; а нужно прибавить, что Карамзинъ еще значительно смягчилъ многія выраженія Стоглавника... Пусть же судить по этому безпристрастный читатель, до какой степени одушевлено было русское общество тѣми высокими нравственными началами, которыя должны были сдѣлаться ему извѣстными, — и формально были извѣстны, — со времени Владиміра.

Другое прекрасное явленіе древней Руси, способствовавшее прочному ея развитію и преуспѣянію,

указываютъ въ патриархальности ея общественнаго устройства. «Все было гармонично, все оживлялось однимъ духомъ, во всемъ была простота и радуніе, говорятъ поклонники древней Руси. Древнюю Русь нужно представлять себѣ огромною правдивною равниною: не было у нея ни лицъ, ни сословій, которыя бы рѣзко выдѣлялись изъ массы, подлежащей общему уровню. Но эта равнина была подвижна, жива, растуща. Все въ ней сливалось въ удивительной гармоніи. Государственная власть соотвѣтствовала потребностямъ народа; въ своихъ дѣйствіяхъ она опиралась на дружину, совѣтъ старцевъ, думу боярскую, городское вѣче, — и ими уравнивались ея опредѣленія съ волею народа. Высшее сословіе — бояре служили органами, въ которыхъ воплощалось все лучшее, выработанное народной жизнью и требовавшее распространенія въ массахъ. Ихъ привилегіи были основаны не на чинахъ и почестяхъ, а на самомъ существенномъ изъ правъ — правѣ рожденія, и всѣ почитали это право священнымъ и ненарушимымъ. Они не были связаны обязательной службой, но участвовали въ дѣлахъ правленія изъ любви къ общему благу. Въ то же время господствовали въ Россіи общественность и всенародность; судъ и расправа были словесныя и короткія; всенародность суда обуславливала его честность. Права сословій выросли изъ самой жизни; просвѣщеніе срослось съ народомъ. Все это вело къ консерватизму, который однакоже не былъ застоємъ, а плавнымъ движеніемъ цѣлаго океана волнъ. Столь восхитительное общественное устройство отражалось и на жизни семейной: тишина, скромность, цѣломудріе, нѣжная покорность старшимъ составляли ея отличительныя качества; въ то

же время гостепріимство и радушіе украшали семьянина въ его отношеніяхъ ко всѣмъ членамъ общества».

Такъ воспѣваютъ древне-русскую патріархальность многіе ея поклонники. Они утѣшаются прекраснымъ ея изображеніемъ и находятъ, повидимому, весьма удобнымъ пробовать на себѣ слова поэта:

Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь.

Они дѣйствительно готовы проливать слезы умиленія надъ вымышленной ими гармоніей всѣхъ силъ и явленій древней Руси. Можетъ быть, это и хорошо, и даже полезно для забвенія всѣхъ современныхъ золъ; можетъ быть, мы и сами были бы довольны, если бы нашли возможность сочинять для себя такого рода утѣшенія. Но, къ несчастью, не всякому дается такая пылкая фантазія, какъ напр. гг. Розену, Вельтману, Классену и имъ подобнымъ лицамъ, у которыхъ небывалые факты исторіи такъ и снуютъ въ головѣ, точно фантастическіе призраки въ сказкахъ Гофмана. При всѣхъ нашихъ усиліяхъ, мы никакъ не можемъ вообразить древнюю Русь столь прекрасною и блаженною, какъ бы намъ хотѣлось, если факты дѣйствительности говорятъ противное. А факты говорятъ вотъ что.

Настоящая государственная власть въ древней Россіи не существовала по крайней мѣрѣ до возвышенія государства Московскаго. Древніе князья называли Русь своею *отчиною* и дѣйствительно, какъ доказать недавно г. Чичеринъ, владѣли ею скорѣе по вотчинному, нежели по государственному праву. По утвержденіи же Московскаго государства, — одна уже возможность такой личности, какъ Иванъ Грозный, заставляетъ отказаться отъ оболь-

щенія относительно силы и значенія думы боярской или какого бы то ни было уравнивающейаго вліянія.

Сословія древней Руси вовсе не представляются въ такой гармоніи, какъ хотятъ насъ увѣрить. Боярство отличалось спесью предъ низшими (которая однакоже не исключала раболѣпства) и безобразными ссорами межъ своими. Мѣстніческіе расчеты и бывавшія при нихъ продѣлки — извѣстны всякому. Отношеніе бояръ къ сельскому населенію видно изъ свидѣтельства Кошихина, который говоритъ, что бояре держатъ при себѣ людей до 100 и даже 1000, и что нѣкоторыхъ изъ нихъ посылаютъ въ вотчины свои «и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ поживитъся» (Коших., стр. 126). Къ этимъ людямъ были впрочемъ у бояръ и другія отношенія, о которыхъ мы узнаемъ изъ Желябужскаго. Эти отношенія вотъ какого рода: князья и бояре отправлялись на разбой съ своими людьми и грабили проѣзжихъ... Дѣлать это можно было имъ съ нѣкоторой надеждой на безнаказанность, хотя иногда и доставались имъ батоги и кнутъ за подобныя похожденія (Жел., стр. 9). Впрочемъ вообще, по замѣчанію Карамзина (т. X, стр. 142), для благородныхъ людей воинскихъ облегчали казни: за что крестьянина или мѣщанина вѣшали, за то сына боярскаго сажали въ темницу или били батогами. Благородные люди воинскіе имѣли еще, какъ пишутъ, странную выгоду въ гражданскихъ тяжбахъ: могли, вмѣсто себя, представлять слугъ своихъ для присяги и для тѣлеснаго наказанія въ случаѣ неплатежа долговъ». Карамзинъ говоритъ: «какъ пишутъ»; но фактъ этотъ несомнѣненъ. Онъ до

такой степени вошелъ въ обычаи древней Руси, что даже послужилъ предметомъ злоупотребленийъ и подъяческаго мошенничества. У Желябужскаго подъ 7201 (1693 г.) находимъ: «Земскаго приказа дьякъ Петръ Вязмитинъ передъ московскимъ Суднымъ приказомъ положенъ на козель и вмѣсто кнута бить батоги нещадно: своровалъ въ дѣлѣ, на правежъ ставилъ своего человѣка вмѣсто отвѣтчика» (Жел., стр. 13).

Утверждаютъ иѣкоторые, будто Петръ утвердилъ крѣпостное право въ Россіи. Не станемъ здѣсь распространяться о томъ, до какой степени произвольно такое мнѣніе. Для нашей цѣли будетъ достаточно, если мы приведемъ мнѣніе о состояніи рабовъ и свободныхъ земледѣльцевъ опять-таки изъ Карамзина (т. VII, стр. 128—129). «Гораздо несчастіе холопства,—говоритъ онъ, — было состояніе земледѣльцевъ свободныхъ, которые, нанимая землю въ помѣстьяхъ или въ отчинахъ у дворянъ, обязывались трудиться для нихъ свыше силъ человѣческихъ, не могли ни двухъ дней въ недѣлѣ работать на себя, переходили къ инымъ владѣльцамъ и обманывались въ надеждѣ на лучшую долю: ибо временные, корыстолюбивые господа или помѣщики нигдѣ не жалѣли, не берегли ихъ для будущаго. Государь могъ бы отвести имъ степи, но не хотѣлъ того, чтобы помѣстья не опустѣли, и сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только что не умиралъ съ голоду. Старецъ, бездомокъ отъ юности, изнуривъ жизненные силы въ работѣ наемника, при дверяхъ гроба не зная, гдѣ будетъ его могила . . . Вѣроятно, что многіе земледѣльцы шли тогда въ кабалу къ дворянамъ; по крайней мѣрѣ знаемъ, что многіе отцы продавали сво-

ихъ дѣтей, не имѣя способа кормиться». Если таково было положеніе земледѣльческаго класса, то стоитъ ли хлопотать о томъ, какое носилъ онъ названіе? «Сей многочисленный родъ людей, обогащая другихъ, самъ только что не умиралъ съ голоду», — этого довольно. Болѣе мы ни о чемъ не хотимъ спрашивать.

Поставимъ еще разъ на видъ читателямъ, что мы нарочно обращаемся за цитатами къ Карамзину, какъ приверженцу до-петровской Руси. Извѣстно, что онъ, въ своемъ сочиненіи «О древней и новой Россіи», не только восхвально описывалъ царей Михаила и Алексѣя, но даже и всѣмъ московскимъ періодомъ. Онъ говоритъ, что «политическая система государей московскихъ заслуживала удивленіе своею мудростью, имѣя цѣлью одно благоденствіе народа», и что «народъ, избавленный князьями московскими отъ бѣдствій внутренняго междоусобія и вѣншнаго ига, не жалѣлъ о своихъ древнихъ вѣчахъ и сановникахъ; довольный дѣйствіемъ, не спорилъ о правахъ. Одни бояре, столь нѣкогда величавые въ удѣльныхъ господствахъ, роптали на строгость самодержавія; но бѣгство или казнь ихъ свидѣтельствовали твердость онаго» (Кар., Эйнерл. Прил., стр. XLII). Очевидно, что Карамзинъ былъ вполне доволенъ положеніемъ дѣлъ въ древнемъ Московскомъ государствѣ. Но при своей добросовѣстности онъ не считалъ удобнымъ скрывать или искажать, подобно г. Жеребцову, печальные факты внутренняго быта, представлявшіеся ему въ источникахъ.

Высшее боярство, поставленное въ такихъ выгодныхъ отношеніяхъ къ народу, и само не было, однакоже, въ древней Руси вполне обезпечено въ

своихъ гражданскихъ правахъ. Бояре не ходили пѣшкомъ, не хотѣли знаться съ купцами и мѣщанами, требовали, чтобы никто не смѣлъ вѣхаться къ нимъ на дворъ, а чтобы все оставляли лошадей у воротъ; но это не спасло ихъ отъ многихъ вещей, довольно унижительныхъ. Мы уже не говоримъ о разныхъ обрядахъ и обязанностяхъ придворной службы древне-русской, описанныхъ у Кошкина. Укажемъ только на то, что даже высшіе бояре не изъяты были отъ тѣлеснаго наказанія. Вліяніе ли это татарщины, или національное пристрастіе (какъ можно подумать, судя по тому, что есть рьяные защитники и почитатели его, въ родѣ г. Жеребцова и князя В. Черкаскаго, недавно прославившагося требованіемъ восемнадцати (18) ударовъ, въ «Сельскомъ Благоустройствѣ»), — во всякомъ случаѣ кнутъ, плети, батоги были весьма знакомы спинамъ спесивыхъ бояръ древней Руси. Раскройте дѣла о мѣстничествѣ, акты, разрядныя книги; посмотрите записки Желябужскаго, — вась изумить щедрость, съ какою тѣлесное наказаніе разсыпалось всѣмъ и каждому. При этомъ нужно замѣтить, что напрасно воображаютъ нѣкоторые и то, будто бы въ древней Руси не было обязательной службы для высшаго сословія. Говоря это, разумѣютъ обыкновенно военную службу, упрекая Петра за то, что онъ насильно забиралъ дворянъ въ армію. Но обязательность военной службы для дворянъ была постоянно признаваема въ Московскомъ государствѣ; разница только въ томъ, что войска регулярнаго не было, а слѣдовательно, и служба была не регулярна. Но зато въ случаѣ надобности требовалось, чтобы дворяне немедленно являлись на службу; если же они не шли, то записывались *пѣтчи-*

ками и строго наказывались. Еще задолго до Петра являются въ правительственныхъ распоряженіяхъ весьма суровыя упоминанія объ этихъ нѣтчикахъ. Вотъ, напримѣръ, распоряженіе, записанное въ разрядной книгѣ 1723 г. (Врем. 1849 г., ч. I, стр. 7). «А которые (дворяне и дѣти боярскія) учнутъ ослушаться и съ ними на государеву службу не поѣдутъ, и тѣхъ битъ батоги и въ тюрьму сажать... И изъ тѣхъ городовъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, велѣти имая приведчи къ себѣ и битъ велѣтъ по торгомъ кнутомъ и сажать въ тюрьму; а изъ тюрьмы выимая велѣти ихъ давать на крѣпкія поруки съ записьми, что имъ быти съ ними на государевѣ службѣ; и отписывать помѣстья и приказывать беречь до государева указу, и отписныхъ помѣстій крестьянамъ слушать ихъ ни въ чемъ не велѣтъ». — Нужно замѣтить, что такое распоряженіе сдѣлано въ 1615 г., когда только что воцарился кроткій Михаилъ послѣ кровавыхъ смуть времени самозванцевъ и междоусобицъ...

Судоустройство и судопроизводство, администрація и законодательство также находились у насъ до Петра вовсе не въ такомъ блистательномъ состояніи, какъ нѣкоторые хотятъ увѣрить. Самые законы древней Руси не всегда были хорошо соображены съ нуждами народа. Сначала византійское право явилось у насъ ни къ селу, ни къ городу, совершенно внезапно. Затѣмъ татарскія отношенія не остались безъ вліянія на законодательство. Вообще съ XI вѣка до Ивана III мы, по замѣчанію Карамзина, «не подвинулись впередъ въ гражданскомъ законодательствѣ, но, кажется, отступили назадъ къ первобытному невѣжеству народовъ въ сей важной части государственнаго благоустройства» (Кар.,

т. V, стр. 228). Тутъ же историкъ замѣчаетъ, что отсутствіе письменныхъ постоянныхъ правилъ суда зависѣло оттого, что князья «судили народъ по необходимости и для собственнаго прибытка» и потому старались избирать кратчайшій и простѣйшій способъ рѣшенія тяжбъ... Съ изданіемъ Судебниковъ 1450 и 1550 гг. и еще болѣе по составленіи Уложенія судопроизводство должно было опредѣлиться нѣсколько лучше. Но все-таки въ немъ оставалась достаточная доля неопредѣленности, для того чтобы можно было запутать всякое дѣло. Рѣшительное смѣшеніе судебныхъ и административныхъ властей много помогало этому; а всеобщая безправственность дѣлала безсильною всякую попытку водворить правду въ судахъ. Уже при сынѣ Ярослава — Всеволодѣ (въ концѣ XI вѣка), по извѣстію лѣтописи, «начаша тіуни грабити, людій продавати, князю не вѣдушу» ((Поли. Собр. Лѣт., т. I, стр. 93). Подъ 1038 г. лѣтописецъ замѣчаетъ о жителяхъ прибрежій Сулы (Посульцахъ), что имъ была отъ посадниковъ такая же пагуба, какъ отъ половцевъ (Лѣт., т. I, стр. 133). У князя Игоря Ольговича (1146 г.) кіевляне просили правосудія, жалуясь на тіуновъ предыдущаго князя. Игорь далъ обѣщаніе смѣнить хищниковъ, но не исполнилъ своего слова, и кіевляне призвали на княженіе Изяслава (Кар., т. II, стр. 123). На Андрея Боголюбскаго было неудовольствіе народа за лихоимство судей; по убіеніи его самого (1174 г.), бросились къ посадникамъ, тіунамъ, «и дома ихъ пограбиша, а самихъ избивша, дѣтцкые и мечники избивша, а дома ихъ пограбиша, — не вѣдуче глаголемаго: идѣже законъ, ту и обидѣ много», наивно прибавляетъ лѣтописецъ (Лѣт., т. I, стр. 157). Въ XIII столѣтіи читаемъ

жестокія обличенія противъ неправосудія и мздоимства въ словахъ Кирилла митрополита. Въ одномъ изъ нихъ говорится: «Иже бо безъ правды тивунъ, кождо осудивъ, продасть и тѣмъ кунами купитъ себѣ ясти и пити, и одѣяніе собѣ, и вамъ тѣмъ кунами купятъ обѣды, и пиры творятъ: се, якоже рекохомъ, вдали есте стадо Христово татемъ и разбойникомъ» (см. Фил., «Обз. дух. лит.», стр. 59). Въ словѣ Даниїла Заточника (XIII в.) говорится: «Не держи села близъ княжнаго села, ибо тивунъ его—какъ огонь палящій, а рядовичи его—какъ искры. Если отъ огня и убережешься, то отъ искръ ужъ никакъ не устережешься». Вообще въ XIII и XIV вѣкахъ, по замѣчанію Карамзина, само законодательство наше было таково, что вело къ злоупотребленіямъ: ни въ чемъ не было твердыхъ основаній все зависѣло отъ произвола (Кар., т. V, стр. 226). Съ XV вѣка идетъ уже непрерывный рядъ свидѣтельствъ о неправосудіи и взяточничествѣ дьяковъ и подъячихъ. Разсказываютъ, что однажды Василій Ивановичъ призвалъ къ себѣ судью, уличеннаго во взяткѣ, и вздумалъ строго допрашивать. Судья не смѣшался и привелъ въ свое оправданіе то, что, по его мнѣнію, всегда богатаго должно оправдать скорѣе, чѣмъ бѣднаго, такъ какъ богатый менѣе имѣетъ надобности совершать преступленія (Кар., т. VII, стр. 123). Въ XVI вѣкѣ, когда явилось строгое преслѣдованіе взяточничества закономъ, подъячіе выдумали спекуляцію на народное благочестіе: челобитчики, «входя къ судѣ, должны были класть деньги передъ образами, будто бы на свѣчку» (Кар., т. X, стр. 141). Эта выдумка была наконецъ запрещена указомъ; но не рѣшилась никакими указами уничтожить подарки судьямъ передъ праздниками, сдѣ-

лавшіеся въ это время уже священнымъ обычаемъ. Судейскіе права XVII столѣтія извѣстны всѣмъ по сказаніямъ Кошихина, такъ часто приводимымъ въ историческихъ изысканіяхъ о Россіи предъ-петровскаго времени. Какія продѣлки употреблялись въ судахъ, можно видѣть изъ нѣсколькихъ замѣтокъ Желябужскаго. Напримѣръ, Петръ Кикинъ пытанъ на Вяткѣ за то, что *подписался было подъ руку думнаго дьяка Емельяна Украинцева. Ѳедосій Хвоцинскій битъ кнутомъ за то, что онъ своровалъ,—на порожнемъ листѣ составилъ было запись. Князь Петръ Кропоткинъ битъ кнутомъ за то, что онъ въ дѣлѣ своровалъ,—выскребъ и приписалъ своею рукою* (стр. 7). Дмитрій Камынинъ битъ кнутомъ за то, что *выскребъ въ Помѣстномъ приказѣ, въ межѣ съ патріархомъ* (стр. 9). Леонтіи Кривцовъ пытанъ за то, что онъ *выскребъ въ дѣлѣ. Пытанъ дьякъ Иванъ Шакинъ, — съ подъячимъ своровали въ дѣлѣ въ приказѣ Холопьяго суда. Битъ батогами Григорій Языковъ за то, что онъ своровалъ съ площаднымъ подъячимъ, съ Яковомъ Алексѣевымъ, — въ записи написали задними числами за пятнадцать лѣтъ* (стр. 13). Ѳедоръ Данковъ, поѣхавшій было служить польскому королю, «*нойманъ на рубежѣ и привезенъ въ Смоленскъ, и разспрашиванъ; а въ разпросѣ онъ передъ столыникомъ и воеводою, передъ княземъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Долгорукимъ, сказалъ, и въ томъ своемъ отъѣздѣ повинился. А изъ Смоленска присланъ, скованъ къ Москвѣ, въ Посольскій приказъ; а изъ Посольскаго приказа освобожденъ для того, что онъ далъ Емельяну Украинцеву двѣсти золотыхъ*» (стр. 23) . . . И пр., и пр.

Вотъ какого рода продѣлки совершались въ

древней Руси, вотъ до какой виртуозности доходили эти простодушные, патріархальные тѣны, дѣяки и подъячіе, которыми такъ восхищаются славянофилы, подобные г. Жеребцову.

Но по крайней мѣрѣ семейная жизнь вознаграждала въ древней Руси за всѣ общественныя несовершенства. Тамъ царствовалъ миръ и любовь, тамъ была покорность женъ мужьямъ, благоговѣніе дѣтей предъ родителями, домовитость хозяйки, стыдливость и цѣломудріе дѣвицъ, страхъ Божій и чистая любовь къ людямъ. Златоверхій теремъ, дружеская бесѣда, патріархальное хлѣбосоольство, идиллическое препровожденіе времени въ кругу семейства ближайшихъ родныхъ... какъ все это прелестно и заманчиво!.. Зачѣмъ Петръ разрушилъ все это своими балами и ассамблеями, общественными потѣхами, иноземными манерами и обычаями, оторвавшими древнюю русскую семью отъ семейной жизни?.. Теперь негдѣ намъ найти пріютъ и отдыхъ отъ разнаго рода общественныхъ невзгодъ, одолавающихъ насъ: въ собственномъ семейномъ быту каждый находитъ теперь то же самое общество, отъ котораго онъ хотѣлъ бы бѣжать. О, какъ вождельны для насъ эти убѣжища стариннаго россиянина, съ ихъ теремами и свѣтлицами, съ доброй, цѣломудренной женой и покорными дѣтьми, съ медами и наливками!

Но, увы! и съ этой иллюзіей придется разстаться. Мудрено сказать, кто первый и съ какого резону вообразилъ, что въ древней Руси господствовала такая простота и чистота семейной жизни; еще мудренѣе оставаться теперь въ этомъ заблужденіи послѣ всего, что уже было писано о древней Руси. Мы, пожалуй, не станемъ приводить деликатныхъ

почныхъ походовъ Чурилы Пленковича; не станемъ говорить о томъ, какъ Тугаринъ невѣжливо велъ себя за столомъ князя Владиміра, кладя руку за пазуху великой княгини; не обратимъ вниманія даже на то, какъ эта княгиня, въ отсутствіе мужа, привлекаетъ къ себѣ въ спальню статнаго молодца, начальника каликъ перехожихъ. Все это разсказывается въ народныхъ пѣсняхъ, сложенныхъ про Владиміра, и можетъ быть не болѣе какъ слѣдствіемъ языческаго пониманія вещей. Не будемъ вообще говорить о семейной жизни до монголовъ; во все это время быть народный оставался, очевидно, языческимъ. Въ концѣ XII вѣка, по свидѣтельству «Церковнаго Правила» митрополита Іоанна, народъ полагалъ, что церковное вѣнчаніе нужно только князьямъ да боярамъ. Русская Правда указываетъ на обычай держать рабынь наложницами (Русск. Дост., ч. I, стр. 54). Лѣтописи свидѣлствуютъ о князьяхъ, явно державшихъ наложницъ въ XI и XII вѣкахъ. Въ «Вопрошаніяхъ Кириковыхъ» (XII в.) находится довольно наивный вопросъ: «а оже, владыко, и друзи наложницы водятъ явѣ и дѣти родятъ, яко съ своею; и друзи съ многими отай водятъ: которое лучше?» (Пам. Рос. Слов., стр. 187). Оставимъ эти времена, оставимъ и печальный монгольскій періодъ и перейдемъ прямо къ XV вѣку, ко времени оживленія Руси при возвышеніи Московскаго княжества. Что находимъ мы здѣсь по лѣтописямъ, законодательнымъ актамъ и памятникамъ литературы? Увы, то же, рѣшительно то же самое, только въ нѣсколько измѣненныхъ формахъ. О наложницахъ въ это время уже упоминается менѣе; но безпрестанно говорится о насильственномъ постриженіи женъ, прогнанныхъ мужьями или убѣжавшихъ отъ

нихъ, о четвертомъ, пятомъ, шестомъ, седьмомъ бракъ, о прелюбодѣянiяхъ, насильствахъ надъ рабами и т. п. Въ половинѣ XV вѣка митрополитъ Юна обличалъ даже вятчанъ за вступленiе въ десятый бракъ (Акты Ист., т. I, стр. 498.—Ср. т. I, стр. 67, 141, 161, 491, 498). Отношенiя жены къ мужу были таковы, что онъ могъ ее отдавать, продавать, закладывать предавать въ рабство. Законы не постановляли этого, но въ Актахъ находятся свидѣтельства, что это было, и слѣдовательно самое положенiе женщины допускало подобное явленiе. Въ одной грамотѣ начала XVII вѣка пишется: «А иные многiе служилые люди, которыхъ воеводы и приказные люди посылаютъ къ Москвѣ и въ иные города для дѣль, жоны свои въ деньгахъ закладываютъ у своей братьи, у служилыхъ же, и у всякихъ людей на сроки; и отдаютъ тѣхъ своихъ жонъ въ закладъ мужи ихъ сами, и тѣ люди, у которыхъ онѣ бывають въ закладѣ, съ ними до сроку, покаместа которыя жены мужъ не выкупить, блудъ творять беззачинно; а какъ тѣхъ жонъ на сроки не выкупаютъ, и они ихъ продають на воровство же и въ работу всякимъ людямъ, не бояся праведнаго суда Божiя» (Рум. Грам., т. III, стр. 246). Этакое обращенiе не одобряли и древне-рускiе законы. Но тѣмъ не менѣе они подтверждали своимъ авторитетомъ тотъ фактъ, что жена находится въ полной зависимости отъ мужа. Въ указѣ Ивана IV, 1557 г., запрещается мужу быть душеприказчикомъ жены на томъ основанiи, что жена въ его волю:—«что ей велитъ писати, то и пишетъ» (Акты Ист., т. I, стр. 257). А какъ достигалось такое послушанiе жены, можно видѣть изъ нѣкоторыхъ главъ творенiя, въ которомъ ярко отразился семейный идеалъ древней Руси, — изъ Домостроя. Обязанности

идеальной жены, по Домострою, состояли въ томъ, чтобы все въ домѣ «вымыть, и вытереть, и выскрестъ, и высушить, и положить въ чистомъ мѣстѣ»; чтобы «отай отъ мужа не ѣсть и не пить», во всемъ ссылатся: какъ велитъ мужъ, «въ бесѣдахъ дурныхъ, и пересмѣшныхъ, и блудныхъ рѣчей не слушать, и самой не бесѣдовати о томъ»; «беречь остатки и обрѣзки», «смотрѣть за слугами, чтобы они работали, не пили и не шатались». Если жена всего этого не исполняетъ, то мужъ, сказавши сначала кротко, долженъ ее и плетью постигать, только не передъ людьми, а наединѣ; постегавши же, можно «и пожаловати». При этомъ сообщаются слѣдующія правила относительно сбереженія жены въ цѣлости при наказаніи ея: «А про всякую вину по уху, ни по видѣнью не бити; ни подъ сердце кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть, ни какимъ желѣзнымъ или деревяннымъ не бить. Кто съ сердца или съ кручины такъ бьетъ, многи притчи оттого бываютъ: слѣпота и глухота, и руку и ногу вывихнуть, и перстъ; и главоболіе, и зубная болѣзнь; а у беременныхъ жонъ и дѣтемъ повреженіе бываетъ въ утробѣ. А плетью, съ наказаніемъ, бережно бити; и разумно, и больно,—и странно, и здорово» (Домостр., гл. 38, стр. 68). Такія предписанія были во второй половинѣ XVI вѣка высшей степенью гуманности, до которой только могли возвышаться лучшіе люди, подобные Сильвестру, автору Домостроя. При такомъ положеніи жены предъ мужемъ нечего, кажется, и говорить объ отношеніяхъ дѣтей. Въ Судебникѣ Ивана IV сдѣланы нѣкоторыя ограниченія права отца продавать своихъ дѣтей (статья 76). Герберштейнъ говоритъ, что отецъ до трехъ разъ могъ продавать сына, и

онъ опять все возвращался подъ власть отца; если же, будучи проданъ въ четвертый разъ, онъ получалъ свободу, то уже избавлялся отъ отцовской власти (Reg. Mosc., 34). Извѣстіе это оспариваютъ нѣкоторые; но что же удивительнаго, если и въ самомъ дѣлѣ существовалъ такой обычай? По характеру семейныхъ отношеній въ древней Руси это очень возможно.

По крайней мѣрѣ хотъ одного нельзя ли оставить за древней Русью: полного сохраненія чистоты дѣвства и супружеской вѣрности? Нѣтъ, и того нельзя. Не говоря о томъ времени, когда языческія понятія владѣли всѣмъ семейнымъ бытомъ, вотъ что дѣлалось въ XVI вѣкѣ, по свидѣтельству Стоглава, какъ оно приведено у Карамзина (т. XI, прим. 830): «О Иванѣ дни, въ навечеріе Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены, и дѣвицы на ночное плещованіе и на безчинный говоръ, и на скаканіе, и бываетъ отрокомъ оскверненіе, и дѣвамъ растлѣніе. И егда пощъ мимоходитъ, отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, и умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ дома своя и падаютъ, яко мертвы, отъ великаго клопотанья. Въ Троицкую субботу сходятся мужи и жены на жальникахъ, и плачутся по гробамъ съ великимъ кричаніемъ, и егда начнутъ играти скопорохи, гудцы и причудницы, они же, отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати, и въ долони бити». Вы скажете, что и тутъ выражается только вліяніе языческаго повѣрья, но какъ бы то ни было, а «ночное плещованіе» совершалось. Да если хотите, можно представить и другіе примѣры, безъ всякаго уже отношенія къ язычеству. Раскройте Желябужскаго. «Петръ Кикинъ бить кну-

томъ за то, что онъ дѣвку растлилъ» (стр. 7). «Пытанъ Володимеръ Ѳедоровъ сынъ Замыцкой въ разговорѣ дѣвокъ, по язычной молвѣ Филипа Дивова» (стр. 13). «Приведены въ Стрѣлецкій приказъ Трофимъ да Данила Ларіоновы съ дѣвкою, въ блудномъ дѣлѣ его жены, въ застѣнокъ, и они повинились въ застѣнкѣ въ блудномъ дѣлѣ. А сказали: что они съ дѣвкою блудно жили. Одному учинено наказанье предъ Стрѣлецкимъ приказомъ, вмѣсто кнута бить батоги; а другаго отослали въ Патріаршій приказъ для того, что онъ холостой» (стр. 22). А «на Царицынѣ бить кнутомъ нещадно Иванъ Петровъ сынъ Бартеневъ за то, что бралъ взятки; такъ же бралъ жонокъ и дѣвокъ на постелю» (стр. 53). Можно повернуть дѣло такъ, что наказаніе кнутомъ за подобныя преступленія скорѣе говорить о чистотѣ нравственности въ обществѣ, нежели о его развращеніи. Но вѣдь это такъ случилось, что попались эти люди; а что ихъ били кнутомъ, такъ это вовсе не диковина: кого же не били кнутомъ въ древней Руси? Но не всегда же попадались подъ судъ люди, любившіе пожуировать тогда. Въ Актахъ Юридическихъ, изданныхъ г. Калачовымъ (т. I, стр. 555), помѣщено духовное завѣщаніе одного почтеннаго отца семейства, который говоритъ, что онъ «рабъ есть грѣху, наниаче же всѣхъ блудному», отпускаетъ на волю нѣсколькихъ женщинъ, жившихъ у него въ домѣ, и въ заключеніе проситъ у всѣхъ прощенія. Умилительный тонъ его просьбы можетъ растрогать поклонниковъ древней Руси: «также и сиротъ моихъ, которые мнѣ служили, мужей ихъ и жонъ, и вдовъ, и дѣтей, чѣмъ будетъ оскорбиль во своей кручинѣ, боемъ по винѣ и не по винѣ, и къ жонамъ ихъ и ко вдовамъ насильствомъ, дѣвствен-

нымъ растленьемъ, а иныхъ есми грѣхомъ своимъ и смерти предать; согрѣшилъ во всемъ, и передъ ними виновать». Если вы скажете, что и это исключительный случай, то придется для васъ сдѣлать выписку изъ Домостроя, гдѣ говорится, чтобы слуги хорошо жили съ женами, и «чтобы жены ихъ бабъ бы не слушали, кои на зло потворяютъ младыя жены, сирѣчь которыя сваживають съ чужими мужьями, и наипаче ихъ учать красти, и бл . . . , и всему злу. И много слынахъ отъ бабъ потворенныхъ, которыя бѣгають покрадши государя и государыню (господина и госпожу) со многимъ имѣніемъ, жонки и дѣвки съ чужими мужики. И егда возметъ у нея съ чѣмъ сбѣжала, и ее убьетъ или въ воду посадить, а имѣніе твое изгинетъ. Аще ли ти невѣрно мнится о таковыхъ бабахъ, то како въ домъ твой прійти мужику незнаему? Или жонка и дѣвка по воду пойдутъ, или платье мыть, и съ мужикомъ начнутъ говорить? Аще и знаемъ будетъ, онѣ же срамятся съ нимъ и созрѣтися, занеже съ мужикомъ, а не съ своимъ мужемъ говорить; а бабъ всегда ей время говорить тишкомъ о каковомъ дѣлѣ. Учинится она торговкою, и пришедъ и пытается у нихъ: «надобѣ ли вамъ то или иное? Или государынѣ вашей?» И онѣ у нея пытаются: есть ли то — и она жъ молвить: «есть». И онѣ, дѣвки и жонки молодыя: — Дай, мы покажемъ государынѣ.—И она же отмолвится: «Дала есмь то и то женѣ доброй, того и того»; и скажетъ человѣка добраго же, еще и по имени; а все лжетъ. «И язъ, кунка, иду да у нея возьму, и къ вамъ принесу». И онѣ ей призапретятъ: Принеси къ намъ до обѣда же, или какъ вечерню поють.—Баба же молвить: «У, кунки, знаю, какъ къ вамъ прійти: то вы государя блюдетесь». И отой-

детъ отъ нихъ; и нейдетъ къ нимъ день или два; по дни жь, по другомъ, къ двору жь къ нимъ нейдетъ, и стережетъ ихъ, какъ пойдутъ на рѣку по воду или платья мыти. Баба же пойдетъ, рекше, мимо; онѣ же ее скличутъ и молвятъ ей: — О чемъ къ намъ не бывала и не принесла, что хотѣла принести? — Баба же къ нимъ удивится вельми и молвить: «Вчера и третьево дни была есмь у тое и у тое жоны добрыя, — и мужа имя скажетъ; и у нихъ былъ пиръ: и она, кормилица, меня не отпустила; и почевала есмь у нея съ ея служанками и дѣвками; а тамо есмь и не поспѣла ходити; меня жалуютъ многія жоны добрыя. И онѣ жь ей молвятъ: — Принеси же къ намъ! — и съ запрещеніемъ великимъ . . . Да не плету много! Сими дѣлы бабы опознаются съ жонками и съ дѣвками служащими. И начнетъ съ ними отай баба (съ нею же опознаваются, невозбранно стояти и говорити, на рѣкѣ и встрѣчу. Аще и государь осмотритъ, — онѣ же съ женой, а не съ мущиною стоятъ. И потомъ начнетъ къ нимъ и ко двору приходити; онѣ же опознаваютъ ее и съ государынею своею. Горе миѣ! Все есмь прельщенъ отъ общаго врага дьявола; нашимъ оружіемъ побѣждени бываемъ. Дерзну рещи: блаженная Теодора Александрійская, не отъ жены ли прельщена, ложе мужа своего не сохрани?» (Домостр., гл. 22, стр. 35).

Или и этого изображенія еще не довольно? Такъ загляните въ Кошкина (гл. XIII, стр. 118—125). Онъ изображаетъ очень подробно и откровенно всю процедуру женитьбы въ старинной Руси, заставившую его воскликнуть изъ глубины души, что «нигдѣ во всемъ свѣтѣ такого на дѣвки обмнаства нѣтъ, яко въ Московскомъ государствѣ» . . .

А послѣ Кошихина можете, пожалуй, доставить себѣ утѣшеніе чтеніемъ сочиненія г. Жеребцова. Оно дѣйствительно забавно покажется послѣ тѣхъ мрачныхъ впечатлѣній, какія вы вынесете изъ чтенія источниковъ.

Итакъ, въ древней Руси ничего не было хорошаго? спросятъ насъ въ заключеніе. Отчего же не быть, отвѣтимъ мы: вѣроятно что-нибудь, — а можетъ быть и очень многое, — было хорошо. Мы вѣдь вовсе не хотѣли доказать подборомъ фактовъ, приведенныхъ нами, что *только* такіе факты и были возможны въ древней Руси. Мы выбрали ихъ только для того, чтобы показать, что *и* такіе факты бывали, да и нерѣдко . . . Да и много ли мы выбрали-то? Можно ли по этому сдѣлать рѣшительное заключеніе о *всей* жизни, о *всѣхъ* сторонахъ ея? Конечно, нельзя, и мы вовсе не стремились къ этому. Намъ нужно было только представить оборотную сторону медали, такъ спесиво показываемой писателями, подобными г. Жеребцову. Мы и показали ее, сколько успѣли. Форму общаго очерка, а не отдѣльныхъ, отрывочныхъ замѣтокъ на г. Жеребцова, мы выбрали потому, что хотѣли обратить свое опроверженіе не лично на г. Жеребцова, котораго книга ужъ слишкомъ нелѣпа, а вообще на тѣ мнѣнія о древней Руси, которыхъ онъ считаетъ себя поборникомъ. Признаемся, возиться непосредственно съ «Опытомъ» г. Жеребцова было бы для насъ слишкомъ утомительно и непріятно, хотя мы и знаемъ, что наши замѣчанія и цитаты чрезвычайно много выиграли бы въ своей яркости и силѣ, если бы сопоставлены были съ восхитительными фантазіями г. Жеребцова.

Тогда мы могли бы избѣжать и упрека въ од-

носторонности, которому, вѣроятно, подвергнемся теперь. Тогда наши замѣчанія имѣли бы просто видъ ограниченія тѣхъ положеній, которыя самозувѣренно и восторженно высказываетъ г. Жеребцовъ. Теперь, напротивъ, могутъ сказать, что мы составляли свой очеркъ, руководимые одностороннею неприязнью къ старинѣ и пристрастіемъ къ новой Руси. Конечно, отчасти упрекъ этотъ будетъ и справедливъ: само собою разумѣется, что мы были односторонни въ своихъ замѣткахъ. Мы взяли на себя роль обвинителя древне-русскаго развитія, и мы представляли только то, что служить къ его обвиненію. Но и при этомъ мы остались все-таки менѣе односторонни, чѣмъ безусловные хвалители до-петровской Руси. Мы по крайней мѣрѣ не дѣлали двухъ вещей, которыя они дѣлаютъ: 1) не обращали въ обвиненіе того, что должно служить къ похвалѣ, и 2) называя дурнымъ одинъ предметъ, не восхищались безусловно другимъ, искусственно ему противопоставленнымъ. Признавая живую и непосредственную связь древней Руси съ новою, мы вовсе не восторгаемся новымъ потому только, что оно не старое. Давно уже прошло время школьных контраверсій на темы: Какой возрастъ всѣхъ счастливѣе? Какое время дня пріятнѣе? Что лучше — утопиться или повѣситься? Страдать чахоткой или аневризмомъ? и т. п. Пора бы кинуть и эти, давно всѣмъ надоѣвшія контраверсіи о томъ, что благороднѣе и пріятнѣе *мшелоимство* или *взяточничество*, *рѣзонманіе* или *ростовщичество*, *скаканіе* и *клопотаніе* или танцы, и т. п. Увѣрьтесь же наконецъ, что все это забавное школьничество, пустой споръ о словахъ и формахъ, а не о дѣлѣ. Въ сущности наша исторія никогда не обрывалась и не мог-

ла оборваться. Какъ ни крутъ и рѣзокъ кажется переворотъ, произведенный въ нашей исторіи реформою Петра, но если всмотрѣться въ него пристальнѣе, то окажется, что онъ вовсе не такъ окончательно порѣшилъ съ древнею Русью, какъ воображаетъ, съ глубокимъ прискорбіемъ, большая часть славянофиловъ . . . Древняя Русь не могла внезапно исчезнуть вмѣстѣ съ обритыми бородами. Она все не такъ далеко отъ насъ, чтобы представлять ее намъ какимъ-то раемъ земнымъ, населеннымъ чуть ли не ангелами. Повѣрьте —

И прежде плакалъ человѣкъ,
И прежде кровь лилась рѣкою.

И послѣ насъ — опять будетъ плакать человѣкъ, и кровь будетъ литься. Что же дѣлать? Отъ этого грустнаго обстоятельства не спасешься допотопными иллюзіями. Дѣйствительность напомнитъ о себѣ и покажетъ, что рѣшительно не стоитъ убиваться изъ-за того, ежели въ древности бояре въ думѣ «сидѣли, брады свои уставя», а нынѣ чиновники въ разныхъ мѣстахъ сидятъ, вовсе бородъ не имѣя . . . Вѣдь они и безъ бородъ такъ же точно думаютъ, и точно такъ же дѣло дѣлаютъ, какъ прежде дѣлали съ бородами. О чемъ же хлопотать-то? Вѣдь форма рѣшительно ничего не значитъ. Разсаживать гостей по мѣстническимъ счедамъ, или по табели о рангахъ, и то и другое равно скучно. Сходиться ли съ мужчинами *отай*, черезъ бабъ, или въявь, самимъ по себѣ, — и то и другое равно пріятно. Отдадимъ же древней Руси справедливость хотя въ томъ, что она ничуть не хуже, чѣмъ новая, умѣла внести скуку во всѣ офіціальныя отношенія и умѣла изыскивать сред-

ства для пользованія запрещенными пріятностями жизни. Зачѣмъ такъ отодвигаться отъ нашихъ предковъ, смотря въ уменьшительное стеклышко на ихъ жизнь, со всѣми ея пороками и слабостями? Посмотримъ на нихъ простыми глазами и не будемъ смущаться, если они окажутся ближе къ намъ, нежели мы хотѣли бы. Неужели мы позволимъ себѣ испугаться, что черезъ это сократится длина нашей генеалогіи? Пора бы ужъ намъ, кажется, смотрѣть на это равнодушно и, оставивши предковъ въ покоѣ, подумать нѣсколько серьезно о томъ, на что мы сами-то годны. Для поддержки же генеалогическихъ тенденцій всегда найдутся люди, подобные г. Николаю Жеребцову.

О нравственной стихіи въ поэзіи на основаніи историческихъ данныхъ.

По поводу вопроса о современном направленіи русской литературы. Сочиненіе *Ореста Миллера* на степень магистра русской словесности. Спб. 1858.

Книжонка не стоитъ серьезнаго разбора, и мы хотѣли было промолчать о ней, какъ молчали мы о «Правдѣ о мужчинѣ и женщинѣ», «Печатной правдѣ», «Минутахъ уединенныхъ размышленій», «Сонникахъ», «Оракулахъ» и тому подобныхъ безтолковыхъ издѣліяхъ писальнаго мастерства. Разборы подобныхъ книгъ составляютъ подвигъ, и подвигъ весьма неблагодарный. Нужно ихъ уничтожить, а для этого надо слѣдить за ними изъ строки въ строку, потому что каждая строка въ нихъ заключаетъ въ себѣ непременно — или ложь, или чепуху. Недавно въ «Русскомъ Вѣстникѣ» совершилъ такой подвигъ надъ «Печатной правдой» г. Жемчужниковъ. Разборъ его превосходенъ, но зато онъ вышелъ гораздо обширнѣе самой книжонки, для которой написанъ. Къ счастью еще книжонка была не велика, и предметъ ея въ высшей степени интересенъ и важенъ теперь для всей русской публики. Но что прикажете дѣлать съ длинной диссертацией, на 300 страницахъ убористаго

шрифта толкующей о нравственной стихии въ поэзи? Неужели цѣлую книжку «Современника» посвятить серьезному ея разбору, — неужели опять пускаться въ разсужденія объ элементарныхъ понятіяхъ, о которыхъ «ужъ столько разъ твердили міру», но которыхъ все-таки не могъ понять авторъ диссертациі? И для кого все это? Вѣдь навѣрное тѣ, которые не съ первой страницы бросятъ книжонку эту, какъ бездарную пошлость, — навѣрное тѣ не станутъ читать журнальныхъ критикъ, а если какъ-нибудь и прочтутъ, то ужъ ни за что не убѣдятся. Такъ читатели, восхищающіеся «Битвою русскихъ съ кабардинцами» и «Гуакомъ или непреодолимою вѣрностью», — не убѣдятся въ ихъ пошлости никакимъ громоноснымъ разборомъ; такъ публика извѣстнаго разряда не убѣдилась въ нелѣпости «Чиновника» даже послѣ разбора г. Павлова, и «Чиновникъ» до сихъ поръ даже модная пьеса для благородныхъ спектаклей. Для издѣлій, подобныхъ «Нравственной стихии», «Чиновнику» и «Гуаку», существуютъ особыя классы читателей, не имѣющіе ничего общаго съ кругомъ людей, читающихъ журналы. Поэтому разбирать въ журналѣ «Правду о мужчинѣ и женщинѣ» и «Нравственную стихію» мы считали совершенно безплоднымъ и излишнимъ трудомъ.

Но издѣліе г. Ореста Миллера представляетъ одну сторону, заставляющую обратить на него нѣкоторое вниманіе. На заглавномъ листкѣ книги стоятъ слова: «на степень магистра русской словесности», слѣдовательно это не есть просто книжная спекуляція, разсчитанная только на карманы покупателей. Претензіи г. Ореста Миллера идутъ

дальше. Онъ хочетъ вступить въ привилегированно-ученое сословіе и, какъ видно, имѣетъ намѣреніе не шутя пропагандировать свои понятія о поэзіи и нравственности. Нѣтъ ничего мудренаго, что онъ будетъ когда-нибудь *ex officio* поучать россійское юношество въ гимназіи или (чего на свѣтъ не бываетъ!) даже гдѣ-нибудь и выше. Это обстоятельство и заставляетъ насъ отмѣтить книгу г. Ореста Миллера въ нашей библіографіи, — не затѣмъ, чтобъ наставить автора (онъ уже не станетъ слушать наставленій, хотя и сильно въ нихъ нуждается, судя по его книгѣ), — но для того, чтобы предостеречь юношей, предъ которыми произведеніе г. Ореста Миллера можетъ явиться подъ прикрытіемъ наставническаго авторитета. Такихъ юношей не мало существуетъ до сихъ поръ въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, благодаря милой методѣ воспитанія, доселѣ еще не выведшейся во многихъ мѣстахъ. Конечные цѣли и результаты этой методы высказываются очень сильно и ясно, между прочимъ, и въ твореніи «О нравственной стихіи въ поэзіи». Метода эта имѣетъ своимъ идеаломъ *благонравнаго мальчика* который современемъ долженъ сдѣлаться *скромнымъ, воздержнымъ* во всемъ юношею, а потомъ *мудрымъ мужемъ, вѣрнымъ слугою* отечества. Благонравіе мальчика состоитъ, разумѣется, исключительно въ томъ, чтобъ слушаться старшихъ и за то попадать на золотую доску; скромность — въ умѣніи обладать собою, т. е. укрощать всѣ внутренніе порывы, которыми можно заслужить названіе *человѣка безпокойнаго*; мудрость — въ томъ, чтобы соблюдать во всемъ *златую средину*; а *служба*, — служба состоитъ исключительно въ томъ, чтобы быть *слугою*. Кто

сумѣлъ сдѣлаться слугою до того, чтобы забыть о своей собственной самостоятельности, не думать о неотъемлемыхъ правахъ, принадлежащихъ естественно каждому человѣку, словомъ, кто умѣлъ отречься отъ своей личности, тотъ и осуществилъ нравственный идеалъ рутинныхъ моралистовъ, досель еще не совсѣмъ оставившихъ въ покоѣ русское юношество. Самоотверженіе, уничтоженіе личности, покореніе естественныхъ личныхъ влеченій отвлеченному, мертвому принципу — вотъ любимыя темы этихъ рутинеровъ, вотъ величайшіе нравственные подвиги, предъ которыми привыкли они преклоняться. Надо сознаться, что молодые люди вообще плохо поддаются подобной нравственности. Живые инстинкты слишкомъ громко говорятъ въ нихъ въ пору пылкой юности, сознаніе личнаго достоинства, личныхъ человѣческихъ правъ слишкомъ ясно въ душѣ, еще не забитой жизненными неудачами, жажда самостоятельной, свободной дѣятельности слишкомъ сильна, чтобы имъ могло понравиться это гнилое, тупоумное ученіе о приниженіи личности, объ аскетическомъ, безплодномъ пожертвованіи живою дѣятельностью ради какого-то вѣшняго, невѣдомо кѣмъ и какъ установленнаго принципа о долгѣ и нравственности. Всякая живая личность еще въ низшихъ классахъ школы негодуетъ на эту притѣснительную, сдавливающую мораль; многіе ищутъ выхода изъ нея и получаютъ названіе людей безпокойныхъ, — иногда справедливо, но всегда не безъ вины со стороны самихъ моралистовъ. Но къ сожалѣнію, тлетворная атмосфера, среди которой многіе воспитываются, дѣйствуетъ слишкомъ заразительно, и многія натуры, болѣе дру-

гихъ слабыя, дѣлаются жалкою жертвою этой заразы. Положеніе ихъ дѣлается истинно достойнымъ сожалѣнія, до тѣхъ поръ пока они не начинаютъ гордиться этимъ положеніемъ и вовлекать въ него другихъ. Тогда они становятся отвратительны, потому, что становятся вредны. Нельзя не пожалѣть мальчика, въ которомъ убиты всѣ молодые порывы, всякая свободная мысль, всякое человѣческое чувство своихъ правъ, своего достоинства, всякая надежда на себя и въ которомъ все это замѣнено малодушнымъ, рабскимъ страхомъ предъ мнѣніемъ своего учителя, желаніемъ получить баллъ выше и похвастаться своей исполнительностью и скромностью. Но невозможно не чувствовать глубокаго омерзѣнія къ тому же самому мальчику, когда онъ, переставши, по лѣтамъ своимъ, быть мальчикомъ, все-таки — не только самъ сохраняетъ прежнія, жалкія привычки и понятія, но еще навязываетъ и другимъ. По глупости и малодушію онъ становится врагомъ всякаго свободнаго порыва, всякаго самостоятельнаго развитія, становится гасильщикомъ свѣтлыхъ идей, какъ скоро онѣ не согласны съ извѣстными убѣжденіями, извнѣ заброшенными въ его душу... Тутъ уже долгъ всякаго честнаго человѣка — преслѣдовать неразумнаго гасильщика, отгонять его отъ того свѣта, который онъ можетъ потушить смрадомъ гнилыхъ своихъ теорій. Желая предостеречь юношей отъ возможности невольно сдѣлаться нѣкогда подобными гасильщиками, мы рѣшаемся обратиться къ нимъ съ нѣсколькими замѣчаніями относительно сочиненія «О нравственной стихіи въ поэзіи».

Мы скажемъ этимъ юношамъ вотъ что:

Господа! Не читайте сочиненія «О нравственной стихии въ поэзи». Не читайте — не потому, чтобы теоріи автора были ужъ слишкомъ опасны и заразительны (нѣтъ, онѣ крайне слабы и шатки: это и вы сами можете замѣтить), а потому, что трата времени на прочтеніе этой диссертациі есть трата самая безплодная и скучная, какую только можно вообразить. Если вы хотите изъ сочиненія г. Ореста Миллера узнать что-нибудь о поэзи, — ничего не узнаете. Онъ разсматриваетъ поэтическія произведенія единственно со стороны поведенія лицъ, выведенныхъ въ нихъ. Вишну у индійцевъ въ поэмахъ былъ, говоритъ, нравственъ, хотя и не совсѣмъ, потому что не былъ христіаниномъ; а Шива, индійскій дьяволъ, былъ лукавъ и золь. Вслѣдствіе этого — богу Вишну г. Орестъ Миллеръ ставитъ въ поведеніе 4, а Шивѣ — 0. Затѣмъ та же исторія повторяется съ героями Иліады и Одиссеи, греческихъ трагедій и комедій, римскихъ комедій, съ рыцарями средневѣковыхъ поэмъ и съ главнѣйшими лицами Шекспира. Этимъ прописываніемъ аттестатовъ все дѣло и ограничивается. Ни эстетическихъ, ни историческихъ соображеній — никакихъ. Отъ эстетики г. Орестъ Миллеръ едва ли не дальше, чѣмъ извѣстный амфитріонъ-музыкантъ въ баснѣ Крылова. Напр., говоря о представленіи боговъ въ индійской и греческой поэзи, г. Орестъ Миллеръ отдаетъ преимущество индійской: правда, индійскіе боги безобразны, даже отвратительны, сознается онъ, но зато они гораздо нравственнѣе (стр. 9 и слѣд.). Это значитъ:

Они немпожечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмельного не берутъ
И всѣ съ прекраснымъ поведеньемъ.

Отъ исторіи авторъ еще дальше. Каковы, напр., должны быть историческія знанія и понятія человѣка, утверждающаго, что у грековъ не могло быть комедіи характеровъ *вслѣдствіе ихъ религіознаго взгляда*, подчинявшаго свободу человѣка дѣйствию судьбы, и что истинная комедія могла явиться только подъ вліяніемъ христіанства! (стр. 84). Всего забавнѣе при этомъ то, что въ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* самъ г. Орестъ Миллеръ находитъ характеры, хорошо развитые и выдержанные. Въ комедіи же, по его мнѣнію, характеровъ не могло быть у грековъ, потому что они, не просвѣщенные свѣтомъ откровенія, не понимали происхожденія зла въ мірѣ. Мы же теперь знаемъ, что зло въ мірѣ произошло отъ паденія Адамова, и поэтому — можемъ писать хорошія комедіи характеровъ!! Все это можно прочесть на страницѣ 84-ой въ книгѣ г. Ореста Миллера. Мы нарочно указываемъ страницу, чтобы кто-нибудь не заподозрилъ насъ въ умышленномъ сочиненіи подобной мистической логики. Да нарочно, впрочемъ, этого ни за что и не выдумаешь, хоть пять лѣтъ сиди.

Каковы историческія понятія автора, можно видѣть также изъ другого примѣра. Онъ полагаетъ, на стр. 96, что походы Александра Македонскаго происходили собственно на тотъ конецъ, *«чтобы приготовить людей къ общечеловѣческой поэзіи христіанства!»* Вашъ юный умъ (мы все говоримъ съ юношами) не постигаетъ связи между Александромъ Македонскимъ и общечеловѣческой поэзіей христіанства; но г. Орестъ Миллеръ — глубокий логикъ. Вотъ какъ онъ проводитъ свою мысль. Провидѣніе хотѣло сблизить отдѣльные на-

роды, чтобы облегчить распространіе между ними христіанства. Для этого оно послало на землю македонскаго героя, внушило ему идти на персовъ и мысль построить Александрію; въ Александріи развилась ученость, имѣвшая вліяніе на Римъ, а назначеніе Рима, по мнѣнію г. Ореста Миллера, именно въ томъ и состояло, «чтобы сблизить и слить всѣ народности древняго міра въ одно...». Ясно ли теперь? Если нѣтъ то, г. Орестъ Миллеръ поведетъ васъ дальше, укажетъ на великое переселеніе народовъ, на крестовые походы и заключить, что все это произошло для того, чтобъ произвести поэзію, смѣшанную изъ разныхъ элементовъ, но «общую всей Европѣ». Правда, наивно замѣчаетъ онъ при этомъ, «единство ея было *единство смѣси* (!), но это была уже переходная ступень къ поэзи *органически единой*, къ общечеловѣческой поэзи христіанства» (стр. 97—98). Вы видите, скромные юноши, до чего доводитъ желаніе дѣлать общіе выводы съ чужихъ словъ, безъ всякаго знанія и пониманія исторіи: можно договориться до того, что сочинили *единство смѣси*! Единство смѣси! Единство смѣси, составляющее переходъ къ органическому единству! За эту фразу г. Орестъ Миллеръ не умретъ въ дѣтонисахъ русскаго языка... Передъ этимъ *единствомъ смѣси* совершенно стирается знаменитая иѣкогда фраза объ *энергіи слабости*... Единство смѣси у г. Ореста Миллера тѣмъ болѣе замѣчательно, что можетъ служить необыкновенно мѣткой характеристикой собственнаго труда его. Скажите только, что г. Орестъ Миллеръ находитъ въ средневѣковой поэзи *единство смѣси*, и неглупый человѣкъ тотчасъ смекнетъ, какого рода

явленіе представляетъ диссертація г. Ореста Миллера.

Много подобныхъ казусовъ въ сочиненіи г. Ореста Миллера «О нравственной стихіи въ поэзіи», и напрасно было бы ихъ подбирать и пересчитывать: имъ счету нѣтъ. Посмотримъ лучше, изъ-за чего онъ хлопочетъ. На заглавномъ листкѣ стоитъ, между прочимъ, заманчивое объявленіе, что сочиненіе это написано «по поводу вопроса о современномъ направленіи русской литературы». Вы, можетъ быть, и полагаете, что авторъ хотѣлъ показать на основаніи историческихъ данныхъ, насколько и какъ именно въ поэзіи отражается состояніе общественной нравственности, и слѣдовательно до какой степени поэтическія произведенія могутъ служить для фізіологіи общества. Съ этой точки зрѣнія вы ожидали, можетъ быть, живыхъ и любопытныхъ замѣтокъ о современномъ общественномъ направленіи русской литературы. Но вы горько ошиблись бы, если бъ принялись съ этой мыслью читать произведеніе г. Ореста Миллера. О русской литературѣ въ ней вовсе нѣтъ рѣчи, да и объ иностранныхъ литературахъ не много говорится. Самыя важныя эпохи, въ которыя поэзія имѣла самое ближайшее отношеніе къ обществу, пройдены совершеннымъ молчаніемъ. Г. Орестъ Миллеръ не удостоилъ обратить вниманія ни на французскихъ трагиковъ, ни на Мольера, ни на Шенье, ни на Вольтера и Руссо, ни на Шиллера и Гёте, ни на Байрона, ни на Гейне. Не говоримъ уже о томъ, что пропущены такія явленія, какъ Мильтонъ, Вальтеръ-Скоттъ, Мицкевичъ, вся новѣйшая европейская литература, выразившаяся въ романѣ и повѣсти. Не говоримъ о томъ, что въ

своей книгѣ г. Орестъ Миллеръ совершенно оставилъ въ сторонѣ лирическую поэзію и изъ всѣхъ лирическихъ поэтовъ говоритъ только объ одномъ Анакреонѣ; а кажется, чего бы лучше воспользо-ваться лирикой для опредѣленія нравственныхъ идеаловъ, которые г. Орестъ Миллеръ рѣшился искать въ поэзиі разныхъ народовъ. Не говоримъ и о томъ, что авторъ сочиненія «О нравственной стихии въ поэзиі» не далъ ни однимъ намекомъ почувствовать, что ему даже извѣстно существованіе поэзиі еврейской!... Все это изумительно, дико, невѣроятно... Думаешь: на чемъ же, наконецъ, авторъ рѣшился опереть свои положенія, изъ чего дѣлалъ свои выводы? Развѣ классическая поэзія, рыцарскія поэмы и Шекспиръ достаточны для того, чтобы дать понятіе о томъ, какимъ образомъ нравственные идеалы воплощались въ поэзиі разныхъ народовъ? Развѣ можно при этомъ даже ограничиться разборомъ однихъ лучшихъ произведеній? Развѣ не можетъ легко случиться, что тотъ нравственный идеалъ, котораго г. Орестъ Миллеръ не находитъ у Горація, окажется въ трагедіяхъ, извѣстныхъ подъ именемъ Сенеки, или въ поэмѣ Эннія? Развѣ не можетъ быть, что тѣ нравственныя начала, которыя г. Орестъ Миллеръ признаетъ невозможными у грековъ, потому что они были язычники, найдутся у кого-нибудь въ китайской поэзиі? И что это за манера разбирать поэтическія произведенія на основаніи зараннѣе составленной таблички добродѣтелей и пороковъ? Г. Орестъ Миллеръ разложилъ весь кодексъ добродѣтели на нѣсколько кучекъ, и, читая, напр., Иліаду, раскладываетъ по этимъ кучкамъ разные факты, находящіеся въ ней. Куч-

ка первая, положимъ, воздержность въ пищѣ; есть ли она у гомеровскихъ героевъ? Нѣтъ, — въ доказательство слѣдуютъ факты пьянства и обжорства изъ Иліады. Кучка вторая — цѣломудріе; обладаютъ ли имъ гомеровы греки? Нѣтъ, — слѣдуютъ любовныя похождения боговъ. Кучка третья — непамятозлобіе; оно есть ли у Гомера? Тоже нѣтъ, — доказательство то, что вся Иліада основана на гнѣвѣ Ахилла... и т. д. Какое нужно терпѣніе, какое умѣніе сузить и ограничить себя до того, чтобы нанизывать подобные факты для разрѣшенія столь интереснаго вопроса! И къ чему же все это? Неужели для того, чтобы уяснить сколько-нибудь понятіе о поэзіи и ея значеніи? Но вѣдь этого нельзя достигнуть такимъ мозаическимъ подборомъ разныхъ крохъ изъ нѣсколькихъ поэмъ и драмъ, какимъ ограничился г. Орестъ Миллеръ. Для этого вѣдь надобно — не по десятку поэтическихъ произведеній составить свои заключенія и не размѣщеніемъ фактовъ по кучкамъ доказывать свои выводы; для этого надобно имѣть хотя нѣкоторое понятіе о смыслѣ цѣлой литературы и объ ея отношеніи къ жизни у каждаго народа. Г. Орестъ Миллеръ ничѣмъ не обнаружилъ, что онъ имѣетъ объ этомъ какое-нибудь понятіе хоть въ какой-нибудь литературѣ. Что же хотѣлъ онъ, что имѣлъ въ виду?

Вы поставлены въ глубокое недоумѣніе, молодые, неопытные читатели, непонимающіе, какъ можно рѣшиться сочинить цѣлую длинную диссертацию при такой бѣдности данныхъ. Но мы разрѣшимъ вамъ загадку. У г. Ореста Миллера, очевидно, —

Умысль другой тутъ былъ...

Онъ заговорилъ о поэзии не ради поэзии, а ради нравственности. Ему нужно было доказать нѣкоторыя идейки относительно нравственнаго значенія человѣческихъ поступковъ; вотъ онъ и вздумалъ прибѣгнуть для этого къ поэзии. Извѣстно, что поэзія, какъ отраженіе жизни, разнообразна, какъ сама жизнь; поэтому не трудно найти въ ней факты, подтверждающіе самыя разнородныя воззрѣнія. Если разсматривать поэзію во всемъ обширномъ ея объемѣ, какъ она являлась у разныхъ народовъ, то, конечно, и въ ней, какъ въ самой жизни, окажутся вѣчные, постоянные законы, которымъ она подчинялась въ своемъ послѣдовательномъ развитіи. Законы эти и будутъ, разумѣется, законы жизни, дѣйствительности. Но г. Оресту Миллеру не нужно дѣйствительности: оттого онъ и не беретъ поэзии *всѣхъ* народовъ, оттого и не разсматриваетъ *всѣхъ* замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній, оттого и тѣ, которыя разсматриваетъ, не разбираетъ въ ихъ общности, а только дѣлаетъ произвольную выборку фактовъ, какіе ему нужны. А факты нужны ему были для подтвержденія слѣдующей теоріи. Поэзія есть небесное нантіе, что-то высшее, божественное; она есть чудная, непонятная *быль*, не существующая въ дѣйствительномъ мірѣ, но «ясно говорящая человѣку о томъ, какого онъ высокаго рода». Какъ имѣющая высшее происхожденіе, поэзія выше дѣйствительной жизни, представляя такіе идеалы, которые въ жизни не являются. Поэтому изученіе поэзии необходимо для сохраненія чистоты сердца и возвышенныхъ вѣрованій среди жизненной, низкой прозы. «Оно особенно необходимо въ наше время, когда преимущественное развитіе

такъ называемыхъ естественныхъ и реальныхъ наукъ, приковывая все вниманіе человѣка къ матеріи, по-близорукости, свойственной уму, доводитъ человѣка до того, что онъ наконецъ во всемъ видитъ одну матерію и ею ограничиваетъ свое собственное существо» (стр. 2). (Развитіе естественныхъ наукъ по-близорукости... доводитъ — какъ складно!). Такія мысли и такимъ образомъ высказываетъ г. Орестъ Миллеръ въ самомъ началѣ своего сочиненія, и главная цѣль всего труда его — противодѣйствовать *реальному*, естественному направленію и развитію *номинальныхъ* понятій и *сверхъестественныхъ* взглядовъ. Въ этомъ онъ близко сходится съ профессоромъ В. Берви, о «психологико-фізіологическихъ» взглядахъ котораго мы говорили нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Кому изъ этихъ двухъ поборниковъ сверхъестественныхъ теорій отдать преимущество, мы затрудняемся; можемъ поставить на видъ молодымъ читателямъ только одно: сочиненіе г. В. Берви вдесятеро короче, чѣмъ твореніе г. Ореста Миллера, слѣдовательно все-таки менѣе ужасно.

Прилагая свой взглядъ о происхожденіи и сущности поэзіи къ отдѣльнымъ явленіямъ, г. Орестъ Миллеръ утверждаетъ слѣдующее.

Человѣческая природа искажилась послѣ грѣхопаденія Адама, и чѣмъ дольше жило человѣчество, тѣмъ больше она искажалась. Сообразно съ этимъ и поэзія все падала въ нравственномъ отношеніи ниже и ниже, до временъ христіанства, которое, возстановивши падшую природу человѣка, возвысило и его поэзію, такъ что въ поэзіи Шекспира проявился уже полнѣйшій идеаль нравственнаго совершенства. Сообразно съ этимъ г. Орестъ

Миллеръ чрезвычайно восхваляетъ поэзію индійскую, въ которой «живо еще было не совсѣмъ затерявшееся наслѣдіе той первоначальной поры человечества, когда ему доступно было непосредственное откровеніе» (стр. 8), и въ которой сохранялось «ясное воспоминаніе о лучшемъ состояніи, къ какому былъ предназначенъ человѣкъ, — о состояніи неизмѣннаго блаженства, безбѣдственнаго наслажденія прочными благами; воспоминаніе о томъ паденіи, которое низвергло человѣка въ сферу измѣнчивости и несчастій, — воспоминаніе, мѣшавшее наслаждаться уцѣлѣвшими, неудовлетворительными для человѣка благами уже и древнему индійцу, которому блага эти все-таки даны были въ большемъ количествѣ и въ лучшемъ качествѣ, нежели нынѣшнему больному и кратко-вѣчному человѣку» (стр. 26). Въ индійской поэзи г. Орестъ Миллеръ находитъ «вѣковѣчные идеалы нравственности, которые всегда и вездѣ будутъ возбуждать полное сочувствіе». Приведши въ примѣръ одно мѣсто изъ Наля, гдѣ Дамаянти заклинаніемъ убиваетъ охотника, спасшаго ее отъ смерти и воспламенившагося къ ней страстью, г. Орестъ Миллеръ восклицаетъ въ движеніи дѣтскаго восторга: «Какая чудная поэзія мысли! Отыщите что-нибудь подобное ей во всей греческой поэзи: тамъ уже вы не найдете этого. Отчего? Оттого, что народъ возрастомъ старше; что, живя въ пору, болѣе отдаленную отъ первоначальнаго состоянія, онъ уже болѣе привыкъ къ разочаровывающимъ опытамъ; что отъ опыта померкла вѣра въ возможность такой силы нравственности, которая въ состояніи однимъ словомъ убить святотатца» (стр. 32). На этомъ основаніи г. Орестъ Миллеръ

бичуетъ и казнить греческую поэзію немилосердно. Ея изящная простота и достоинство не останавливаютъ и не смягчаютъ нашего строгаго моралиста. Какъ учитель Чичикова «прикрикивалъ на своихъ учениковъ: «Способности и дарованія—это все вздоръ. Я смотрю только на поведеніе... я поставлю полныя баллы во всѣхъ наукахъ тому, кто аза въ глаза не знаетъ, да ведетъ себя похвально»»... такъ точно г. Орестъ Миллеръ прикрикиваетъ на всѣхъ героевъ Гомера, на полубоговъ и боговъ, на самого Зевса, — за ихъ непохвальное поведеніе. Онъ замѣчаетъ, что греческая образованность носила въ себѣ тучное сѣмя внутренней порчи, и хотя не отрицаетъ красоты и привлекательности, даже возвышенности греческой поэзіи, — но все это покрываетъ грознымъ приговоромъ, что въ Греціи «самыя священныя природныя чувства сердца охладѣли, исказились, оскудѣли», и только христіанство «могло влить въ нихъ новый жаръ и озарить свѣтомъ истиннаго убѣжденія» (стр. 90). Все это оттого, что у грековъ сильно развито было вольнодумство и «умъ слишкомъ рѣзко проявлялъ свои права». Въ индійской поэзіи, говоритъ г. Орестъ Миллеръ, господствуетъ начало самоотверженія; въ ней личность стирается въ общемъ; вслѣдствіе этого г. Орестъ Миллеръ признаетъ ее «поэзіею благородныхъ инстинктовъ, еще ничѣмъ не подавленныхъ, потому что человѣкъ еще юнъ». Напротивъ, въ греческой поэзіи онъ находитъ развитымъ *«начало личной самостоятельности»*, и это противное г. Оресту Миллеру начало вызываетъ его на ожесточенную борьбу съ безнравственностью грековъ, вытекающею изъ этого начала. «Въ Греціи,—говоритъ онъ,—гдѣ чело-

вѣчество достигло уже поры мужества, видимъ мы большую степень развитія ума; умъ этотъ рѣшается наложить власть свою на священные инстинкты сердца, и такъ какъ умъ чловѣка — умъ падшій, то онъ обдастъ ихъ холодомъ . . . Въ Греціи всѣ стремленія чловѣка прилѣпились исключительно къ землѣ, даже вся религія устремилась къ тому, чтобы безусловнымъ выполненіемъ всякаго велѣнія боговъ оградить себя противъ превратностей счастья, закрѣпить за собою земныя блага, такъ неохотно и ревниво уступаемыя чловѣку богами. Греки умѣли извлечь изъ земного нашего удѣла все, что только можно было извлечь изъ него пріятнаго, умѣли сохранить разумную мѣру среди земныхъ наслажденій, но и остановились на этой ступени. Свѣтлый взглядъ грековъ на жизнь не болѣе какъ самообольщеніе, но что же нужно было для того, чтобы разрушить это самообольщеніе, чтобы превратить свѣтлый взглядъ въ мрачный? — По мнѣнію г. Ореста Миллера, необходимо было для этого христіанство. «Загадка жизни, этой борьбы сладкаго и горькаго,—по словамъ г. Ореста Миллера,—была разгадана для чловѣка христіанствомъ. Оно сказала ему, что жизнь сама по себѣ прекрасна, но не прекрасна потому, что чловѣкъ палъ; оно показало ему, что паденіе чловѣка есть корень всѣхъ горечей и превратностей жизни». Ясно, что отсюда долженъ былъ развиться весьма печальный взглядъ на міръ, въ противоположность греческому. Но, «чтобы стать выше всѣхъ этихъ бѣдъ, чтобы умѣть быть счастливымъ несмотря на всю ихъ тяжесть, христіанство дало чловѣку вѣрное средство: оно благословило его на борьбу съ грѣхомъ и въ награ-

ду обѣщало миръ душевный, неотъемлемый и средн всѣхъ тревоженій міра земного. Оно указало человѣку въ высь, на его небесную родину, которой должна принадлежать лучшая сторона его бытія» (стр. 89—91). Примѣняя эти прекрасныя мысли къ поэзіи, г. Орестъ Миллеръ находилъ, что у новыхъ христіанскихъ народовъ «поэзія вдругъ сошла съ всего плотскаго и нечистаго и, расправивъ свои крылья, унеслась далеко-далеко отъ земли на небо» (стр. 93). Въ этомъ и полагаетъ онъ главное преимущество новой поэзіи предъ поэзіей классическою.

Для человѣка, сколько-нибудь опытнаго въ дѣлѣ нравственно-психологическихъ изысканій, ясно уже изъ того, что мы до сихъ поръ сказали, — чего добивается г. Орестъ Миллеръ въ своей диссертациіи и представителемъ какихъ идей онъ является. Но для неопытныхъ юношей мы готовы прибавить еще нѣсколько поясненій. Видите ли въ чемъ дѣло, милыя дѣти (наши объясненія могутъ пригодиться и дѣтямъ). Г. Орестъ Миллеръ, намѣреваясь сдѣлаться наставникомъ человѣчества, желаетъ положить въ сердцахъ дѣтей прочныя начала отреченія отъ своей личности и поклоненія чужому авторитету. Для наставника всегда вѣдь такъ удобно имѣть дѣло съ учениками, склонными поклоняться чужому авторитету. Для достиженія своей цѣли г. Орестъ Миллеръ и старается въ своей диссертациіи восхвалять начало самоотверженія и преслѣдовать начало личной самостоятельности. Онъ допускаетъ, правда, и это послѣднее начало, и даже въ началѣ своей диссертациіи (стр. 2) прямо объявляетъ, что нравственность состоитъ въ исполненіи человѣкомъ своего

назначенія, а назначеніе человѣка въ сохраненіи своей личной самостоятельности. Но не обольщайтесь, о юноши, столь положительнымъ утвержденіемъ. Есть у людей ужасное оружіе, которымъ уничтожаются самыя непреложныя истины, затемняются самыя ясныя убѣжденія. Бойтесь этого оружія, милыя дѣти; оно очень опасно для не знающихъ его силы. Оружіе это — рутинная софистика, смѣшная для взрослыхъ, но все-таки еще могущая вредить дѣтямъ. Ею пользуется и г. Орестъ Миллеръ, можетъ быть даже и противъ своей воли и даже безъ собственнаго вѣдома. Сказавши, что назначеніе человѣка состоитъ въ сохраненіи личной самостоятельности, онъ тотчасъ же прибавляетъ, что, впрочемъ, сохранять свою личность человѣкъ долженъ не для чего иного какъ для подчиненія ея другимъ, доходящаго до полного отверженія самого себя. Въ этомъ-то подчиненіи заключается для него вся нравственная задача человѣческой жизни. Ясно ли теперь, милыя дѣти, правоученіе, какое вытекаетъ изъ диссертациа г. Ореста Миллера? Не надѣйся на себя, смирайся, послушествуй старшимъ, и благо тебѣ будетъ: вотъ мораль его. Но чтобы отказаться отъ своей личности, нужно не имѣть сильныхъ страстей, нужно себя сузить, ограничить, обезсилить сколько возможно. Этого требуетъ г. Орестъ Миллеръ. «Сильно предаваться страсти,—говоритъ онъ,—значитъ ублажать свое я, которое все объято этою страстью. Для грека тутъ была сила характера, для насъ это слабость его, а сила характера — въ самоотверженіи, въ умѣніи покорить свою страсть нравственному закону» (стр. 51). Далѣе г. Орестъ Мил-

леръ утверждаетъ, что сильная страсть не хороша даже и тогда, когда она совершенно согласна съ нравственнымъ закономъ: онъ все-таки находитъ въ этомъ *крайность добра*, а истинную нравственность полагаетъ только «во взаимно-ограниченіи разныхъ добродѣтелей» (стр. 125), и даже сущностью христіанства считаетъ какую-то «мудрую гуманную *середину*, которая одно правило ограничиваетъ другимъ, одну добродѣтель умѣряетъ другой» (стр. 159). Словомъ сказать, *умѣренность и аккуратность* — вотъ въ чемъ заключается нравственный идеалъ г. Ореста Миллера. Онъ съ грустью сознается, что въ дѣйствительности мудрено сыскать людей, которыхъ вся жизнь и нравственность заключалась бы въ этихъ качествахъ; сознается и въ томъ, что трудно человѣку съ сильной душой почувствовать внутреннее влеченіе къ подобной нравственности. Но зато тѣмъ съ большимъ восторгомъ привѣтствуетъ онъ въ поэзіи тѣ личности, въ которыхъ идеалъ его проявлялся такъ или иначе. Такъ въ рыцарѣ Фульконѣ онъ видитъ *отрадный идеалъ истинно-христіанской доблести* — за то, что Фульконъ, ненавидящій войну и любящій миръ, идетъ однако въ сраженіе по приказу своего дяди и отличается въ битвѣ храбростью. «Лицо такого рода, — замѣчаетъ г. Орестъ Миллеръ, — идеалъ, который могъ быть созданъ только поэзіей: трудно предположить, чтобы въ дѣйствительности того времени могли быть лица, даже нѣсколько похожія на послѣднюю черту, т. е. люди, способные не любить войну и въ то же время быть храбрыми на войнѣ — по долгу» (стр. 156). Мораль этого — слѣдующая: подчиненіе себя чужой волѣ гораздо вы-

ше всѣхъ нравственныхъ убѣжденій: если ты отвращаешься убійства и грабежа, но получаешь повелѣніе убивать и грабить, то долгъ твой — выполнить повелѣніе. Тогда ты будешь идеаломъ доблести, похожимъ на Фулькона.

Таковы нравственные понятія, защитникомъ которыхъ выступаетъ г. Орестъ Миллеръ въ своемъ сочиненіи «О нравственной стихіи въ поэзи». Вы видите, любезные юноши, какъ вредны и ложны его понятія, видите, до какого преступнаго и унижительнаго положенія могутъ довести они человѣка, который предается имъ. Берегитесь же увлекаться подобными идеями. Сохраните же свою личную самостоятельность противъ всякаго авторитета, сохраните свою внутреннюю нравственность противъ всякихъ внѣшнихъ внушеній, противъ всего, что насильственно захотятъ навязать вамъ подъ ложнымъ названіемъ долга. Старайтесь не входить въ разладъ съ собою и сохранить всю чистоту души, какою васъ надѣлила природа. Не вѣрьте, что нравственность состоитъ въ отреченіи отъ своей воли и ума, какъ силится увѣрить г. Орестъ Миллеръ, и знайте, что, напротивъ, всякій, кто поступаетъ противъ внутренняго своего убѣжденія, поступаетъ безчестно и подло, — всякій, потерявшій силу свободнаго самостоятельнаго дѣйствія, есть жалкая дрянь и тряпка, и только напрасно позорить свое существованіе.

Буддизмъ, его догматы, исторія и литература.

Часть первая. Общее обозрѣніе. Сочиненіе *В. Васильева*, профессора китайскаго языка при Императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ. Спб. 1858.

Буддизмъ, разсматриваемый въ отношеніи къ послѣдователямъ его, обитающимъ въ Сибири. Соч. *Иила*, архіепископа ярославскаго. Спб. 1858.

Первыя нравственно-религіозныя понятія у каждаго народа слагаются обыкновенно подъ вліяніемъ поражающихъ явленій природы. Необразованный умъ, будучи не въ состояніи объяснить ихъ путемъ естественнымъ, вдается въ самыя нелѣпыя толкованія, приписывая все дѣйствію какой-то сверхъестественной силы¹. Вмѣстѣ съ безотчетнымъ страхомъ возникаетъ мысль о жертвахъ, какъ средствомъ умиловленія разгнѣваннаго божества. Мало-по-малу жертвенники превращаются въ храмы, а самыя жертвоприношенія въ доволь-

---

¹ Такъ по понятіямъ буддистовъ, сокрушительныя громы и молніи происходятъ иногда отъ раздраженнаго Будды, иногда находятся въ тѣсной связи съ войною, которую ведутъ между собою добрые и злые духи, а иногда громъ есть не что иное какъ звукъ чудовишнаго барабана, въ который бьетъ злой духъ Асури, гнѣваясь на людей и стараясь воспрепятствовать дождю пролиться на землю. Подобнымъ же образомъ объясняются землетрясенія, бури и пр. (См. „Буд.“, А. Иила, ст. о небесныхъ тѣлахъ и явленіяхъ, въ мірѣ нашемъ происходящихъ.)

но сложныя церемоніи, съ таинственнымъ значеніемъ. Жрецы изъ обыкновенныхъ смертныхъ дѣлаются посредниками между божествомъ и людьми, самовластно распоряжаются свободою боязливыхъ невѣждъ, прикрывая собственный произволь волею боговъ; предписываютъ правила морали, составляютъ цѣлую нравственно-религіозную систему, которой народъ держится до тѣхъ поръ, пока наплывъ понятій не поколеблетъ дряхлыхъ основъ ея. Переворотъ въ религіозно-нравственныхъ убѣжденіяхъ ознаменовывается обыкновенно явленіемъ мудраго проповѣдника, который возвѣщаетъ новыя правила жизни, поражая всѣхъ возвышенностью своей морали, необычайнымъ терпѣніемъ въ борьбѣ съ закоснѣлымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ и т. п. Послѣдователи его составляютъ новую систему ученія, присоединяя къ рѣчамъ проповѣдника свои собственныя мудрованія. Проходятъ столѣтія; лицо преобразователя покрывается таинственнымъ мракомъ; благоговѣніе возводитъ его въ рядъ неземныхъ существъ и дѣлаетъ его предметомъ набожнаго поклоненія. вмѣстѣ съ тѣмъ является цѣлый рядъ обязанностей и обрядовыхъ дѣйствій собственно въ отношеніи къ боготворимому лицу.

Такова въ общихъ чертахъ и исторія буддизма. Если въ буддійскихъ священныхъ книгахъ мы не находимъ никакихъ извѣстій о началѣ религіозныхъ понятій у народовъ Средней Азіи, то это еще не даетъ права думать, что первыя начала религіи возникли у нихъ при другихъ какихъ-нибудь условіяхъ, помимо невѣжества и дѣтскаго страха. При томъ, странно было бы искать первыхъ извѣстій о началѣ вѣры въ священныхъ книгахъ какого бы

то ни было народа, точно также какъ странно было бы требовать отъ каждаго изъ насъ, чтобы онъ разсказалъ о своемъ рожденіи и первыхъ дняхъ дѣтства. Да если бы какое-нибудь темное преданіе и сохранило свѣдѣнія объ истинномъ происхожденіи религіи у того или другого народа, то дальновидные жрецы никакъ не внесли бы ихъ въ свои священные книги, потому что правдивый разсказъ могъ бы подорвать уваженіе къ вѣрѣ, или, по крайней мѣрѣ, породить сомнѣнія въ поколѣніи болѣе зрѣломъ.

Въ буддійскихъ священныхъ книгахъ мы мало встрѣчаемъ извѣстій даже вообще о состояніи язычества у народовъ Средней Азіи до появленія Шакьямуни. Почти всѣ сказанія буддійскихъ писателей сосредочиваются около этого лица и не заходятъ далѣе времени его появленія. Позднѣйшіе буддисты обратили даже это временное явленіе (явленіе такого учителя, каковъ Шакьямуни) въ исконный догматъ своей вѣры, не допускающій даже и мысли о томъ, что когда-либо существовала религія, отличная отъ той, которую проповѣдывалъ этотъ учитель. Они утверждаютъ, что даже прежде появленія міра въ настоящемъ его устройствѣ то же самое ученіе исповѣдывали обитатели міровъ предшествовавшихъ, что Будда отъ вѣчности воплощался, и что Шакьямуни есть одинъ изъ безчисленнаго множества Буддъ, явившихся и имѣющихъ явиться въ мірѣ.

Шакьямуни² или Шингемуни — лицо не вымышленное. Онъ происходилъ изъ царскаго ро-

---

² Шакьямуни, т. е. отшельникъ изъ рода Шакья. Время рожденія его точно не извѣстно. По китайскимъ сказаніямъ, онъ родился въ 1027 г. до Р. Хр.

да Шакъя, имѣвшаго владѣнія неподалеку отъ Непала. Что же касается до исторіи его жизни, то она полна вымысловъ и различными легендами передается различно. Хинаяническія, т. е. древнѣйшія легенды ближе къ правдоподобію, чѣмъ легенды махаяническія, позднѣйшія, въ которыхъ лицо основателя буддизма погружено въ глубокой мистицизмъ и совершенно потеряло уже всякую связь съ исторіей. Сводя въ одно цѣлое всѣ хинаяническія легенды, мы получаемъ слѣдующія свѣдѣнія о жизни буддійскаго учителя. Рожденіе Шакъямуни, какъ лица, выходящаго изъ-подъ уровня простыхъ смертныхъ, по понятіямъ его послѣдователей, не могло быть обыкновеннымъ, и индійская фантазія украсила его чудесами. Въ первые годы своей земной жизни Шакъямуни получаетъ различные предсказанія, учится наукамъ и искусствамъ и превосходитъ всѣхъ своихъ сверстниковъ и родныхъ обширными знаніями и необычайнымъ умомъ («Будд.», Васил., ч. I, стр. 9). Послѣ женитьбы Шакъямуни скоро убѣждается въ ничтожествѣ всего земного и подъ вліяніемъ этого убѣжденія покидаетъ свою родину, жену, бросаетъ великолѣпное платье, обриваетъ себѣ голову и отправляется къ анахоретамъ, съ цѣлью отысканія у нихъ истиннаго пути къ счастью, но скоро оставляетъ ихъ, находя неудовлетворительными ихъ мысли и образъ жизни, и рѣшается самъ искать себѣ дороги. Онъ поселяется на берегахъ рѣки Ниранджаны, гдѣ шесть лѣтъ проводитъ въ строгомъ подвижничествѣ и созерцаніи. Наконецъ, когда онъ увидѣлъ, что и это ни къ чему не ведетъ, оставляетъ свое уединеніе, обмывается, принимаетъ пищу, и, отойдя нѣсколько шаговъ, прозрѣваетъ и дѣлается Буддой. Послѣ

этого Шакъямуни выступаетъ на проповѣдь, ходитъ изъ мѣста въ мѣсто, творитъ чудеса и учениемъ о четырехъ истинахъ пріобрѣтаетъ себѣ многихъ послѣдователей, въ томъ числѣ и царей («Будд.», Васил., ч. I, стр. 13). Но какъ человѣкъ, одаренный высшимъ даромъ пророчества, онъ въ то же время съ скорбью предрекаетъ имѣющіе въ послѣдствіи произойти раздѣленія и раздоры въ основанномъ имъ религіозномъ обществѣ («Будд.», Васил., ч. I, стр. 21). Между обращенными нѣкоторые были особенно близки къ Буддѣ и составляли общество его учениковъ. Изъ нихъ двое были болѣе другихъ любимы имъ и въ послѣдствіи ревностно подвизались въ дѣлѣ распространенія буддизма. Въ числѣ учениковъ находились и родственники Будды («Будд.», Васил., ч. I, стр. 24). Кромѣ этихъ событій изъ жизни основателя буддизма, согласно передаваемыхъ почти всѣми хинаяническими легендами, нѣкоторыя изъ нихъ приписываютъ ему множество другихъ дѣяній, въ которыхъ гораздо менѣе правдоподобія. Такъ, по извѣстіямъ этихъ легендъ, Будда нисходитъ въ адъ, возносится на небо и т. п. Что касается до смерти Будды, то всѣ легенды согласны въ томъ, что онъ умеръ и тѣмъ прекратилъ свое стихійное существованіе.

Такова земная жизнь Будды по сказаніямъ хинаяническихъ легендъ. Махаянисты пошли еще далѣе въ дѣлѣ вымысловъ. Они учатъ, что не Шакъямуни возвысился до Будды, а что Будда снизошелъ на землю и воплотился въ Шакъямуни. Равнымъ образомъ они иначе смотрятъ и на смерть Будды. Допуская, что онъ, совершивъ свое дѣло на землѣ, оставилъ міръ и погрузился въ безмолвный покой, махаянисты въ то же время вѣрують, что Будда

и теперь имѣеть нѣчто въ родѣ скандъ, тончайшее тѣло («Будд.», Вас., ч. I, стр. 12). Мистики не остановились и на этомъ. Они думаютъ, что не одинъ только Шакъямуни сдѣлался Буддой, но что и прежде него былъ безконечный рядъ Буддъ въ различныхъ мірахъ, и что всѣ Будды проповѣдывали то же самое ученіе, которое проповѣдывалъ и Шакъямуни — что и послѣ него будутъ являться Будды до самаго скончанія міра и что Майтрея, будущій Будда, намѣстникъ Шакъямуни, теперь находится въ званіи бодисатвы и ждетъ своей очереди, и что онъ не разъ пособлялъ ученикамъ своего предшественника въ объясненіи его ученія.

По смерти Будды ученики его собрались на соборъ въ Магадѣ, на которомъ составленъ былъ краткій символъ буддійской вѣры («Будд.», Вас., ч. I, стр. 37). Общество буддистовъ стало быстро распространяться въ различныхъ странахъ, находя добровольный и радушный пріемъ у жителей. Но вскорѣ, согласно предсказанію самого учителя, стали возникать ереси, вслѣдствіе произвольнаго толкованія нѣкоторыхъ пунктовъ ученія. Нужно было уничтожить возникшія недоумѣнія. Для этого собрано было нѣсколько соборовъ. На этихъ соборахъ судили еретиковъ, разбирали противорѣчія въ мнѣніяхъ и наконецъ составили новый обширѣйшій символъ вѣры («Будд.», Вас., ч. I, стр. 34).

Такая заботливость ближайшихъ послѣдователей Будды о сохраненіи единства вѣры не могла впрочемъ совершенно уничтожить раздѣленія въ ихъ религіозномъ обществѣ. Она соединила только 18 школъ, образовавшихся во время первыхъ споровъ, въ двѣ религіозно-философскія секты: вайбашниковъ и саутрантиковъ. Въ настоящее вре-

мя буддизмъ дѣлится на двѣ секты: фѳонистовъ и ламъ. Первая удержалась въ Китаѣ, а послѣдняя въ Индіи, Тибетѣ и Монголіи. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что одна изъ нихъ имѣетъ іерархію, а другая нѣтъ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ біографію Шакъямуни и судьбу его ученія, обратимся теперь къ разсмотрѣнію главнѣйшихъ чертъ буддійской догматики и морали³.

При всеї темнотѣ и неопредѣленности, которыми отличается буддійскій священный кодексъ, видно, что буддистъ вѣритъ въ существованіе верховнаго начала, которому міръ обязанъ бытіемъ своимъ. Это существо — Будда въ его отвлеченіи, и ему-то придаются эпитеты безначальнаго и вѣчнаго, творца всего видимаго и невидимаго, источника жизни и начальной причины всякаго бытія. Желая проявить свои совершенства въ тваряхъ и подѣлиться съ ними своимъ блаженствомъ, онъ сотворилъ сначала множество горнихъ, невещественныхъ міровъ, извѣстныхъ подъ именемъ Нирваны, и населилъ ихъ высшими существами; а затѣмъ приступилъ къ творенію видимаго міра, употребивъ началомъ для него райскій цвѣтокъ. Этотъ міръ предназначилъ онъ въ жилище существамъ менѣе совершеннымъ. Положивъ основаніе вселенной, всевышній погрузился въ покой, предоставивъ дѣло дальнѣйшаго устройства міра двумъ геніямъ — Манджушири и Аріоболо, которые родились изъ свѣта его праваго глаза. Творческая сила перваго изъ нихъ образовала въ пустыхъ пространствахъ

---

³ Свѣдѣнія объ этомъ мы будемъ заимствовать изъ сочиненія Арх. Нила.

вселенной густое облако; пролившійся изъ него дождь произвелъ водную сферу, поверхность которой мало-по-малу отвердѣла и превратилась въ материкъ. Но эта первоначальная земля была пуста и безобразна. Тогда дхнулъ бурный духъ сансары — и внезапно явились на лицѣ земли моря, горы и растенія.

Первыми обитателями видимаго міра были тенгеринны. Духи эти были сначала невинны и блаженны. Но они скоро утратили свои первобытныя совершенства, употребивъ въ пищу для себя такія вещества, которыя не соответствовали ихъ духовной природѣ, и сдѣлались рабами грубой чувственности. Такое поведеніе ихъ не могло, разумѣется, укрыться отъ всевидящаго ока Будды. Онъ приказалъ Аріоболо посмотрѣть, что дѣлается на землѣ, и этотъ геній съ горестью увидѣлъ, что духи, какъ сибгъ, надали съ высоты своего величія, увлекаемые злощастнымъ рокомъ. Чтобы обуздать своевольныхъ тенгериновъ, всевышній испустилъ изъ своего тѣла шесть свѣтовъ, изъ которыхъ произошли шесть правителей и наставниковъ, и имъ поручена была власть надъ падшими духами. А такъ какъ огрубѣлая натура послѣднихъ требовала уже новыхъ условій для жизни, то прежде всего положено было дать бытіе виѣшнему свѣту, вслѣдствіе чего явились на тверди небесной солнце, луна и звѣзды. Несчастные тенгеринны, для достиженія прежняго блаженнаго состоянія, должны были вступить теперь на путь перерожденій и переселеній.

Чтобы восполнить пустоту, образовавшуюся на землѣ послѣ паденія тенгериновъ, Будда произвелъ изъ свѣта лѣвой ладони своей новое существо — Бодисатву и назвалъ его Мандзой. Такъ какъ

Мандза долженъ былъ принять на себя важную обязанность — быть споспѣшникомъ боговъ въ распространѣніи человѣческаго рода, то ему надлежало подвергнуться предварительному испытанію. И вотъ, по указанію Будды, онъ отправляется въ сѣверныя страны и тамъ проводитъ пустынный жизнь среди безмолвія дѣвственной природы. Испытаніе начинается тѣмъ, что къ нему приходитъ дѣва горъ, Ракчиса, и проситъ его быть ея супругомъ. Эта неожиданность изумила Мандзу, но не поколебала его твердаго духа. Не желая нарушить убашинскаго обѣта, онъ даже не обратилъ вниманія на невѣдомую посѣтительницу. Ракчиса, видя, что всѣ старанія ея обольстить пустытника остаются напрасными, прибѣгла къ страшнымъ угрозамъ. Семь сутокъ провелъ Мандза въ тяжкомъ испытаніи. Наконецъ онъ отправился къ Буддѣ и повѣдалъ ему свое горе. Будда нашелъ, что домогательство Ракчисы не противорѣчитъ его великимъ планамъ, и благословилъ брачный союзъ первой въ мірѣ четы. Мандза получилъ при этомъ нѣкоторыя обѣтованія. Но этимъ еще не кончилось испытаніе. Дѣти Мандзы съ каждымъ днемъ становились развратнѣе, Ракчиса свирѣпствовала, какъ самая лютая фурія, и грозила сдѣлаться бичемъ своего семейства. Мандза вынужденъ былъ бѣжать отъ нея въ другую пустыню, взявъ съ собою дѣтей. Къ этимъ несчастіямъ скоро присоединилось новое: семейство его, увеличившись до четырехсотъ душъ, не находя средствъ пропитанія, готовилось сдѣлаться жертвою голодной смерти. Такое положеніе заставило Мандзу снова обратиться къ Буддѣ. Будда успокоилъ его, объявивъ, что испытаніе его теперь кончено и что ему остается только тер-

пѣливо ожидать исполненія данныхъ ему обѣщаній. Вмѣстѣ съ этимъ улучшился и матеріальный бытъ его. Мандза пребылъ вѣренъ Богу до конца своей жизни, и спокойно переселился въ обѣтованную Нирвану. Потомки его мало-по-малу стали освобождаться отъ грубыхъ пороковъ, и наконецъ на землѣ настала золотой вѣкъ. Это время ознаменовано было явленіемъ мудраго наставника — хубилгана и избраніемъ царей. Первая династія была Загарвадоновъ. Люди наслаждались счастьемъ въ это блаженное время. Особенно это можно сказать о царствованіи пятаго Загарвадона. Этотъ царь имѣлъ тысячу женъ, украшенныхъ всѣми добродѣтелями и въ особенности отличавшихся гостепріимствомъ. Каждый странникъ находилъ въ домѣ ихъ радушный пріемъ. Одно только обстоятельство омрачало счастье Загарвадона: онъ не имѣлъ дѣтей. И вотъ однажды заходитъ въ царскій дворецъ бѣдный странникъ. Гостепріимныя жены Загарвадоновы принимаютъ его радушно и надѣляютъ щедро милостынею. Странникъ узнаетъ отъ нихъ, что онѣ бездѣтны, и предсказываетъ, что у каждой изъ нихъ скоро родится сынъ. При этомъ предсказаніи онъ плюнулъ на землю, велѣлъ имъ смѣшать происшедшее отъ этого брѣніе съ землею, прибавить къ нему мазин-тосо (родъ масла), приготовить опрѣсноки и съѣсть каждой по одному. Черезъ годъ предсказаніе странника исполнилось. Вскорѣ послѣ этого Загарвадонъ получилъ откровеніе, что принятый имъ странникъ былъ ни кто иной какъ самъ Будда. Дѣти Загарвадона были такъ же добродѣтельны, какъ и отецъ ихъ, и, по волѣ Будды, за свои совершенства возведены были на степень боговъ-міроправителей. Они должны пре-

емственно править міромъ по нѣскольку тысячелѣтій, и въ теченіе этого періода времени міръ долженъ попеременно то клониться къ упадку, то обновляться, пока наконецъ онъ совсѣмъ не разрушится. Это событіе случится при послѣднемъ изъ міроправителей — Очирвани. Кончинъ міра будутъ предшествовать всѣ ужасы нравственнаго нестроения и страшныя знаменія. «На небѣ явятся сперва два солнца, потомъ четыре, наконецъ шестнадцать солнцевъ. Растенія и животныя отъ невыносимаго жара погибнутъ, рѣки и даже моря иссохнутъ, земля представитъ изъ себя раскаленную печь, а горы станутъ дышать пламенемъ. Сила этихъ явленій сдѣлается чувствительною и для золотой лягушки, этого знаменитаго существа, находящагося подъ Сумберомъ и охватывающаго землю. Животное, замѣтивъ оскуднѣніе потребной для него влаги, принуждено будетъ оставить теперешнее свое положеніе и оборотиться deorsum. Съ такимъ оборотомъ — увы! весь міръ пойдетъ вверхъ дномъ» («Буд.», А. Нила, стр. 43—44).

Таково историко-догматическое ученіе буддистовъ о мірѣ. При обзорѣ его мы уже имѣли случай касаться и буддійской философіи; въ дополненіе къ сказанному нами прибавимъ еще нѣсколько словъ.

Буддисты, признавая существованіе единого Бога, какъ основной причины всего существующаго и верховнаго правителя вселенной, въ то же время допускаютъ множество низшихъ боговъ, которые различаются по степенямъ, составляя собою небесную іерархію. Къ самой высшей степени принадлежатъ боги вѣща. Первое мѣсто между ними занимаетъ всемогущій Абида или Будда; прочіе че-

тыре Будды, принадлежащіе къ той степени, суть только какъ бы приближенные Абиды, и хотя превосходятъ боговъ всѣхъ другихъ степеней, но въ то же время далеко уступаютъ верховному властителю; они не имѣютъ даже всѣхъ божескихъ совершенствъ, которыя совмѣщаются въ одномъ только Абидѣ. Вторую степень занимаютъ боги-міроправители. Нѣкоторые изъ этихъ боговъ уже приходили и правили вселенной, а нѣкоторые еще имѣютъ придти. Пришедшихъ боговъ считается семь, и всѣ они пользуются преимущественнымъ почитеніемъ предъ богами, имѣющими придти. Въ настоящую эпоху править міромъ Шакьямуни. Къ этому же разряду принадлежатъ и боги-покровители человѣческаго рода, хотя по своимъ божескимъ совершенствамъ они стоятъ нѣсколько ниже боговъ-міроправителей. Наконецъ къ третьей степени относятся боги болѣе грозные, чѣмъ благотворные для человѣка. Посредниками между богами и людьми служатъ тенгерины или духи всѣхъ міровъ, странъ и мѣстъ, исключая впрочемъ тѣхъ, которые принадлежатъ къ разряду падшихъ и составляютъ темное царство. Добрые духи рисуются въ воображеніи буддиста благотѣтельными существами, хранителями человѣка отъ враждебныхъ дѣйствій злыхъ духовъ и его ближайшими помощниками и ходатаями. Сюда же должно отнести и тѣхъ людей, которые своею святою жизнью стяжали высшій совершенства и переселились въ блаженную Нирвану или даже проходятъ еще длинный рядъ перерожденій.

Переходимъ къ нравственному ученію буддистовъ. Излагая біографію основателя буддизма, мы уже увидѣли, что онъ принадлежалъ къ числу

отшельниковъ, аскетовъ. Этого же аскетизма онъ требовалъ и отъ своихъ послѣдователей; основанное имъ общество есть не что иное какъ монашествующее братство, члены котораго связаны между собою общимъ обѣтомъ отреченія отъ міра. Вся буддійская мораль опирается на слѣдующихъ основаніяхъ:

Высочайшее счастье, которымъ наслаждаются боги и котораго отчасти могутъ достигать и смертныя существа, состоитъ въ совершеннѣйшемъ покоѣ, который не допускаетъ даже и мысли о какой бы то ни было дѣятельности. Самая Нирвана, къ которой стремится буддистъ, есть не что иное какъ мѣсто полного безмолвія. Этого блаженнаго состоянія человекъ можетъ достигнуть только путемъ многихъ перерожденій и переселеній, а пока онъ существуетъ въ своемъ первоначальномъ видѣ, вся обязанность его состоитъ въ томъ, чтобы мало-по-малу отрѣшиться отъ мучительныхъ узъ жизни или такъ называемой сансары. Понятно, что при такомъ возрѣніи первоначальнаго буддиста на цѣль человеческой жизни не могло быть даже и помину о добродѣтели, которая, съ одной стороны, предполагаетъ дѣятельность, а съ другой — виѣшній предметъ, на который обращается эта дѣятельность. Поступающій въ новое общество не обязывался дѣлать что-нибудь доброе; онъ давалъ только обѣтъ — не дѣлать того или другого. Позднѣйшіе буддисты, развивая все болѣе и болѣе это ученіе, пришли наконецъ къ той мысли, что міръ не потому долженъ быть предметомъ отверженія, что онъ мучителенъ, а потому, что онъ пусть и что въ немъ нѣтъ ни одного предмета, на которомъ умъ нашъ могъ бы сосредоточиться и успокоиться. По-

этому нужно возноситься умомъ въ высшую область, въ бласть чистаго разума, и тамъ искать успокоенія. Но чтобы быть способнымъ къ этимъ выпрненнымъ созерцаніямъ, для этого необходимо напередъ очистить свое духовное око и пріобрѣсти высшій навикъ къ самоуглубленію. А для этого недостаточно уже только удерживаться отъ всего дурного: необходимо имѣть положительныя умственные и нравственныя совершенства. Такимъ образомъ буддисты незамѣтно пришли къ убѣжденію въ необходимости добродѣтели. Это убѣжденіе должно было подвинуть впередъ буддійскую мораль и сообщить ей болѣе жизненности. Теперь въ первый разъ уяснились отношенія человѣка къ обществу. Превжній буддистъ не обяывался помогать ближнему, да и не имѣлъ ничего, чтобы онъ могъ дать ему; равнымъ образомъ и самъ старался по возможности ничего не принимать отъ другихъ, кромѣ необходимаго подаянія. Настоящій буддистъ, напротивъ того, ничего не щадитъ для ближняго; онъ готовъ пожертвовать не только имуществомъ, но даже жизнью, лишь бы сдѣлать ему добро. Новѣйшій буддизмъ гордится уже не однимъ человѣколюбіемъ; онъ созидаетъ ученіе о любви и милосердіи и поставляетъ ихъ отличительнымъ характеромъ своихъ послѣдователей («Буд.», Вас., ч. I, стр. 124).

Всѣ нравственныя обязанности, которыя буддизмъ налагаетъ на своего послѣдователя, подводятся подъ три главныя категоріи: обязанности въ отношеніи къ богамъ, обязанности къ людямъ и ко всѣмъ живущимъ въ мірѣ тварямъ и, наконецъ, обязанности къ самому себѣ. Въ отношеніи къ богамъ буддизмъ предписываетъ слѣдующія правила: о богахъ должно разсуждать съ благоговѣніемъ и вмѣ-

стѣ со всѣми разумными тварями воздавать имъ хвалу, «прославляя ихъ не только устами, но и дѣлами». «Должно помнить, что боги суть чистыя существа, а потому, кто хочетъ быть угоденъ имъ, тотъ долженъ блюсти въ чистотѣ свой духъ и тѣло». «Тѣмъ болѣе должна быть чиста самая жертва, приносимая богамъ, а дѣйствія жертвователя благопристойны». «Должно надѣяться на боговъ, потому что ихъ покровительство превыше всѣхъ покрововъ». Въ отношеніи къ ближнему и тварямъ: желай другимъ благопріятныхъ перерожденій, какъ желаешь ихъ себѣ; береги жизнь всѣхъ тварей; повинуйся властямъ; «собственные вины обличай, а о чужихъ храни глубокое молчаніе; оскорбленія переноси съ терпѣніемъ; неистовствующихъ укрощай благоразуміемъ; болящихъ утѣшай, къ несчастнымъ будь сострадательнъ; бѣднымъ помогай; согрѣшающихъ вразумляй благими совѣтами; всѣмъ служи, какъ служить рабъ своему господину, и другихъ правъ въ жизни не имай». Буддизмъ предписываетъ даже любовь ко врагамъ; по крайней мѣрѣ діанчи, при вступленіи въ званіе анахоретовъ, даютъ обѣтъ — и самыхъ лютыхъ враговъ считать своими друзьями. Обязанности къ самому себѣ: «всячески бодрствуй надъ собою, чтобъ не дать въ себѣ мѣста дѣйствіямъ, омрачающимъ душу или тѣло; смотри на себя какъ на сосудъ нечистый, сокрушенный и отверженный, и не только добрыя дѣла, но и самую мысль о добрѣ приписывай помощи вышней; дѣломъ, словомъ и мыслью воздерживайся отъ грѣха и насаждай въ себѣ добродѣтель, чтобы такимъ образомъ мало-по-малу перейти изъ грѣховнаго состоянія въ состояніе свободы; а для этого непрестанно помышляй о богахъ и помни, что,

гдѣ бы ни находился, ты всегда предъ очами ихъ; всѣ заботы и попеченія направляй къ достиженію наивысшаго совершенства».

Грѣхи раздѣляются на три разряда: смертные, близкіе къ смертнымъ и черные грѣхи. Грѣхи смертные: богохульство, отцеубійство, убійство праведника, дерзость противъ перерожденцевъ, «разлученіе другъ отъ друга тѣхъ, которые, посвятивъ жизнь свою на служеніе Богу, связали себя взаимными священными обѣтами». Грѣхи близкіе къ смертнымъ: разореніе святилища, отнятіе у благочестиваго человѣка средствъ къ дѣланію добра, кощунство надъ людьми духовнаго сана, разстройство въ дѣлѣ совершенія священныхъ обрядовъ вѣры, отнятіе у пустытника послѣдняго куска хлѣба. Черные грѣхи: умерщвленіе животнаго, присвоеніе чужого, поработеніе грубой чувственности, ложь, сплетничество, осужденіе, злорѣчіе, зломысліе, зависть, презорство.

Взвѣсивая человѣческія дѣйствія, буддизмъ принимаетъ во вниманіе различныя обстоятельства, при которыхъ они совершены, и ихъ цѣль, а равно субъектъ и объектъ, и, соображаясь съ ихъ относительной важностью, опредѣляетъ за нихъ мѣру возмездія. Вообще же, отъ добраго дѣла онъ требуетъ всѣхъ условій нравственнаго добра, а чтобы дѣлу быть худымъ, считаетъ достаточнымъ и того, если одно какое-нибудь условіе дурно.

Буддизмъ, предписывая своимъ послѣдователямъ различныя правила нравственности и указывая имъ на высокую цѣль, къ которой каждый долженъ стремиться, съ точностью опредѣляетъ и самый путь, которому человѣкъ долженъ слѣдовать при постепенномъ восхожденіи на предназначенную

для него высоту. Всѣхъ степеней нравственнаго совершенства буддисты насчитываютъ шесть. Находясь на первой изъ нихъ, человѣкъ сознаетъ свою нравственную порчу и нужду въ исправленіи, но не имѣетъ еще въ себѣ достаточно силы, чтобы противостоять злу. Вступивъ на вторую степень, онъ уже не увлекается болѣе прелестями міра и оплакиваетъ житейскую суету. Къ третьей степени принадлежатъ тѣ, которые, совершивъ съ успѣхомъ путь житейскаго странствованія, опять возвратились на землю, для дальнѣйшаго самоусовершенствованія и споспѣшествованія въ томъ другимъ. Достигшіе слѣдующей степени исполнили уже всѣ нравственныя обязанности и, оставаясь на землѣ, съ наслажденіемъ предаются мудрости и благочестію. Возвысившіеся до пятой степени торжествуютъ полную побѣду надъ зломъ и проникаютъ въ таинства природы; а взшедшіе на послѣднюю степень видятъ предъ собою отверстыя врата нумовъ, вводятся въ міръ чудесъ и перерождаются въ существа одной натуры съ Буддами.

Чтобы облегчить для человѣка восхожденіе на такую высоту, буддизмъ даетъ ему вспомогательныя средства. Эти средства двоякаго рода: обыкновенныя и чрезвычайныя. Къ первымъ принадлежатъ: молитва, чтеніе священныхъ книгъ, постъ и удаленіе отъ міра. Къ чрезвычайнымъ средствамъ относятся таинства. Кромѣ обыкновенныхъ молитвъ, которыя читаются и поются при богослуженіи, равно какъ и тѣхъ, которыя составлены на особые случаи въ жизни, у буддистовъ есть еще молитва, состоящая изъ шести таинственныхъ словъ (ом, ма, ни, бад, ме, хом), истекшихъ изъ устъ Абида при устроеніи судебъ міра. Эта молитва должна

непрестанно быть въ сердцѣ и устахъ истиннаго ревнителя благочестія. Для облегченія молитвенныхъ подвиговъ, у буддистовъ существуетъ особая религіозная принадлежность — курду. Это не что иное какъ шестисторонній цилиндръ, вращающійся на оси. Цилиндръ этотъ обвивается сколько можно болѣе бумажными свитками, на которыхъ тысячу разъ повторяются однѣ и тѣ же молитвы, а въ центрѣ цилиндра вставляются иногда священные книги. Буддисты думаютъ, что достаточно одного оборота курду, чтобы замѣнить трудъ чтенія этихъ книгъ и тысячекратное повтореніе написанныхъ молитвъ. Кромѣ молитвы и чтенія св. книгъ, средствомъ къ нравственному преуспѣянію служить постъ. Буддизмъ обязываетъ своихъ послѣдователей поститься по крайней мѣрѣ однажды въ годъ, соблюдая при этомъ особо-установленныя, весьма строгія правила. Съ постомъ соединяется обыкновенно раскаяніе во грѣхахъ; но исповѣдь предъ священникомъ не считается обязательною, хотя и не возбраняется. Дѣвственницамъ и удаляющимся отъ міра, кромѣ самаго строгаго поста, предписываются еще нѣкоторые другіе способы умерщвленія плоти.

Счастлива та душа, которая воспользовалась всѣми этими средствами и съ успѣхомъ прошла жизненное поприще: ее ожидаетъ впереди неисчерпаемое блаженство въ высшихъ предѣлахъ міра. Но кто пренебрегалъ на землѣ своимъ нравственнымъ очищеніемъ и необузданно предавался страстямъ, тотъ снизойдетъ въ темное царство Чойжила, чтобы терпѣть тамъ почти нескончаемыя муки.

Понятія буддистовъ о загробной жизни весьма интересны, и уже по одному этому мы никакъ не можемъ не коснуться ихъ.

Въ часъ разлуки съ тѣломъ душа человѣческая видитъ уже предъ собою сонмъ духовъ, изъ которыхъ одни грозны, а другіе свѣтлы и прелестны. Эти духи тотчасъ препровождаютъ ее на судъ къ Номун-хану, который тщательно разбираетъ всю ея земную жизнь. Судъ продолжается сорокъ дней. Въ заключеніе Номун-ханъ ставитъ подсудимую предъ зеркаломъ, въ которомъ отражаются всѣ, и самыя сокровенныя, ея свойства. По окончаніи всего этого онъ произноситъ приговоръ, опредѣляющій всю послѣдующую ея судьбу. Въ удѣлъ законнымъ грѣшникамъ достается адъ. Онъ находится въ центрѣ земли и состоитъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, изъ которыхъ самое главное — геенна, предназначенная для учинившихъ смертныя грѣхи. «Она наполнена расплавленнымъ чугуномъ, и въ этой-то массѣ носятся грѣшники, то погружаясь до дна, то всплывая на поверхность. При каждомъ погруженіи тѣла ихъ сгораютъ до костей, а съ каждымъ всплывомъ возрождаются опять для новыхъ мученій. Продолжительность этихъ мученій опредѣляется мѣрою, содержащею 8 куб. сажень гунжита, зерна котораго вынимаются изъ сосуда чрезъ сто лѣтъ по одному» («Буд.», А. Нила, стр. 209). Для тѣхъ же людей, которые не учинили тяжкихъ грѣховъ и виновны въ однихъ только слабостяхъ, предназначены мытарства. Здѣсь распоряжаются стихійные духи. Они проводятъ ввѣренную имъ душу изъ одного мытарства въ другое, подвергая ее всякаго рода коварствамъ и обольщеніямъ, и въ этомъ томленіи держатъ ее до тѣхъ поръ, пока она не погрузится въ мертвое безчувствіе, отъ котораго воскресаетъ уже совершенно чистою и устремляется въ міръ перерожденій. Прошедъ рядъ переро-

жденій, душа вводится въ царство Сукавади. Обновленную душу встрѣчаютъ здѣсь радостными кликами служебные духи и приводятъ ее къ возсѣдающему на престолѣ Буддѣ, который утѣшаетъ ее и назначаетъ ей мѣсто, сообразное съ ея достоинствомъ.

Покончивъ съ нравственно-догматическимъ ученіемъ, скажемъ нѣсколько словъ объ обрядовой части буддизма.

Совершителями священныхъ обрядовъ у буддистовъ, какъ и вездѣ, являются жрецы. Они составляютъ собою цѣлую іерархію, во главѣ которой стоятъ Далай-лама и Банченъ-богдо. Къ прочимъ членамъ ламской іерархіи принадлежатъ: убани, ховаракъ, гецуль, гелунъ, ширету, бандида-хамбо, шаваранъ, хубилганъ и хутукту. Убани занимаютъ средину между клириками и мірянами. Они не служатъ въ капищѣ, но все-таки принимаютъ посвященіе и новое имя. Какъ слабые и неопытные, они состоятъ обыкновенно подъ надзоромъ пожилыхъ ламъ. Убани не что иное какъ послушники. Должность причетниковъ исправляютъ ховораки или баньди. Гецуль, по служебному значенію, равняется съ діакономъ («Будд.», А. Нила, стр. 70—72). Ему дается помощникъ *quasi* иподіаконъ. Въ старину бывали и діакониссы, но теперь это не допускается. Гелуны вполнѣ соответствуютъ нашимъ священникамъ. Начальникъ капища называется ширету. Для почета при богослуженіи онъ имѣетъ прислужниковъ. Ширету имѣетъ право посвящать во всѣ низшія званія. Это лицо походитъ на нашихъ архіереевъ. Бандида-хамбо занимаетъ самое высшее мѣсто между духовными лицами изъ разряда смертныхъ. За нимъ начинаются уже пере-

рожденцы. Они живутъ между людьми для того только, чтобы исполнять предопредѣленія высшихъ существъ. Всѣ эти лица имѣютъ свое особое посвященіе. Посвященіе въ низшія степени совершается обыкновенно слѣдующимъ образомъ: посвящаемый при входѣ въ капище кладетъ три земные поклона передъ идолами, затѣмъ подводится къ ширету, становится на колѣни и произноситъ обѣты подъ прикрытіемъ священной одежды ширету. Послѣ этого обряда ему вручаютъ четки, поясъ и другія принадлежности облаченія. Наконецъ совершается постриженіе и новопоставленному дается новое имя. Онъ тотчасъ же причисляется къ какому-нибудь капищу, если только онъ не убашн, и начинаетъ отправлять священныя службы. Службы въ капищѣ совершаются три раза въ день: утромъ, въ полдень и вечеромъ, и состоятъ изъ чтенія священныхъ книгъ и молитвъ, пѣнія и жертвоприношенія. На утренней и вечерней службѣ, кромѣ обыкновенныхъ жертвоприношеній, приносятся еще мандза — жертва за живыхъ и умершихъ. Утренняя служба сверхъ того имѣетъ еще что-то въ родѣ вступленія или приготовленія къ службамъ дня. Приготовленіе это совершается обыкновенно такъ: по пробитіи въ харонгу, готовящіеся къ служенію жрецы, одѣвшись въ священныя одежды, отправляются, въ предшествіи ширету, къ капищу, читая мысленно молитву. Достигнувъ капища, они останавливаются на крыльцѣ и трижды произносятъ монотонно: «Многомилостивый Господи, отверзи намъ двери» и пр. («Буд.», А. Нила, стр. 115). Затѣмъ передъ ними гебгой отворяетъ дверь, и они входятъ въ капище. Этимъ оканчивается приготовленіе къ службѣ. У буддистовъ каждому дню

усвоены особыя чтенія и пѣнія, но обряды всегда одни и тѣ же. Кромѣ обрядовыхъ дѣйствій, входящихъ въ составъ постоянныхъ службъ, совершаемыхъ въ капищахъ, есть еще обряды, приспособленные къ разнымъ случаямъ человѣческой жизни и совершаемые внѣ капищъ. Къ такимъ обрядамъ принадлежатъ: милангоръ или молитва, читаемая надъ младенцемъ въ третій день послѣ его рожденія, брачныя обряды, призывъ души или заклинаніе, произносимое противъ демона, овладѣвшаго душою человѣка, искупъ жизни или духовное утѣченіе одержимаго тяжелою болѣзною и, наконецъ, проводы души или обрядъ погребенія. Всѣ эти дѣйствія весьма интересны, но мы не имѣемъ времени останавливаться на каждомъ изъ нихъ, и скажемъ только два слова о послѣднемъ, какъ самомъ важномъ. Тотчасъ по смерти покойника одѣваютъ въ приличную одежду и кладутъ его на правый бокъ, закрывъ лицо хадакомъ. Уложивъ мертвеца, зажигаютъ предъ нимъ курительныя свѣчи и принимаются за чтеніе молитвенной книги Дзотбо, которое и продолжается до ближайшаго изъ счастливыхъ дней. Въ этотъ день бываетъ выносъ покойника. Во время шествія къ мѣсту могилы провожающіе читаютъ мысленно молитву. Затѣмъ совершается рытье, освященіе могилы и самое отпѣванье. При этомъ читается множество молитвъ и заунывно поется стихъ: «Божественный Абида! по милости своей наставь на путь усопшаго: ибо у тебя одного мѣсто успокоенія» («Буд.», А. Исла, стр. 47). Покойникъ полагается въ могилѣ лицомъ на западъ. «За погребеніемъ слѣдуетъ длинный рядъ поминокъ и жертвоприношеній. У зажиточныхъ людей исправляются они въ теченіе 49 дней, поутру,

въ полдень и вечеромъ. А люди съ малымъ состояніемъ обязаны исполнить поминовеніе, по крайней мѣрѣ, три раза: въ 3-й, 7-й и 49-й день».

Этимъ мы оканчиваемъ обзоръ буддизма. Нельзя не сознаться, что и въ догматахъ, и въ нравственномъ ученіи, въ самыхъ обрядахъ, онъ имѣетъ много сходнаго съ христіанскимъ ученіемъ. Но это обстоятельство не должно несколько смущать насъ: напротивъ, мы должны радоваться этому, въ томъ убѣжденіи, что на болѣе подготовленной почвѣ легче и скорѣе можетъ приняться сѣмя истиннаго слова Божія... Тѣмъ болѣе мы должны радоваться этому, такъ какъ и въ предѣлахъ нашего отечества мы имѣемъ послѣдователей ламайской вѣры, которыхъ теперешнія понятія могутъ облегчить нашему духовенству распространеніе между ними христіанства.

Пѣсни Беранже.

Переводы *Василія Курочкина*. Спб. 1858. Два изданія.

Пѣсни Беранже, Некрасова, Полужаева, Цыганова, барона Дельвига, Бенедиктова, А. Пушкина, Кольцова, Языкова, Батюшкова, Л. Мея. Москва 1858.

Беранже понравился русской публикѣ, наконецъ получившей возможность хотя отчасти узнать его изъ многочисленныхъ переводовъ, помѣщавшихся въ послѣднее время въ журналахъ. Г-нъ Курочкинъ успѣлъ даже составить себѣ извѣстность своими прекрасными переводами пѣсенъ Беранже. Первое изданіе его переводовъ, вышедшее въ началѣ нынѣшняго года, разошлось очень скоро, и теперь г. Курочкинъ является съ новымъ изданіемъ, въ которомъ къ прежнимъ стихотвореніямъ прибавилъ еще десять пѣсенъ, переведенныхъ имъ изъ послѣдняго изданія Беранже. Оба изданія г. Курочкина очень изящны, при обонхъ приложенъ очень хорошо сдѣланный портретъ французскаго поэта. Въ началѣ втораго изданія переводчикъ перепечаталъ свое стихотвореніе на смерть Беранже, представляющее довольно удачную характеристику нѣкоторыхъ сторонъ его таланта. Нѣтъ сомнѣнія, что и второе изданіе «Пѣсенъ Беранже» будетъ имѣть такой же успѣхъ, какой имѣло первое.

Что Беранже получилъ уже нѣкоторую популярность въ русской публикѣ, это доказываетъ между прочимъ книжка, заглавіе которой мы выписали рядомъ съ переводами г. Курочкина. Книжка составлена не то чтобъ совершенно ужъ дурно, но ея заглавный листъ на оберткѣ бьетъ на спекуляцію. На оберткѣ книжки вовсе нѣтъ перечисленія именъ, которое находится въ заглавіи, напечатанномъ внутри книжки, а просто напечатано крупнымъ шрифтомъ «Пѣсни Беранже», и потомъ мелко прибавлены слова: «и пр.». Этихъ словъ съ перваго раза легко не замѣтить, и мы видѣли нѣсколькихъ человѣкъ, которые были обмануты заглавнымъ листкомъ и принимали книжку за сборникъ пѣсенъ Беранже. Между тѣмъ въ ней всего 16 пѣсенъ изъ Беранже, въ переводахъ г. Курочкина и Д. Ленскаго. Остальныя 70 пѣсенъ взяты изъ разныхъ русскихъ писателей, и въ число этихъ пѣсенъ попали, напр., «Пѣсня о вѣщемъ Олегѣ» Пушкина, «Пѣсня барда во время владычества татаръ надъ Россіею» Языкова, и т. п. Составитель книжки очевидно не признаетъ того, что пѣсня пѣснь рознь, а полагаетъ, что ежели ужъ пѣсня, такъ и тискай ее въ пѣсенникъ... Назвался, дескать, груздемъ, такъ полѣзай въ кузовъ... Подобныя соображенія, вѣроятно, руководили издателемъ при помѣщеніи въ его книжкѣ нѣкоторыхъ стихотвореній Батюшкова, Дельвига, Языкова. Но вотъ для чего мы уже рѣшительно не можемъ пріискать никакихъ резоновъ: это — напечатаніе въ сборникѣ отмѣнно длиннаго правоучительнаго стихотворенія г. Бенедиктова: «Посѣщеніе правды». Оно заняло въ книжкѣ 21 страницу; даже прочесть-то такую пучину резонерства не у всякаго духу достанетъ; не-

ужели же хватить у кого-нибудь груди и горла на то, чтобы пропѣть все это?

Мы упомянули объ этой книжкѣ единственно для того, чтобы предостеречь тѣхъ, которые захотятъ пріобрѣсти пѣсни Беранже, отъ смѣшенія «Пѣсенъ Беранже и пр.» отъ «Пѣсенъ Беранже» просто, *безъ прочаго*. Теперь же мы обратимся къ переводамъ г. Курочкина и постараемся показать, насколько вѣрное и полное понятіе сообщаютъ они русскимъ читателямъ о характерѣ поэзіи Беранже.

До послѣдняго времени у насъ люди не читающіе по французски имѣли очень смутное понятіе о Беранже. Знали, что Беранже сочиняетъ хорошія пѣсни, но этимъ всѣ свѣдѣнія и ограничивались. Переводовъ этихъ пѣсенъ почти не было; а если и появлялись они, то всегда, по какой-то странной случайности, выборъ переводчиковъ падалъ на самыя невинныя вещи Беранже, и печатались эти переводы, тоже по какой-то особенной скромности, съ невиннымъ изъясненіемъ: *съ французскаго*, а иногда и вовсе безъ изъясненія. А въ то же время — офранцузенная молодежь высшихъ классовъ, въ родѣ графа Нулина, и банальные старички, желавшіе молодиться, считали обязанностью быть знакомыми:

Съ *bons-mots* французскаго двора,
Съ послѣдней пѣсней Беранжера...

Понятно, что вниманіе такихъ читателей и читателей привлекалось почти исключительно тѣмъ, что было въ Беранже фривольнаго и скандальнаго. Перечитывали, списывали и знали наизусть нѣкоторыя нескромныя пьесы, въ родѣ «*La Bacchante*», «*Le bon pape*», «*Les reliques*», «*Le vieux célibataire*»,

«Le bon Dieu» и т. п., не обращая вниманія на другія пьесы, въ которыхъ талантъ Беранже высказывался шире и серьезнѣе. Такимъ образомъ, знакомясь съ Беранже кое-какъ, исподтишка и не вполне, у насъ многіе узнали именно тѣ его пьесы, которыя возбуждали особенное негодованіе строгихъ блюстителей общественной нравственности и порядка. До послѣдняго времени многіе считали у насъ Беранже не болѣе какъ фривольнымъ пѣвцомъ гризетокъ и вина и отчасти политическимъ памфлетистомъ. Только недавно, съ появленіемъ въ русскихъ переводахъ многихъ пѣсень Беранже и нѣсколькихъ статей о немъ въ русскихъ журналахъ, это мнѣніе стало измѣняться и уступать мѣсто болѣе правильнымъ понятіямъ. И въ этомъ случаѣ заслуга перваго и до сихъ поръ лучшаго ознакомленія русской публики съ Беранже принадлежитъ безспорно г. Курочкину.

Въ коротенькомъ предисловіи къ первому изданію своихъ переводовъ г. Курочкинъ говоритъ между прочимъ о своемъ предположеніи «представить со временемъ характеристику Беранже, — поэта и человека, какъ его понимаютъ лучшіе люди въ Европѣ». Нельзя не пожелать, чтобъ г. Курочкинъ поскорѣе исполнилъ свое намѣреніе. Беранже — одна изъ лучшихъ поэтическихъ личностей современной Европы, и между тѣмъ до сихъ поръ его значеніе опредѣлено вполне хорошо, кажется, только имъ самимъ. У самихъ французовъ перѣдко раздаются странные и кривые толки аристарховъ объ ихъ національномъ поэтѣ. Недавно попалась намъ въ «Revue des deux Mondes», начала нынѣшняго года, статья: «Послѣднее слово о Беранже», написанная г. Монтегю по поводу автобіографіи Беранже.

Статья эта разбираетъ политическія тенденціи поэта, и худо скрытое негодованіе орлеаниста противъ демократа прорывается въ ней на каждой страницѣ. Выставляя свою критическую проницательность г. Монтегю говоритъ, что онъ всегда былъ убѣжденъ въ отсутствіи твердыхъ политическихъ началъ у Беранже, и не безъ удовольствія прибавляетъ, что чтеніе автобіографіи подтвердило его увѣренность. Особенное недовольство характеромъ Беранже выказываетъ г. Монтегю, разрушая «упорныя иллюзіи тѣхъ, которые видятъ въ Беранже республиканца, приписываютъ ему политическія пристрастія и смотрятъ на него какъ на защитника свободы». Ничего подобнаго не было, съ негодованіемъ говоритъ г. Монтегю: для Беранже было рѣшительно все равно, королевство или республика, тотъ или другой образъ правленія. Онъ писалъ, правда, смѣлая пьесы противъ Бурбоновъ, онъ не любилъ Реставраціи; но это не потому, что Реставрація и Бурбоны были ретрограды, а потому только, что это были Реставрація и Бурбоны. Въ сущности Беранже былъ наполеонистъ, и перѣдко даже болѣе наполеонистъ, чѣмъ самъ Наполеонъ. Онъ старается показать, будто весь вѣкъ былъ вѣренъ республиканскимъ идеямъ; но въ самомъ дѣлѣ республика была для него только холодною, законною супругой, въ душѣ же его пылала другая страсть, гораздо болѣе пылкая . . . Въ такомъ родѣ разсуждаетъ г. Монтегю и заключаетъ свои разсужденія слѣдующими словами: «Каково бы ни было въ будущемъ сужденіе публики о Беранже, приметъ ли она его политическія идеи или отвергнетъ ихъ, мы очень счастливы, что поэтъ самъ заботился (въ своей біографіи) доказать истину, кото-

рая многихъ смущаетъ и съ которою многіе не хотятъ согласиться, именно, что демократъ не всегда есть сугубый (double) либераль». Читая подобныя замѣчанія, изложенныя въ тонѣ худо сдержанной ироніи, только удивляешься узости взгляда, который критикъ не только усвоилъ себѣ, но еще навязываетъ и Беранже. Намъ, разумѣется, нѣтъ никакого дѣла до того, какихъ именно политическихъ мнѣній и до какой степени безукоризненно держался Беранже, и мы не имѣемъ ни малѣйшей претензіи защищать французскаго поэта отъ нападеній французскаго критика. Но нельзя не замѣтить того, какъ высоко, послѣ всѣхъ этихъ обвиненій, становится Беранже надъ близорукими либералами, подобными г. Монтею. Для нихъ очень важна форма; для нихъ главное дѣло въ игрѣ словъ, выражающихъ по большей части отвлеченныя понятія. Они никакъ не могутъ понять равнодушія человѣка, напр., къ какимъ-нибудь измѣненіямъ въ формѣ правленія; не могутъ простить, если кто съ холодною приметъ какія-нибудь либеральныя фразы или новыя формы учрежденій. Они никакъ не могутъ дорасти до взгляда человѣка, который ищетъ только существеннаго добра, мало обращая вниманія на внѣшнюю форму, въ которой оно можетъ проявиться. Беранже, судя по его пѣснямъ и по его собственнымъ признаніямъ, былъ именно одинъ изъ немногихъ людей, обладающихъ такимъ высшимъ, гуманнымъ взглядомъ. Очень можетъ быть, что онъ и не выработалъ своихъ воззрѣній съ послѣдовательностью и строгостью теоретика; но онъ ясно сознавалъ и сильно чувствовалъ ихъ инстинктомъ своей благородной натуры. Инстинктъ этотъ далеко возвышался надъ мелкими интересами враж-

дебныхъ партій; онъ всею силою своей направлялся въ одну сторону — къ достиженію блага народнаго. Кто болѣе дѣлалъ, или даже только желалъ, обѣщать сдѣлать для народа, кто пріобрѣталъ народную любовь, къ тому стремились и симпатіи поэта. Такимъ образомъ онъ дѣйствительно не былъ ни республиканцемъ, ни роялистомъ, ни либераломъ, ни наполеоновцемъ: онъ стоялъ выше всѣхъ ихъ, на высотѣ своей чистой, поэтической любви къ народному благу. «*Le peuple c'est ma muse*», говоритъ онъ самъ, и едва ли можно лучше выразить въ короткихъ словахъ характеръ всей его поэзіи. Въ этой-то симпатіи къ народу и заключается причина необыкновенной популярности Беранже; этимъ-то отличается онъ отъ эфемерныхъ памфлетистовъ, сочиняющихъ зажигательные политическіе стихи, вызванные потребностью минуты и интересомъ партіи. Тѣхъ обыкновенно бросаютъ и забываютъ черезъ нѣсколько дней послѣ ихъ появленія, а Беранже читаютъ и перечитываютъ даже тѣ, которымъ совершенно чужды и событія, и тенденціи, вызвавшія ту или другую изъ его пѣсень. Это потому, что всякій порядочный человѣкъ необходимо сходится съ Беранже въ одномъ, главномъ мотивѣ его пѣсень — въ любви къ народному благу. Самъ Беранже сознается въ предисловіи къ одному изъ изданій своихъ пѣсень, что по мѣрѣ того, какъ онъ мужалъ, вниманіе его все болѣе и болѣе отвлекалось отъ вопросовъ политическихъ къ явленіямъ чисто-соціального характера. «Предположивши установленнымъ какой-нибудь правительственный принципъ, говоритъ онъ, естественно чувствуешь въ умѣ потребность примѣненія его ко благу возможно большаго числа людей. Благо человѣ-

чества было душою всеѣ моеѣ жизни, и безъ сомнѣнія я обязанъ этимъ состоянію, въ которомъ я родился [читателямъ, конечно, извѣстно, что Беранже происходить изъ простаго званія; дѣдъ его былъ портной], и практическому воспитанію, которое тамъ получилъ. Конечно, не простому пѣсеннику рѣшать важные вопросы общественныхъ улучшеній. Но, къ счастью, много нашлось людей молодыхъ и смѣлыхъ, просвѣщенныхъ и пылкихъ, которые такъ уяснили и упростили эти вопросы, что сдѣлали ихъ доступными самому простому взгляду. Мнѣ отраднo было, что нѣкоторыя изъ моихъ пѣсень могли доказать этимъ людямъ мою симпатію къ ихъ благороднымъ предпріятіямъ».

Такимъ образомъ самъ Беранже представляетъ намъ свою поэзію дѣломъ служенія народной пользы. Чтобъ видѣть, какъ понимаетъ онъ это служеніе, приведемъ изъ того же предисловія нѣкоторыя мысли, относящіяся къ содержанію и характеру его пѣсень. «Любовь къ отечеству и любовь къ независимости, говоритъ онъ, составляютъ два главные предмета моихъ пѣсень, и я старался говорить о нихъ языкомъ, понятнымъ народу. Вѣдь эти предметы не такія важныя особы, чтобъ ужъ не могли спуститься до народа. Напротивъ, съ тѣхъ поръ, какъ народъ, съ прошлаго вѣка, сталъ принимать сознательное участіе въ политическихъ событіяхъ, его понятія возвысились и облагородились. Теперь уже и въ пѣснѣ ему не довольно одного только вина, разгула, безтолковой веселости: это можетъ составлять только рамку, въ которой должна быть вставлена картина, заключающая какую-нибудь серьезную идею. Смѣясь только надъ обманутыми мужьями да надъ корыстолюбивыми чиновниками,

нельзя уже получить полнаго успѣха и среди рабочаго класса; для народа нужно уже побольше. Оттого и назначеніе пѣсни народнои теперь должно быть выше и чище. Мало даже того, чтобы она нравилась только простому народу: она должна проникнуть и высшіе классы, чтобы и въ нихъ пробудить участіе къ горестямъ и страданіямъ народа!»! И пѣсни Беранже дѣйствительно выполняли это высокое и святое назначеніе. Онъ сдѣлался популярнымъ поэтомъ не только во Франціи, но и въ странахъ, далекихъ отъ его отечества.

Зная о своей популярности, Беранже, въ томъ же предисловіи, скромно говоритъ, что великіе поэты Франціи, конечно, легко затмили бы его извѣстность, если бы они не пренебрегали «спуститься иногда съ высотъ стараго Пинда, который немножко ужъ слишкомъ аристократиченъ для духа нашего языка. Имъ бы надобно было отказаться отъ нѣкоторой части ихъ великолѣпныхъ фразъ. Къ сожалѣнію мы, по старой укоренившейся привычкѣ, до сихъ поръ смотримъ на народъ съ какимъ-то предубѣжденіемъ. Онъ все представляется намъ грубой толпой, неспособной къ возвышеннымъ, благороднымъ и нѣжнымъ ощущеніямъ. А между тѣмъ напротивъ, — въ нашемъ обществѣ всѣ эти чувства развиты гораздо меньше. Если еще есть въ мірѣ поэзія, то ее нужно искать среди народа. Да, надобно трудиться для него, надобно вдохновляться имъ; но для этого надобно знать его и сочувствовать ему. А то иногда мы, пожалуй, и беремся за народные предметы для того, чтобы заслужить себѣ хвалу, но мы поступаемъ тутъ подобно тѣмъ богачамъ, которые, желая удивить народъ, бросаютъ ему на голову гнилое мясо и зали-

ваютъ его разбавленнымъ виномъ. Посмотрите хоть на нашихъ живописцевъ: они никогда не представляютъ лицъ простого народа, даже въ историческихъ картинахъ. Это, по ихъ мнѣнію, могло бы повредить изяществу и нарушить эффектъ. Но народъ не имѣлъ ли бы права сказать тѣмъ, которые такъ его трактуютъ: «Развѣ я виноватъ въ томъ, что я такъ жалко выродился, что черты мои искажены нищетою, а иногда и порокомъ? Но въ этихъ блѣдныхъ истощенныхъ чертахъ горѣлъ когда-то энтузіазмъ отваги и свободы! Но подъ этими лохмотьями течетъ кровь, которую проливалъ я за васъ, при первомъ призывѣ отечества. Изобразите меня въ ту минуту, когда я умираю за васъ. Тогда черты мои прекрасны!» И этотъ народъ былъ правъ, говоря такимъ образомъ».

Всѣ эти мысли не составляютъ у Беранже отвлеченнаго воззрѣнія; онѣ составляютъ результатъ и содержаніе всей его жизни, всей его поэтической дѣятельности. Во всѣхъ его пѣсняхъ любовь къ роднѣ сливается съ любовью къ народу; онѣ справедливо и гордо презираетъ тѣ мишурныя фразы о какой-то отвлеченной любви къ величію родной страны, подъ которыми обыкновенно укрывается своекорыстіе или сухость сердца. Онѣ съ насмѣшкою отзывается о тѣхъ мнимыхъ преимуществахъ и благахъ, къ которымъ такъ многіе стремятся. Нельзя не видѣть глубокой мысли въ той прописи, съ какою онѣ перечисляетъ всѣ эти блага, напр. въ стихотвореніи «Conseille aux Belges».

Любовь къ народу постоянно одушевляла Беранже. Она руководила имъ постоянно во всѣхъ взглядахъ на политическія событія и на знаменитыя личности. Это выразилъ онѣ, когда говорилъ

Шатобриану въ 1831 г.: «Служи народу, этому благородному народу, полному великихъ даровъ . . .»

Ne sers que lui...

Sa cause est sainte. Il souffre; et tout grand homme
Auprès du peuple est l'envoyé de Dieu¹.

Гуманное чувство самой чистой и справедливой любви къ народу и къ его благу дѣйствительному, а не нарицательному только, выражается во всѣхъ почти пѣсняхъ Беранже. Даже если онъ воспѣваетъ предметы, повидимому чуждые народу, и это происходитъ отъ его особеннаго взгляда на предметъ, благопріятнаго для народа. Такъ, часто упрекали его за то, что онъ воспѣваетъ Наполеона съ слишкомъ большимъ жаромъ. Объясненіе этого находимъ отчасти опять въ его предисловіи, гдѣ онъ упоминаетъ о Наполеонѣ и о послѣдующихъ политическихъ дѣятеляхъ. Вотъ смыслъ его словъ:

«Я съ энтузіазмомъ удивлялся генію Наполеона, потому что онъ былъ обожаемъ народомъ, видѣвшимъ въ немъ представителя побѣдоноснаго равенства (le représentant de l'égalité victorieuse). Но это не мѣшало мнѣ съ ужасомъ видѣть возрастающій деспотизмъ императора. При его паденіи я сожалѣлъ только о бѣдствіяхъ отечества. Къ Бурбонамъ я былъ безразличенъ: но я надѣялся, что при ихъ слабости легко будутъ восстановлены нѣкоторыя народныя льготы. Что касается до народа, отъ котораго я никогда не отдѣлялся, то мнѣ казалось, что послѣ ужасной развязки столь продолжительныхъ войнъ и онъ былъ не противъ правителей, ко

---

¹ Не служи ничему, кромѣ него. Его дѣло свято; онъ страдаетъ, и всякій великій человекъ есть посланникъ Божій для блага народа.

тери хъ для него отыскали. Но скоро иллюзии разрушились; черезъ нѣсколько мѣсяцевъ самые близорукіе увидѣли, что надѣяться нечего. Возвратился Наполеонъ съ Эльбы, но во время «Ста дней» я уже не увлекался общимъ энтузіазмомъ: я видѣлъ, что Наполеонъ не можетъ править ко благу народа. Тогда сложилъ я пѣсню «Политика Лизетты» и въ ней выразилъ свои опасенія: больше этого расправить крылья я тогда не могъ . . . ».

Пьеса эта, полная легкаго юмора, заключаетъ въ себѣ дѣйствительно очень ясныя намеки на владычество Наполеона. Напр. вотъ одинъ куплетъ этой пѣсни:

Combien les belles et les princes
Aiment l'abus d'un grand pouvoir!
Combien d'amants et de provinces
Poussés enfin au désespoir!
Crains que la révolte ennemie
Dans ton boudoir ne trouve accès;
Lise abjure la tyrannie,
Pour le bonheur de tes sujets¹.

Конецъ этой пѣсни также представляетъ примѣненіе къ тогдашнимъ обстоятельствамъ Франціи и Наполеона, какъ понималъ его Беранже. «Лиза, умоляетъ поэта, сдѣлайся доброй властительницей, уважай нашу свободу. Укрась чело свое розами, собранными любовью, и сохрани надолго свой вѣнокъ (couronne) для блага тебѣ подвластныхъ».

---

¹ Какъ любить красавицы и властители злоупотреблять своей огромной властью! Сколько любовниковъ и областей доводить они наконецъ до отчаянія! Бойся, чтобы враждебное возстаніе не произошло въ твоёмъ будуарѣ! Лиза, откажись отъ своей тирании, для блага тебѣ подвластныхъ.

Вотъ въ какихъ пѣсняхъ выражался, когда нужно было, наполеонизмъ поэта, и вотъ какое значеніе имѣли иногда стихи его, обращенные къ Лизеттѣ. Не мудрено, что они быстро расходились и выучивались во всей Франціи.

«При новомъ возвращеніи Бурбоновъ, — продолжаетъ Беранже, — я былъ убѣжденъ, что они ничего не сдѣлаютъ для народа. Но въ самомъ народѣ я сначала не видѣлъ такого убѣжденія, и потому постоянно наблюдалъ его положеніе и чувства при всякомъ новомъ событіи. Его впечатлѣнія и настроенія опредѣлили роль, которую исполнилъ я въ тогдашней оппозиціи. Народъ — это моя муза».

Такъ писалъ Беранже 25 лѣтъ тому назадъ (въ 1833 г.). Тотъ же самый взглядъ выражалъ онъ чрезъ десять лѣтъ (въ 1842 г.) при новомъ изданіи своихъ пѣсень. Тогда онъ писалъ между прочимъ: «Наша партія слаба, ничтожна; отсутствіе твердыхъ убѣжденій и раздоры ихъ внушаютъ къ нимъ пренебреженіе. И теперь народъ, вразумленный зрѣлищемъ нашихъ мѣщанскихъ и жадныхъ честолюбій, разочарованный въ большей части людей, бывшихъ его кумирами, *настоящій народъ*, для котораго и съ которымъ я *пѣлъ*, обреченный на то, чтобъ ничему болѣе не вѣрить и ничего не любить, онъ теперь держится совершенно въ сторонѣ отъ политическихъ эволюцій, какъ безстрастный жюри, который однако произнесетъ когда-нибудь окончательное рѣшеніе долгихъ споровъ нашей задорной эпохи».

Сдѣланныя нами извлеченія изъ двухъ предисловій Беранже выражаютъ, кажется, довольно ясно сущность его общихъ воззрѣній на дѣятельность политическихъ партій и его понятія о значеніи

собственнаго его таланта. Кто знаетъ пѣсни Беранже, тотъ, конечно, согласится, что большая часть ихъ не противорѣчитъ этимъ воззрѣніямъ. Многіе упрекали Беранже за его излишнее пристрастіе къ Наполеону; другіе возставали противъ слишкомъ легкаго взгляда его на любовь и вообще на женщинъ. Но относительно Наполеона Беранже признается въ своей автобіографіи, что энтузіазмъ къ нему раздѣлялъ съ цѣлою націей, пока не увидѣлъ, что императоръ посягаетъ на многія права и на благосостояніе народа. Въ Наполеонѣ долгое время Беранже видѣлъ не просто властителя, а геніальнаго представителя народа. Въ одномъ мѣстѣ своего предисловія онъ выражается о Наполеонѣ такимъ образомъ: «Величайшій поэтъ новыхъ и можетъ быть всѣхъ временъ, Наполеонъ, когда только онъ отступалъ отъ подражанія старымъ монархическимъ формамъ, смотрѣлъ на народъ такъ, какъ должны были бы смотрѣть всѣ наши лучшіе поэты и артисты. Онъ умѣлъ понять, до какой высоты могутъ достигнуть инстинкты массы, если только умѣть возбуждать ихъ. Можно подумать, что именно для удовлетворенія этимъ инстинктамъ онъ столько волновалъ міръ». Конечно, Беранже ошибался, увлеченія его были ложны; но все-таки нельзя не сказать, что источникъ этихъ увлеченій никакъ не заслуживаетъ порицанія.

Что касается до фривольности нѣкоторыхъ пѣсень Беранже, то онъ самъ очень справедливо замѣчаетъ, что зѣды онѣ не назначались имъ въ руководство при воспитаніи молодыхъ дѣвицъ. «При томъ же,—говоритъ онъ,—эти пѣсни, внушенные безумными порывами молодости, были чрезвычайно хорошимъ подспорьемъ для другихъ пѣсень, въ кото-

рыхъ развивались идеи, болѣе серьезныя и важныя. Безъ этой легкой и фривольной веселости и серьезныя пѣсни не пошли бы такъ далеко, не спустились бы такъ близко къ народу, и даже не поднялись бы такъ высоко: пусть не оскорбится этимъ деликатность свѣтскихъ салоновъ.»

Но независимо отъ этого оправданія нужно сказать, что большая часть пѣсенъ, въ которыхъ женщина трактуется слишкомъ, повидимому, легкомысленно, представляютъ скорѣе очерки нравовъ, нежели личныя убѣжденія Беранже. У него есть пѣсни, проникнутыя высокимъ пафосомъ любви. Если у него представляется старушка говорящая своимъ внучкамъ:

Э, дѣтки, женскій нашъ удѣлъ:
Ужъ если бабушки шалили,
Такъ вамъ и Богъ велѣлъ...—

за то есть у него и другая старушка, которая является до конца жизни вѣрною памяти своего друга, любящею его пѣсни, гордою тѣмъ, что другъ ея никогда въ жизни не дѣлалъ ничего безчестнаго. Съ этой подругой раздѣлялъ онъ благороднѣйшія свои стремленія, свои возвышеннѣйшія чувства; она внимала не только изліяніямъ его любви къ ней, но и пѣснямъ, вызваннымъ любовью къ народу. Въ стихотвореніи «La bonne vieille» есть между прочимъ куплетъ, почему-то пропущенный въ переводѣ г. Курочкина и заключающій въ себѣ напоминаніе объ этихъ пѣсняхъ. Поэтъ говоритъ:

Vous que j'appris à pleurer sur la France,
Dites surtout aux fils des nouveaux peux,
Que j'ai chanté la gloire et l'espérance,
Pour consoler mon pays malheureux.

Правда, что въ большей части эротическихъ нѣсенъ Беранже рисуется вѣтрениая Лизетта, и при нѣвъ «vive la grisette!» идетъ ко многимъ изъ этихъ нѣсенъ. Но въ самой легкости, съ которою поэтъ уступаетъ другимъ сердце своей Лизетты, едва ли можно видѣть только вѣтрениость и неспособность къ сильной страсти. Тутъ есть характеристическая черта болѣе глубокая, проявляющаяся, кромѣ Беранже, еще въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ Гейне. Это уваженіе къ свободѣ выбора въ женщинѣ и вполнѣ гуманное признаніе того, какъ нелѣпы и безсовѣстны всякаго рода принудительныя мѣры въ отношеніи къ женскому сердцу. Беранже, какъ истинный поэтъ и порядочный человѣкъ, не могъ унизиться до того, чтобы позволить себѣ презирать и ненавидѣть женщину за то только, что она, переставши любить одного, отдалась другому. Онъ зналъ, что это въ порядкѣ вещей, и не могъ трактовать женскія чувства и увлеченія съ точки зрѣнія какого нибудь Малекъ-Аделя или пушкинскаго Алеко. Онъ понималъ, что, теряя любовь женщины, можно обвинять только самого себя за неумѣнье сохранить эту любовь; о женщинѣ же можно только сожалѣть, если новая любовь ея обращается на предметъ недостойный, и стараться извлечь ее изъ ложнаго положенія, въ которое она попадаетъ. Гнѣвъ, ненависть, насильственные мѣры, формальныя стѣсненія, бѣшеные порывы — обнаружатъ только или слабость характера, или узость понятій и недостатокъ гуманности. Точно такъ же негуманно и презрѣніе къ увлекшейся женщиной; и истинная поэзія, сколько мы можемъ припомнить себѣ, постоянно находила для нихъ не голосъ осужденія, а звуки примиренія и

любви. Въ этомъ отношеніи на насъ всегда производили сильное впечатлѣніе два стихотворенія Гейне, составляющія собственно одно цѣлое и выражающія это примиреніе съ особенной простотою. Мы кстати приведемъ ихъ здѣсь въ переводѣ, который находится у насъ подъ руками и который не былъ еще напечатанъ:

I.

На бѣлую грудь твою, другъ мой,
Припавши своей головой,
Въ біеніи сердца подслушалъ
Я тайну души молодой.

Къ намъ въ городъ вступаютъ гусары ..
Чу! слышенъ ихъ музыки звукъ...
И завтра меня ты покинешь,
Всѣмъ сердцемъ любимый мой другъ!

Пусть завтра меня ты покинешь...
Но нынче еще ты моя,
И нынче въ объятіяхъ милой
Вдвойнѣ хочу счастливъ быть я...

II.

Отъ насъ выступаютъ гусары.
Чу! слышенъ ихъ музыки звукъ...
И съ розовымъ пышнымъ букетомъ
Къ тебѣ прихожу я, мой другъ.

Здѣсь дикое было хозяйство:
Толпа и погромъ боевой...
И даже, мой другъ, въ твоёмъ сердцѣ
Большой былъ военный постой...

Во многихъ изъ пѣсенъ Беранже находимъ мы тотъ же основной мотивъ, какъ и въ этихъ стихахъ Гейне, только у французскаго поэта чувство его выражается съ большей легкостью и игривостью, даже, можемъ сказать, — съ нѣкоторымъ

легкомысліемъ и небрежностью, и уже безъ всякаго оттѣнка грусти, которая такъ неразлучна съ ироніею Гейне.

Указавши нѣсколько чертъ для характеристики поэзіи Беранже, обратимся теперь къ переводамъ г. Курочкина. Прежде всего обратимъ вниманіе на выборъ пьесъ. Всѣхъ ихъ теперь напечатано въ книжкѣ г. Курочкина 48, — количество, достаточное для того, чтобы дать довольно полное понятіе о поэтѣ какъ со стороны внѣшней формы, такъ и относительно содержанія.

Нельзя сказать, чтобы эти пьесы были самыми яркими и сильными изъ беранжеровскихъ пѣсень; но по большей части выборъ г. Курочкина довольно удаченъ. По крайней мѣрѣ половина изъ напечатанныхъ имъ переводовъ содержитъ въ себѣ пѣсни очень характеристичныя. Назовемъ, напр., «Тоска по родиѣ», «Бѣдняга-чудакъ», «Добрая фея», «Добрый знакомый», «Орангутанги», «Нѣтъ, ты не Лизетта», «Кукольная комедія», «Старый капралъ», «Веселость», «Гусаръ». Въ «Пѣсни труда» хоронъ refrain:

Слава святому труду!
Бѣдность и трудъ
Честно живутъ,
Съ дружбой, съ любовью въ ладу
Слава святому труду.

Припѣвъ этотъ сочиненъ г. Курочкинымъ; но намъ кажется, что въ своемъ родѣ онъ не хуже припѣва подлинника:

Les gueux, les gueux,
Sont les gens heureux;
Ils s'aiment entre eux.
Vivent les gueux!

Вообще о г. Курочкинѣ напрасно думаютъ, что онъ переводитъ чрезвычайно близко къ буквѣ подлинника. Онъ перѣдко уклоняется отъ словъ французской пѣсни и даетъ мысли Беранже свой самостоятельный оборотъ. Иногда эти обороты очень удаются переводчику; но надо признаться, что чаще они ослабляютъ силу беранжеровскаго стиха. Это особенно бываетъ тогда, когда г. Курочкинъ принимается, по непонятной для насъ робости, смягчать рѣзкія выраженія поэта. Представимъ нѣсколько примѣровъ.

Въ пѣсни странника г. Курочкинъ до того смягчилъ жалобы ожесточенности путника, что въ переводѣ едва остается намекъ на то, что выражается въ пѣснѣ Беранже. Съ самыхъ первыхъ словъ старика смыслъ подлинника измѣненъ. Тамъ говорится, что рокъ несправедливъ, но не вѣчно же онъ преслѣдуетъ бѣдами, —

Le sort est injuste, sans doute,
Mais il n'est pas toujours rigoureux.

А г. Курочкинъ перевелъ это стихами:

Пусть злые люди къ людямъ строги,
Отецъ небесный справедливъ.

Точно такія измѣненія сдѣланы въ переводѣ всей пьесы. Даже самые сильные стихи перевода:

И если въ небѣ торжествуетъ
Свѣтъ вѣчной правды — для чего?
Зачѣмъ? Когда не существуетъ
Ни злыхъ, ни добрыхъ для него? —

и эти стихи все еще слишкомъ слабы, слишкомъ смягчены въ сравненіи съ силою основной мысли

подлинника. Впрочемъ въ большей части подобныхъ случаевъ мы не обвиняемъ г. Курочкина: его переводъ назначался для русской публики и потому, кромѣ личнаго искусства переводчика, требовалъ еще соблюденія нѣкоторыхъ другихъ условій, не существовавшихъ для французскаго поэта.

Вообще переводы г. Курочкина кажутся для русскаго читателя хороши, сильны, свободны, если ихъ не сравнивать съ подлинникомъ. Но сравненіе, разумѣется, тотчасъ дастъ видѣть, какъ трудно еще современному русскому поэту возвыситься до той силы и свободы выраженія, какою обладаетъ Беранже. Вотъ, напримѣръ, куплетъ изъ пѣсни «Соловыи»:

Улетайте далеко, далеко
Отъ рабовъ, къ вашимъ пѣснямъ глухихъ,
Заковавшихся съ цѣлью жестокой —
Заковать въ тѣ же цѣпи другихъ.
Пусть поетъ гимны лести голодной
Хоръ корыстью измученныхъ слугъ...
Я, какъ вы, распѣваю свободно...
Соловыи, услаждайте мой слухъ...

Повидимому, стихи эти очень сильно и очень ясно выражаютъ идею; но сравните съ ними тотъ же куплетъ по-французски, и вы увидите, что въ послѣднихъ четырехъ стихахъ допущена неопредѣленность, которой нѣтъ въ подлинникѣ.

Вотъ этотъ куплетъ по-французски:

*Vous qui redoutez l'esclavage,
Ah, refusez vos tendres airs
A ces nobles qui, d'âge en âge,
Pour en donner portent des fers.
Tandis qu'ils veillent en silence,
Debout, auprès du lit d'un roi,*

C'est la liberté que j'encense:
Doux rossignols, chantez pour moi.

Подобное смягченіе находимъ въ нѣкоторыхъ стихахъ пьесы «Мое призваніе». Напримѣръ, стихи:

Le char de l'opulence
L'éclabousse en passant;
J'éprouve l'insolence
Du riche et du puissant;
De leur morgue tranchante
Rien ne nous garantit,

переведены у г. Курочкина слѣдующими стихами:

Мнѣ наглымъ блескомъ жжетъ
Глаза богачъ спесивый;
Гнететъ меня, гнететъ
Вельможа горделивый,
И злоба и порокъ
Кишатъ передо мною.

Въ первыхъ стихахъ является *наглый блескъ* вмѣсто *брызговъ грязи*; въ послѣднихъ поставлена безцвѣтная и даже тривіальная фраза вмѣсто сильного и рѣзкаго выраженія: «отъ ихъ наглої надменности ничто не ограждаетъ насъ».

Еще чувствительнѣе измѣненіе смысла въ переводѣ стиховъ:

La liberté m'enchanté,
Mais j'ai grand appétit,

стихами:

Въ оковахъ изнемогъ
Измученный, больной.

Здѣсь въ переводѣ нѣтъ даже тѣни подлинника, не сохранено даже ни малѣйшаго намека на мысль, заключающуюся во французскихъ стихахъ.

Нѣкоторые изъ переводовъ г. Курочкина представляютъ просто передѣлки Беранже, не всегда удачныя. Напримѣръ, въ стихотвореніи «Если бѣ я былъ птичкою!» есть у г. Курочкина слѣдующій куплетъ:

Чуя въ воздухѣ страданья
И потоки слезъ,
Я бы на берегъ изгнанья
Мира вѣсть принесъ.
Царь Саулъ бы въ звукахъ хора
Духъ унынья и раздора
И свой гнѣвъ забылъ.
Я леталъ бы скоро — скоро,
Если бѣ птичкою былъ.

Кто въ этомъ куплетѣ узнаетъ слѣдующіе стихи подлинника:

Puis, voulant rendre sensible
Un roi, qui fuirait l'ennui,
Sur un olivier paisible
J'irais chanter près de lui.
Puis j'irais jusqu'où s'abrite
Quelque famille proscrite,
Porter de l'arbre un rameau.
Je volerais vite, vite, vite,
Si j'étais petit oiseau.

Въ этой же пьесѣ есть у Беранже стихи:

Puis j'irais charmer l'ermite,
Qui, sans vendre l'eau benite,
Donne au pauvre son manteau.

У г. Курочкина эти стихи измѣнены, не совсемъ удачно, такимъ образомъ:

Гдѣ пустышникъ, въ чащѣ бора,
Не спуская съ неба взора,
Братьевъ не забылъ.

Въ нѣкоторыхъ пьесахъ г. Курочкинъ совершенно напрасно вставлялъ въ пьесы Беранже нѣкоторые руссизмы. Особенно неловко вышло это въ пьесѣ «Кукольная комедія». Начинается эта пѣсня тѣмъ, что

Шель нѣкогда корабль изъ Африки далекой;
На рынокъ негровъ везъ британецъ капитанъ.

Капитанъ этотъ вздумалъ забавлять негровъ маріонетками, и въ маріонеткахъ вдругъ является у г. Курочкина Петрушка, а потомъ:

Къ Петрушкѣ будочникъ откуда ни явится.

Въ подлинникѣ, конечно, вмѣсто Петрушки *polichinel*, а вмѣсто будочника *monsieur le commissaire*. Вся пьеса у Беранже выдержана превосходно; г. Курочкинъ испортилъ ее своею передѣлкою. Просто перевести ее было бы гораздо лучше; особенно надобно замѣтить это о заключительныхъ стихахъ, съ которыми, несмотря на всѣ старанія, г. Курочкинъ никакъ не могъ справиться.

Иногда не совсѣмъ выдерживается въ переводѣ характеръ подлинника. Напримѣръ, всѣми замѣченный у насъ переводъ пьесы «Le Sénateur» (у г. Курочкина «Добрый знакомый») испорченъ нѣсколькими неудачными отклоненіями и особенно концомъ. Въ подлинникѣ мужъ является до конца простодушнымъ, довѣрчивымъ человѣкомъ, и ни однимъ словомъ не выказываетъ, что у него въ душѣ были подозрѣнія. Въ переводѣ тонкія черты подлинника замѣнены болѣе крупными и отчасти грубоватыми, такъ что мужъ довольно ясно уже является низкимъ подлецомъ, завѣдомо продающимъ свою жену. Напр. въ подлинникѣ говорится:

«если меня послѣ обѣда задержать дома дурная погода, онъ обязательно предлагаетъ мнѣ воспользоваться его экипажемъ». У г. Курочкина же графъ безцеремонно выживаетъ изъ дому мужа:

А что за тонкость обращенія!
 Придетъ вечеромъ, сидитъ...
 „Что вы все дома, безъ движенія!
 „Вамъ нужно воздухъ“, — говоритъ.
 — Погода, графъ, весьма дурная...
 „Да мы карету вамъ дадимъ“.

Далѣе въ подлинникѣ разсказывается: «Разъ вечеромъ онъ увезъ насъ къ себѣ въ деревню. Тамъ онъ напоилъ меня шампанскимъ, такъ что ужъ Розѣ пришлось спать одной... Но мнѣ отвели, божусь, лучшую постель во всемъ домѣ». Исторію эту у г. Курочкина мужъ разсказываетъ съ краткостью, нѣсколько подозрительною.

Жена уснула въ спальнѣ дамской,
 Я въ лучшей комнатѣ мужской...

Такое же впечатлѣніе производятъ въ слѣдующемъ куплетѣ стихи перевода:

Крестить назвался непременно,
 Когда Господь мнѣ сына далъ.

Въ подлинникѣ не онъ назвался, а самъ отецъ его позвалъ въ крестные отцы.

Но всего хуже конецъ. Въ подлинникѣ онъ имѣетъ такой видъ: «я съ нимъ за панибрата и шучу съ нимъ очень смѣло. Разъ я до того расшутился, что сказалъ ему за десертомъ: а вѣдь знаете что, — я увѣренъ, что многіе думаютъ, будто вы мнѣ рога приставляете». Шутка эта

окончательно рисуется передъ нами этого добродушнаго и слѣпого мужа. Что же сдѣлать изъ нея г. Курочкинъ? Вотъ какъ перевелъ онъ послѣдующій куплетъ:

А какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ!
Вѣдь я за рюмкою вина
Хватилъ однажды: „ходятъ слухи,
Что будто, графъ... моя жена...
Графъ, говорю, пріобрѣтая...
Трудясь... я долженъ быть слѣпымъ...“
Да облѣпить и честь такая!
Вѣдь я червякъ въ сравненіи съ нимъ.

Очевидно, что здѣсь мужъ является уже не тѣмъ, чѣмъ онъ представляется у Беранже, и измѣненіе, по нашему мнѣнію, сдѣлано не въ пользу перевода. Русскіе читатели могутъ убѣдиться въ этомъ даже сравненіемъ перевода г. Курочкина съ переводомъ г. Д. Ленскаго.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что такія уклоненія отъ существеннаго смысла подлинника г. Курочкинъ позволяетъ себѣ довольно рѣдко. Большею частью переводы его вѣрно воспроизводятъ то общее впечатлѣніе, какое остается въ читателѣ пьесою Беранже. Есть у г. Курочкина нѣсколько пьесъ, переведенныхъ необыкновенно удачно; даже рефрены очень хорошо удаются ему. Довольно указать на извѣстную всѣмъ пьесу: «Какъ яблочко румянъ», чтобы дать понятіе о той ловкости и легкости стиха, какою владѣетъ г. Курочкинъ. Какъ переводчикъ Беранже, г. Курочкинъ пріобрѣлъ уже извѣстность въ публикѣ, и извѣстность эта вполне заслужена. Если онъ и не возвышается иногда до силы и граціи беранжероваго стиха, то это отчасти неизбѣжно во всякомъ переводѣ, а отчасти даже

могло и не зависѣть прямо отъ таланта переводчика, а быть слѣдствіемъ другихъ условій, въ которыхъ онъ вовсе не виноватъ. Во всякомъ случаѣ, не говоря уже о томъ, что г. Курочкинъ лучший у насъ переводчикъ Беранже, надобно сказать, что переводы его принадлежатъ къ числу лучшихъ поэтическихъ переводовъ, существующихъ въ русской литературѣ.

„Современникъ“ 1859 г.

Литературныя мелочи прошлаго года.

I.

Притворной нѣжности не требуй отъ меня.

Баратынскій.

«Опять за мелочи!.. И вѣрно опять съ какой-нибудь пакостной цѣлью!» — восклицаетъ солидный читатель, увидавъ заглавіе нашей статьи, — и съ сердцемъ перекинетъ нѣсколько страницъ, чтобы добраться до чего-нибудь болѣе грандіознаго...

Остановитесь, читатель: ваши поиски будутъ напрасны. «Современникъ» давно уже не имѣетъ никакой грандіозности, къ великому прискорбію многихъ суровыхъ аристарховъ литературы. Нѣсколько разъ уже, съ нѣкоторой печальною торжественностью, но не безъ тайнаго злорадства, объявляли они, что «Современникъ» ниспалъ съ пьедестала, на которомъ будто бы стоялъ прежде, что онъ потерялъ благородное благоговѣніе къ наукѣ, зоветъ прекрасное мечтою, презираетъ вдохновеніе, не вѣритъ любви, свободѣ, на жизнь насмѣшливо глядитъ, словомъ — не имѣетъ никакихъ убѣжденій и способенъ только къ глумленію. Тѣми или другими словами, съ большимъ или

меньшимъ прикрытіемъ и приличіемъ, все это много разъ было напечатано, по поводу разныхъ статей «Современника», преимущественно критическихъ. Мы считали излишнимъ и неудобнымъ оправдываться отъ всѣхъ частныхъ обвиненій противъ насъ, потому что они обыкновенно имѣли слѣдующій видъ: нѣкій господинъ пишетъ посредственную книжку, статейку или стишки о ничтожномъ предметѣ; мы говоримъ, что книжка или статейка посредственна, а предметъ ничтоженъ; авторъ статейки, или его друзья, или поклонники и единомышленники — возстаютъ на насъ, провозглашая, что статейка превосходна, а предметъ — грандіозенъ, «Современникъ» же оттого сдѣлалъ неблагопріятный или холодный отзывъ, —

Что онъ не вѣдаетъ святыни,
 Что онъ не помнитъ благостыни,
 Что онъ не любитъ ничего,
 Что кровь готовъ онъ лить, какъ воду,
 Что презираетъ онъ свободу,
 Что нѣтъ отчизны для него...

Опровергать подобныя нападенія значило бы опять повторить господину, сочинившему посредственную статейку о ничтожномъ предметѣ, — что статейка его посредственна, а предметъ ничтоженъ, и что тѣмъ болѣе онъ заслуживаетъ порицанія и насмѣшекъ, чѣмъ выше возноситъ чело свое, озаренное мелкими думами о ничтожномъ предметѣ. Но кто полагаетъ, что повторенія вещей столь назидательныхъ могутъ быть веселы и легки, тотъ жестоко ошибается: ничего скучнѣе ихъ не можетъ быть для человѣка, у котораго есть хоть двѣ мысли въ головѣ, и потому люди, поставленные обстоятельствами въ необходимость

продолблывать безпрестанно такія повторенія, достойны искренняго сожалѣнія всякаго благомыслящаго чловѣка. И тѣмъ болѣе слѣдуетъ пожалѣть ихъ, что всѣ ихъ тягостные труды обыкновенно оказываются напрасными. Вѣдь ни одного господина нельзя увѣрить, что надъ нимъ смѣются не потому, чтобъ ужъ въ самомъ дѣлѣ «ничего во всей природѣ благословить не хотѣли», а просто потому, что *его-то* благословлять не за что, *онъ-то* смѣшонъ съ своими заносчивыми возгласами о разныхъ ничтожностяхъ. Нѣтъ, каждый изъ подобныхъ господъ готовъ жизнью пожертвовать за сохраненіе величія того, что ему кажется великимъ, и ничѣмъ не убѣдится въ своей мелочности. Всѣ они подобны мышамъ на кораблѣ, открывшимъ страшную течь и пророчившимъ гибель всему кораблю. «Помилуйте, страшная течь, — вода мнѣ до самаго рыла дошла», увѣряетъ всѣхъ подругъ своихъ крыса, пользуясь авторитетомъ, и партія мышей рѣшается заблаговременно спастись вплавь и бросается въ море, чтобы показать свой героизмъ и дальновидную предусмотрительность... Туда имъ и дорога, конечно.

Исторія дальновидныхъ мышей нѣсколько разъ повторялась въ русской литературѣ, только въ обратную сторону. Наши писатели никогда не доходили до того, чтобы броситься въ море, проповѣдуя гибель кораблю (на то они люди, а не мыши); совершенно напротивъ: во время опаснаго плаванія въ открытомъ морѣ, они, увидавъ на волнахъ щепочку, брошенную съ ихъ корабля, не разъ поднимали радостный вопль, что берегъ близко... Кто раньше подымалъ этотъ крикъ, тотъ и привлекаетъ въ себѣ общее, благодарное внима-

ніе; кто прибавлялъ тутъ же полезныя совѣты, какъ избавиться прибрежныхъ мелей и подводныхъ камней, на того смотрѣли съ благоговѣніемъ; а кто наставлялъ пловцовъ, какъ имъ воспользоваться всѣмъ, что найдутъ на предполагаемомъ берегу, тотъ мгновенно пріобрѣталъ себѣ титулъ гения и великаго человѣка.

На нашу долю ни разу, кажется, не выпало подобнаго удовольствія и чести, и вслѣдствіе того мы подверглись многимъ нареканіямъ... Въ самомъ дѣлѣ, для многихъ долженъ былъ показаться страннымъ холодный и насмѣшливый тонъ, обращенный на тѣ предметы, которые въ большинствѣ возбуждаютъ неистовый восторгъ и благоговѣйное поклоненіе. Уже нѣсколько лѣтъ всѣ наши журналы и газеты трубятъ, что мгновенно, какъ бы по магію волшебства, Россія вскочила со сна и во всю мочь побѣждала по дорогѣ прогресса, такъ, что ее теперь даже съ собаками не догонитъ... Нѣсколько лѣтъ уже каждая статейка, претендующая на современное значеніе, непременно начинается у насъ словами: *«въ настоящее время, когда поднято столько общественныхъ вопросовъ»*, и т. д., слѣдуетъ изложеніе вопросовъ. Нѣсколько лѣтъ уже русская литература льстила обществу, увѣряя, что въ немъ теперь пробудилось самосознаніе, раскаяніе въ своихъ порокахъ, стремленіе къ совершенствованію; а русское общество похваливало литературу за то, что она такъ старается вызолотить горькія пилюли, которыя наконецъ заставила его принимать прошедшая его жизнь. Лесть и самообольщеніе — таковы были главныя качества современности въ литературныхъ явленіяхъ послѣдняго времени. Странно сказать

это о литературѣ въ то время, когда она изъ кожи лѣзла, по собственному признанію, преслѣдуя и обличая, карая и вырывая съ корнемъ всякое зло и непотребство на землѣ русской. Но всмотритесь пристальнѣе въ характеръ этихъ обличеній, — вы безъ особеннаго труда замѣтите въ нихъ нѣжность неслыханную, доходящую до приторности, равняющуюся развѣ только нѣжности, обнаруженной во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ достойныхъ друзей, одинъ изъ которыхъ у Гоголя мечтаетъ о томъ, какъ «высшее начальство, узнавъ объ ихъ дружбѣ, пожаловало ихъ генералами». «Конечно, это плохо, это гадко, безумно, отвратительно», — говорятъ всѣ обличители, не скупясь на сильные эпитеты, — и вы думаете: вотъ молодцы-то, вотъ энергическіе-то дѣятели!.. Погодите немножко: это въ нихъ говоритъ Собакевичъ; но Маниловъ не замедлитъ вступить въ свои права, и у нихъ тотчасъ явится и мостикъ черезъ рѣчку, и огромный-нѣй домъ съ такимъ высокимъ бельведеромъ, что оттуда можно видѣть даже Москву.

— Конечно, чиновники берутъ взятки, но вѣдь это единственно отъ недостаточности жалованья; прибавьте жалованья, и взятокъ не будетъ въ Россіи... Невозможно же допустить предположеніе, чтобы взятки брали и тѣ чиновники, которые по своему чину и мѣсту служенія получаютъ хорошіе оклады. Нѣтъ, какъ можно: вся язва взяточничества ограничивается чиновниками низшихъ судебныхъ инстанцій, получающими ничтожное жалованье.

— Просвѣщеніе плохо подвигается, — правда. Но вѣдь вся бѣда въ томъ только, что въ гимназіяхъ учителя и учебники плохи. Но если бы гимназіи приготовляли достойныхъ слушателей для

нашихъ великихъ профессоровъ, да если бы профессора и академики удостоили заняться составленіемъ учебниковъ, — о! тогда у насъ мгновенно водворилось бы лучезарное просвѣщеніе. «Общества нѣтъ въ деревнѣ; надобно въ городъ ѣздить, чтобы увидаться съ образованными людьми, — какъ говоритъ Маниловъ. — Но, конечно, если бы сосѣдство близкое, если бы такой человѣкъ, съ которымъ бы въ нѣкоторомъ родѣ можно было поговорить о любезности, о хорошемъ обращеніи, слѣдить какую-нибудь этакую науку»... словомъ, если бы такой образцовый человѣкъ, какъ вы, Павелъ Ивановичъ... о! тогда наша деревня и уединеніе имѣли бы много пріятностей...

— Ремесленный классъ у насъ въ дурномъ положеніи, — жаль. Но это зависитъ впрочемъ отъ личности хозяевъ, и больше ни отъ чего; надо только запретить хозяевамъ бить и морить голодомъ мальчишекъ, — и ремесленники наши будутъ блаженствовать.

— Промышленность у насъ развивается слабо, торговля не въ блестящемъ положеніи... Ахъ, это очень просто: конкуренція слаба, оттого что тарифъ высокъ. Пониженный тарифъ это универсальная и радикальная мѣра для развитія нашей промышленности и торговли.

— Мужики живутъ плохо. Что дѣлать? Мужики, во-первыхъ, грубы и необразованны; а вслѣдствіе того, — во-вторыхъ, они мало имѣютъ потребностей и неспособны къ высшимъ, деликатнымъ наслажденіямъ. Они привыкли къ своей судьбѣ и ею довольны; значить, объ этомъ и толковать нечего. Слѣдуетъ только позаботиться объ уничтоженіи злоупотребленій ихъ положенія.

— Пропивається сильно рускій чловѣкъ... Это грустное явленіе... Но вѣдь тутъ вся бѣда оттого происходитъ, что система винныхъ сборовъ несовершенно устроена. Стоитъ завести акцизъ вмѣсто прежняго откупа (и даже съ небольшою надбавкою), и все пойдеть отлично.

Въ такомъ видѣ представляются намъ почти всѣ русскіе обличители. Кричатъ, кричатъ противъ какихъ-то злоупотребленій, какихъ-то дурныхъ порядковъ... подумаешь, у нихъ на умѣ и Богъ знаетъ какія обширныя соображенія. И вдругъ, смотришь, у нихъ самыя кроткія и милыя требованія; мало этого, — оказывается, что они и кричатъ-то вовсе не изъ-за того, что составляетъ дѣйствительный существенный недостатокъ, а изъ-за какихъ-нибудь частныхъ и мелочей. Они смахиваютъ немножко на одного изъ нашихъ знакомыхъ, о которомъ можетъ дать понятіе слѣдующій случай. Прочитавши нѣсколько критическихъ статей объ «Исторіи русской цивилизаціи» г. Жеребцова, онъ проникся къ г. Жеребцову живѣйшимъ негодованіемъ и принялся ругать его на чемъ свѣтъ стоитъ... Читателямъ извѣстно, что мы не высокаго мѣтнія о книгѣ г. Жеребцова; но намъ показался неумѣреннымъ и ужъ слишкомъ театрално-патетическимъ тотъ азартъ, съ какимъ нашъ знакомый позорилъ историка русской цивилизаціи. Мы сдѣлали какое-то замѣчаніе, направленное къ тому, чтобъ удержать нѣсколько его порывы. Но онъ возразилъ намъ, — какъ бы вы думали? — слѣдующимъ образомъ. «Нѣтъ, ужъ вы г. Жеребцова не защищайте (а мы и не думали защищать). Нѣтъ, такъ писать нельзя... Это не годится... Нѣтъ, какъ же это можно? Помилуй-

те, что же это будетъ? Онъ говоритъ, что Батый проходилъ черезъ Калугу, тогда какъ Калуга дѣлается извѣстною въ нашей исторіи только съ 1389 г. На что же это похоже? Ну, скажи бы онъ, что Батый проходилъ черезъ Калужскую губернію, черезъ тѣ мѣста, гдѣ нынѣ Калуга, это было бы другое дѣло. А то вдругъ Калугу выдумалъ за полтораста лѣтъ до ея существованія. Это совершенно напоминаетъ того городничаго, который велѣлъ пожарной командѣ быть всегда на мѣстѣ пожара за полчаса до появленія пламени... Ха-ха... Но безъ всякихъ шутокъ, — видно, что г. Жеребцовъ писалъ, не справляясь съ Карамзиннымъ, потому что въ «Исторіи» Карамзина есть свѣдѣнія о Калугѣ. Это и повредило всему дѣлу. А загляни г. Жеребцовъ въ Карамзина, онъ, разумѣется, при своей любви къ родинѣ, при своихъ обширныхъ знаніяхъ и при своемъ свѣтломъ взглядѣ, могъ бы написать отличную вещь».

Почти все наши обличители заканчиваютъ свои суровыя рѣчи подобнымъ образомъ. Но это еще зло не такъ большой руки въ сравненіи съ тѣмъ, что говорится многими, и самими обличителями въ томъ числѣ, во славу нашего времени, нашего общества, нашихъ успѣховъ на всевозможныхъ поприщахъ. Тутъ ужъ идетъ совершеннѣйшая маниловщина.

Кто-нибудь напишетъ въ повѣсти: «меня обокрали неизвѣстные люди», — сейчасъ поднимаются крики о томъ, что у насъ процвѣтаетъ гласность.

Сдѣлаютъ учене открытіе, что отъ увеличенія залога на соль она не подешевѣетъ: начинаютъ съ благоговѣніемъ повторять, что наука идетъ у насъ впередъ исполинскими шагами.

Сказаль кто-то новую мысль, что жидъ — человекъ, а не скотина, и ничто человеческое ему не чуждо: тотчасъ въ трубы трубить начали, что у насъ гуманность на высшей степени развитія (исключая только нѣкоторыя презрѣнныя личности).

Напишетъ кто-нибудь, что дурно дѣлали наши мелкіе чиновники, когда взятки брали: мгновенно поднимается оглушительный вопль, что у насъ общественное сознаніе пробудилось.

Явится статейка, доказывающая, что не слѣдуетъ заставлять людей совершенно даромъ на насъ работать, а нужно только стараться нанять ихъ какъ можно дешевле: всѣ въ восхищеніи и кричатъ, что общечеловѣческія начала у насъ превосходно выработались.

И не довольствуясь тѣмъ, что мы теперь такъ хороши, наши Маниловы начинаютъ торжественно разсуждать о томъ, какъ хороши мы были и прежде (т. е. не въ недавнее время, а въ древности, въ *прежнее прежде*), и о томъ, какая великая будущность насъ всегда ожидала и ожидаетъ. Одни дѣлаютъ это простодушно, въ полномъ сознаніи, что великой будущности именно и кста-ти потолковать по тому случаю, что мы понимаемъ теперь вредъ взяточничества, крѣпостного права и т. п. Другіе же поддакиваютъ этому, вовсе не по простодушію, а по тому же самому чувству, по которому Чичиковъ поддакивалъ Манилову. Немудрено, что въ нашей литературѣ безпрестанно повторяется знаменитая сцена, въ которой Маниловъ представлялъ Чичикову дѣтей своихъ. «Какой, душенька, у насъ самый лучший городъ?» — Петербургъ. — «А другой?» — Москва. — Литературныя Маниловы и Чичиковы приходятъ въ вос-

хищеніе. «У этого ребенка будутъ замѣчательныя способности», — провозглашаетъ Чичиковъ. — «О, вы еще не знаете его, — восклицаетъ Маниловъ: — у него чрезвычайно много остроумія: чуть замѣтитъ какую-нибудь букашку, козявку, сейчасъ побѣжитъ за ней слѣдомъ и тотчасъ обратитъ вниманіе»... Я его прочу по дипломатической части, — заключаетъ литературный Маниловъ, любуясь великими способностями русскаго человека и не замѣчая, что съ нимъ еще надо безпрестанно дѣлать то же, что произвелъ лакей съ Емистоклосомъ Маниловымъ въ то самое мгновеніе, какъ отецъ спрашивалъ мальчика, — хочетъ ли онъ быть посланникомъ?

Смотрѣть на подобныхъ господъ серьезно — значитъ оскорблять собственный здравый смыслъ. Но тѣмъ не менѣе они могутъ еще ввести въ заблужденіе неопытныхъ юношей, если не восторженностью своихъ похвалъ, то рѣшительностью и рѣзкостью своихъ порицаній, хотя въ сущности очень неопредѣленныхъ и ни на что прямо не направленныхъ. Поэтому-то и нельзя ихъ оставлять уже вовсе безъ вниманія; нельзя отъ нихъ отходить молча смѣривши ихъ только обидно-презрительнымъ взглядомъ. Приходится по-необходимости толковать съ ними, и иногда довольно пространно, при чемъ, разумѣется, самому становится и досадно, и смѣшно, и даже по большей части — болѣе смѣшно, нежели досадно. Такое расположеніе духа само собою отражается, конечно, и въ томъ тонѣ, какимъ говоримъ мы о многихъ предметахъ, возбуждающихъ въ другихъ людяхъ самыя возвышенныя чувствованія...

«Но что же это за странный разладъ въ лю-

дяхъ, которые повидимому сходятся между собою, какъ нельзя болѣе, въ общихъ стремленіяхъ? Вы хотите правды и права, и въ этомъ не расходится съ вами никто изъ людей, имѣющихъ честное имя въ литературѣ. Вы отвращаетесь зла и тьмы, и въ этомъ отвращеніи никто изъ благонамѣренныхъ литераторовъ, конечно, вамъ не уступитъ. Зачѣмъ же смѣяться надъ тѣмъ, въ чьей благонамѣренности и въ чьемъ благородствѣ вы не сомнѣваетесь? Зачѣмъ выставять въ смѣшномъ видѣ то, что можетъ хотя сколько-нибудь способствовать достиженію тѣхъ же цѣлей, къ которымъ вы сами стремитесь? Не значить ли это вредить великому дѣлу народнаго образованія и развитія, которому служить литература? Не будетъ ли униженіемъ для всей литературы, если вы станете называть вздоромъ и мелочью то, чѣмъ дорожатъ и восхищаются многіе изъ почтенныхъ и умныхъ ея дѣятелей?».

На всѣ эти вопросы мы должны дать отвѣтъ, по возможности серьезный и опредѣленный. Соблюсти нѣкоторую серьезность побуждаетъ насъ не самый предметъ (которому очень мало нужды до того, какимъ тономъ говорятъ о немъ), а благодарное уваженіе къ прошедшимъ заслугамъ именно тѣхъ лицъ, которыя нынѣ, такимъ комическимъ образомъ, умѣютъ тратить столько благороднаго жара на всякія мелочи. Если вы идете по грязному переулку, не смотря себѣ подъ ноги, и вдругъ пріятель предупреждаетъ васъ: «берегитесь, здѣсь лужа»; если вы спасаетесь его предостереженіемъ отъ непріятнаго погруженія въ грязь и потомъ цѣлую недѣлю, — куда ни придете, — слышите восторженные рассказы вашего пріятеля о томъ, какъ онъ спасъ васъ отъ потопленія: то, конечно,

вамъ забавень паѳосъ пріятеля и умиленіе его слушателей; но все же чувство благодарности удерживаетъ васъ отъ саркастическихъ выходокъ противъ восторженнаго спасителя вашего, и вы ограничиваетесь легкимъ смѣхомъ, котораго не можете удержать, а потомъ стараетесь (если есть возможность) серьезно уговорить пріятеля — не компрометировать себя излишнею восторженностью . . . Такъ и мы поступимъ въ настоящемъ случаѣ.

Мы никогда не осмѣлились бы поставить свои личныя убѣжденія выше миѣній почтенныхъ особъ, пользующихся издавна авторитетомъ, если бы мы считали свои убѣжденія только собственной, личной нашей принадлежностью. Не говоря о скромности и недовѣрчивости къ себѣ (служащихъ, какъ извѣстно, украшеніемъ юности и не мѣшающихъ ни въ какомъ возрастѣ), — въ насъ достало бы столько благоразумія, чтобъ не проповѣдывать въ пустынь собственныя фантазіи, и столько добросовѣстности, чтобы не ломаться предъ публикою въ надеждѣ привлечь ея вниманіе своей эксцентричностью. Нѣтъ, мы говорили и говоримъ, не обращая вниманія на старые авторитеты, — потому единственно, что считаемъ свои миѣнія отголоскомъ того живого слова, которое ясно и твердо произносится молодою жизнью нашего общества. Можетъ быть, мы ошибаемся, считая себя способными къ правильному истолкованію живыхъ, свѣжихъ стремленій русской жизни; время рѣшить это. Но во всякомъ случаѣ — мы не ошибемся, ежели скажемъ, что стремленія молодыхъ и живыхъ людей русскаго общества гораздо выше того, чѣмъ обольщалась въ послѣднее время наша литература. Мы рѣшаемся изложить нашу мысль нѣсколько подроб-

нѣе и опредѣленнѣе (сколько это возможно, разумѣется, безъ нарушенія должнаго почтенія къ литературнымъ и другимъ авторитетамъ).

Нѣсколько разъ уже приходилось намъ говорить объ отношеніи литературы къ дѣйствительности. Мы постоянно выражали убѣжденіе, что литература служить отраженіемъ жизни, а не жизнь слагается по литературнымъ программамъ. Никогда и нигдѣ литературные дѣятели не сходили съ эфирныхъ пространствъ и не приносили съ собою новыхъ началъ, независимыхъ отъ дѣйствительной жизни; все, что произвелъ когда-либо человѣческій умъ, все это дано опытомъ жизни. Литература постоянно отражаетъ тѣ идеи, которыя бродятъ въ обществѣ, и болышій или меньшій успѣхъ писателя можетъ служить мѣркою того, на сколько онъ умѣлъ въ себѣ выразить общественные интересы и стремленія. Разсуждая такимъ образомъ, мы должны были бы безусловно преклониться предъ недавними успѣхами нашей литературы и признать, что она представляетъ самое вѣрное и совершенное отраженіе всѣхъ интересовъ русской жизни. Послѣ такого признанія не могло бы уже быть и рѣчи о мелочности литературы. Но, серьезно оцѣнивши этотъ успѣхъ, мы пришли къ заключенію, что онъ былъ весьма незначителенъ и представлялъ чрезвычайно обманчивое зрѣлище. Чтобы оцѣнить значеніе того, что называютъ успѣхомъ въ литературѣ, надо непременно разсмотрѣть, между кѣмъ пріобрѣтенъ этотъ успѣхъ и какъ долго онъ продолжался или могъ продолжаться. Въ этомъ отношеніи большая часть данныхъ будетъ не въ пользу литературныхъ успѣховъ послѣдняго времени. Собственно говоря, всякій писатель

имѣеть гдѣ-нибудь успѣхъ: есть сочинители лакейскихъ поздравленій съ новымъ годомъ, пользующіеся успѣхомъ въ переднихъ; есть творцы пышныхъ одъ на иллюминаціи и другіе случаи, — творцы, любезно принимаемые иногда и важными барами; есть авторы, производящіе разныя «*pièces de circonstances*» для домашнихъ спектаклей и обожаемые даже въ свѣтскихъ салонахъ; есть писатели, возбуждающіе интересъ въ мірѣ чиновничьемъ; есть другіе, служащіе любимцами офицеровъ; есть третьи, о которыхъ мечтаютъ провинціальныя барышни... Чѣмъ же эти кружки увлекаются въ своихъ любимцахъ? Конечно, не талантомъ, не истинною поэзіи, которая для всѣхъ одинакова, а тѣмъ, что въ писателѣ соотвѣтствуетъ ихъ собственнымъ понятіямъ, стремленіямъ и воззрѣніямъ на жизнь. Лучшіе писатели оттого имъ и непонятны или не нравятся, что стоятъ выше ихъ пониманія. Оттого-то самый шумный и блестящій успѣхъ и выпадаетъ всегда на долю — не самаго талантливаго, а самаго близкаго къ сегодняшнимъ, насущнымъ интересамъ толпы. Но съ паденіемъ или удовлетвореніемъ этихъ интересовъ исчезаетъ и успѣхъ писателя, пользовавшагося ими для своихъ произведеній. Прочный же успѣхъ остается только за тѣми явленіями, которыя захватываютъ вопросы далекаго будущаго или въ которыхъ есть высшій, общечеловѣческій интересъ, независимый отъ частныхъ, гражданскихъ и политическихъ соображеній. Только писатель, умѣющій достойнымъ образомъ выразить въ своихъ произведеніяхъ чистоту и силу этихъ высшихъ идей и ощущеній, умѣющій сдѣлаться понятнымъ всякому человѣку, несмотря на различіе временъ и народностей,

остается надолго памятнымъ міру, потому что постоянно пробуждаетъ въ человѣкѣ сочувствіе къ тому, чему онъ не можетъ не сочувствовать, не переставая быть человѣкомъ. Большая или меньшая доля такого успѣха выпадаетъ непременно на долю всякаго талантливаго произведенія; но то, что въ немъ остается, принадлежитъ таланту, о сущности и значеніи котораго мы здѣсь не станемъ распространяться. Мы должны говорить здѣсь о значеніи идей, развиваемыхъ писателемъ и пріобрѣтающихъ ему временное сочувствіе общества. Въ исторіи же развитія идей мы постоянно видимъ повтореніе одной и той же, слѣдующей исторіи. Жизнь въ своемъ непрерывномъ развитіи набирала множество фактовъ; ставила множество вопросовъ; люди присматривались къ нимъ съ разныхъ сторонъ, выясняли кое что, но все-таки не могли справиться со всею громадою накопившагося матеріала; наконецъ являлся человѣкъ, который умѣлъ при-смотреться къ дѣлу со всѣхъ сторонъ, придавалъ предметамъ разбросаннымъ и отчасти исковерканнымъ прежними изслѣдователями ихъ естественный видъ и предъ всѣми разъяснял то, что доселѣ казалось темнымъ. Люди болѣе умные тотчасъ же обыкновенно схватывали эти объясненія гениальнаго человѣка и отъ нихъ уже начинали свои дальнѣйшія изслѣдованія. Люди болѣе глупые, напротивъ, долго еще оставались при прежнихъ одностороннихъ и нескладныхъ воззрѣніяхъ и принимали новыя только тогда, когда уже большинство явно къ нимъ склонялось или какія-нибудь внѣшнія обстоятельства слишкомъ уже настоятельно вынуждали уступку новымъ началамъ. Мало-по-малу однако старое воззрѣніе исчезало

совсѣмъ и замѣнялось новымъ. Но пока продолжался процессъ водворенія новыхъ началъ въ цѣлой массѣ людей, жизнь шла своимъ чередомъ и возбуждала опять другіе вопросы, давала опять новый матеріалъ для разработки. Прежніе умные люди большею частью уже не существовали въ то время, какъ эти новыя потребности приходили въ силу; да и тѣ, которые остались, всѣ заняты были хлопотами объ окончательномъ водвореніи своихъ началъ, изъ-за которыхъ они съ молодыхъ лѣтъ трудились и боролись; о новыхъ вопросахъ они мало заботились, да и не имѣли довольно силъ для того, чтобы разрѣшить ихъ. Поэтому прежніе умные люди, въ виду новыхъ требованій новаго времени, оставались большею частью безучастными зрителями и всѣ усилія употребляли къ поддержанію старыхъ началъ, смотрѣли на новые вопросы даже нѣсколько презрительно. Глупые же люди, послѣ всѣхъ принявшіе тѣ начала, которыя теперь стали уже старыми, даже вовсе и не понимали, чтобъ могли существовать еще какія-то другія требованія, кромѣ тѣхъ, какія разрѣшались для нихъ въ ученіи, недавно ими принятомъ. Вслѣдствіе того они принимались даже преслѣдовать новое движеніе, дѣлаясь, какъ всѣ новички, фанатиками тѣхъ воззрѣній, противъ которыхъ сами такъ недавно враждовали. Но, разумѣется, событія брали свое: новые факты образовали новыя общественныя отношенія и приводили людей къ новому пересмотру прежнихъ системъ, прежнихъ фактовъ и отношеній. Все молодое, безъ труда, съ малолѣтства усвоившее систему господствующихъ воззрѣній, чувствовало, разумѣется, желаніе и свѣжія силы для дальнѣйшей работы; вновь накопленные

факты давали обильный матеріалъ, и молодое поколѣніе принималось работать надъ новыми данными, еще робко, оцупью, но уже съ предчувствіемъ новаго свѣта, который прольется на ихъ начинанія при появленіи новаго геніальнаго ума.

Такова общая исторія вопросовъ науки и искусства при переходѣ ихъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Степень развитія умныхъ людей въ началѣ каждаго періода даетъ мѣрку будущаго развитія массъ въ концѣ того же періода. Люди, идущіе въ уровень съ жизнью и умѣющіе наблюдать и понимать ея движеніе, всегда забѣгаютъ нѣсколько впередъ, а за ними слѣдуетъ и толпа, которая понимаетъ жизнь уже по чужимъ объясненіямъ и такимъ образомъ все протверживаетъ зады. Этимъ-то процессомъ развитія массъ и объясняется жизненность и долговѣчность всего талантливаго: сначала только умные люди поймутъ и скажутъ, что это хорошо, толпа же повѣритъ имъ на-слово; а потомъ и толпа, по мѣрѣ своего развитія, все сознательнѣе и яснѣе станетъ убѣждаться, что это дѣйствительно хорошо . . . до тѣхъ поръ, пока не наступитъ новый періодъ цивилизаціи. Этимъ же объясняется и то обстоятельство, о которомъ мы упомянули выше: что всякій авторъ, какъ бы онъ ни былъ пошлъ, все-таки имѣетъ успѣхъ въ какомъ-нибудь кружкѣ и даже приноситъ своего рода пользу. «Нѣтъ на свѣтѣ такого дурака, который бы не возбуждалъ къ себѣ удивленія въ какомъ-нибудь другомъ, еще большемъ дуракѣ», — говорится въ одной изъ сатиръ Буало, и ни къ чему эти слова не могутъ быть такъ справедливо примѣнены, какъ къ литературѣ. Дѣйствительно, — самый глупый изъ пишущихъ людей можетъ навѣрное разсчитывать, что найдутъ-

ся люди, которымъ и онъ можетъ сообщить и объяснить кое что: онъ отсталъ, но за нимъ все-таки еще остается кто-нибудь, еще болѣе отсталый... Доказательства мы видимъ каждый день. Стоитъ только вспомнить, что до сихъ поръ нѣсколько тысячъ челоуѣкъ въ Россіи постоянно читають фельетоны «Сѣверной Пчелы», или что «Весельчакъ», просуществовавшій цѣлый годъ, объявляетъ подписку и на слѣдующій... Стало быть, есть же и въ нихъ вещи, для кого-нибудь поучительныя и интересныя... Да и гдѣ же ихъ нѣтъ!.. Въ одномъ лакейскомъ поздравленіи мы когда-то читали стихи:

Дай Богъ вамъ счастья и здоровья,
Любви и тишины въ семьѣ...

Для сколькихъ изъ господъ, принимающихъ эти поздравленія вмѣстѣ съ афишами, — мысль «о любви и тишинѣ въ семьѣ» должна была показаться новою и оригинальною!..

Читатель можетъ спросить насъ, зачѣмъ мы ввели это пространное, утомительное и крайне не новое разсужденіе — въ статью, которая должна трактовать о литературныхъ мелочахъ прошлаго года. Затѣмъ, — отвѣтимъ мы читателю, — что намъ нужно было нѣсколько общихъ положеній для вывода, представляемаго нами нѣсколько строкъ ниже. Мы указали на то, что новыя воззрѣнія, выработанныя изъ фактовъ, накопившихся въ теченіе извѣстнаго періода, сначала бываютъ достояніемъ немногихъ и только мало-по-малу переходятъ въ массы; когда этотъ переходъ идей совершился, тогда уже настало, значитъ, начало новаго періода: новыя потребности образовались, новые вопросы выработались и привлекають къ себѣ вниманіе людей,

идущихъ впередъ; прежнія идеи и стремленія подбираются уже только людьми отсталыми и остановившимися. — Припомнимъ это, мы представляемъ читателю слѣдующій выводъ, который онъ можетъ уже прямо приложить къ русской литературѣ послѣдняго времени: «Когда какое-нибудь литературное явленіе миновенно пріобрѣтаетъ чрезвычайное сочувствіе массы публики, это значитъ, что публика уже прежде того приняла и сознала идеи, выраженіе которыхъ является теперь въ литературѣ; тутъ уже большинство читателей обращается съ любопытствомъ къ литературѣ потому, что ожидаетъ отъ нея обстоятельнаго разъясненія и дальнѣйшей разработки вопросовъ, давно поставленныхъ самой жизнью. Если же это любопытство охладѣваетъ столько же быстро, какъ и возникло, — это значитъ, что публика увидѣла, какъ она обманывалась въ силахъ наличныхъ литературныхъ дѣятелей, предположивши ихъ способными къ разрѣшенію такихъ вопросовъ жизни, которые имъ далеко не по плечу» . . .

Какъ видите, выводъ прямо приводитъ насъ къ «литературнымъ мелочамъ». Извѣстно всѣмъ и каждому, что сатирико-полицейская и поздравительно-экономическая литература наша странно уже надоела публикѣ въ прошедшемъ году. Между тѣмъ фуроръ, возбужденный ею во всей публикѣ, имѣетъ теперь не болѣе трехъ лѣтъ отъ роду . . . Слѣдовательно заключеніе, приведенное нами выше, вполне примѣняется къ нашей литературѣ послѣдняго времени. Провозгласивши начала, всею публикою давно, въ безмолвномъ соглашеніи, признанныя, она возбудила къ себѣ сочувствіе, — но вмѣстѣ съ тѣмъ внушала и надежды на что-то болынее и высшее;

до сихъ поръ надежды эти не исполнены, и литература обмелѣла въ глазахъ лучшей части публики.

Выставляя этотъ фактъ, мы не откажемся его объяснить и подтвердить примѣрами. Но сначала считаемъ нужнымъ изложить причины, отъ которыхъ, по нашему мнѣнію, зависѣлъ этотъ мелочной, мизерный характеръ, обнаруженный литературою въ послѣднее время.

По нашему крайнему разумѣнію, причина здѣсь заключается не въ самой литературѣ, а опять-таки въ обществѣ, котораго отраженіемъ она служитъ¹. Общество само виновато въ томъ грустномъ и ненормальномъ явленіи, что литераторы явились предъ нимъ вдругъ — не передовыми людьми, не смѣлыми вождями прогресса, какъ всегда и вездѣ они бывали, а людьми болѣе или менѣе отсталыми, робкими и безсильными. Доказать наше обвиненіе не трудно: стоитъ припомнить нѣкоторыя черты изъ прошедшаго времени, могущія служить объясненіемъ тогдашнихъ отношеній общества къ литературѣ.

Извѣстно, что очень немногіе изъ литературныхъ дѣятелей, сдѣлавшихся особенно замѣтными въ послѣднее время, принадлежатъ собственно нынѣшнему времени. Почти всѣ они выработались гораздо прежде, подъ вліяніемъ литературныхъ преданій другаго періода, начало котораго совпадаетъ въ исторіи . . . впрочемъ, что намъ до исторіи: читатели сами ее должны знать . . . будемъ говорить только о литературѣ. Въ литературѣ начало этого періода совпадаетъ со временемъ основанія «Мо-

---

¹ Читатель замѣнитъ, конечно, что слово „литература“ мы употребляемъ не въ смыслъ беллетристики, а въ самомъ обширномъ значеніи, разумѣя тутъ и поэзію, и науку собственно, и публицистику, и т. д.

сковскаго Телеграфа»; жизненность его оканчивается со смертию Бѣлинскаго; а затѣмъ идетъ какой-то летаргическій сонъ, прерываемый только библиографическимъ храпомъ и патріотическими грезами; окончаніемъ этого періода можно положить то время, въ которое скончалъ свое земное поприще незабвенный въ лѣтописяхъ русской журналистики «Москвитянинъ». Схоронивши сіе тяжело-вѣсное и скучное созданіе, литераторы, бродившіе какъ потерянные со времени смерти Бѣлинскаго, какъ будто пришли въ себя и повѣстили довольно громко на всю Русь православную, — что они живы и здоровы. Русь имъ обрадовалась, и они принялись, какъ старые знакомые, съ нею разговаривать и разсуждать, стали ей «сказки сказывать и давати ей поученьца» . . . Слово ихъ было произносимо *со властью*, съ сознаніемъ собственного достоинства, и молодое поколѣніе съ трогательною робостью прислушивалось къ мудрымъ рѣчамъ ихъ, едва осмѣливаясь дѣлать почтительные вопросы и уже вовсе не смѣя обнаруживать никакихъ сомнѣній. При малѣйшемъ равнодушіи молодежи къ поученіямъ зрѣлыхъ мудрецовъ, въ ихъ глазахъ и губахъ появлялось выраженіе, въ которомъ ясенъ былъ презрительный вызовъ: «вы нынѣшніе, — нутко! . . ». При такомъ вызовѣ *нынѣшніе*, разумеется, поджимали хвостъ и съеживались, не держа мѣрять свои силы съ могучими бойцами, уже испытанными въ жизненной борьбѣ . . . Поле словесной битвы постоянно оставалось такимъ образомъ за людьми зрѣлыми, разумными и опытыми; молодое поколѣніе обычнымъ путемъ вступило въ свои права — наслаждаться поученіями старшихъ.

Но увы! — столь отрадный порядокъ вещей продолжался недолго! Очень скоро зрѣлые мудрецы выказали всѣ наличныя силы, сколько было у нихъ, — и оказалось, что они не могутъ стать въ уровень съ современными потребностями. Юноши, доселѣ занимавшіеся, вмѣстѣ съ зрѣлыми мудрецами, пораженіемъ семидесятилѣтнихъ старцевъ, рѣшились теперь перенести свою критику и на людей пятидесяти и даже сорока лѣтъ. Исторія о томъ, какъ и отчего все это произошло, не лишена занимательности, и мы когда-нибудь при удобномъ случаѣ займемся подробнымъ ея изложеніемъ, а теперь расскажемъ только вкратцѣ ея содержаніе.

Въ гласныхъ проявленіяхъ общественной жизни Россіи въ послѣднюю четверть вѣка произошло обстоятельство, довольно замѣчательное по своей странности: въ этихъ проявленіяхъ почти нисколько не отражалась внутренняя работа жизни. По газетамъ, по отчетамъ, по статистическимъ выводамъ, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ журналовъ, издаваемыхъ разными вѣдомствами, по историческимъ изслѣдованіямъ Фаддѣя Булгарина, по реторикѣ и философіи академика Ивана Давыдова, по одамъ графа Хвостова — можно видѣть только одно: что «все обстоитъ благополучно». Между тѣмъ на дѣлѣ далеко не все обстояло такъ благополучно, какъ можно было подумать, судя по офиціальнымъ рапортамъ. Это хорошо знали и рѣшились прямо сказать нѣкоторые благородные и энергическіе люди, желавшіе, чтобы жизнь нашла свое отраженіе въ печатномъ словѣ всѣми своими сторонами, хорошими и худыми, и всѣми своими стремленіями, близкими и далекими. Изобразителемъ этихъ сторонъ явился Гоголь, истолкователемъ этихъ стремленій —

Бѣлинскій; около нихъ группировалось нѣсколько десятковъ талантливыхъ личностей. Всѣ они дружно принялись за свое дѣло и явились предъ обществомъ дѣйствительно-передовыми людьми, руководителями общественнаго развитія. Большинство, поклонявшееся тогда глубокомыслию Барона Брамбеуса, учености Греча и Ив. Давыдова, патріотическимъ драмамъ Кукольника и т. д., — туго поддавалось на убѣжденія энергическихъ дѣятелей гоголевской партіи; но, одушевляемые Бѣлинскимъ и лучшими изъ друзей его, эти люди неутомимо продолжали свое дѣло. Успѣхъ ихъ былъ великъ въ обществѣ: къ концу жизни Бѣлинскаго они рѣшительно овладѣли сочувствіемъ публики; ихъ идеи и стремленія сдѣлались господствующими въ журналистикѣ; приверженцы философіи Булгарина и Давыдова, литературныхъ миѣній Ушакова и Шевырева, поэзіи Ѳедора Глинки и барона Розена — были ими заклеѣмены и загнаны на задній дворъ литературы. Русское печатное слово дѣйствительно шло къ тому, чтобы сдѣлаться вѣрнымъ и живымъ выраженіемъ русской жизни. Но въ 1848 г. Бѣлинскій умеръ, многіе изъ его друзей и послѣдователей разсѣялись въ разныя стороны, Гоголь въ то же время рѣзко обозначилъ перемѣну своего направленія, и начатое дѣло остановилось при самомъ началѣ. Литература потянулась какъ-то сонно и вяло; новыхъ органовъ литературныхъ не являлось, да и старые-то едва плелись, мурлыча читателямъ какія-то сказочки; о живыхъ вопросахъ вовсе перестали говорить; появились какія-то библиографическія стремленія въ наукѣ; прежніе дѣятели замолкли или стали быть по-волчьи. Люди, писавшіе прежде о Мальтусѣ и пауперизмѣ, принялись за со-

чиненіе библиографическихъ статей о какихъ-нибудь журналахъ прошлаго столѣтія; писатели, поднимавшіе прежде важные философскіе вопросы, смиренно снисходили до изложенія какихъ-нибудь правилъ грамматики или реторики; люди, отличавшіеся прежде смѣлостью общихъ историческихъ выводовъ, принялись разсматривать «значеніе кочерги, исторію ухвата». Забитая прежде литературная дрянь и мелюзга подняла голову, и «вылѣзшія изъ щелей мошки и букашки» опять начали ползати и пищати, не боясь уже быть растоптанными. Лучшіе дѣятели недавняго времени махнули тогда рукой и рѣшились хранить гробовое молчанье, если само общество не потребуеть отъ нихъ слова. Но общество оказалось совершенно равнодушнымъ къ литературѣ: ему какъ будто и дѣла не было до того, что объ немъ и для него пишется. Пока говорили, оно слушало, перестали говорить, — оно перестало слушать. Внезапный перерывъ рѣчи не произвелъ на него, повидимому, никакого впечатлѣнія. Ни сожалѣнія, ни упрека, ни просьбы о продолженіи рѣчи — ничего не заявила русская публика. Естественно, что такая холодность очень дурно подѣйствовала на литературныхъ дѣятелей, и это отразилось и отражается до сихъ поръ на ихъ возобновленной дѣятельности. Они подумали, — и не безъ основанія, — что въ обществѣ не поняты или не приняты тѣ идеи, которыя они проповѣдывали, тѣ интересы, которымъ они служили. Имъ показалось, что общество не только не способно идти впередъ по указанному ими направленію, но еще не можетъ остановиться даже и на томъ, до чего они успѣли довести его, — а непременно поворотить назадъ, повинаясь силѣ противнаго вѣтра. И вслѣдствіе

именно этого убѣжденія въ вѣтренности общества литературные дѣятели наши показали столько слабости и мелочности при возобновленіи своей дѣятельности. Когда общество опять потребовало отъ нихъ слова, они сочли нужнымъ начать сначала и говорить даже не о томъ, на чемъ остановились послѣ Бѣлинскаго, а о томъ, о чемъ толковали при началѣ своей дѣятельности, когда еще въ силѣ были миѣнія академиковъ Давыдова и Шевырева, когда еще принималось серьезно дионисіическое краснорѣчіе профессоровъ Устрялова и Морошкина, когда даже фельетоны «Сѣверной Пчелы» требовали еще серьезныхъ и горячихъ опроверженій. Если это скучно и бесполезно для нынѣшней публики, то она терпитъ только достойное наказаніе за то, что ввела въ ошибку литераторовъ. Почему въ самомъ дѣлѣ могли они знать о степени развитія своихъ читателей, когда эти читатели ни голоса не подали никогда въ ободреніе унадавшей литературы? Подѣломъ теперь и терпятъ скуку за свою невнимательность!..

Впрочемъ нельзя совершенно оправдать и литераторовъ. Вина ихъ состоитъ въ недогадливости, а недогадливость происходитъ отъ того, что они слишкомъ книжно и слишкомъ гордо взглянули на свое призваніе. Они сочли себя чѣмъ-то высшимъ и подумали, что жизнь безъ нихъ обойтись уже вовсе не можетъ: если они поговорятъ, такъ и слѣдается что-нибудь, а не поговорятъ, — ничего не будетъ. Утвердившись въ такомъ отвлеченномъ и высокопарномъ убѣжденіи, они и не догадались, что жизнь все-таки идетъ своимъ чередомъ, все-таки заявляетъ свои требованія, вырабатываетъ новыя понятія, ставитъ новые вопросы и представляетъ

данныя для ихъ разрѣшенія. Они ожидали встрѣтить теперь то же, что было за двадцать лѣтъ назадъ; но ихъ ожиданія оправдались только вполвину. Ихъ сверстники, бодрые юноши двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ, дѣйствительно остановились на томъ, что имъ говорили тогдашніе литературные дѣятели; даже больше — они утратили, вмѣстѣ съ первой молодостью, часть тѣхъ убѣжденій, которыя прежде горячо принимали къ сердцу. Чтобы подѣйствовать на ихъ зрѣлую апатію, въ самомъ дѣлѣ надо было опять начинать съ элементарныхъ понятій и входить во всѣ мелочи, такъ какъ нельзя было положиться на нихъ въ томъ, что они умѣютъ понимать эти мелочи какъ слѣдуетъ. И вотъ пошли повторенія задовъ, пошли контраверсіи о разныхъ предметахъ — ясныхъ и безспорныхъ, или мелкихъ и пошлыхъ. Съ пылкой энергіей, свободнымъ и рѣшительнымъ языкомъ заговорили зрѣлые мужи литературные, и съ первыхъ же словъ заслужили рукоплесканія молодежи и негодованія своихъ сверстниковъ и старшихъ себя. Ходъ дѣла былъ совершенно понятенъ; въ послѣднія десять лѣтъ русской молодежи какъ-то особенно усердно вперяемъ былъ страхъ и трепетъ передъ старшими. Молодость, разумѣется, и тогда брала свое, и юноши исподтишка подсмѣивались надъ старцами, но вслухъ говорить не смѣли. И вдругъ они увидѣли, что люди почтенные, сами до нѣкоторой степени *старшіе*, подсмѣиваются надъ разными ветеранами и бросаютъ камень осужденія въ тѣхъ, кто къ нимъ подслуживается. Юношамъ это очень понравилось; они почувствовали сердечное влеченіе къ зрѣлымъ людямъ, такъ рѣзко отвергающимъ ненавистный принципъ безотвѣтности младшаго передъ стар-

шимъ; стали съ почтеніемъ прислушиваться къ ихъ мудрымъ рѣчамъ, увидѣли, что они говорятъ хорошія вещи о правдѣ, чести, просвѣщеніи и т. п., — и рѣшили, что, несмотря на свой почтенный возрастъ, зрѣлые мудрецы принадлежатъ къ *новому* времени, что они составляютъ одно съ *новымъ* поколѣніемъ, а отъ стараго бѣгутъ, какъ отъ заразы. Еще не имѣя собственнаго знамени, молодежь примкнула къ благородной фалангѣ людей, хотя и много старшихъ возрастомъ, но юныхъ по своимъ идеямъ и стремленіямъ. Между двумя поколѣніями заключенъ былъ, безмолвно и сердечно, крѣпкій союзъ противъ третьяго поколѣнія, отжившаго, парализованнаго, охладѣвшаго, но все еще мѣшавшаго общему довольству и спокойствію, пугавшаго новую жизнь своимъ полумертвымъ тѣломъ, похожимъ на трупъ, заживо разлагающійся и смердящій.

Но не прошло и года, какъ молодые люди увидѣли непрочность и бесполезность своего союза съ зрѣлыми мудрецами. Во всей пожилой фалангѣ оказалось очень немного именъ, которыя можно бы было поставить во главѣ новаго движенія. Большая часть прежнихъ дѣятелей, давно уже потерявшая возможность гласнаго выраженія идей и стремленій, совершенно отчаялась въ теченіе этого времени въ дальнѣйшемъ прогрессѣ общества, перестала слѣдить за жизненнымъ движеніемъ событій, сложила руки и осталась въ пассивномъ созерцаніи до тѣхъ поръ, пока сила событій опять не вызвала ихъ къ дѣятельности. Естественно, что они теперь почувствовали себя какъ-то не въ своей тарелкѣ и не знали, что имъ дѣлать и говорить. Начали они съ того, что стали пробовать и разминать свой

языкъ, желая убѣдиться, что онъ не разучился произносить человѣческіе звуки. На первый разъ принялись болтать о томъ, что говорить лучше, чѣмъ молчать; потомъ рассказывали о своемъ недавнемъ снѣ и выражали радость о своемъ пробужденіи, затѣмъ жалѣли, что послѣ долгаго сна голова у нихъ несвѣжа, и доказывали, что не нужно спать слишкомъ долго; послѣ того, оглядѣвшись кругомъ себя, замѣчали, что уже день наступилъ и что днемъ нужно работать; далѣе утверждали, что не нужно заставлять людей работать ночью и что работа во тьмѣ прилична только ворами и мошенникамъ, и т. д. Долго неопытная молодежь рукоплескала заговорившимъ пожилымъ мудрецамъ, какъ рукоплеснутъ въ театрѣ выходу любимаго актера зрители, заранее убѣжденные, что онъ отлично сыграетъ свою роль. Но съ каждымъ словомъ почтенныхъ дѣятелей все яснѣе обозначалось ихъ безсиліе, съ каждымъ новымъ выходомъ журнальных книжекъ все слабѣлъ энтузіазмъ молодежи и тѣхъ дѣятелей прежней партіи, которые умѣли понять ея стремленія. Возложивши свои надежды на лучшихъ людей предшествующаго поколѣнія, молодежь увидѣла себя въ положеніи больного человѣка, который обратился за излѣченіемъ къ прославленному доктору, уже лѣтъ за двадцать до того оставившему практику. Вы ожидаете, что онъ пропишетъ вамъ рецептъ или по крайней мѣрѣ дастъ совѣтъ, предпишетъ діету; но докторъ пришелъ, потолковалъ о своихъ медицинскихъ познаніяхъ и удалился. Вы ждете, что будетъ далѣе.

Черезъ мѣсяць является докторъ съ извѣстіемъ: ваше здоровье разстроено.

Еще черезъ мѣсяць новое свѣдѣніе: цвѣтъ ва-

шого языка и біеніе пульса доказываютъ, что ваше здоровье не совсѣмъ въ порядкѣ.

Еще черезъ мѣсяцъ: больные люди должны лѣчиться; исторія медицины представляетъ много тому доказательствъ.

Черезъ два мѣсяца: вамъ непременно слѣдуетъ лѣчиться.

Еще черезъ два мѣсяца: для того, чтобы вылѣчиться, вамъ надобно бросить дурныхъ докторовъ и обратиться къ хорошему.

Черезъ мѣсяцъ: хорошаго доктора трудно залучить къ себѣ; но если дать хорошія деньги, то и хорошіі докторъ придетъ къ вамъ.

Черезъ два мѣсяца: при лѣченіи слѣдуетъ наблюдать діету, предписанную не дурнымъ, а хорошимъ докторомъ.

Черезъ три мѣсяца: діета должна быть сообразна съ характеромъ болѣзни.

Черезъ два мѣсяца: способъ лѣченія такъ же долженъ быть принятъ въ соображеніе при назначеніи діеты.

Черезъ мѣсяцъ: болѣзнь входитъ пудами, а выходитъ золотниками.

Еще черезъ мѣсяцъ: чтобъ сохранить свое здоровье, надобно вести себя осторожниѣе.

Еще черезъ мѣсяцъ: не надобно допускать вредныхъ внѣшнихъ вліяній, отъ которыхъ можетъ страдать ваше здоровье.

Черезъ два мѣсяца: вы больны оттого, что не побереглись . . .

И такъ далѣе, и такъ далѣе . . .

Цѣлые годы проходятъ въ мудрыхъ разсужденіяхъ, которыя вамъ одинаково знакомы и при болѣзни вашей, и въ здоровомъ состояніи. Вы мо-

жете въ это время двадцать разъ выздоровѣть, опять захворать, объѣсться, опиться, на смерть залѣчить себя, а прославленный докторъ, давно оставившій практику, все съ прежнимъ самодовольствіемъ будетъ сообщать вамъ глубокіе афоризмы, въ родѣ вышеприведенныхъ . . . Поневолѣ вы отъ него отступитесь.

Такъ точно живая и свѣжая часть русскаго общества нашла необходимымъ отказаться наконецъ отъ почтенныхъ и умныхъ фразеровъ, вызвавшихся подобнымъ образомъ лѣчить общественныя раны земли русской. Эти бѣдняки потерялись отъ радости, когда увидѣли, что есть люди, готовые принять ихъ лѣченіе. Какъ бы не смѣя вѣрить своему благополучію, они сочли нужнымъ предварительно пуститься въ разсужденія, убѣдить людей въ пользѣ медицины, наставить ихъ относительно значенія діеты, и, привыкши видѣть себя забытыми, загнанными, отвыкши отъ практической медицины, оставшіе врачи не могли удержаться, чтобы не вознаградить себя за бездѣйствіе разглагольствіями и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ не излить жолчи на дурныхъ врачей, которые отстранили отъ дѣлъ ихъ, хорошихъ докторовъ. Въ такихъ-то занятіяхъ и заключалась вся практика нашихъ общественныхъ врачей изъ зрѣлыхъ мудрецовъ; ни облегченія для больныхъ, ни наученія для молодыхъ врачей не оказывалось отъ нихъ ни малѣйшаго.

Прошло еще нѣсколько времени терпѣливаго ожиданія, и открылось новое обстоятельство, почти отнявшее у молодежи послѣднюю надежду на мудрую партію пожилыхъ дѣятелей. Оказалось, что они не умѣютъ заглянуть въ глубь современной общественной среды, не понимаютъ сущности новыхъ

потребностей и стоятъ все на томъ, что толковалось двадцать лѣтъ тому назадъ. Теперь уже всякій гимназистъ, всякій кадетъ, семинаристъ — понимаютъ многія вещи, бывшія тогда доступными только лучшимъ изъ профессоровъ; а они и теперь говорятъ объ этихъ вещахъ съ важностью и съ азартомъ, какъ о предметахъ высшаго философскаго разумѣнія.

Тогда, напр., кто говорилъ объ освобожденіи крестьянъ, тотъ считался образцомъ всѣхъ добродѣтелей и чуть не геніемъ: они и теперь было задумали примѣнить въ своихъ разсужденіяхъ тотъ же тонъ и ту же мѣрку... Всѣ засмѣялись надъ ними, потому что въ современномъ обществѣ считается уже позоромъ до послѣдней степени, если кто-нибудь осмѣлится заговорить противъ освобожденія. Да никто ужъ и не осмѣливается.

Въ прежнее время цѣлыми годами ожесточенныхъ битвъ нужно было критикѣ Бѣлинскаго отстаивать право литературы обличать жизненные пошлости. Нынѣ никто относительно этого права не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія; а дѣятели прошедшей эпохи опять выступаютъ съ трескучими фразами о пользѣ и правахъ обличительной литературы.

Во время ихъ молодости только что изданъ былъ «Сводъ Законовъ», и всѣ надѣялись, что послѣ его изданія уже невозможны будутъ судебныя проволочки и взятки: Ѳаддей Булгаринъ, юмористъ en vogue тогдашняго времени, сочинилъ даже «Плачъ подъячаго Взяткина по изданіи Свода Законовъ», и «Плачъ» его былъ встрѣченъ съ восторгомъ большинствомъ читающей публики. Но и въ то время

были дальновидные, горячіе и смѣлые люди, рѣшавшіеся предполагать, что и послѣ изданія «Свода Законовъ» взятки и крючкотворство еще возможны отчасти . . . Нынѣ, по прошествіи тридцати лѣтъ, весь русскій людъ горькимъ опытомъ убѣдился, что взятки и при «Сводѣ» возможны, и очень возможны . . . А прежніе дѣятели и теперь продолжаютъ говорить объ этомъ съ важностью, какъ о какомъ-то новомъ открытіи, и даже соблюдаютъ большую сдержанность и умѣренность въ выраженіяхъ, какъ бы боясь поразить публику громадностью своего открытія.

Двадцать лѣтъ тому назадъ патріотизмъ не умѣли отдѣлять отъ *самарaderie*, и кто осмѣливался говорить, что патріотизмъ не состоитъ въ томъ, чтобы выставлать только свои достоинства и покрывать недостатки, тотъ считался человѣкомъ крайнихъ мнѣній и необыкновенно свѣтлой головой. Теперь уже рѣдко можно встрѣтить въ публикѣ подобное смѣшеніе понятій столь различныхъ; а почтенные дѣятели прежней эпохи и теперь продолжаютъ самодовольно декламировать, что истинная любовь къ отечеству не щадитъ его недостатковъ и пр.

Въ прежнее время образованіе спеціальное, съ цѣлью приготовленія чиновниковъ, лѣкарей, офицеровъ и т. д., стояло на первомъ планѣ; до необходимости общаго образованія додумывались только немногіе умы, далеко опередившіе свой вѣкъ . . . Они возставали тогда, сколько могли, противъ исключительнаго развитія спеціальнаго образованія; но тогда ихъ не слушали, спеціальныя школы распространялись, общее образованіе было въ загонѣ, въ пренебреженіи. Лѣтъ двадцать пять прошло съ

тѣхъ поръ; почти исключительное развитіе спеціальныхъ училищъ принесло свои грустные плоды: явились медики, искусные только въ утайкѣ госпитальныхъ суммъ, инженеры, умѣвшіе тратить казенныя деньги на постройку небывалыхъ мостовъ, офицеры, помышлявшіе только о полученіи роты, чтобы поправить свои обстоятельства, и т. д., и т. д. На дѣлѣ всѣ убѣдились, что въ воспитаніи нужно принять другое направленіе. Одинъ изъ почтенныхъ людей очень умно и рѣшительно высказалъ общее стремленіе и сдѣлалъ нѣсколько практическихъ указаній на существующій порядокъ вещей, и вдругъ между пожилыми мудрецами поднялось радостное волненіе: теперь, видите ли, уже *открыто и доказано*, что общее образованіе важнѣе спеціальнаго! . . . Отъ такого открытія они приняли въ неописанный восторгъ и года два по нѣсколько разъ въ мѣсяцъ шевелили фразу: «прежде всего надо воспитать челоѣка, а потомъ уже сапожника» и что-то въ этомъ родѣ . . . Въ простотѣ души они полагали, что говорятъ новость, не подозревая, что теперь уже рѣдкій сапожникъ и рѣдкій челоѣкъ (въ *барскомъ* значеніи) не знаютъ этой новости.

Вообще, въ пору цвѣтущей молодости литературныхъ дѣятелей, отличавшихся въ послѣднее время, не было многихъ вещей, которыя нынѣ существуютъ, какъ явленія весьма обыкновенныя. Не было ни желѣзныхъ дорогъ, ни рѣчнаго пароходства, ни электрическихъ телеграфовъ, ни газоваго освѣщенія, ни акціонерныхъ компаній; не говорили печатно ни о капиталѣ и кредитѣ, ни объ администраціи и магистратурѣ, ни о правительственныхъ

и общественныхъ реформахъ и переворотахъ, совершавшихся въ Европѣ въ послѣдніе полвѣка. Но въ продолженіи того времени, какъ литераторы тридцатыхъ годовъ спали и бредили библіографіей или отъ нечего дѣлать наблюдали свой собственный жизненный процессъ, — общество успѣло познакомиться со всѣми этими предметами. Успѣли подростки и новые люди, которые, мало интересуясь изображеніемъ «Исторіи одного женскаго сердца», «Слабаго сердца», «Бѣды отъ нѣжнаго сердца», «Сердца съ перегородками», равно какъ и разсужденіями «О религіозно-языческомъ значеніи избы славяннина», «О значеніи именъ Лютицы и Вильцы», «О значеніи слова: Баянъ» и т. п.¹, — перечитывали Бѣлинскаго и немногихъ изъ друзей его, да почитывали и иностранныя книжки. Такимъ образомъ, несмотря на молчаніе русской литературы, молодая живая часть общества не переставала развиваться и постоянно старалась идти въ уровень съ современными требованіями. Этого-то и не сообразили почтенные люди, вновь выступившіе нынѣ на литературное поприще, послѣ десятилѣтняго молчанія. Ихъ дѣло было очень просто: осмотрѣться вокругъ себя и стать на точку зрѣнія настоящаго, чтобы отсюда уже отправиться дальше. Но въ томъ-то и дѣло, что умѣнье скоро и ловко ориентироваться во всякомъ положеніи теряется людьми въ извѣстныя лѣта и при извѣстныхъ обстоятельствахъ, да и вообще противорѣчитъ маниловскому характеру. Молодой человѣкъ, кое-что выдавшій и знающій, и не имѣющій маниловскаго элемента въ характерѣ, если застанетъ меня, напр., хотъ за

¹ Все это — подлинныя заглавія литературныхъ и ученыхъ произведеній, напечатанныхъ въ послѣднее десятилѣтіе.

чтеніемъ «Всеобщей исторіи» г. Зуева, то прямо скажетъ: «Зачѣмъ это вы такую дрянъ читаете? Развѣ вы не знаете другихъ руководствъ исторіи, которыя гораздо лучше?» — Напротивъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, да еще съ нѣкоторой маниловщиной въ характерѣ, въ томъ же самомъ случаѣ сочтетъ долгомъ сначала похвалить мою любознательность, распространиться о пользѣ чтенія книгъ вообще и историческихъ въ особенности, замѣтитъ, что исторія есть въ нѣкоторомъ родѣ священная книга народовъ, и т. п., и только уже послѣ долгихъ объясненій рѣшится намекнуть, что впрочемъ о книгѣ г. Зуева нельзя сказать, чтобы послѣ нея ничего уже болѣе желать не оставалось. Совершенно подобнымъ образомъ поступили литературные Маниловы со всѣми попавшими имъ подъ руку общественными вопросами. Ну, вотъ, примѣръ, желѣзныя дороги. Чего бы кажется проще: у насъ желѣзныхъ дорогъ мало; надобно больше выстроить; гдѣ, какъ и на какія средства ихъ строить? — Нѣтъ, они принялись толковать о томъ, что и полезны-то желѣзныя дороги, и ѣздить-то по нимъ скорѣе, и жаль, что ихъ прежде-то у насъ не было, и слава Богу, что теперь поняли ихъ важность-то, и вліяніе-то ихъ велико во всѣхъ отношеніяхъ, и лошадей-то для нихъ не нужно . . . Но тутъ возникъ споръ: одни утверждали, что нужно, другіе — что нѣтъ. И пошла безконечная исторія о томъ, что Россія находится въ особенныхъ сельско-хозяйственныхъ условіяхъ, что она — шестая (теперь слѣдовало бы ужъ говорить — седьмая) часть свѣта, что ее ожидаетъ великая будущность. И пошла писать губернія . . .

Такъ или почти такъ поднимались и разрѣшались у насъ всѣ общественные вопросы послѣдняго времени. На людей свѣжихъ, привыкшихъ отзываться на требованія жизни дѣломъ, а не фразой, все это дѣйствовало очень неблагопріятно. Они не могли довольно надивиться наивнымъ добрякамъ, до слезъ восхищавшимся, напр., провозглашеніемъ той мысли, что въ судахъ должна быть правда. — Ну, конечно — должна; что же объ этомъ толковать? . . . «Нѣтъ, какъ можно: вы поймите, какъ высокъ смыслъ этой фразы, какъ неизмѣримо-благотворны будутъ для Россіи ея послѣдствія, ежели она будетъ исполнена! Правда въ судахъ! Вѣдь это значитъ, что преступники будутъ достойно наказываемы, а невинные будутъ находить себѣ оправданіе въ судѣ! Значитъ, безъ вины никого не осудятъ, суды будутъ справедливы, преступленія не будутъ избѣгать законнаго возмездія! . . . Какое великое благо выйдетъ изъ этого для всей страны! И возможно ли допустить сомнѣніе, что праведный судъ полезенъ въ странѣ, въ которой устраируются желѣзныя дороги и пароходное движеніе, поощряется промышленная дѣятельность, всѣ живыя силы народа вызываются на свободный, полезный трудъ», и пр., и пр.

И подобныя разсужденія у почтенныхъ добряковъ безпрестанно на языкѣ, по поводу всякаго офицера, прошедшаго въ фуражкѣ по Невскому, всякаго юнкера, проѣхавшаго на извозчикѣ, всякаго студента, отпустившаго бакенбарды, даже всякаго франтика съ бородкой. Они — точно слѣпорожденные, внезапно прозрѣвшіе въ мутный октябрьскій день, на пути изъ какого-нибудь Глухаго переулка въ какое-нибудь Козье-Болото; ихъ спрашиваютъ,

знають ли они дорогу, куда имъ нужно идти? — а они отвѣчаютъ: «Ахъ, какъ солнце хорошо свѣтитъ! . . . какая безграничная даль открывается передъ нами! . . .». На первый разъ, изъ состраданія къ нимъ, можно пропустить безъ вниманія ихъ забавныя рѣчи. Но нельзя же удержаться отъ смѣха ежели они начнутъ еще резонировать, говоря, напр., такимъ образомъ: «Какое великолѣпное свѣтило — это солнце! Какой лучезарный свѣтъ изливается оно на землю! Вы должны благодарить судьбу, что это солнце возсіяло надъ вами! Вы были погружены въ мрачную ночь, но возсіяло оно, и все для васъ освѣтилось. По наукѣ извѣстно, что все предметы дѣлаются видными намъ только тогда, когда лучи, отражающіеся отъ нихъ, достигаютъ свѣтчатой оболочки нашего глаза. Такимъ образомъ свѣтъ не менѣе необходимъ для зрѣнія, какъ и самый глазъ» и т. п.

Разумѣется, нельзя отрицать справедливости подобныхъ разсужденій и даже ихъ новости и полезности для кого-нибудь: «chaque sot trouve toujours un plus sot, qui l'admire» . . . Но скажите, Бога-ради, на какихъ читателейъ разсчитываетъ литература, пробавляющаяся подобными разсужденіями? . . .

На кого бы она ни разсчитывала и сколько бы ни находила себѣ поклонниковъ, мы смѣло можемъ утверждать одно: она не привлечетъ теперь симпатій тѣхъ, кому, по естественному закону исторіи, принадлежитъ будущее. Мы не поклонники ученія о безусловной и регулярной преемственности поколѣній; но, вдумываясь въ настоящее и въ близкое прошлое, мы не можемъ не замѣтить, что характеръ новаго поколѣнія нашего долженъ дать ему

въ событіяхъ совѣтъ другую роль, нежели какую имѣло предыдущее. Люди того поколѣнія проникнуты были высокими, но нѣсколько отвлеченными стремленіями. Они стремились къ истинѣ, желали добра, ихъ плѣняло все прекрасное; но выше все было для нихъ *принципъ*. Принципомъ же называли общую философскую идею, которую признавали основаніемъ всей своей логики и морали. Страшной мукой сомнѣнья и отрицанья купили они свой принципъ и никогда не могли освободиться отъ его давящаго, мертвящаго вліянія. Что-то пантеистическое было у нихъ въ признаніи принципа: жизнь была для нихъ служеніемъ принципу, человекъ — рабомъ принципа; всякій поступокъ, не соображенный съ принципомъ, считался преступленіемъ. Отвлечшись такимъ образомъ отъ дѣйствительной жизни и обрекнуши себя на служеніе принципу, они не умѣли вѣрно разсчитать свои силы и взяли на себя гораздо больше, чѣмъ сколько могли сдѣлать. Немногіе только умѣли, подобно Бѣлинскому, слить самихъ себя съ своимъ принципомъ и такимъ образомъ придать ему жизненность. У Бѣлинскаго виѣшній, отвлеченный принципъ превратился въ его внутреннюю, жизненную потребность: проповѣдывать свои идеи было для него столько же необходимо, какъ ѣсть и пить. Но немногіе могли дойти до такого сліянія своей личности съ философскимъ принципомъ. Большая часть осталась только при разсудочномъ пониманіи принципа и потому вѣчно насилывали себя на такія вещи, которыя были имъ вовсе не по натурѣ и не по праву. Отсюда вѣчно фальшивое положеніе, вѣчное недовольство собой, вѣчное ободреніе и разшевеливаніе себя громкими фразами, и вѣчныя неудачи въ

практической дѣятельности. Отлично владѣя отвлеченной логикой, они вовсе не знали логики жизни, и потому считали ужасно легкимъ все, что легко выводилось посредствомъ силлогизмовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасно мертвили всю жизнь, стараясь втиснуть ее въ свои логическія формы. Можетъ быть, они и отстали бы отъ всего этого, если бы успѣли исподоволь присмотрѣться къ ровному ходу жизни. Но судьба поступила съ ними безжалостно: она круто перевернула многихъ изъ нихъ испытаніями всякаго рода, общими и частными, и они утвердились въ убѣжденіи, что жизнь беззаконна и нелѣпа, а только принципъ истиненъ и законенъ. Они ринулись было въ борьбу за принципъ, но проиграли одну битву, другую, третью, четвертую, — и увидѣли, что бороться долѣе невозможно. Тяжелое недовольство осталось затѣмъ у нихъ въ душѣ. Но и оно не было цѣльнымъ, могучимъ и дѣятельнымъ, такъ какъ они сами не были цѣльными людьми. Они состояли изъ двухъ плохо спаянныхъ между собою началъ: страсти и принципа. Рѣдко принципъ разливался по всему ихъ существу съ силою страсти, и они всячески старались надуть себя, подогрѣвая фразами свои холодныя отвлеченности; еще рѣже жизненная страсть возводима была ими на степень принципа. Обыкновенно же принципъ былъ самъ по себѣ, а страсть сама по себѣ. Такъ произошло и здѣсь: принципъ, витая въ высшихъ сферахъ духовнаго разумѣнія, остался превыше всѣхъ обидъ и неудачъ; страсть же негодованія ограничилась низнею сферою житейскихъ отношеній, до которыхъ они почти никогда не умѣли проводить своихъ философскихъ началъ. Мало-помалу они вошли въ свою пассивную роль и изъ

всего прежняго сохранили только юношескую восторженность да склонность потолковать съ хорошимъ человекомъ о пріятномъ обращеніи и помечтать о мостикѣ черезъ рѣчку. Съ этими-то милыми качествами и съ совершеннымъ неумѣньемъ присматриваться къ дѣйствительной жизни и понимать ея требованія и задачи — и выступили они въ недавнее время снова на попрнице литературы. Мгновенное привлеченіе къ себѣ симпатій общества и замѣчательно быстрое обнаруженіе своего безсилія были естественными послѣдствіями самой сущности того характера, какой получило большинство ихъ, вѣдѣствіе вліянія обстоятельствъ, тяготѣвшихъ надъ цѣлымъ ихъ поколѣніемъ.

Разумѣется, были и есть въ этомъ поколѣніи люди, которые вовсе не подходятъ подъ общую норму, нами указанную. Таковъ былъ Бѣлинскій; таковы были еще пять-шесть человекъ, умѣвшихъ довести въ себѣ отвлеченный философскій принципъ до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности. Это люди высшаго разбора, предъ которыми съ изумленіемъ преклонится всякое поколѣніе. Кромѣ нихъ были и другіе сильные люди, умѣвшіе на всю жизнь сохранить «святое недовольство» и рѣшившіеся продолжать свою борьбу съ обстоятельствами до истощенія послѣднихъ силъ. Эти люди почерпнули жизненный опытъ въ своей непрерывной борьбѣ и умѣли его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли въ уровень съ событіями, и какъ только явилась имъ опять возможность дѣйствовать, они радужно и вполне сознательно подали руку молодому поколѣнію. Они доселѣ сохранили свѣжестъ и молодость силъ, доселѣ остались людьми будущаго, и даже гораздо больше,

нежели многіе изъ дѣйствительно молодыхъ людей нашего времени...

Есть въ предыдущемъ поколѣніи и другія исключенія изъ определенной нами нормы. Это, напр., тѣ, суровые прежде, мудрецы, которые поняли наконецъ, что надо искать источникъ мудрости въ самой жизни, и вслѣдствіе того сдѣлались въ сорокъ лѣтъ шалунами, жуирами и стали совершать подвиги, приличные только двадцатилѣтнимъ юношамъ, — да, если правду сказать, такъ и тѣмъ неприличные. Но объ исключеніяхъ такого рода распространяться не стоитъ.

Совсѣмъ не такъ отнеслось къ вопросамъ жизни молодое поколѣніе (разумѣемъ хорошихъ его представителей). Отъ пожилыхъ людей обыкновенно разсыпаются ему упреки въ холодности, черствости, безстрастіи. Говорятъ, что нынѣшніе люди измелъчали, стали неспособны къ высокимъ стремленіямъ, къ благороднымъ увлеченіямъ страсти. Все это можетъ быть чрезвычайно справедливо въ отношеніи ко многимъ, даже къ большинству нынѣшнихъ молодыхъ людей; мы ихъ вовсе не думаемъ ни возвышать, ни даже оправдывать. Намъ это вовсе не нужно, потому что названіе молодого поколѣнія мы не ограничиваемъ теперешними юношами, а распространяемъ его и на тѣхъ, которые находятся еще въ пеленкахъ. Молодые люди, уже заявившіе себя на жизненномъ поприщѣ, принадлежатъ болѣею частью еще къ промежуточному времени. Ихъ еще смущаетъ принципъ, а между тѣмъ жизнь уже сильноѣе предъявляетъ надъ нами свои права, нежели надъ людьми прошлаго поколѣнія; оттого они часто и шатаются въ обѣ стороны и ничему не могутъ отдаться всей силой ду-

ши. Но за ними, и отчасти среди нихъ, виднѣется уже другой общественный типъ, типъ людей реальныхъ, съ крѣпкими нервами и здоровымъ воображеніемъ. Благодаря трудамъ прошедшаго поколѣнія, принципъ достался этимъ людямъ уже не съ такимъ трудомъ, какъ ихъ предшественникамъ, и потому они не столь исключительно привязали себя къ нему, имѣя возможность и силы повѣрять его и соразмѣрять съ жизнью. Осмотрѣвшись вокругъ себя, они, вмѣсто всѣхъ туманныхъ абстракцій и призраковъ прошедшихъ поколѣній, увидѣли въ мірѣ только человѣка, настоящаго человѣка, состоящаго изъ плоти и крови, съ его дѣйствительными, а не фантастическими отношеніями ко всему внѣшнему міру. Они въ самомъ дѣлѣ стали мельче, если хотите, и потеряли ту стремительную страстность, которою отличалось прошлое поколѣніе: но зато они гораздо тверже и жизнениѣе. Не говоримъ о фанатикахъ, которые всегда были и будутъ, какъ исключеніе; но въ общей своей массѣ молодые люди нынѣшняго поколѣнія отличаются спокойствіемъ и тихою твердостью. Это происходитъ въ нихъ прежде всего, разумѣется, оттого, что нервы еще не успѣли разстроиться. Но есть и другая причина: они спустились изъ безграничныхъ сферъ абсолютной мысли и стали въ ближайшее соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью. Отвлеченныя понятія замѣнились у нихъ живыми представленіями, подробности частныхъ фактовъ обрисовались ярче и отняли много силы у общихъ опредѣленій. Люди новаго времени не только поняли, но и прочувствовали, что абсолютнаго въ мірѣ ничего нѣтъ, а все имѣетъ только относительное значеніе. Оттого для нихъ невозможно увлеченіе тенденціями, подоб-

ными, напр., слѣдующимъ: «*pereat mundus et fait justitia*»; «лучше умереть, нежели солгать хоть разъ въ жизни»; «лучше убить свое сердце, чѣмъ измѣнить хоть однажды долгу супружескому, или сыновнему, или гражданскому» и т. д. Все это для нихъ слишкомъ абстрактно и слишкомъ мало измѣняетъ значенія. На первомъ планѣ всегда стоитъ у нихъ человѣкъ и его прямое, существенное благо; эта точка зрѣнія отражается во всѣхъ ихъ поступкахъ и сужденіяхъ. Сознаніе своего кровнаго, живого родства съ человѣчествомъ, полное разумнѣе солидарности всѣхъ человѣческихъ отношеній между собою — вотъ тѣ внутренніе возбудители, которые занимаютъ у нихъ мѣсто *принципа*. Ихъ послѣдняя цѣль — не совершенная, рабская вѣрность отвлеченнымъ высшимъ идеямъ, а принесеніе возможно большей пользы человѣчеству; въ ихъ сужденіяхъ люди возвышаются не по тому, сколько было въ нихъ сокрыто великихъ силъ и талантовъ, а по тому, сколько они желали и умѣли сдѣлать пользы человѣчеству; не тѣ событія обращаютъ на себя особое ихъ вниманіе, которыя имѣютъ характеръ грандіозный или патетическій, а тѣ, которыя сколько-нибудь подвинули благосостояніе массъ человѣчества. Такимъ образомъ стремленія людей новыхъ, ставши гораздо ближе къ жизни и къ людямъ, естественно принимаютъ характеръ болѣе мягкій, осторожный, болѣе щадящій, нежели бьющій. Не мудрено, разумеется, проскакать во всю конскую прыть по чистому полю; но ежели вамъ скажутъ, что на дорогѣ въ разныхъ мѣстахъ лежатъ и снятъ ваши братья, которыхъ мы можете растоптать, то, конечно, вы поѣдете нѣсколько осторожнѣе. Руководясь *только*

принципомъ, требовавшимъ скорѣйшаго прибытія къ цѣли, можно бы, конечно, сказать: «А кто имъ велитъ спать на дорогѣ? Сами виноваты, если будутъ растоптаны!» Но человѣкъ новыхъ стремленийъ отвѣчаетъ на такое замѣчаніе: «Разумѣется, они глупы, что спать на дорогѣ и мѣшаютъ свободной ѣздѣ, но что же дѣлать, если они такъ глупы? Надо бы надъ ними остановиться, пробудить и вразумить ихъ; а ежели не послушаютъ, то придется силою оттащить въ сторону отъ проѣзжей дороги». Такъ обыкновенно и поступаютъ эти люди; мудрено ли же, что въ нихъ не замѣтно той стремительности, какая отличала людей, руководившихъ только принципомъ?

Кромѣ всего этого, прибавилась у молодыхъ поколѣній и онытность, которой такъ недоставало прежнимъ. Люди новаго времени приняли отъ своихъ предшественниковъ ихъ убѣжденія, какъ готовое наслѣдіе; но тутъ же они приняли и жизненный урокъ ихъ, состоящій въ томъ, что *надрываніе* себя вовсе не есть доказательство великой души, а просто признакъ нервнаго разстройства. Препре же молодые люди постоянно ставили себя въ положеніе шахматнаго игрока, который желаетъ сдѣлать своему противнику знаменитый *трехъ-ходовый матъ*. Всѣмъ игрокамъ этотъ матъ извѣстенъ и носить у нихъ даже названіе «казеннаго»; слѣд. обмануть имъ кого бы то ни было довольно трудно. Но неопытные новички въ шахматахъ все-таки на него иногда разсчитываютъ и съ первыхъ же ходовъ разстраиваютъ свою игру. Нынѣшніе молодые люди считаютъ нелѣпымъ фарсомъ даже удачу этого рода; они хотятъ вести правильную, серьезную игру, и потому считаютъ вовсе ненуж-

нымъ съ перваго же разу выводить слона и ферезь, чтобы на третьемъ ходѣ дать шахъ и матъ королю. Они навѣрное разсчитываютъ, что это только повредить ихъ игръ, и потому подвигаются понемножку, заранее обдумавъ планъ атаки и безпрестанно слѣдя за всѣми движеніями противника. Они также добьются своего шаха и мата; но ихъ образъ дѣйствій вѣрнѣе, хотя вначалѣ игра и не представляетъ ничего блестящаго и поразительнаго.

Вообще молодое, дѣйствующее поколѣніе нашего времени не умѣетъ блеснуть и шумѣть. Въ его голосѣ, кажется, нѣтъ кричащихъ нотъ, хотя и есть звуки очень сильные и твердые. Даже въ гнѣвѣ оно не кричитъ; тѣмъ менѣе возможенъ для него порывистый крикъ радости или умиленія. За это его упрекаютъ обыкновенно въ безстрастіи и безчувственности, и упрекаютъ несправедливо. Дѣло очень просто объясняется его взглядомъ на ходъ событій и на свои отношенія къ нимъ. Признавая неизмѣнные законы историческаго развитія, люди нашего поколѣнія не возлагаютъ на себя несбыточныхъ надеждъ, не думаютъ, что они могутъ по произволу передѣлать исторію, не считаютъ себя избавленными отъ вліянія обстоятельствъ. Такимъ образомъ, ясное сознаніе своего положенія не допускаетъ ихъ входить въ азартъ и убиваться изъ пустяковъ. Но въ то же время они вовсе не впадаютъ въ апатію и безчувственность, потому что сознаютъ и свое значеніе. Они смотрятъ на себя какъ на одно изъ колесъ машины, какъ на одно изъ обстоятельствъ, управляющихъ ходомъ міровыхъ событій. Такъ какъ всѣ міровыя обстоятельства находятся въ связи и нѣкоторомъ

взаимномъ подчиненіи, то и они подчиняются необходимости, силѣ вещей; но въ этого подчиненія — они никакимъ кумирамъ не поклонятся, они отстаиваютъ самостоятельность и полноправность своихъ дѣйствій противъ всѣхъ случайно возникающихъ претензій. Предоставляя другимъ кричать, гнѣваться, плакать и прыгать, они дѣлаютъ свое дѣло равно и спокойно, плачутъ и прыгаютъ, когда приводитъ къ этому сила событій, но не дѣлаютъ ни одного лишняго движенія по своему капризу, а если и сдѣлаютъ что лишнее, то не гордятся этимъ, а прямо сознаются, что сдѣлали лишнее. Они — актеры, хорошо вошедшіе въ свою роль житейской комедіи; они дѣлаютъ то, чего требуетъ роль, и не выходятъ изъ нея, несмотря на всѣ бѣснованья, хлопанье, свистъ и стукъ партера... Пусть праздные зрители бѣсятся: актеру нѣтъ надобности покрывать ихъ крикъ своимъ голосомъ. Онъ переждетъ немного; потомъ опять станетъ продолжать свою роль: стихнуть же они наконецъ, если хотятъ его слушать.

Мы однако занесли такую аллегорію, что не знаемъ, какъ и добратся обратнымъ путемъ до литературныхъ мелочей... Чтобы не сдѣлать одного изъ тѣхъ смѣшныхъ прыжковъ, которыхъ возможность отрицали въ молодомъ поколѣніи, мы рѣшаемся оставить самый разборъ мелочей до слѣдующаго мѣсяца. Теперь же мы прибавимъ лишь нѣсколько словъ въ оправданіе длины нашихъ разсужденій. Мы хотѣли откровенно и серьезно объясниться съ людьми, которыхъ мы уважаемъ, но надъ маленькими слабостями которыхъ не можемъ не посмѣяться. Вотъ почему мы сочли нужнымъ такъ пространно и обстоятельно изложить наши

понятія о различіи, какое мы дѣлаемъ между прошлымъ и нынѣшнимъ поколѣніемъ. Послѣ нашихъ объясненій должно быть понятно, кажется, почему наши собственныя симпатіи обращены къ будущему, а не прошедшему, и почему намъ и всей молодой, свѣжей публикѣ кажутся такъ мелки и смѣшны декламаціи пожилыхъ мудрецовъ объ общественныхъ язвахъ, адвокатурѣ, свободѣ слова и т. д., и т. д. Во многомъ сходясь съ пожилыми мудрецами, молодое общество не сходится съ ними въ основномъ тонѣ: оно желаетъ вести серьезную рѣчь объ адвокатурѣ, гласности и пр., но только считая ихъ не болѣе, какъ средствами, при которыхъ можно придти къ другимъ высшимъ цѣлямъ. Пожилые мудрецы, напротивъ, разсуждаютъ о нихъ такъ, какъ будто видятъ въ нихъ цѣль, далѣе которой ничего уже не остается... И вотъ отчего всѣ ихъ возгласы такъ забавны, всѣ ихъ стремленія такъ поражаютъ своею мелкостью и близорукостью...

Въ слѣдующей статьѣ мы укажемъ нѣкоторыя подробности того, какимъ образомъ до сихъ поръ умѣла литература наша отнестись въ вопросамъ, заданнымъ ей жизнью. Теперь же пока представимъ читателямъ только «résumé» прекрасныхъ мыслей, въ послѣднее время постоянно высказывавшихся въ нашей литературѣ. Вотъ каковы были эти мысли и вотъ какъ они высказывались:

«Въ настоящее время, полное радостныхъ и благодатныхъ надеждъ, когда отрадно восходитъ на нашемъ гражданскомъ горизонтѣ прекрасная заря свѣтлаго будущаго, когда мудрыя предначинанія повсюду представляютъ новые залогов народнаго благоденствія, — каждый день, каждый часъ, каждое

мгновеніе этого великаго движенія имѣетъ глубоко-знаменательный смыслъ въ великой книгѣ великихъ судебъ нашего великаго отечества, нашей родной Россіи. Неизгладимыми чертами высѣчено будетъ настоящее время на нерукотворныхъ скрижаляхъ исторіи. Какъ бы по маію волшебнаго жезла, миновенно пробудился русскій исполинъ и, стряхнувъ съ себя дремотную лѣнь, успѣлъ съ быстротою, безпримѣрною въ исторіи вѣковъ и народовъ, совершить то, чего только тяжкими вѣковыми усиліями могъ достигнуть дряхлѣющій Западъ. Едва только кончилась безпримѣрная въ лѣтописяхъ міра борьба, въ которой русская доблесть и вѣрность стояла противъ соединенныхъ усилій могущественныхъ державъ Запада, вспомоцствуемыхъ наукою, искусствомъ, богатствомъ средствъ, опытностью на моряхъ и всею ихъ военною и гражданскою организаціей, — едва кончилась эта вышняя борьба подъ русскою Троею — Севастополемъ, какъ началась новая борьба — внутренняя — съ пороками и злоупотребленіями, скрывавшимися доселѣ подъ покровомъ тайны въ стѣнахъ канцелярій и во мракѣ судейскихъ архивовъ. Грозный бичъ сатиры поразилъ освященное давностью зло, пламенникъ карающаго обличенія озарилъ яркимъ свѣтомъ все злое и недостойное. Общественное сознаніе пробудилось, всякій принесть свою лепту на общее дѣло, всякій напрягалъ свои силы для пораженія гидры гражданскихъ злоупотребленій, и заслуженный успѣхъ доблестныхъ дѣятелей, явившихся глашатаями правды и добра, ясно доказалъ зрѣлость нашей общественной среды и ея горячее сочувствіе ко всѣмъ духовнымъ интересамъ народа. Общество въ самыхъ дремлющихъ

его слояхъ получило могущественный нравственный толчокъ, и усиленная умственная дѣятельность, воспрянувъ отъ долгаго сна, закинула на всемъ необъятномъ пространствѣ Россіи; всѣ живыя силы народа устремились на служеніе великому дѣлу народнаго просвѣщенія и совершенствованія. Въ то же время усвоеніе Россіею плодовъ европейской цивилизаціи открыло ей новую арену для полезной и разумной дѣятельности въ сферѣ промышленнаго развитія и матеріальныхъ улучшеній. Въ то самое время, какъ «Морской Сборникъ» поднимать вопросъ о воспитаніи и Пироговъ произнесъ великія слова: «нужно воспитать человѣка», въ то время, какъ университеты настуже распахнули двери свои для жаждущихъ истины, въ то время, какъ умственное движеніе въ литературѣ, преслѣдуя титаническую работу человѣческой мысли въ Европѣ, содѣйствовало развитію здравыхъ понятій и разрѣшенію общественныхъ вопросовъ: — въ это самое время сѣть желѣзныхъ дорогъ готовилась уже покрыть Россію во всѣхъ направленіяхъ и начать новую эру въ исторіи ея путей сообщенія; свободная торговля получила могущественное развитіе съ пониженіемъ тарифа; потянулась къ намъ вереница купеческихъ кораблей и обозовъ; встрепенулись и зашумѣли наши фабрики; пришли въ обращеніе капиталы; тучныя нивы и благословенная почва нашей родины нашли лучшій сбытъ своимъ богатымъ произведеніямъ. Въсѣтъ съ тѣмъ положено прочное основаніе многимъ общественнымъ реформамъ, многимъ благотворнымъ нововведеніямъ, подъ эгидою которыхъ должно развиваться, зрѣть и возрастать народное благоденствіе. Теперь уже снимаются съ народа оковы и откры-

вается ему широкое поприще свободного труда; всюду водружается знамя гласности; въ опредѣленныхъ размѣрахъ допущена свобода печатнаго слова, какъ благороднаго выраженія общественнаго мнѣнія, заговорили о магистратурѣ и адвокатурѣ, высказано нѣсколько теплыхъ словъ о преобразованіи полиціи, провозвѣщенъ недалекій конецъ прежней системы питейныхъ откуповъ . . . Съ гордымъ благоговѣніемъ (если можно такъ выразиться) оглядываешься назадъ — и нѣмѣешь мыслью предъ величіемъ пути, пройденнаго нами въ послѣдніе три года, предъ необъятной громадностью всего, чего успѣло коснуться въ это время вѣяніе новой жизни. И все это — только еще начатки! Каково же будетъ совершеніе! . . .».

Мы не скажемъ читателю, откуда извлекли эту тираду; но вѣрно каждый изъ современныхъ литературныхъ дѣятелей, прочитавъ ее, признается, что тутъ и его «хоть капля меду есть» . . .

II.

— Я уже мигаю Лукьяну Федосѣвичу, чтобъ онъ козырялъ, — нѣтъ... А вѣдь тутъ только козырни,—валеть мой пикъ и беретъ...

— Позвольте, Иванъ Петровичъ,—валеть не беретъ.

Гоголь.

Колоссальная фраза, выработанная въ послѣдніе годы нашими публицистами и приведенная нами въ концѣ прошедшей статьи, составляетъ еще не самую темную сторону современной литературы. Оттого наша первая статья имѣла еще характеръ довольно веселый. Но теперь, возобновляя свои

воспоминанія о прошломъ годѣ, чтобы выставить на видъ нѣсколько литературныхъ мелочей, мы уже не чувствуемъ прежней веселости: намъ приходится говорить о фактахъ довольно мрачныхъ.

Прежде всего должны мы отмѣтить главную ложь, въ которой литература наша проявила свою мелочность. Ложь эта состоитъ въ высокомъ мнѣніи литературы о томъ, что она сдѣлала. Почитаешь журнальныя статейки, такъ иногда и въ самомъ дѣлѣ подумаешь, что литература у насъ — сила, что она и вопросы подымаетъ, и общественнымъ мнѣніемъ ворочаетъ... А на дѣлѣ ничего этого нѣтъ и не бывало: литература у насъ постоянно, за самыми ничтожными исключеніями, до настоящей минуты, шла не впереди, а позади общества. Говоря это, мы вовсе не имѣемъ въ виду той теоріи, по которой литература должна непременно похищать съ неба огонь, подобно Прометею, и сообщать его людямъ. Нѣтъ, мы просто разумѣемъ литературу, какъ выраженіе общества и народа, и въ этомъ смыслѣ наши требованія отъ нея очень не велики. Потребности общественныя возникаютъ вслѣдствіе извѣстныхъ жизненныхъ фактовъ; толпа долго смотритъ на эти факты, не осмысливая ихъ значенія. Тутъ-то и есть настоящая работа для литературы. Люди умные, люди пишущіе стараются схватить на лету первый проблескъ новыхъ потребностей, стараются подмѣтить, собрать, разъяснить факты, въ которыхъ заключается зародышъ новаго движенія, дать ему должное направленіе, указать его прямыя послѣдствія. Послѣ такого разсмотрѣнія идей въ литературѣ, онѣ становятся сознательнымъ достояніемъ массы и уже легко и правильно могутъ выражаться въ

административной дѣятельности государства и въ нравственномъ направленіи частныхъ лицъ. Такъ обыкновенно и дѣлается въ литературахъ болѣе развитыхъ; по журнальнымъ возгласамъ можно бы было подумать, что такъ и у насъ дѣлалось въ послѣднее время. Но журнальные возгласы совершенно несправедливы въ своей надменности. Простатривая журналы наши за послѣдніе годы, вы ясно увидите, что наши общественныя потребности и стремленія прежде находили себѣ выраженіе въ административной и частной экономической дѣятельности, а потомъ уже (и нерѣдко — долго спустя) переходили въ литературу. Изъ всѣхъ вопросовъ, занимавшихъ наше общество въ послѣднее время, мы не знаемъ ни одного, который дѣйствительно былъ бы *поднятъ* литературою; не говоримъ уже о томъ, что ни одинъ не былъ ею *разрѣшенъ*. И въ этомъ, самомъ по себѣ, нѣтъ еще ничего дурного: юной литературѣ, какъ и всякому юному, прилична скромность. Многимъ (и намъ въ томъ числѣ) даже очень пріятно было видѣть, съ какою робкою осторожностью приступали наши писатели ко всякому новому предмету, какъ боязливо осматривались, не зная, хорошо ли будутъ приняты ихъ слова, какъ взвѣшивали и размѣривали свою рѣчь, приберегая себѣ лазейку на всякій случай. Мы радовались образцовой умѣренности и аккуратности нашей литературы, и очень хорошо понимали ея причину. Мы понимали, что тамъ, гдѣ литература есть занятіе кружковъ и гдѣ она назначается лишь для нѣсколькихъ избранныхъ, называемыхъ образованнымъ обществомъ, тамъ она не можетъ быть вполнѣ увѣренной въ себѣ. Въ томъ, что касается отдѣльных кружковъ и исклю-

чительныхъ надобностей образованнаго класса, она еще можетъ возвышать свой голосъ. Но чуть только вопросы расширятся, чуть дѣло коснется народныхъ интересовъ, литература тотчасъ конфузится и не знаетъ что ей дѣлать, потому что она не изъ народа вышла и кровно съ нимъ не связана. Въ этихъ случаяхъ она по необходимости ждетъ, пока общественное мнѣніе ясно выскажется или пока государственная власть вмѣшается въ дѣло. Тогда уже и писатели рѣшатся раскрыть ротъ. Все это совершенно естественно и понятно, и мы не стали бы упрекать нашу литературу за ея отсталость, если бы она сама сознавала свое безсиліе, свою юность и свое подчиненное, а не руководящее положеніе въ обществѣ. Но публицисты наши гордятся чѣмъ-то; они полагаютъ, что въ литературѣ есть какая-то инициатива. Поэтому мы находимъ нужнымъ представить имъ нѣсколько фактовъ для смиренія ихъ гордости. Для этого далеко ходить нечего: стоитъ только перебрать важнѣйшіе вопросы, занимавшіе нашу литературу въ послѣднее время.

Первый изъ общественныхъ вопросовъ, вызвавшихъ толки въ нашей литературѣ, былъ, сколько мы помнимъ, вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ. Но какъ вы думаете — съ чего началось дѣло? Совѣстно сказать: съ «Times». Первое, что ободрило наши журналы писать о желѣзныхъ дорогахъ, было сообщеніе напечатаннаго въ «Times» извѣстія о Рижско-Динабургской желѣзной дорогѣ. Это было въ началѣ 1856 г. Оказалось, что Рижско-Динабургская дорога была разрѣшена еще въ 1853 г., а въ сентябрѣ 1855 г. уже учрежденъ былъ комитетъ вообще для опредѣленія условій относитель-

но сооруженія желѣзныхъ дорогъ Россіи частными компаніями. Дѣло Рижской дороги приостановлено было войною; но какъ только миръ былъ заключенъ, немедленно явилось на лондонской биржѣ объявленіе объ акціяхъ Рижско-Динабургской желѣзной дороги. Узнавши объ этомъ, и наши журналы начали толковать о желѣзныхъ дорогахъ; но и тутъ едва ли не ранѣе всѣхъ приняли участіе въ дѣлѣ официальные журналы — министерствъ путей сообщенія и государственныхъ имуществъ. По крайней мѣрѣ одна изъ первыхъ статей по этому предмету была: «О пользѣ желѣзныхъ дорогъ для перевозки земледѣльческихъ произведеній», помѣщенная въ № 1 «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ», 1856 г. Прочіе же журналы уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ принялись разсуждать объ этомъ и расходились только къ концу года, когда правительственнымъ образомъ рѣшалось дѣло о постройкѣ у насъ новыхъ дорогъ иностраннымъ обществомъ, которое и утверждено въ январѣ 1857 г. Какъ видите, вопросъ о желѣзныхъ дорогахъ довольно поздно сдѣлался достояніемъ литературы. Странно, почти необъяснимо, что даже о такой простой и невинной вещи, какъ желѣзныя дороги, литература не догадалась заговорить, прежде чѣмъ постройка ихъ рѣшена была правительственнымъ образомъ; но эта недогадливость или робость литературы — фактъ несомнѣнный. Всякій, кто читаетъ журналы наши не со вчерашняго дня, припомнитъ, что до 1856 г. литература ограничивалась на этотъ счетъ только тонкими намеками, что намъ нужны хорошіе пути сообщенія и что желѣзныя дороги суть хорошіе пути сообщенія.

Одновременно съ вопросомъ о желѣзныхъ дорогахъ поднялся въ литературѣ вопросъ о воспитаніи. Вопросъ этотъ такъ общъ, что и въ прежнее время нельзя было не говорить о немъ, и дѣйствительно, даже въ самое глухое время нашей литературы, перѣдко появлялись у насъ книжки и статейки: «О задачахъ педагогики, какъ науки», «О воспитаніи дѣтей въ духъ христіанскаго благочестія», «Объ обязанности дѣтей почитать родителей» и т. п. Но съ 1856 г. разсужденія о воспитаніи отличались нѣсколько особеннымъ характеромъ. Въ нихъ проводились слѣдующія главныя мысли: «Общее образованіе важнѣе спеціальнаго; нужно главнымъ образомъ внушать дѣтямъ честныя стремленія и здравыя понятія о жизни, а техника всякаго рода, формальности и дисциплина — суть дѣло второстепенное; въ раннемъ возрастѣ жизни важно семейное воспитаніе, и потому жизнь въ закрытыхъ заведеніяхъ вредно дѣйствуетъ на развитіе дѣтей; воспитатели и начальники учебныхъ заведеній должны знать свое дѣло и заботиться не объ одной чистотѣ зданій и соблюденіи формы воспитанниками». Всѣ эти высокія, хотя далеко не новыя, истины безпрестанно пересыпались, разумѣется, не менѣе основательными разсужденіями о томъ, что просвѣщеніе лучше невѣжества, что умѣнье танцовать и маршировать не составляетъ еще истинной образованности, и т. п. Все это было прекрасно; но кто же поднять этотъ важный вопросъ, кто обратилъ на него общее вниманіе? Всѣ помнятъ, что дѣло началось съ «Морского Сборника», офиціального журнала, не случайно, а намѣренно выдвинувшаго на первый планъ статьи о воспитаніи, печатно просивша-

го присылать къ нему такія статьи отсюду. Статья г. Бема о воспитаніи помѣщена была въ № 1 «Морского Сборника» за 1856 г., и долго послѣ того журнальныя статьи по этому предмету писались «По поводу статьи г. Бема», до тѣхъ поръ, пока не явилась въ «Морскомъ Сборникѣ» же статья г. Пирогова; тогда стали писать: «По поводу вопросовъ жизни», и начинать словами: «Въ настоящее время, когда вопросъ о воспитаніи поднять «Морскимъ Сборникомъ» и когда Пироговъ высказать столь ясный взглядъ на значеніе образованія», и пр. Значитъ, и тутъ нельзя сказать, чтобы инициатива дана была литературой собственно. Но заслуга ея представится намъ еще менѣе значительною, когда мы прослѣдимъ ее параллельно съ административными распоряженіями по учебнымъ вѣдомствамъ. Извѣстно, что вопросъ объ общемъ и спеціальномъ образованіи разрѣшенъ былъ правительственнымъ образомъ въ пользу общаго образованія еще въ половинѣ 1855 г. Экстерны въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, преобразование артиллерійской и инженерной академій, предположеніе объ уничтоженіи низшихъ классовъ въ нѣкоторыхъ корпусахъ — сдѣланы были раньше, нежели хоть одинъ голосъ поднялся въ литературѣ противъ спеціальнаго образованія. Печатать объ этомъ статьи стали уже тогда, когда вопросъ былъ значительно выясненъ не только въ общественномъ сознаніи, но даже и въ административныхъ распоряженіяхъ. Такъ было и во всемъ, относящемся къ воспитанію и образованію.

Въ ноябрѣ 1855 г. разрѣшенъ былъ пріемъ неограниченнаго числа студентовъ въ университетъ; вслѣдствіе этого въ 1856 году увеличилось коли-

чество университетскихъ студентовъ, и когда обнародованъ былъ отчетъ министерства просвѣщенія за этотъ годъ, то въ литературѣ появилось нѣсколько замѣтокъ о пользѣ возможно большаго расширенія университетскаго образованія...

Въ декабрѣ 1855 г. учреждены были особые попечители въ тѣхъ округахъ, гдѣ прежде эта должность соединена была съ генераль-губернаторскою. Въ февраль 1856 г. повелѣно назначать въ гражданскихъ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ воспитателей не изъ военныхъ. Въ мартѣ отмѣнено преподаваніе военныхъ наукъ въ гимназіяхъ и университетахъ. Всѣ эти мѣры вызывали сочувствіе литературныхъ дѣятелей, и они, обыкновенно выждавши нѣсколько мѣсяцевъ, считали долгомъ высказать свое мнѣніе о пользѣ того, что сдѣлано. Такимъ образомъ въ продолженіе 1857 г. (отчасти и въ 1856 г., но очень мало) было высказано много дѣльныхъ мыслей о томъ, что начальникъ училища не есть только администраторъ, что воспитатель долженъ смотрѣть не за одной только исправкой воспитанниковъ, и пр.

То же самое было и во всѣхъ другихъ частностяхъ. Въ половинѣ 1856 г. стали говорить о необходимости общенія нашего съ Европой. Сначала это говорилось довольно неопредѣленно, въ общихъ чертахъ, мимоходомъ, по поводу споровъ съ «Русскою Бесѣдой» о народности, потомъ прямо высказали, что намъ теперь нужно заимствовать многое отъ просвѣщеннаго Запада; наконецъ, какъ-то въ концѣ года, кажется по поводу статьи г. Григорьева о Грановскомъ, рѣшительно было высказано, что молодымъ ученымъ нашимъ полезно ѣздить учиться за границу. Но это говорилось уже

въ концѣ года, между тѣмъ какъ посылка молодыхъ людей за границу была разрѣшена правительствомъ еще въ мартѣ.

Въ прошломъ году по части просвѣщенія были въ ходу у насъ особенно два вопроса: объ измѣненіяхъ учебной части въ университетахъ и гимназіяхъ и о женскихъ школахъ. Что же, сама ли литература додумалась наконецъ до этихъ вопросовъ? Вовсе нѣтъ. Первая статья г. Бунге объ университетахъ, послѣ которой литература приняла въ вопросъ нѣсколько живое участіе, напечатана въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ апрѣлѣ прошлаго года; а правительственное опредѣленіе о необходимости преобразованій въ университетахъ и гимназіяхъ состоялось еще въ 1856 г.! Преимущественно съ этой цѣлью учреждены въ маѣ 1855 г. ученый комитетъ при главномъ правленіи училищъ, и въ отчетѣ министра просвѣщенія за 1856 г. указываются уже многіе недостатки учебной части и мѣры къ ихъ исправленію. Съ женскими училищами то же самое. Въ концѣ 1857 г. въ первый разъ заговорили о женскихъ институтахъ и вообще объ образованіи дѣвицъ средняго сословія; во все теченіе прошлаго года продолжались статьи объ этомъ предметѣ, преимущественно по поводу вновь открываемыхъ женскихъ училищъ. Нельзя не сказать, что и тутъ литература наша опоздала. Еще въ отчетѣ министра просвѣщенія за 1856 г. мы читали, что такъ какъ «лица средняго состоянія, особенно въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ, лишены возможности дать дочерямъ своимъ даже скромное образованіе», то министерство и составило «предположеніе объ открытіи школъ для дѣвицъ въ губернскихъ

и уѣздныхъ городахъ и въ большихъ селеніяхъ». Вслѣдъ за этимъ предположеніемъ приступлено было тогда же и къ «соображеніямъ объ устройствѣ таковыхъ школъ на первый разъ въ губернскихъ городахъ, по мѣрѣ способовъ, какіе могутъ къ тому представиться». Въ прошломъ году предположенія перешли уже въ дѣйствительность; основано было много женскихъ открытыхъ школъ не только правительствомъ, но даже и частными лицами. А литература только что начала говорить объ ихъ пользѣ и надобности!

Не менѣе жалкая роль выпала на долю литературы и въ толкахъ объ экономическихъ улучшеніяхъ. Первое пробужденіе у насъ экономическихъ интересовъ выразилось въ спорахъ о свободѣ торговли. Первая статья о ней явилась въ апрѣль 1856 г., подъ заглавіемъ «О внѣшней торговлѣ». Статья эта не была самостоятельнымъ голосомъ русскаго журнала, въ которомъ явилась: въ ней передавались данныя изъ книги Тенгоборскаго (собиравшаго свѣдѣнія *официальнымъ* образомъ), съ замѣчаніями г. Вернадскаго, явившагося поборникомъ свободы торговли. Но все-таки, читая статью, можно было подумать, что вотъ возбуждается вопросъ новый и важный, долженствующій войти въ общественное сознаніе и побудить къ чему-нибудь государственную дѣятельность. Такъ нѣкоторые и подумали, и вслѣдствіе того возстали на г. Вернадскаго, какъ на человѣка не любящаго отечество и противящагося властямъ, которыя будто бы и не думаютъ о свободѣ торговли. Но г. Вернадскій блистательно оправдался отъ всѣхъ обвиненій. Въ отвѣтъ своемъ противникамъ онъ привелъ до 20 статей Свода Законовъ, изъ которыхъ видно,

что отстраненіе стѣсненій во внешней торговлѣ постоянно было въ видахъ правительства; кромѣ того онъ сослался на пониженіе тарифа въ 1850 и 1854 г.г., указалъ на нѣсколько частныхъ постановленій о пониженіи пошлинъ, намекнулъ даже на то, что готовится новый тарифъ, еще болѣе пониженный, словомъ — доказалъ, что онъ въ своей статьѣ повторялъ только то, что уже давно рѣшено правительственнымъ образомъ. И дѣйствительно: отвѣтъ г. Вернадскаго появился въ началѣ іюня 1856 г., и въ началѣ того же іюня объявлено было повелѣніе о новомъ пересмотрѣ тарифа.

То же было съ внутренней торговлей и промышленностью. Когда въ обществѣ не только почувствовалась потребность новаго промышленнаго движенія, но даже и формулировалась она въ различныхъ предпріятіяхъ и компаніяхъ, тогда и въ журналахъ явились статьи о промышленныхъ предпріятіяхъ, о биржевыхъ операціяхъ, и пр. Ранѣе же окончанія войны, послѣ которой оживилась наша промышленность, и объ этомъ ничего не было писано . . . А между тѣмъ нельзя сказать, чтобъ въ публикѣ и раньше того не было сочувствія къ вопросамъ промышленности: въ послѣдніе три года страсть къ акціямъ, по увѣренію нѣкоторыхъ, дошла у насъ до ажіотажа; въ акціонерныхъ компаніяхъ теперь уже обращается до 500 милліоновъ капитала; неужели же все это и родилось, и выросло только съ 1856 г.?

При такомъ безсиліи литературы даже въ интересахъ частной дѣятельности, трудно предположить, разумѣется, чтобы она выказала особенную силу въ административныхъ вопросахъ. А между тѣмъ здѣсь-то она и показала себя. Преслѣдо-

ваніе взятокъ и чиновныхъ злоупотребленій до сихъ поръ составляетъ главнѣйшій предметъ гордости нашихъ публицистовъ, беллетристовъ и даже поэтовъ. Какъ же это могло случиться? Откуда писатели наши взяли силы для возстанія противъ чиновниковъ и взятокъ? Да все оттуда же, изъ правительственныхъ распоряженій. Припомните, кто и когда былъ основателемъ юридической беллетристики, кто поднялъ въ литературѣ вопросы о злоупотребленіяхъ чиновниковъ. То былъ Щедринъ, котораго первые очерки появились въ августъ 1856 г. Переберите правительственные акты 1855 и 1856 г.г., и вы убѣдитесь, что это было уже очень, очень поздно. Еще въ отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 г. мы читали слѣдующее: «что касается до служебной нравственности чиновниковъ, то хотя она и не всегда соответствуетъ видамъ правительства, но улучшение ея можетъ быть достигнуто не иначе какъ посредствомъ улучшения общей народной нравственности». Вмѣстѣ съ этимъ отчетомъ сдѣлался извѣстенъ циркуляръ министра, еще отъ 14 мая 1855 г., въ которомъ говорилось, что, при настоящемъ положеніи дѣлъ, «работа чиновниковъ производитъ результаты совершенно неудовлетворительныя». Подобный же циркуляръ написанъ былъ въ январь 1856 г. министромъ государственныхъ имуществъ. Онъ говоритъ между прочимъ о томъ, что могъ иногда (хотя только въ рѣдкихъ случаяхъ) «ошибаться въ выборъ должностныхъ лицъ и встрѣчать со стороны нѣкоторыхъ неисполнительность и даже нарушеніе обязанностей». Въ заключеніе министръ замѣчаетъ, что «въ обширномъ кругу предназначенныхъ для министерства обязанностей

многое еще остается дѣлать». Та же благородная мысль выражалась неоднократно въ требованіяхъ правительства, чтобы при составленіи отчетовъ не скрывали недостатковъ управленія. При такихъ поощреніяхъ даже совѣстно было бы, кажется, литературѣ не подняться тотчасъ же на злоупотребленія; но она и тутъ еще ждала цѣлый годъ . . . А между тѣмъ, даже если бы ничего другого не было, ей могли бы придать смѣлости уже одни эти слова, знакомыя всей Россіи изъ манифеста 19 марта 1856 г. «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ; каждый, подъ сѣнью законовъ, всѣмъ равно покровительствуемыхъ, для всѣхъ равно справедливыхъ, да наслаждается въ мирѣ плодомъ трудовъ невинныхъ». А литература и послѣ этого еще не вдругъ осмѣлилась возстать противъ неправды и беззаконія! . .

«Но въ литературѣ не только взяточничество обличалось, а дѣлались, кромѣ того, указанія на недостатки настоящей организаціи судебныхъ и административныхъ учреждений, на неудобства полицейскаго устройства, и пр. Тутъ уже литература подымалась выше своей обыкновенной роли, показывала болѣе самостоятельности, и за то справедливо можетъ гордиться своими заслугами». Нѣтъ, и здѣсь опять та же самая исторія: мысль о судебныхъ преобразованіяхъ пущена въ ходъ въ литературѣ потому только, что она давно созрѣла и приводится въ исполненіе въ законодательствѣ. Мы помнимъ, что первая или одна изъ первыхъ статей о полиціи, обратившихъ на себя общее вниманіе, начиналась ссылкой на «Le Nord», въ которомъ напечатано было извѣстіе о готовящемся у насъ преобразованіи полиціи. Да и кромѣ того, въ

отчетъ министра внутреннихъ дѣлъ за 1855 г., въ то время когда въ литературѣ никто не смѣлъ заикнуться о полиціи, прямо выводилось слѣдующее заключеніе изъ фактовъ полицейскаго управленія за тотъ годъ: «Настоящая картина указываетъ на необходимость нѣкоторыхъ преобразованій въ полицейской части, тѣмъ болѣе, что бывають случаи, когда полиція затрудняется въ своихъ дѣйствіяхъ по причинѣ невозможности примѣнить къ дѣйствительности нѣкоторыя предписываемыя ей правила. При огромномъ числѣ чиновниковъ невозможно имѣть ихъ всѣхъ хорошихъ, существующее же число ихъ необходимо при настоящемъ направленіи всѣхъ общихъ дѣлъ, въ особенности же полицейскихъ; ибо въ настоящее время господствуетъ вездѣ преобладаніе формъ и бумажнаго производства, нерѣдко въ ущербъ самому дѣлу. Упрощеніемъ обрядовъ дѣлопроизводства можно достигнуть уменьшенія числа должностныхъ лицъ, и тогда начальства будутъ имѣть болѣе возможности изъ среды многихъ соискателей избрать немногихъ, но достойныхъ людей». Послѣ этого тотчасъ же можно было бы, кажется, приняться писать и «Два слова о полиціи» и «О непродуктивности многописанія» и т. д. Но литература наша взялась за эти вопросы не ранѣе 1857 г.

Быль еще общественный вопросъ, *поднятый* литературою въ прошломъ году, вопросъ объ откупахъ. О нихъ мы не будемъ распространяться, потому что въ «Современникѣ» прошлаго года объ откупахъ было довольно писано. Напомнимъ читателямъ между прочимъ статью г. Панкратьева объ откупной системѣ. Авторъ ея изумляется, съ какой стати вдругъ литература набросилась на

откупа, которыхъ прежде не трогала, хотя зло отъ нихъ было не менѣе сильно; а дѣло объясняется просто: въ началѣ прошлаго года уже рѣшено было паденіе нынѣшней откупной системы, — вотъ литераторы и принялись за нее . . . А до этого объ откупахъ осмѣливался кричать только г. Кокоревъ . . .

Остается вопросъ, которымъ съ начала прошлаго года мгновенно наполнились не только всѣ журналы, но и вся земля русская, — вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Насколько участвовала литература въ возбужденіи этого вопроса? Мы думаемъ, что *ни насколько*. Конечно, намъ могутъ привести длинный рядъ выписокъ, изъ которыхъ будетъ видно, что въ литературѣ нашей постоянно высказывалось нерасположеніе къ крѣпостному праву, начиная по крайней мѣрѣ съ половины прошлаго столѣтія. Но мы вовсе и не возстаемъ противъ благонамѣренныхъ нашихъ литературныхъ стремленій; мы хотимъ только показать, какъ они ничтожны. И чѣмъ болѣе будутъ намъ доказывать, что литература всегда имѣла благое стремленіе говорить противъ крѣпостного права, тѣмъ болѣе мы будемъ убѣждаться въ ея слабости и ничтожности. Что же она сдѣлала съ своими добрыми намѣреніями и желаніями? Пересмотрите наши журналы хоть за послѣднія десять лѣтъ: чѣмъ они наполнены? Въ цѣлый годъ едва ли два три слабыхъ намека найдете вы на необходимость освобожденія крестьянъ. Нѣсколько яснѣе сдѣлались эти намеки съ 1856 г., да и то сначала держались все только въ сельскохозяйственной сферѣ; и едва ли не первый заговорилъ прямо о крѣпостномъ правѣ — г. Бланкъ,

помѣстившій въ «Трудахъ Экономическаго Общества» (№ 6, 1856 г.) свой диопрамбъ русскимъ помѣщикамъ. Скромнымъ возраженіемъ ему г. Безобразовъ пріобрѣлъ репутацію благороднаго и смѣлаго публициста. Возраженіе появилось въ августъ 1856 г., а между тѣмъ отмѣненіе крѣпостного права рѣшено было правительственнымъ образомъ еще до конца восточной войны. Многія правительственныя дѣйствія уже указывали въ это время на то, что дѣло освобожденія приближается. Еще въ 1855 г. опредѣлено было въ имѣніяхъ государственныхъ имуществъ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, переложеніе податей съ души на землю; послѣдовали указы объ улучшеніи быта крестьянъ, приписаннымъ къ алтайскимъ горнымъ заводамъ, потомъ — относительно крѣпостныхъ въ Закавказскомъ краѣ, и пр. Въ іюль 1856 г. утверждено было новое положеніе о крестьянахъ Эстляндской губерніи . . . Наконецъ 3 января 1857 г. учрежденъ уже былъ Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу . . . А литература во все продолженіе 1857 г. ограничивалась слабыми намеками да кое-какими поучительными указаніями на другія страны . . . Только съ февраля прошлаго года, послѣ того какъ уже шесть губерній изъявили свое желаніе объ улучшеніи быта крѣпостныхъ крестьянъ, литература дѣятельно принялась за крестьянскій вопросъ, да и то съ какими колебаніями! . . . Но о колебаніяхъ мы будемъ говорить ниже . . .

Кажется, мы перебрали все главнѣйшіе вопросы, *возбужденіемъ* которыхъ гордятся наши публицисты. Простое сопоставленіе фактовъ литературы съ фактами государственной дѣятельности могло убѣдить насъ, что публицисты гордятся напрасно.

Каковы заслуги литературы нашей въ другихъ отношеніяхъ, мы пока не говоримъ. Но ясно одно: *она не имѣетъ ни малѣйшаго права приписывать себѣ инициативы — ни въ одномъ изъ современныхъ общественныхъ вопросовъ.* Многимъ можетъ не понравиться такое заключеніе; но мы этого не боимся: факты наши слишкомъ ясны, чтобы изъ нихъ можно было вывести другое заключеніе, нежели то, какое мы видѣли. Мы желали бы только, чтобы нашихъ словъ не перетолковали ложнымъ образомъ, и потому хотимъ прибавить еще нѣсколько объясненій.

Насъ могутъ назвать противниками литературы и сказать, что мы совершенно напрасно обвиняемъ ее. Но это будетъ несправедливо. Мы очень хорошо понимаемъ, что быть противникомъ литературы — значить быть противникомъ просвѣщенія и прогресса. Мы даже и обвинять литературу вовсе не думаемъ: мы просто выставляемъ фактъ, несомнѣнный и ясный фактъ, никого не желая ни осуждать, ни восхвалять за него. Что же касается до заключенія, которое изъ него можно вывести, — оно можетъ состоять развѣ въ томъ, что напрасно публицисты наши полагаютъ, будто *они поднимали общественные интересы...*

Возраженій противъ насъ можетъ быть много, но мы заранѣе знаемъ ихъ содержаніе и считаемъ ихъ совершенно безвредными для сущности нашего мнѣнія. Намъ могутъ указать на множество причинъ, которыя ставятъ литературу въ необходимость сдерживать свои благіе порывы; могутъ прибавить, что причины эти заключаются не во внутренней сущности литературной дѣятельности и не въ случайностяхъ литературныхъ дарованій

и стремленій, а въ обстоятельствахъ чисто виѣшнихъ, зависящихъ отъ несовершенствъ самого общества нашего . . . Все это можетъ быть справедливо, и мы готовы, пожалуй, безъ всякихъ ограниченій принять подобное возраженіе. Но оно приведетъ насъ только къ болѣе рѣзкому выраженію нашего мнѣнія. Въмѣсто фактическаго указанія на то, что литература *не имѣла* у насъ инициативы въ общественныхъ вопросахъ, мы, принявши приведенное возраженіе, должны будемъ сказать: литература у насъ *не можетъ имѣть* инициативы, при современной организаціи и степени развитія русскаго общества . . .

«Но зачѣмъ же, — еще скажутъ намъ, — клепать на литературу, относя къ ней то, что относится совсѣмъ къ другимъ явленіямъ русской жизни? И зачѣмъ требовать отъ нея того, чего она не могла сдѣлать, *по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ*, какъ выражаются журналисты?». На это опять тотъ же отвѣтъ: мы ничего не клеплемъ на литературу и не предъявляемъ никакихъ требованій. Мы твердимъ только одно: она ничего не сдѣлала и не имѣетъ права гордиться тѣмъ, что *поднимала* серьезные общественные вопросы. Намъ нѣтъ надобности знать, какіе великіе таланты и какія неодолимые силы заключаются въ душахъ нашихъ публицистовъ; мы судимъ только о *дѣлахъ* ихъ и говоримъ, что дѣла эти до сихъ поръ ничтожны. Когда же вы намъ указываете на невозможность дѣйствій болѣе рѣшительныхъ и важныхъ, мы и тутъ на васъ не нападаемъ и тотчасъ же соглашаемся прибавить: «дѣйствія литературы *и не могутъ быть* не ничтожны при современномъ состояніи русскаго общества». Ка

жется, насъ нельзя упрекнутьъ въ излишней придирчивости?

Самое сильное, что противъ насъ могутъ сказать, можетъ состоять въ слѣдующемъ. «Напрасно вы берете отдѣльныя явленія литературы, — скажутъ намъ, — и разсматриваете ихъ такъ отрывочно. Вникните въ самый духъ литературы послѣдняго времени, поймите общность ея стремленій, уловите эту незримую струю, которая чувствуется въ каждой журнальной повѣсти, въ каждомъ фельетонѣ, въ каждой газетной замѣткѣ, также какъ и въ спеціальныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ и въ серьезныхъ произведеніяхъ, отмѣченныхъ печатью сильнаго таланта. Во всемъ вы видите стремленіе впередъ, слышите несмолкающую проповѣдь движенія, работы, публичности, прогресса. Не въ частности то или другое нововведеніе вызвано литературою; но, что гораздо важнѣе, духъ преобразованій, общее стремленіе къ дѣятельности постоянно ею возбуждалось и «возбуждается». Возраженіе это имѣетъ видимую основательность, но только видимую. Въ немъ упущено изъ виду то, что не частныя явленія жизни и исторіи вытекаютъ изъ какихъ-то общихъ началъ и отвлеченныхъ стремленій, а самито начала и стремленія слагаются изъ частныхъ фактовъ, опредѣляются частными нуждами и обстоятельствами. Поэтому, кто не можетъ указать ни на одинъ опредѣленный фактъ, имъ совершенный, тотъ не долженъ говорить и объ общемъ значеніи своей дѣятельности. Мы видѣли, что литература не возбудила общественной дѣятельности ни по одному изъ тѣхъ предметовъ, которыми занято теперь общее вниманіе: пусть же не говоритъ она и вообще, что возбуждала къ дѣятельности. Ежели

она все кричала только: «впередъ!» да «пора за работу!» — такъ это значить, что она сильно ударила по фразе и къ своей мелочности и слабости прибавила еще долю пошлости. Если же она придаетъ значеніе тѣмъ намекамъ, которые она нерѣдко дѣлала насчетъ необходимости различныхъ улучшеній, такъ она очень ошибается. Мы не отнимаемъ у этихъ намековъ нѣкотораго значенія въ томъ отношеніи, что они свидѣтельствовали о благонамѣренности и добромъ сердцѣ нашихъ писателей; мы ихъ высоко цѣнимъ и въ смыслѣ литературной смѣтливости. Доказательствомъ тому служить эпитафійная настоящей статьи. Мы выбрали его именно затѣмъ, чтобы показать, что *миганіе* литературы не укрылось отъ насъ . . . Но что же изъ этихъ миганій? Опять-таки сознаніе своего безсилія. Если бы ходъ былъ Ивана Петровича, а не Лукьяна Федосевича, то и мигать не нужно бы было: это первое. Второе то, что миганія Ивана Петровича легко было и не замѣтить или не понять: Лукьянъ Федосевичъ и дѣйствительно не замѣтилъ его. А третье, наконецъ, — то, что если бы Лукьянъ Федосевичъ и замѣтилъ, и козырнулъ, то еще Богъ вѣсть взять ли бы валетъ шикъ у Ивана Петровича. Иванъ Петровичъ думаетъ, что взять бы, но Александръ Ивановичъ убѣждаетъ, что нѣтъ, потому что, говоритъ, «у Лукьяна Федосевича была семерка, и никакимъ образомъ нельзя было бы взять въ руку . . .». Такимъ образомъ дѣло оказывается очень сложнымъ, и разобрать его трудно . . .

Послѣ сдѣланныхъ объясненій, никто, мы надеемся, не станетъ съ нами спорить о томъ, что литература, при всей своей благонамѣренности, ревности, разсудительности и прочихъ качествахъ,

все-таки не можетъ ни въ чемъ приписать себѣ инициативы. А согласившись съ этимъ, читатели признають справедливость и дальнѣйшихъ выводовъ нашихъ относительно общественнаго значенія нашей литературы. Если литература идетъ не впередъ общественнаго сознанія, если она во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ бредетъ уже по проложеннымъ тропинкамъ, говоритъ о фактѣ только послѣ его совершенія и едва рѣшается намекать даже на тѣ будущія явленія, которыхъ осуществленіе уже очень близко; если возбужденіе вопросовъ совершается не въ литературѣ, а въ обществѣ, и даже возбужденные въ обществѣ вопросы не непосредственно переходятъ въ литературу, а уже долго спустя послѣ ихъ проявленія въ административной дѣятельности; если все это такъ, то напрасны увѣренія въ томъ, будто бы литература наша стала серьезнѣе и самостоятельнѣе. Нѣтъ,—время стало серьезнѣе, общество стало самостоятельнѣе, это можетъ быть (хотя и то еще требуетъ повѣрки очень строгой); а литература относительно общества осталась совершенно въ томъ же положеніи, какъ и прежде. Въдѣ во всѣ времена, даже по чисто-коммерческому разсчету (не говоря о другихъ причинахъ), литература должна была говорить о томъ, что привлекаетъ публику. Былъ когда-то въ славѣ Дюма: русскіе журналы украшались романами Дюма. Нравились одно время стишки къ дѣвамъ и лунѣ: литература была запружена стишками. Вошла въ моду миѳологія: пошли литературные толки о классическихъ и славянскихъ божествахъ, пошли статейки о значеніи кочерги и исторіи ухвата. Поднялся восточный вопросъ и потомъ война: въ литературѣ все отбѣснено было на задній планъ статьями о Турціи

и разсказами о русскихъ подвигахъ въ битвахъ со врагами. Кончилась война, общество очнулось и потребовало измѣненій и улучшеній, измѣненія стали дѣлаться административнымъ порядкомъ: и литература туда же, принялась говорить о прогрессѣ, о гласности, о взяткахъ, о крѣпостномъ правѣ, объ откупахъ и пр. А окажись завтра, что въ нашемъ обществѣ стремленіе къ улучшеніямъ было только минутнымъ, легкомысленнымъ порывомъ, обратись общество опять къ Дюма-сыну: и въ литературѣ воцарится Дюма-сынъ совершенно какъ полный хозяинъ. Можно, конечно, надѣяться, что этого не будетъ; но не будетъ только потому, что нашему обществу трудно уже теперь своротить съ своей дороги. Что же касается до литературы, то она *непремѣнно* послѣдуетъ за обществомъ: мы въ этомъ твердо убѣждены, потому что прошедшіе факты уже доказали намъ, что литература у насъ не есть еще сила общественная, не есть жизненная потребность націи, а все-таки *потѣха*, какъ и прежде. Когда намъ указываютъ на новое направленіе литературы, на ея серьезность, на ея вліяніе въ обществѣ, мы всегда припоминаемъ стихъ:

Тѣшится новой игрушкой дитя!..

Больно намъ при этомъ воспоминаніи; но что же дѣлать? Литература до сихъ поръ такъ мало выказала признаковъ мужества, что поневоль безнадѣжный стихъ припоминается при самыхъ даже пріятныхъ, обнадеживающихъ случаяхъ...

Чтобы яснѣе показать, какъ еще мало серьезности пріобрѣла наша литература, мы хотимъ представить еще нѣсколько указаній на то, что ею сдѣлано по вопросамъ, *возбужденіемъ* ко-

торыхъ она гордится, и гордится, какъ мы видѣли, напрасно.

Преимущественное вниманіе всѣхъ газетъ и журналовъ было въ прошломъ году обращено на крестьянскій вопросъ. Какъ же онъ былъ веденъ въ литературѣ? Далеко не съ тѣмъ достоинствомъ, какого бы слѣдовало ожидать. Мы не говоримъ о тѣхъ отсталыхъ людяхъ, которые проповѣдывали *statu quo* въ этомъ вопросѣ, какъ напр. гг. Григорій Бланкъ, князь Голицынъ, Николай Безобразовъ и т. п. Противъ нихъ возставали наши же журналы и газеты: въ этомъ надобно отдать литературѣ полную справедливость. Не говоримъ и о той неровности, съ которою шла разработка вопроса въ литературѣ, то останавливаясь, то начинаясь сызнова, то опять затихая: все это могло быть слѣдствіемъ внѣшнихъ и случайныхъ причинъ. Нѣтъ, мы предлагаемъ человѣку, истинно любящему народъ нашъ, перебрать все, что было въ прошломъ году писано у насъ по крестьянскому вопросу, и, положя руку на сердце, сказать: такъ ли и о томъ ли слѣдовало бы толковать литературѣ? . . . Вспомнимъ, что у насъ долгое время дѣло стояло на томъ, что свободный трудъ производителыѣе обязательнаго! . . . Да и этой простой истины не хотѣли понять многіе! . . . Затѣмъ литература все мѣшчалась на томъ: нужно ли выкупать душу, или ужъ такъ отпустить на покаяніе? . . . Да вѣдь это не въ статьяхъ Григорія Бланка, не въ «Печатной Правдѣ», а въ «Русскомъ Вѣстникѣ», наиримѣръ! . . . Мы помнимъ, что тамъ было до десятка статей, разсматривавшихъ вопросъ съ той точки зрѣнія, что получить выкупъ за душу было бы *выгоднѣе* для *помѣщика*, нежели не получать! . . . На этомъ осно-

ваніи одинъ господинъ утверждалъ даже (въ № 14 «Русск. Вѣстн.», стр. 108), что въ промышленныхъ губерніяхъ не слѣдуетъ отчуждать даже усадьбы въ собственность крестьянъ, потому что крестьяне-промышленники разбредутся на промыслы, оставивъ въ усадьбахъ женъ своихъ, и «что же тогда ожидаетъ помѣщика? Продавъ въ собственность, съ выручкою въ опредѣленный срокъ, положимъ даже дорогою цѣною [!], усадебную землю, онъ лишится затѣмъ всякаго дохода отъ имѣнія. Право собственности на имѣніе превратится для него въ право собственности на купчую крѣпость и планы, по которымъ усадьбы, рѣки и дороги, т. е. все производительное, отъ него отчуждено. [То-то несчастный!] Могутъ возразить нѣкоторые, что съ дозволеніемъ перехода крестьянъ къ нему явятся другіе, не знающіе промышленности, и возьмутъ землю въ аренду для обработки. Если это и можетъ случиться, то не иначе какъ только въ отдаленномъ потомствѣ; ибо земля въ промышленныхъ имѣніяхъ по большей части не доброкачественна», и пр . . . «Но если даже помѣщикъ и сумѣетъ найти средства обрабатывать свою землю, то все-таки выручка отъ этой обработки далеко не достигнетъ процентовъ на тотъ капиталъ, который онъ употребилъ на покупку имѣнія; ибо при покупке онъ имѣлъ въ виду не столько хлѣбопашество, сколько промышленность, за пользованіе которою крестьяне и платили помѣщику значительный оброкъ». Такъ разсуждаетъ въ «Русск. Вѣстн.» г. Дмоховскій, и подобныхъ сужденій очень много найдется въ почтенномъ журналѣ, стяжавшемъ себѣ заслуженную репутацію прогрессивнаго и гуманнаго . . . Относительно выкупа личности въ

немъ есть одно неподражаемое мѣсто, не лишенное впрочемъ нѣкотораго цинизма въ выраженіи: оно находится въ проектѣ г. Власовскаго, который предлагаетъ — прежде всего «цѣнность ревизской мужскаго пола души съ усадьбою и огородомъ [ужь лучше бы огорода съ усадьбою и душою!] опредѣлить по губерніямъ» («Русск. Вѣстн.», № 7, стр. 284). Но всѣхъ лучше разсуждаетъ о выкупѣ личности г. А. Головачовъ. Статья его (тоже въ 7 № «Русск. Вѣстн.») оканчивается такъ: «нѣтъ, не со страхомъ и отчаяніемъ должно смотрѣть на наше будущее, но съ твердымъ убѣжденіемъ, что намъ предстоитъ великая, блестящая перспектива». И, какъ ручательство за славное будущее, г. Головачовъ представляетъ въ статьѣ своей такого рода разсужденія: «освобожденіе крестьянъ, — говоритъ, — не можетъ основаться на духовно-нравственномъ чувствѣ, а должно имѣть основаніемъ право и законность» (стр. 252). Какъ видите, право и законность противопоставляются духовно-нравственному чувству: изъ этого уже понятно, какая блестящая перспектива ожидаетъ насъ! И дѣйствительно, вслѣдъ за тѣмъ г. Головачовъ говоритъ, что по силѣ права (противнаго духовно-нравственному чувству) нуженъ непременно выкупъ личности. Объ этомъ онъ разсуждаетъ очень пространно. Вотъ его слова:

«Мы разумѣемъ выкупъ не только поземельной собственности, но и пользованія трудомъ крестьянина. Намъ скажутъ, что личный трудъ не можетъ быть собственностью. Теоретически это неоспоримо, и законъ, не признающій того, есть самъ болѣе фактъ, нежели право. Но при консервативной реформѣ должно быть обращено вниманіе и на

фактъ. Всѣмъ извѣстно, что трудъ крестьянина можно было помѣщику употреблять *такъ, какъ ему было угодно*; можно было даже продавать и покупать людей *какъ вещи*, и при продажѣ и покупкѣ имѣлись въ виду *не только физическія, но и нравственныя достоинства* человѣка [что же изъ всего этого? читайте дальше!]. Что же это какъ не собственность? Несмотря на желаніе прикрыть благовидными словами горькую истину, она останется и въ законодательствѣ, и на практикѣ, до тѣхъ поръ пока новый порядокъ не измѣнитъ существующихъ отношеній. Почему намъ не сознаться въ томъ, что есть несправедливаго въ нашихъ отношеніяхъ? Зло созннное уже вполонину исправлено [что за просвѣщенные афоризмы!]. *Вотъ почему* [т. е. почему же???], думаемъ мы, *не должно оставлять безъ вниманія вопросъ о выкупѣ пользованія трудомъ, а напротивъ — посвятить и этой сторонѣ дѣла тщательное изученіе, въ надеждѣ удалить ее сколько возможно справедливѣе безъ ущерба помѣщичьихъ интересовъ*. [Вотъ оно, послѣднее-то слово въ чемъ заключается!!] (стр. 256) . . .

Разсужденія г. Головачова вызвали возраженіе со стороны г. Ланге, который въ «Русскомъ Вѣстникѣ» же замѣтилъ защитнику помѣщичьихъ интересовъ, что «личность крестьянина, по смыслу закона, не есть помѣщичья собственность и не подлежитъ выкупу» (№ 14, стр. 140). На это г. Головачовъ отвѣчалъ, опять же въ «Русскомъ Вѣстникѣ», что г. Ланге не понимаетъ «*точки зрѣнія законодательства*» (№ 19, стр. 124), — точь-въ-точь, какъ недавно было объявлено въ «Искрѣ». Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Головачовъ опирается на то, что и г. В. В., въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» [!] вы-

разилъ сочувствіе къ его мнѣнію, — значитъ ужъ оно хорошо! . . . «Русскій Вѣстникъ» все это печаталъ, какъ печаталъ и статьи г. Иванова, въ которыхъ выкупъ личности проводился по началамъ политической экономіи; мало того, — онъ сочинилъ, по поводу ихъ, длинную «Замѣтку», въ которой защищалъ и г. Иванова, и г. Головачова, объясняя, что хотя, конечно, за душу брать выкупа не слѣдуетъ, но трудъ крестьянина долженъ быть выкупленъ (см. «Русск. Вѣстн.», 1858 г., № 19, стр. 180—193). Въ «Замѣткѣ» этой редакція, между прочимъ, такъ выражается о статьѣ г. Головачова: «статья эта не могла бы вызвать сильнаго протеста, если бы въ ней не было случайно употреблено выраженіе: *выкупъ личности*». Скажите пожалуйста! Какъ будто во всѣхъ вопросахъ можно *протестовать противъ случайныхъ выраженій*, подобно тому какъ сдѣлалъ это самъ «Русскій Вѣстникъ» противъ «Иллюстраціи»! . . . Тамъ можно было тѣшиться на случайныхъ выраженіяхъ; но вѣдь участь крестьянъ — не то что грамотность или безграмотность Знакомаго Человѣка . . . Тутъ на фразахъ ужъ нельзя выѣзжать . . . Въ нашей выпискѣ изъ статьи г. Головачова нѣтъ выраженія: *выкупъ личности*; а развѣ она оттого менѣе возмутительна для всякаго читателя, не слишкомъ близко принимающаго къ сердцу *полѣщичьи интересы*?

Вообще, во многихъ печатныхъ разсужденіяхъ по поводу эманципаціи мы видимъ, что разсуждающіе, при всемъ своемъ желаніи, не отрѣшились еще сами отъ точки зрѣнія крѣпостного права. Находилось много и такихъ, которые явно придавали крѣпостному состоянію значеніе рабства, и во всѣхъ

своихъ положеніяхъ отирались отъ той мысли, что рабъ есть вещь... И вѣдь противъ этого никто почти не протестовалъ; крестьяне меньше нанли себѣ защиты у передовыхъ людей нашихъ, нежели евреи. Не говоримъ ужъ о томъ, что писалось въ «Журналь Землевладельцевъ», на сочувствіе котораго постоянно опирались мнѣнія, подобныя мнѣніямъ г. Головачова. Но переберите другіе журналы: въ нихъ найдете то же самое. «Атеней» писалъ (въ № 8), что для обезпеченія исправнаго платежа оброка освобождающимися крестьянами необходимо предоставить помѣщику право наказывать крестьянъ самому; потому что если онъ станетъ жаловаться земской полиціи, то, «не говоря уже о недостаточной благонадежности полицейскихъ чиновниковъ, самое вмѣнательство посторонней власти должно непременно произвести *нѣкоторое разстройство хозяйственныхъ отношеній*», невыгодное для помѣщика (стр. 511). Авторъ, пользующійся почетной извѣстностью въ нашей литературѣ, не развилъ въ подробности своего мнѣнія, а то, можетъ быть, дѣло дошло бы и до того, чѣмъ впоследствии такъ прославился князь Черкасскій... Впрочемъ, права помѣщичьей власти вообще были сильно отстаиваемы нашей литературой. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (№ 10) напечатана была статья Полтавскаго Помѣщика, который *сожалѣлъ о томъ, что законъ не позволяетъ продавать крестьянъ безъ земли* (стр. 85), и увѣряетъ, что крестьянамъ *послѣ освобожденія будетъ хуже*. Любопытны его доводы: «съ прекращеніемъ прямой, существовавшей доселѣ власти помѣщика надъ своими крестьянами, — говоритъ онъ, — у послѣднихъ можетъ родиться своеволие и тѣ пороки народа сво-

боднаго (!)», которымъ развиваться не допускала единственно власть помѣщика и строгій его надзоръ за поведеніемъ крестьянъ» (стр. 91). Для устраниенія безпорядковъ Полтавскій Помѣщикъ желаетъ непременно, чтобы власть надъ крестьянами осталась у помѣщика, и при томъ только у помѣщика, безъ раздѣленія ея съ обществомъ, съ выборными, съ сельскимъ начальствомъ. Въ противномъ случаѣ, говоритъ, — «право вотчинной полиціи, предоставленное помѣщику, будетъ *правомъ безправнымъ*»... Почему же? Потому что «какъ бы, напр., ни былъ дурень и безправственъ крестьянинъ, котораго помѣщикъ найдетъ необходимымъ удалить изъ общества или отдать въ солдаты, — если только онъ обратится къ согласію общества, онъ встрѣтитъ оппозицію! Общество всегда защищаетъ своего негодяя, потому что *обществомъ крестьянъ руководятъ понятія совѣсть другія* [и слава Богу, можетъ быть, — прибавимъ мы отъ себя . . .]: они видятъ часто похвальное удалство и завидное достоинство въ томъ, что на самомъ дѣлѣ порочно и вредно . . .» (стр. 92). Затѣмъ г. Полтавскій Помѣщикъ утверждаетъ, что крестьяне несвободные рачительнѣе ведутъ свое хозяйство, чѣмъ свободные; что крестьянъ вообще надо *принуждать* къ дѣлу; что, получивъ свободу, они будутъ лѣнливѣе и безпечнѣе, и пр. .... И такая статья, по замѣчанію редакціи «Отечественныхъ Записокъ», выбрана ею, какъ *небезполезная*, изъ числа нѣсколькихъ статей, заключавшихъ «голословныя увѣренія въ томъ, что крестьяне у помѣщиковъ живутъ какъ у Христа за пазушкой» (стр. 85). Хорошъ выборъ! . .

Здѣсь сама редакція „Отеч. Зап.“ поставила знакъ восклицанія въ скобкахъ.

Впрочемъ, дѣйствительно мысль о помѣщичьихъ правахъ и выгодахъ такъ сильна во всемъ пишущемъ классѣ, что какъ бы ни хотѣлъ чело-вѣкъ, даже съ особенными натяжками, перетянуть на сторону крестьянъ, — а все не дотянетъ. Гуманнѣйшій и дѣльнѣйшій журналъ по крестьянскому вопросу есть, конечно, «Сельское Благоустройство». Но посмотрите, съ чѣмъ же оно выступило на свою работу. Въ I № его за прошлый годъ помѣщены были *вопросы* г. Кошелева, и между ними есть слѣдующій: «Какъ составить урочныя положенія? *Съ согласія ли крестьянъ, или по усмотрѣнiю помѣщиковъ?*» Какъ вы полагаете: вѣдь этотъ глубокомысленный вопросъ, представленный въ раздѣлительной формѣ, предполагаетъ возможность и такого отвѣта: «конечно, — по усмотрѣнiю помѣщиковъ, безъ согласія крестьянъ» . . . Правда, что онъ можетъ предполагать и отвѣтъ радикально противоположный . . .

Неприличіе такого вопроса замѣчено было, сколько мы помнимъ, только «Экономическимъ Указателемъ», который такимъ образомъ оказался прогрессивнѣе «Сельскаго Благоустройства». Но и въ «Экономическомъ Указателѣ» помѣщались статейки, при которыхъ вопросъ г. Кошелева могъ вовсе не показаться страннымъ. Напр., въ № 10 «Экон. Указ.» (стр. 245—246) г. Волковъ, доказывая ту истину, что крестьянинъ не имѣетъ права собственности и на усадьбу, говоритъ между прочимъ слѣдующее: «несмотря на нераздѣльность, въ глазахъ помѣщика, крестьянъ съ ихъ усадьбами и огородами, крестьяне не имѣютъ права и никакого акта на владѣніе домомъ и огородомъ, т. е. тѣмъ, что нынѣ принято называть крестьянскою усадьбою. Если бы

все это было приобретено вольнымъ трудомъ крестьянина [тогда бы, конечно, и толковать было не о чемъ!], тогда бы, по закону десятилѣтней давности бесспорнаго владѣнія, крестьянинъ имѣлъ право требовать формальнаго акта на это владѣніе. При обязательномъ трудѣ подобнаго права быть не можетъ; помещикъ снабдилъ крестьянина матеріаломъ; онъ же далъ ему время для домашней работы и даже заставлялъ иногда поневолѣ обстраиваться [трудъ-то себѣ задавалъ какой!], исправлять строеніе, понуждалъ разводить картофель, дарилъ корову и лошадь, поддерживалъ въ разныхъ неудачахъ или несчастьяхъ, выплачивалъ за крестьянина казенныя повинности и пр. Мало того [что же еще больше? Слушайте!] — онъ... переводилъ крестьянъ изъ одной деревни въ другую, выводилъ на пустоши [и это благодѣяніе!], селилъ дворовыхъ на крестьянство, снабжая ихъ всемъ хозяйствомъ на свой счетъ или [хорошо «или»] бралъ во дворъ людей, уничтожая ихъ усадебное пепелище» . . . И вѣдь все это, — вы понимаете, — говорится къ тому, чтобы доказать, что крестьяне были въ полной волѣ помещика, и слѣдовательно (?) по закону должны таковыми остаться на неопредѣленные времена . . .

Въ такомъ родѣ цѣлый годъ подвизалась наша литература относительно вопросовъ объ освобожденіи крестьянъ. Говоримъ вообще: «литература», потому что приведенные нами примѣры представляютъ — если не точную характеристику прошлогоднихъ разсужденій о крестьянскомъ дѣлѣ, то уже во всякомъ случаѣ и не исключенія . . . Мы не хотимъ подбирать болѣе фактовъ, потому что это очень непріятно; но ежели бы потребовалось, мы могли бы представить не десятки, а сотни указа-

ній на статьи, въ которыхъ плантаторская точка зрѣнія, примѣненная къ понятію о правѣ и законности, находилась въ совершеннѣйшемъ разладѣ съ духовно-правственнымъ чувствомъ, противъ котораго вооружался г. Головачовъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Теперь замѣтимъ только одно: литература наша только съ нынѣшняго года занялась вопросомъ о мѣрахъ къ выкупу земли; въ прошедшемъ году почти не тронуть былъ этотъ вопросъ. Вопросъ же о предоставленіи крестьянамъ гражданскихъ правъ, прежде чѣмъ пойдеть рѣчь объ экономическихъ сдѣлкахъ съ ними и по поводу ихъ, этотъ вопросъ до сихъ поръ еще не поставленъ въ нашей литературѣ. А исключивши эти два предмета, о чемъ же и могла говорить литература какъ не о нравственныхъ и хозяйственныхъ ущербахъ, какіе могутъ потерпѣть помѣщики отъ освобожденія крестьянъ? . .

Напрасно поэтому удивляться отсталости нѣкоторыхъ помѣщиковъ, какъ удивлялась, напр., въ декабрѣ прошлаго года «Библіотека для Чтенія», вообще мало принимающая участія въ крестьянскомъ вопросѣ. Она изумилась свѣдѣніямъ изъ Ярославля, напечатаннымъ въ 44 № «Экономическаго Указателя» и гласившимъ слѣдующее:

«Первые Высочайшіе рескрипты по крестьянскому дѣлу застали дворянство Ярославской губерніи врасплохъ; оно нисколько не было приготовлено къ эманципации крестьянъ, не приготовлено потому, что неоткуда ему было познаться съ такими понятіями [!]: по-русски, кромѣ перерода стариннаго сочиненія графа Стройновскаго, ничего не было написано объ этомъ предметѣ; иностранныя сочиненія большинству дворянъ недоступны [?].

а извѣстное въ рукописи сочиненіе знаменитаго нашего юриста К. Д. К., по трудности копированія, было доступно немногимъ. Оттого, будучи поставлено въ необходимость дѣйствовать, дворянство отличалось необыкновенной медлительностью. Такъ, когда дворяне нѣкоторыхъ губерній изъявили желаніе на составленіе комитетовъ по крестьянскому дѣлу еще въ концѣ прошедшаго года, дворянство здѣшней губерніи такое желаніе изъявило лишь въ апрѣль текущаго года, въ числѣ послѣднихъ. Потомъ, когда въ первой половинѣ мая полученъ былъ Высочайшій рескриптъ по этому дѣлу, то предписанное имъ составленіе комитета отложили до половины августа. Далѣе, избравши депутатовъ въ половинѣ августа, вновь отложили открытіе комитета до 1 октября. Выигранное такими отсрочками время дворянство употребило на то, чтобы привыкнуть къ новымъ понятіямъ и изучить ихъ, для чего появилось даже въ этомъ классѣ [къ чему здѣсь даже относится?] нѣсколько рукописныхъ сочиненій за и противъ реформы. Однако урокъ (!) былъ такъ тяжелъ, что и доселѣ не только большинство сословія, но даже передовые люди въ немъ не ознакомились достаточно съ вопросомъ, что явствуетъ, съ одной стороны, изъ медленнаго исполненія Высочайшаго рескрипта, а съ другой — изъ того обстоятельства, что въ литературѣ не появилось ни одного сочиненія, написаннаго ярославскимъ помѣщикомъ».

«Библіотека для Чтенія» пришла въ ужасъ отъ столь печальнаго факта и воскликнула съ благороднымъ негодованіемъ: «Въ 1858 г., во время всеобщаго движенія впередъ (въ настоящее время когда . . . и пр.), является цѣлая масса людей, занимающихъ почетное мѣсто въ обществѣ, но которые не

приготовлены къ эманципации только потому, что неоткуда было познакомиться съ такими понятіями, какъ будто человѣчественныя идеи почерпаются только изъ книгъ, — какъ будто практическій смыслъ помѣщика не могъ сказать ему, что онъ долженъ сдѣлать для своего крестьянина и какъ сдѣлать. Фактъ замѣчательный!» и пр. . . . По нашему мнѣнію — фактъ вовсе не замѣчательный, и мы только удивляемся, что на одно ярославское дворянство взвалили то, что обще всей Россіи и что такъ ярко выразилось во всей литературѣ нашей. Еще ярославское дворянство оказалось очень благо-разумнымъ, если дѣйствительно не хотѣло связаться, прежде чѣмъ привыкнетъ къ новымъ понятіямъ и изучить ихъ. А другія — такъ преспокойно принимались разсуждать даже печатно, не пріобрѣтши не только привычки къ новымъ понятіямъ, но даже самыхъ первыхъ началъ грамотности. Примѣръ подобной отваги недавно обнародовалъ тульскій помѣщикъ Мещериновъ. Онъ прислалъ въ «Журналъ Землевладѣльцевъ» безграмотную статейку; ее поправили, сократили и напечатали. Авторъ обратился съ жалобою въ «Московскія Вѣдомости», объявляя, что не признаетъ своею статью, напечатанную въ «Журналъ Землевладѣльцевъ», «потому, что то же мнѣніе онъ имѣлъ честь представить на обсужденіе тульского комитета, и потому, что всякое литературное произведеніе есть законная собственность сочинителя, подлежащая цензурѣ, которая или пропускаетъ изданіе, или безъ приправокъ возвращаетъ по принадлежности» («Моск. Вѣдом.» № 5, 1859 г.). Тогда «Журналъ Землевладѣльцевъ» (въ № 15) напечаталъ статью г. Мещеринова въ ея первоначаль-

номъ видѣ. Вотъ выдержка изъ нея, дающая понятіе о ея направленіи и о слогѣ этого *литературнаго произведенія*. «Новая Система отчужденнаго управленія, раздѣляетъ помѣщика съ крестьяниномъ. Последний съ пріобретеніемъ покупкою усадьбы, Дѣлается соучаствующимъ владѣльцемъ дачи, только что размежеванной особнякомъ изъ череполосности. Дѣлается невольнo чуждымъ попеченія владѣльца, переходя подъ власть распоряженія Общины и мирскихъ сходокъ, и потому Дѣлается чуждъ участія владѣльца, относительно, неисчислимыхъ пособій и многихъ хозяйственныхъ преимуществъ на пользу крестьянина. Притомъ обязательная продажа усадебъ, при безпорядочной жизни крестьянина, невольнo оставляетъ его опаснымъ сосѣдомъ, по близости положенія усадебъ. Разныя неумовимыя безпорядки и нарушеніе предосторожностей отъ пожара. Грозятъ истребленіемъ, и поставятъ владѣльца въ необходимость, *даже при сохраненіи правъ на полицейскія мѣры*, искать безъ пользы, посредничества мѣстной полиціи». И повѣрьте, что г. Менцериновъ вовсе не послѣдній представитель этой литературы, которая такъ гордо кричитъ о своихъ заслугахъ для общества, о своихъ просвѣщенныхъ и гуманныхъ воззрѣніяхъ на современные вопросы . . . И послѣ этого еще находятся люди, сокрушающіеся о томъ, что ни одного сочиненія по крестьянскому вопросу не написано ярославскими помѣщиками! Какъ будто великая честь попасть въ эту литературу, гдѣ подвизаются *сочинители*, подобные г. Менцеринову, гдѣ имѣютъ право гражданства *литературныя произведенія*, подобныя его мнѣнію!

Съ тяжелымъ чувствомъ оставляемъ мы прощлогоднюю литературу крестьянскаго вопроса и обра-

щаемся къ другимъ, близкимъ къ нему предметамъ, занимавшимъ въ прошломъ году нашу журналистику. Эти предметы — общинное владѣніе, грамотность народа и тѣлесное наказаніе. Къ сожалѣнію, и здѣсь мало отраднаго.

Вопросъ объ общинѣ возбужденъ былъ и поддерживался постоянно въ «Современникѣ». Поэтому мы не имѣемъ надобности теперь распространяться о немъ. Но не можемъ не напомнить читателямъ, какой хаосъ всѣхъ понятій — философскихъ, историческихъ и экономическихъ — представлялся въ этомъ спорѣ. Сначала, когда г. Чернышевскій вызвалъ «Экономическій Указатель» на споръ объ общинѣ, то г. Вернадскій объявилъ, что рѣшается отвѣчать ему только ради самоувѣренности его тона, но что впрочемъ не считаетъ подобный споръ ни важнымъ, ни современнымъ. Прошелъ годъ, и всѣ журналы, всѣ газеты наши наполнились статьями объ общинѣ. Одна изъ статей (въ 44 № «Атеней») начиналась уже такъ: «Существованіе общиннаго владѣнія, какъ факта у насъ въ Россіи, и какъ теоріи, волнующей умы на Западѣ, ставитъ его на очередь вопросовъ, почти всемірно-любопытныхъ». Вотъ какъ перевернулось дѣло въ теченіе одного года! Но какъ разсуждали объ этомъ всемірно-любопытномъ вопросѣ? Удивительно разсуждали! Въ самомъ разгарѣ споровъ вдругъ «Русскій Вѣстникъ» предъявилъ свое собственное убѣжденіе объ общинѣ. Онъ выразился очень категорически: «Объ общинномъ владѣніи не можетъ болѣе идти серьезной рѣчи. Много, слишкомъ много было уже сказано противъ этой формы владѣнія, и говорить болѣе значило бы гоняться съ обухомъ за мухой. Отстаивать общинное владѣніе невоз-

можно; по крайней мѣрѣ невозможно для людей, уважающихъ слово и неспособныхъ жертвовать очевидностью истины упрямству самолюбія» («Русск. Вѣстн.», № 17, стр. 187). А чтобы показать, какіе это люди, «способные жертвовать истиною» и пр., «Русскій Вѣстникъ» подробно изображаетъ ихъ. Онъ дѣлитъ защитниковъ общины на двѣ категоріи. одни почтенные люди, — только уже очень глупы, потому что стоятъ на одномъ: *credo, quia absurdum est*; другіе, — но о другихъ вотъ какъ отзывается «Русскій Вѣстникъ»:

«Кромѣ этихъ, впрочемъ почтенныхъ и уважаемыхъ нами голосовъ, раздавались еще голоса иного свойства въ пользу общиннаго владѣнія. Но эти были свободны отъ всякаго энтузіазма и не имѣли никакихъ убѣжденій. Въ головѣ этихъ господъ сложился неразстворимый осадокъ отъ верхогляднаго чтенія всякаго рода брошюркъ, которыхъ все достоинство въ ихъ глазахъ состояло только въ томъ, что онѣ были направлены противъ политической экономіи и вообще противъ всѣхъ началъ яснаго мышленія и знанія. Въ нихъ не замѣтно признаковъ собственной мысли, и видно, что ни до какого результата не доходили они испытаніемъ собственнаго ума; но тѣмъ тверже засѣли въ нихъ результаты всякихъ броженій чужой мысли. Все встрѣчное и поперечное приравниваютъ они къ этимъ осадкамъ, замѣняющимъ для нихъ собственный умъ; въ чемъ замѣтятъ они какое-нибудь согласіе, какое-нибудь сродство съ словами ихъ авторитетовъ, то становится для нихъ предметомъ живѣйшихъ сочувствій, и они съ задорнымъ ожесточеніемъ защищаютъ свою святыню, оспаривая все встрѣчное и поперечное, что не подойдетъ подъ

цвѣтъ и тонъ жалкихъ суррогатовъ истины, служащихъ обильнѣйшимъ источникомъ если не мысли, то удалыхъ словъ и ухарскихъ фразъ. Эти господа не обошли и русской общины. Ихъ плѣнило въ ней общинное владѣніе, потому что кто-то и когда-то сказалъ что-то въ похвалу общиннаго владѣнія, и потому еще, что оно радикально противорѣчитъ всѣмъ законамъ политической экономіи. Для всякаго другого такое противорѣчіе не было бы по крайней мѣрѣ предметомъ особенной радости; но для этихъ господъ именно это-то самое несогласіе съ наукою и служить сильнѣйшею причиною пристрастія къ общинному владѣнію. Не то чтобы они дорожили своимъ мнѣніемъ, вопреки наукъ; этого мало: они потому только и начинаютъ считать какое-либо мнѣніе своимъ, только потому и цѣплются за него, только потому и дорожатъ имъ, что оно отвергается мыслью и противорѣчитъ наукъ. Къ сожалѣнію, эти задорно-крикливые голоса, которыхъ наглость равняется только ихъ невѣжеству и безсмыслию, слишкомъ часто и не безъ эффека раздаются въ нашей литературѣ, увлекаая за собою ватагу праздныхъ головъ, въ которыхъ звенятъ только слова за отсутствіемъ мысли. Для этихъ крикуновъ нѣтъ ничего завѣтнаго; мы слышали, съ какимъ цинизмомъ возставали они противъ исторіи, противъ правъ личности, льготъ общественныхъ, науки, образованія; все готовы были они нести на свой мерзостный костеръ изъ угожденія идоламъ, которымъ они поработили себя, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что стоило бы только этимъ идоламъ кивнуть пальцемъ въ другую сторону, и жрецы ихъ запѣли бы мгновенно иную пѣсню и разложили бы иной костеръ».

Кажется, — достаточно сильно: видно, что съ убѣжденіемъ написано! И что же? Вслѣдъ за тѣмъ начинается рѣчь въ такомъ родѣ: вы всѣ — глупцы и невѣжды; вы хвалите общину, да не ту; общину и нужно защищать, да только не ту, какая есть и какую вы знаете, а другую, какую мы вамъ покажемъ. И начинается показываніе новой общины. Затѣмъ немедленно въ литературѣ раздается смѣхъ. «Атеней» сообщаетъ публикѣ рецептъ, по которому составлена статья «Русскаго Вѣстника»: «Возьми стараго, выдохшагося взгляда на происхожденіе подземельной собственности, смѣшай съ двойнымъ количествомъ школьныхъ ошибокъ противъ исторіи, мелко-на-мелко истолки и брось эту пыль въ глаза читающему люду, предваривъ напередъ, что всякій, кто назоветъ ее настоящимъ именемъ, — бессмысленный невѣжда, пустой болтунъ, враль, лишенный даже энтузіазма (а извѣстно, что въ наше время энтузіазмъ дешевле всего: онъ отпускается почти задаромъ, потому что мало требуется)» («Атеней», № 40, стр. 329). Потомъ «Сельское Благоустройство» отозвалось о статьѣ «Русскаго Вѣстника» почти тѣми словами, какими самъ онъ говорилъ объ общинномъ владѣніи, т. е. что о статьѣ этой «странно говорить серьезно» («Сельск. Благ.», № XI, стр. 99). Естественно, что при такихъ взаимныхъ отношеніяхъ противниковъ запутанность вопроса увеличилась. Она увеличилась еще больше, когда въ споръ объ общинѣ вмѣшались разныя отвлеченныя соображенія изъ наукъ, такъ сказать — духовныхъ. Такъ, напр., въ 50 № «Атеней» г. Савичъ, въ статьѣ «Нѣсколько мыслей объ общинномъ владѣніи землею», внезапно заговорилъ, безъ всякой види-

мой побудительной причины, «объ отношеніи идеала человѣческаго блаженства къ идеалу счастья собачьяго»! Онъ высказалъ мысли весьма высокія. «Если,— говоритъ,— счастье есть удовлетвореніе потребностей, а въ натурѣ человѣка нельзя представить такихъ потребностей, для которыхъ нѣтъ удовлетворенія во всей вселенной, то, слѣдовательно, счастливъ тотъ, кто имѣетъ потребности и можетъ удовлетворять ихъ? Какъ похоже оно [т. е. счастье, должно быть] на счастье собаки моей за овсянкой или голоднаго волка, разрывающаго добычу свою! . . . А мнѣ казалось, что идеальнаго счастья въ Богѣ, и къ нему стремится человѣкъ двумя путями: въ религіи — чувствомъ, въ наукѣ — умомъ; я думалъ, что чувство это ненасытимо, а умъ ограниченъ условіями матеріи; я думалъ поэтому, что истиннаго счастья нѣтъ на землѣ для человѣка, а есть только довольство да наслажденіе» (стр. 444). Все это очень добродѣтельно, но какъ вяжется съ общиннымъ владѣніемъ — рѣшить трудно. И въ такихъ-то преніяхъ прошелъ цѣлый годъ! Къ концу года г. Чернышевскій нашелся вынужденнымъ преподавать своимъ противникамъ нѣсколько элементарныхъ свѣдѣній философскихъ и политико-экономическихъ. Читатели наши знаютъ, съ какимъ благодушіемъ и терпѣніемъ исполняетъ г. Чернышевскій свою задачу. Въ то же время г. Кавелинъ напечаталъ въ «Атенѣ» весьма серьезную статью въ защиту общины. Опять, стало быть, вопреки «Русскому Вѣстнику», пошла серьезная рѣчь объ общинномъ владѣніи! . . .

Зато вопросъ о грамотности сдѣлалъ въ теченіе прошлаго года истинно-замѣчательные успѣхи.

Почти рѣшено, что грамота не ведетъ народъ къ гибели. Съ благородной прямою и смѣлостью выразился одинъ изъ защитниковъ грамотности, что «вреда отъ грамотности нельзя ждать большаго!» («Земл. Газ.», № 98, стр. 786). Вопросъ остановился уже на томъ, какія знанія нужны крестьянамъ и какихъ не требуется. Разумѣется, высказаны были мнѣнія, что равенство образованія всѣхъ сословіи въ государствѣ есть утопія; что для высшихъ знаній (какъ, напр., знаніе законовъ, исторіи и т. п.) есть «нѣкоторое количество людей, занимающихъ въ организаціи государства извѣстное мѣсто и значеніе» («Земл. Газ.», №№ 15, 44, 45). Противъ этого мнѣнія говорили нѣкоторые довольно неопредѣленными фразами; но вообще съ нимъ соглашались. Затѣмъ для крестьянъ опредѣлялось ученіе: читать, писать и законъ Божій; преимущественно же указывалось на *правственное воспитаніе*, состоящее въ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ властямъ. Впрочемъ, особенныхъ подробностей не было высказано: все еще упивалось повтореніемъ новой, съ такимъ трудомъ, съ бою взятой истины, что отъ образованія крестьянъ нельзя ожидать большаго вреда... И то хорошо!

Вопросъ о тѣлесномъ наказаніи тоже былъ на очереди; но рѣшился какъ-то странно. Нужно впрочемъ замѣтить предварительно, что, если кто подумаетъ, будто дѣло шло въ литературѣ объ отмѣненіи розогъ, тотъ жестоко ошибется. Нѣтъ, до этого литература еще не договорилась. Дѣло шло ни больше, ни меньше какъ о томъ, кому сѣчь: помѣщику ли, или сельскому управленію. Ранѣе всѣхъ, кажется, поднялъ этотъ любопытный вопросъ нѣкто г. Петрово-Соловово, предложившій

его въ «Одесскомъ Вѣстникѣ» въ такой формѣ: «какимъ количествомъ ударовъ розгами владѣлецъ можетъ наказывать срочно-обязанныхъ крестьянъ по своему желанію и усмотрѣнію?» На вопросъ, конечно, явились отвѣты. Въ «Журналѣ Землевладѣльцевъ» г. Роцаковскій высказалъ гуманную мысль, что не слѣдуетъ отстанывать 40 ударовъ, а можно спуститься до 20. Князь Черкасскій въ «Сельскомъ Благоустройствѣ» поступилъ еще гуманнѣе: онъ спустилъ еще десять процентовъ и согласился уменьшить число ударовъ, предоставленныхъ въ вѣдѣніе дворянства, до 18. Но тутъ-то (не знаемъ ужъ, почему, — потому, должно быть, что въ послѣдовательныхъ уступкахъ увидѣли слабость противниковъ) и возстали благородные рыцари, совершенно разбившіе князя Черкаскаго. Кончилось тѣмъ, что онъ отказался и отъ 18 ударовъ въ пользу дворянства и уступить ихъ сельскому управленію. Но тутъ, разумѣется, рыцари ободрились еще болѣе и начали пускать грязью въ бѣгущаго съ поля битвы князя Черкаскаго и въ друзей его. Но бѣглецы скрылись, а рыцари оказались перепачканными въ грязь. Затѣмъ все стихло . . .

Не столь счастливо, какъ народъ, отдѣлались дѣти: о нихъ наши передовые люди все еще сомнѣвались въ прошломъ году: сѣчь или не сѣчь, по своему желанію и усмотрѣнію. Впрочемъ, и то хорошо, что сомнѣвались: сомнѣніе есть путь къ истинѣ.

Такимъ образомъ на поприщѣ грамоты и розогъ успѣхи наши въ прошломъ году несомнѣнны. Много уже сдѣлано; говоря словами одной современной пьсенки:

Мы обсуждали очень тонко
(Хоть не рѣшили въ этотъ годъ),
Пороть ли розгами ребенка,
Учить ли грамотѣ народъ.

Вообще, о народномъ просвѣщеніи у насъ сильно говорили въ прошедшемъ году. Особенно занимали всѣхъ вопросы о женскомъ образованіи и объ отношеніи гимназій къ университетамъ. Согласились единодушно, что дѣвочекъ учить тоже нужно; съ большою радостью привѣтствовали открытіе женскихъ школъ. Что касается до направленія и характера женскаго образованія, на этомъ поприщѣ подвизался преимущественно г. Аппельротъ, желавшій вообще проводить воспитаніе «отъ центра домашняго быта къ периферіи всемірной жизни». Впрочемъ, литература на этотъ предметъ какъ-то мало обратила вниманія. Но зато учрежденію женскихъ школъ она ужасно радовалась!.. Въ простотѣ души она не стыдилась хвалиться тѣмъ, что у насъ *наконецъ* будутъ женскія школы!.. Изъ этого видно, что она считаетъ женскія школы въ нѣкоторомъ родѣ роскошью, безъ которой можно и обойтись, потому что нельзя же считать великимъ подвигомъ удовлетвореніе необходимѣйшихъ своихъ потребностей, нельзя серьезно восторгаться и хвалиться тѣмъ, что я ночью ложусь спать, поутру просыпаюсь и за обѣдомъ ѣмъ.

Объ университетахъ и гимназіяхъ тоже хорошо говорили. Одинъ профессоръ сказалъ, что въ университетѣ студенты ничему не выучиваются, потому что въ гимназіяхъ плохо бываютъ подготовлены къ слушанію ученыхъ лекцій профессоромъ («Атеней», № 38). А гимназін оттого пригото-

вляють плохо, утверждалъ тотъ же профессоръ, уже вмѣстѣ съ другимъ («Журн. для Восп.», № 2), что университету не предоставлено контроля надъ ними. Но профессорамъ съ разныхъ сторонъ дали сильный отпоръ. Они глумились надъ гимназистами, поступающими въ университетъ, и рассказывали уморительные анекдоты, случавшіеся съ молодыми людьми на пріемныхъ экзаменахъ; а имъ отвѣчали еще болѣе уморительными анекдотами о профессорскихъ лекціяхъ. Профессоръ говорилъ: «что дѣлать съ тупоумнымъ ученикомъ, который на экзаменѣ отвѣчаетъ слово въ слово по скверному учебнику?» А ему отвѣчали: «что же дѣлать ученику, ежели профессора и вообще знающіе люди презирають составленіе учебниковъ и предоставляютъ это дѣло какому-нибудь г. Зуеву?» — Профессоръ говорилъ: «если ученикъ не знаетъ географіи, то, читая, напр., исторію, не могу же я замѣчать ему, что Ліонъ находится во Франціи, а Тибрь течетъ въ Италіи...». А ему отвѣчали: «Отчего же бы и нѣтъ? Это было бы и лучше и короче, чѣмъ читать, напр., цѣлый трактатъ о разныхъ породахъ голубей и объ ихъ воспитаніи, какъ дѣлалъ одинъ профессоръ по поводу слова, встрѣтившагося въ какомъ-то памятникѣ...». И анекдоты о профессорахъ были отличные! Словомъ — литература показала себя!

По этой же части еще былъ одинъ важный вопросъ, котораго однако такъ и не рѣшила литература. Дѣло было въ томъ: нужно ли учителямъ (особенно уѣзднымъ) внутренно возвыситься до того, чтобы заслужить сначала уваженіе общества, а потомъ, за добродѣтель, хорошее жалованье; или же нужно учителямъ прибавить жалованье для того,

чтобы они могли получше держать себя въ обществѣ. Въ «Журналѣ для Воспитанія» почти цѣлый годъ объ этомъ препиранія производились: «Атеней», въ лицѣ г. Некрасова, объявилъ себя за внутреннее возвеличеніе учителей; г. Гаяринъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» объявилъ себя за прибавку жалованья. Но окончательнаго рѣшенія по столь многотрудному вопросу до сихъ поръ еще не произнесено . . . И, кажется, не литература произнесетъ его: прибавка жалованья учителямъ уже рѣшена, говорятъ, въ министерствѣ просвѣщенія.

Не пускаясь въ подробности, укажемъ еще въ общихъ чертахъ на два современнѣйшіе вопроса — о *взяткахъ и гласности*. Первый вопросъ, впрочемъ, въ прошедшемъ году потерялъ уже свою самостоятельность (въ этомъ дѣйствительно можно видѣть *прогрессъ литературы*) и примкнулъ къ вопросу о гласности, которая разсматривалась у насъ преимущественно въ примѣненіи къ судопроизводству. Разумѣется, тутъ цѣлая половина разсужденій заключалась въ опроверженіи сочиненнаго нашими же писателями мнѣнія о томъ, что гласность гибельна для блага государства. Сколько мы ни прислушивались къ общественному мнѣнію здѣсь, въ Петербургѣ, сколько ни спрашивали людей, жившихъ въ последнее время въ провинціяхъ, — ни отъ кого мы не слышали, чтобы гласность считалась гибельною въ нашемъ обществѣ, по крайней мѣрѣ въ томъ, которое читаетъ журналы. А между тѣмъ журнальныя статейки безпрестанно сражались съ невидимыми, воображаемыми противниками гласности . . . Есть, конечно, противники; кто же станетъ отвергать это? Но вѣдь они стоятъ ниже общественнаго сознанія. Вѣдь

уже самый фактъ нерасположенія къ гласности доказываетъ, что они — или изъ ума выжили, или не имѣютъ ни малѣйшей добросовѣстности. Зачѣмъ же литература такъ много о нихъ заботится, такъ много придаетъ имъ значенія? Стало быть, они имѣютъ для нея какую-то непостижимую важность! . . . Хороша же литература, для которой имѣютъ важность такіе господа, совершенно уже отрѣшенные отъ всякаго здраваго смысла! . . . И послѣ этого еще литература имѣетъ наивность воображать, что она въ состояніи руководить общество на пути прогресса! . . . Неужели она не понимаетъ, что общество стоитъ уже выше подобныхъ внушеній и подобныхъ руководителей? Неужели литература не видитъ, что общество требуетъ пищи, а не разсужденій о томъ, что не бѣвши можно умереть съ голоду? . . . Хорошъ былъ бы поваръ, который каждое утро являлся бы къ вамъ и посвящалъ по нѣскольку часовъ на объясненіе того, что человѣкъ долженъ ѣсть, что кушанье надобно варить непременно съ солью, что безъ соли оно не будетъ имѣть вкуса, и т. п. Вѣроятно, вы скоро приказали бы ему замолчать, или наконецъ совсѣмъ прогнали бы его . . .

Но кромѣ разсужденій о пользѣ гласности, были и дѣйствительныя ея примѣненія. Вы помните ихъ, читатель; а если не помните, то обратитесь къ «Свистку»: тамъ ихъ цѣлая коллекція . . . «Свистокъ» можетъ ими восхищаться, сколько ему угодно, но мы, признаемся, не видимъ спасенія Россіи въ подобномъ примѣненіи гласности.

Одинъ изъ видовъ гласности составляла обличительная литература. Въ этой отрасли, кромѣ безыменности, обращаетъ на себя вниманіе еще

мелкота страшная. По поводу разныхъ литературныхъ явленій прошлаго года, въ родѣ комедіи г. Львова, стихотвореній г. Розенгейма и т. п., мы не разъ уже разсуждали объ этомъ предметѣ. Теперь припомнимъ только общій характеръ обличительной литературы послѣдняго времени. Она вся погрузилась въ изобличеніе чиновниковъ низшихъ судебныхъ инстанцій. Писарямъ, становымъ, магистратскимъ секретарямъ, квартальнымъ надзирателямъ житья не было! Доставалось также и сотскимъ, и городовымъ, и т. п. Все это, конечно, хорошо въ своемъ родѣ: зачѣмъ же и городовому грубо обращаться съ дворниками? Нужно и его обличить... Но вслушайтесь въ тонъ этихъ обличеній. Вѣдь каждый авторъ говоритъ объ этомъ такъ, какъ будто бы все зло въ Россіи происходитъ только оттого, что становые нечестны и городовые грубы! Вѣдь до сихъ поръ многіе изъ обличителей не отрѣшились отъ достойно осмѣянной точки зрѣнія Надимова, увѣряющаго, что для благоденствія Россіи нужно только на мелкія должности поступить богатымъ дворянамъ!.. А пора бы ужъ понять всю недостаточность подобнаго воззрѣнія. Оно, конечно, справедливо въ томъ отношеніи, что господамъ, подобнымъ Надимову, все-таки полезнѣе занимать мелкія должности, чѣмъ важныя: при меньшемъ кругѣ дѣятельности они меньше и зла надѣлаютъ. Но нельзя же удовольствоваться такимъ отрицательнымъ заключеніемъ; надобно отъ него придти къ чему-нибудь, а литература наша ни къ чему не пришла. И въ прошломъ году, какъ въ предыдущихъ, она громила преимущественно уѣздныя власти, о которыхъ, если правду сказать, — послѣ Гоголя и го-

ворить-то бы не стоило... Если же задѣвались иногда губернскіе чины, то обличеніе большею частью слагалось по слѣдующему рецепту: выводился благороднѣйшій губернаторъ, благодѣтель губерніи, поборникъ законности и гласности; около него группировалось два-три благонамѣренныхъ чиновника, и они-то занимались караніемъ злоупотребленій. А иногда губернаторъ на сцену вовсе не являлся, а только предполагался за кулисами, какъ опора добродѣтели, въ родѣ фатума древнихъ. Остальныя губернскія власти затрогивались все рѣже и легче, по мѣрѣ приближенія своего къ губернатору... Кромѣ того, въ повѣстяхъ появлялось иногда еще *важное лицо, чиновная особа*, и т. п. Что это были за *лица и особы*, оставалось извѣстнымъ только автору. Значенія ихъ невозможно было угадать, потому что обличенія наши постоянно отличались необыкновенной отрывочностью. Нигдѣ не указана была тѣсная и неразрывная связь, существующая между различными инстанціями, нигдѣ не проведены были послѣдовательно и до конца взаимныя отношенія разныхъ чиновъ... Недаромъ поборники чистаго искусства обвиняли нашихъ обличителей въ маломъ знаніи своего предмета! Или, можетъ быть, они и знали, да не хотѣли или не могли представить дѣло, какъ слѣдуетъ? Такъ и за это собственно хвалить ихъ не слѣдуетъ; и тутъ заслуга не велика!..

Мы долго не кончили бы, если бы вздумали перечислять частныя ошибки и разбирать въ подробности разныя странности прошлогодней литературы. Мы сначала хотѣли посмѣшить читателей подборомъ множества забавныхъ анекдотовъ, совершившихся въ прошломъ году въ литературѣ.

Мы хотѣли указать на нашихъ ученыхъ, — на то, какъ г. Вельтманъ считалъ Бориса Годунова дядею Федора Ивановича; какъ г. Сухомлиновъ находилъ черты народности у Кирилла Туровскаго, потому что у него, какъ и въ народныхъ пѣсняхъ, говорится: *весна пришла красная*; какъ г. Бѣляевъ доказывалъ, что древнѣйшій способъ наслѣдства есть *наслѣдство по завѣщанію*; какъ г. Лешковъ утверждалъ, что въ древней Руси не обращались къ знахарямъ и ворожеямъ, а къ врачу, который пользовался особеннымъ почтеніемъ; какъ г. Соловьевъ (въ «Атеней») уличалъ г. Устрялова въ томъ, что онъ, вмѣсто *исторіи Петра*, сочинилъ *эпическую поэму*, даже съ участіемъ чудеснаго; какъ г. Вернадскій сочинилъ исторію политической экономіи по лексіонеру Коклена и Гильоме-на; какъ г. Пальховскій объявлялъ, что трудъ женщины, по законамъ природы, долженъ ограничиваться рожденіемъ дѣтей; какъ г. Куторга (натуралистъ) относилъ углеродъ къ числу газовъ; какъ г. Берви утверждалъ, что иногда часть бываетъ равна своему цѣлому, и пр., и пр. Хотѣли мы припомнить и нѣсколько *странностей* литературныхъ, какъ напр. то, что «Атеней» началъ свое изданіе, сказавши въ первомъ номерѣ: «Нечего жалѣть, что у славянъ австрійскій жандармъ является орудіемъ образованности», — а кончилъ съ послѣдней книжкѣ словомъ, что помѣхой нашему прогрессу служатъ раскольники, которыхъ за то и нужно преслѣдовать . . . Къ такимъ странностямъ хотѣли мы отнести, напр., и мысль о томъ, что главная причина разстройства помѣщичьихъ имѣній нашихъ заключается въ отсутствіи майората («Земл. Газ.»); и увѣреніе, будто глав-

ный недостатокъ романа «Тысяча Душъ» заключается въ томъ, что герой романа воспитывался въ московскомъ, а не въ другомъ университетѣ («Русск. Вѣсти.»); и опасенія, что въ скоромъ времени, когда нравы наши исправятся, сатирѣ нечего будетъ обличать («Библ. для Чтенія»); и статейку о судопроизводствѣ, увѣрявшую, что такое-то воззрѣніе неправильно, потому что въ Сводѣ Законовъ его не находится («Библ. для Чтенія») и пр., и пр. Всѣхъ матеріаловъ, собранныхъ нами, стало бы на длинную забавную статью... Но размысленія наши приняли характеръ вовсе не веселый, и потому мы пройдемъ молчаніемъ и грубыя ошибки, и дикія воззрѣнія, и нелѣпыя стихи, и фантастическія повѣсти, въ родѣ «Игрока» г. Ахшарумова, и даже знаменитый «Литературный Протестъ»¹, эти геркулесовы столбы русской гласности, этотъ краснорѣчивѣйшій, несокрушимый памятникъ мелочности прошлогодней литературы... Эти мелочи уже слишкомъ мелки: оставимъ ихъ въ покоѣ и предоставимъ читателю самому опредѣлить ихъ настоящее мѣсто въ коллекціи другихъ литературныхъ мелочей...

Впрочемъ, не будемъ полагаться на читателей. Опытные люди говорятъ намъ, что читатели бываютъ недовольны, когда имъ что-нибудь не досказываютъ, а въ нашей статьѣ многое можетъ показаться недосказаннымъ. Вслѣдствіе этого мы находимся вынужденными сказать еще нѣсколько заключительныхъ словъ о крупныхъ и мелкихъ ме-

---

¹ О «Литературномъ протестѣ» Д. Гротовъ далъ подробныя поясненія въ № № 1 и 2 «Свистка». *Вл. Кр.*

лочахъ, указанныхъ нами. Заключение наше должно служить отвѣтомъ на вопросъ: зачѣмъ мы говоримъ о мелочахъ?

Мы еще въ первой статьѣ нашей объяснили, что литературу понимаемъ какъ выраженіе общества, а не какъ что-то отдѣльное и совершенно независимое. Эту точку зрѣнія просимъ приложить ко всему, что нами сказано въ настоящей статьѣ. Мы полагаемъ, что наше воззрѣніе и безъ особенныхъ оговорокъ должно быть совершенно ясно; но все-таки считаемъ нужнымъ оговориться еще разъ, чтобы не подать повода къ нелѣпому заключенію, будто мы возстаемъ противъ литературы и хотимъ ея гибели. Совершенно напротивъ: мы горячо любимъ литературу, мы радуемся всякому серьезному явленію въ ней, мы желаемъ ей большаго и большаго развитія, мы надѣемся, что ея дѣятели въ состояніи будутъ совершить что-нибудь дѣйствительно полезное и важное, какъ только явится къ тому первая возможность. Именно потому и осмѣлились мы такъ сурово говорить о недавно прошедшемъ нашей литературы, что мы еще хранимъ вѣру въ ея силы. Пусть не оскорбятся нашими словами литературные сподвижники настоящаго; пусть вспомнятъ, какъ они сами смѣялись надъ тѣми чиновниками, которые обижались журнальными обличеніями взятокъ, формальностей и проволочекъ суда, мелочности канцелярскихъ порядковъ и пр. Литераторы, люди образованные и понимающіе свое положеніе, должны стоять выше подобной обидчивости. Они должны знать, что, къ кому обращаются съ недовольствомъ за то, что онъ сдѣлалъ мало, отъ того, значить, ожидаютъ большаго. Если бы мы думали, что литература

вообще ничего не может значить въ народной жизни, то мы всякое писаніе считали бы безполезнымъ, и конечно не стали бы сами писать того, что пишемъ. Но мы убѣждены, что при извѣстной степени развитія народа литература становится одною изъ силъ, движущихъ общество; и мы не отказываемся отъ надежды, что и у насъ въ Россіи литература когда-нибудь получитъ такое значеніе. До сихъ поръ нѣтъ этого, какъ нѣтъ теперь почти нигдѣ на материкѣ Европы, и напрасно было бы обманывать себя мечтами самообольщенія... Но мы хотимъ вѣрить, что это когда-нибудь будетъ.

Съ другой стороны — и публика, которая прочтетъ нашу статью, не должна, намъ кажется, вывести изъ нея слишкомъ дурного заключенія для литературы. Немного надо проницательности, чтобы понять, что все наше недовольство относится не столько къ литературѣ, сколько къ самому обществу. Мы рѣшительно не намѣрены противорѣчить, ежели кто-нибудь изъ литераторовъ захочетъ предложить возраженія и ограниченія нашихъ мнѣній, напр., въ такомъ видѣ:

«Никто, конечно, не сочтетъ страннымъ, если мы скажемъ, что классъ писателей вообще принадлежитъ къ числу самыхъ образованныхъ, благородныхъ и дѣятельныхъ членовъ нашего общества. Они всегда на виду у всѣхъ съ своими идеями и стремленіями, и слѣдовательно ихъ умственное и нравственное развитіе не можетъ оставаться тайною для читателей. Поэтому мы можемъ съ гордостью сослаться на всю русскую публику, утверждая, что никогда новая литература наша не была поборницею невѣжества, застоя, угнетенія, никогда не принимала характера раболовнаго и

подлаго. Если встрѣчались личныя исключенія, то они тотчасъ же клеймились позоромъ въ самой же литературѣ. Конечно, мы очень хорошо понимаемъ, что такихъ отрицательныхъ добродѣтелей недостаточно для общественнаго дѣятеля. Да и ни одинъ порядочный человѣкъ не поставитъ въ заслугу ни себѣ, ни другому — того, что онъ не воръ, не подлецъ и не пьяница. Нужны другія права на общественное уваженіе, и литература, — мы знаемъ, — постоянно стремилась пріобрѣсти ихъ. Но стремленія ея большею частью не пользовались совершенной удачей: кто же въ этомъ виновать, какъ не общество? Общество терпѣло взятки, самоуправство, неправосудіе; какъ же было литературѣ возстать на нихъ? Въ обществѣ не встрѣчали сильнаго отзыва просвѣщенія, гуманныя стремленія; могла ли литература сильно ихъ высказать? Если бы общественное мнѣніе у насъ было сильно и твердо, оно на-лету подхватывало бы всякое слово, всякій намекъ литературы, ободряло бы и вызывало на дальнѣйшіе словесные подвиги. Но этого не было; сонная вялость господствовала въ обществѣ, общественное мнѣніе отличалось страннымъ индифферентизмомъ къ общимъ вопросамъ; какъ тутъ было не измелчать литературѣ? Война нѣсколько расшевелила насъ, да и то очень мало; мы какъ будто стряхнули нѣсколько сонныхъ грёзъ, но множество прежнихъ иллюзій еще осталось въ неприкосновенности. вмѣстѣ съ тѣмъ и прежняя сонная инерція еще сильно держитъ насъ на одномъ мѣстѣ, несмотря на всѣ наши толки о прогрессѣ. Мы еще все не можемъ привыкнуть къ мысли о томъ, что нужно самому о себѣ заботиться, нужно работать, нужно

идти самимъ, а не ждать, чтобы пришли къ намъ благодѣтели, которые начнутъ переставлять намъ ноги. Намъ не оставило еще наше «авось»; мы все еще хотимъ, чтобы намъ понукали, чтобы за насъ дѣлали другіе. Иногда общество и томится какимъ-то смутнымъ желаніемъ, но оно никогда не шевельнетъ пальцемъ, чтобы привести его въ исполненіе. Въ обществѣ нѣтъ инициативы; какъ же вы хотите, чтобы давала ее литература? Всякій писатель знаетъ, что если онъ заговоритъ о томъ, что нужно, но что еще не проявилось въ самой дѣятельности общества, то его назовутъ сумасбродомъ, утопистомъ, даже пожалуй — чего добраго! — врагомъ общественнаго спокойствія! Ну, когда такъ, то зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ мирному литератору нарушать общее спокойствіе? онъ и молчитъ. А тамъ, посмотришь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ годъ то же самое предположеніе уже осуществляется въ законодательствѣ или въ административныхъ распоряженіяхъ, и общество довольно, и уже съ рукоплесканіями встрѣчаетъ того, кто заговоритъ о томъ же самомъ. А не осуществится предположеніе, — общество опять довольно и спокойно, и какъ будто вовсе не чувствуетъ ни малѣйшей надобности въ его осуществленіи. Что тутъ дѣлать литературѣ, когда ее не только не спрашиваютъ, а даже и слушать не хотятъ, пока сами событія не наведутъ на ту же мысль, какую она могла бы сообщить гораздо раньше? . . Конечно, литературу могутъ обвинить въ томъ, что она не выражаетъ своихъ требованій съ жаромъ и настойчивостью, несмотря на всѣ неудачи. Но и на такое обвиненіе общество наше не имѣетъ права. Развѣ оно призна-

ло значеніе литературы? Развѣ оно поручило ей свое нравственное и умственное воспитаніе? Развѣ оно своею любовью и уваженіемъ ограждаетъ литературу отъ неразумныхъ нападеній обскурантовъ? Бѣдь нѣтъ; оно равнодушно къ литературѣ, оно не спрашиваетъ ея совѣтовъ; какое же право имѣетъ оно требовать, чтобы литература насильно вмѣшивалась въ его дѣла?

«И самая мелочность вопросовъ, занимающихъ литературу, служить не къ чести нашего общества. Если талантливый актеръ пускается въ фарсъ для пріобрѣтенія успѣха, это унижаетъ публику; если профессоръ астрономіи считаетъ нужнымъ объяснять своимъ слушателямъ таблицу умноженія, — это унижаетъ его аудиторію. Такъ и въ литературѣ. Скажите, каково нравственное развитіе того общества, въ которомъ еще приносятся пользу и имѣютъ успѣхъ разсужденія о пользѣ гласности, о вредѣ безправія, о безчестности лихоимства и т. п.? Тутъ все падаетъ на неразвитость общества; литература виновата лишь въ томъ, что явилась среди такой публики. Но что же дѣлать ей? Провинціальный актеръ поневолѣ играетъ для провинціальной публики, пока не найдетъ средствъ поступить на столичный театръ».

Справедливости такихъ возраженій мы не отвергнемъ. Дѣйствительно, литература сама по себѣ, безъ поддержки общества, безсильна; стало быть, напрасно и требовать что-нибудь отъ нея, пока общество не измѣнитъ своихъ отношеній къ ней. У ней во власти только теоретическая часть; практика вся въ рукахъ общества. Она забирается въ кружокъ взяточниковъ и негодяевъ и проповѣдуетъ имъ о честности, безкорыстіи; вы съ

удовольствіемъ ее слушаете и апплодируете. Но вотъ одинъ изъ вашихъ братьевъ попался въ руки къ этимъ взяточникамъ и негодьямъ: они могутъ его лишитъ имущества, правъ, посадить въ тюрьму, сослать въ Сибирь, словомъ — сдѣлать съ нимъ, что имъ будетъ угодно. Что можетъ сдѣлать писатель, неприкосновенный къ дѣлу, для защиты вашего невиннаго брата? Онъ опять будетъ говорить о честности и правомъ судѣ; но можетъ ли это подѣйствовать на взяточника? Не жалко ли будетъ положеніе писателя, попусту тратящаго слова въ такомъ случаѣ, гдѣ нужно дѣло дѣлать? А вы, имѣя въ рукахъ документы, зная свидѣтелей въ пользу вашего брата, имѣя всѣ средства для уличенія неправаго судьи, будете спокойно смотрѣть на усилія литератора и, пожалуй, опять рукоплескать его благороднымъ разсужденіямъ! Скажите, кто болѣе жалокъ, кто производитъ болѣе непріятное чувство въ этомъ случаѣ, писатель ли, безплодно разсуждающій, или люди, восторгающіеся его краснорѣчіемъ? Трудно рѣшить.

Итакъ, мы повторимъ здѣсь еще разъ, что, указывая на мелочность литературы, мы не думали обвинять ее. Но вотъ въ чемъ мы ее обвиняемъ: она хвалится многими изъ своихъ мелочей, вмѣсто того чтобы стыдиться ихъ. Говоря о правосудіи, когда несправедливо судятъ невиннаго брата, она не сознаетъ ничтожности своей рѣчи для пользы дѣла, не говоритъ, что прибѣгаетъ къ этому средству только за неимѣніемъ другихъ, а напротивъ — гордится своимъ краснорѣчіемъ, рассчитываетъ на эффектъ, думаетъ передѣлать имъ натуру взяточника и иногда забывается даже до то-

го, что благородную рѣчь свою считаетъ не средствомъ, а цѣлью, за которою дальше и нѣтъ ничего. А невинно-осужденный терпитъ между тѣмъ заключеніе, наказаніе, подвергается страданіямъ всякаго рода. И литература не хочетъ видѣть или не хочетъ сознаться, что ея дѣятельность слаба, что того, чѣмъ она можетъ располагать, мало, слишкомъ мало для спасенія невиннаго человѣка отъ осужденія корыстнаго судьи. Вотъ что возмутительно для людей, которые ищутъ дѣла, а не хотятъ остановиться на праздномъ словѣ! Вотъ что и вызвало нашу статью. Мы хотѣли напомнить литературѣ, что при настоящемъ положеніи общества она ничего не можетъ сдѣлать, и съ этой цѣлью мы перебрали факты, изъ которыхъ окazyвалось, что въ литературѣ нѣтъ инициативы. Далѣе мы хотѣли сказать, что литература унижаетъ себя, если съ самодовольствомъ останавливается на интересахъ настоящей минуты, не смотря въ даль, не задавая себѣ высшихъ вопросовъ. Для этого мы припомнили, какою ничтожностью и мелкотою отличались многія изъ патетическихъ разсужденій нашей литературы о вопросахъ, уже затронутыхъ въ административной дѣятельности и въ законодательствѣ. Литература всегда можетъ оправдать себя отъ упрека въ мелочности, сказавъ, что она дѣлаетъ что можетъ, и что не отъ нея, а отъ общества зависитъ дѣлать больше или меньше. Но нѣтъ для нея никакого оправданія, ежели она самодовольно забудется въ своемъ положеніи, примирится съ своей мелочностью и будетъ толковать о своемъ серьезномъ значеніи, о великости своего вліянія, о прогрессѣ общества, которому она служитъ. Такое самодовольное за-

бытье покажетъ намъ, что литература дѣйстви-
тельно не имѣетъ высшихъ стремленій, что она
смирено доволъствуется всѣмъ, что ни сдѣлаетъ
съ нею общество, ради временной надобности или
даже просто ради потѣхи. При такой узости
взглядовъ и стремленій литература дѣйстви-
тельно можетъ показаться противною для всякаго свѣ-
жаго человѣка, ищущаго дѣятельности... И съ
нею можетъ тогда помирить только вопль отчая-
нія, въ которомъ будетъ и энергическій укоръ, и
мрачное сожалѣніе и громкій призывъ къ дѣятель-
ности болѣе широкой. Призывъ этотъ будетъ
относиться не къ одной литературѣ, а и къ цѣло-
му обществу. Его смыслъ будетъ въ томъ, что
гнусно тратить время въ безплодныхъ разговорахъ,
когда, по нашему же сознанію, возбуждено столь-
ко живыхъ интересовъ. Не надо намъ слова гни-
лого и празднаго, погружающаго въ самодоволь-
ную дремоту и наполняющаго сердце пріятными
мечтами; а нужно слово свѣжее и гордое, заста-
вляющее сердце кипѣть отвагою гражданина, увле-
кающее къ дѣятельности широкой и самобытной...

Сочиненія А. Бѣшенцова въ прозѣ и стихахъ.

Москва. 1858.

Господинъ Бѣшенцовъ — чистый художникъ; онъ только художествомъ и занимается. Вопросы общаго блага не занимаютъ поэтическихъ думъ его; онъ поетъ только о томъ, что вѣчно и неизмѣнно, — «о красотѣ и сердцѣ человѣческомъ». Одни названія его стихотвореній могутъ служить достаточнымъ доказательствомъ художественности его натуры. У него есть стихотворенія: «Поэзія», «Молитва», «На молитвѣ», «Воспоминаніе», «Признаніе», «Разочарованіе», «Прощаніе», «Сожалѣніе», «Раскаяніе», «Соловей», «Цвѣтокъ», «Букетъ», «Грузинкѣ». Возвышенныя чувства и любовь къ красотѣ безраздѣльно владычествуютъ надъ сердцемъ г. Бѣшенцова. Красавицамъ посвящаетъ онъ свою книжку, ихъ выхваляетъ онъ на каждой страницѣ, имъ онъ готовъ отдать свою душу, свои труды, свой домъ, свою кровь, всѣ свои лучшія надежды и порывы. Предъ нимъ смиряется даже страсть къ жемчугу, которою также одержимъ г. Бѣшенцовъ, какъ явствуется изъ слѣдующаго стихотворенія:

Экспромтъ.

Вы раковину мнѣ сегодня подарили;
 Она пустехонька; *въ ней нѣтъ жемчуга,*
А пустяковъ, вы вѣрно позабыли,
Не любитъ вашъ покорный слуга!
 Но губку дуть зачѣмъ? Не нуженъ мнѣ жемчугъ,
 Что украшаетъ бюстъ красавицы холодной;
 Такъ что же нужно мнѣ? Бездѣлны, мой другъ,
Пятакъ жемчужинъ чувствъ высокихъ и свободныхъ!

Ясно: поэтъ готовъ отказаться даже отъ жемчуга и всякихъ матеріальныхъ благъ для «пятака жемчужинъ чувствъ высокихъ». Онъ любитъ стремиться къ высокому и презираетъ свѣтъ за то, что онъ деньги любитъ. Въ началѣ своего *Посвященія* онъ говоритъ:

Кому мнѣ посвятить мои стихотворенья?
 Друзьямъ! — Друзей у меня нѣтъ.

А почему нѣтъ? Потому, что, по мнѣнію г. Бѣшенцова, всѣ нынѣшніе друзья, —

Какъ деньги есть, обьютъ пороги,
 А промотай, — *покажутъ ноги...*

На этомъ основаніи г. Бѣшенцовъ полагаетъ, что смѣшно и глупо

Жать руку робко и смиренно,
 Чтобъ популярность заслужить.

Почему онъ думаетъ, что популярность пріобрѣтается не иначе какъ именно такимъ способомъ, — этого онъ не объясняетъ. Но зато ясно и положительно говоритъ онъ, что не дорожитъ мнѣніемъ свѣта.

Пусть лучше говорятъ, что *скаредъ*,
 Что *сребролюбецъ*, *эгоистъ*;
 Хула невѣжды не умалить:
 Хвала его — *машины свистъ*. [?]

Почему г. Бѣшенцовъ подозрѣваетъ, что его считаютъ *скаредомъ*, *сребролюбцемъ* и *эгоистомъ* — это опять его тайна, не открываемая имъ публикѣ. Но, вѣроятно, онъ имѣетъ на то достаточныя причины; иначе онъ не сталъ бы съ такимъ озлобленіемъ отзываться о цѣлой мужской половинѣ человѣческаго рода, изъ которой исключаетъ одного только какого-то друга *Геннадія*.

Зато къ женскому полу г. Бѣшенцовъ изъясняетъ самую нѣжную симпатію, и это тѣмъ похвальнѣе, что онъ по собственному признанію — уже приближается къ старости. Онъ говоритъ, что ему

Старость — *бурная стихія*
 Преградой страшною грозитъ,

и что онъ радъ, когда, прочитавъ его стихи, ему привѣтно улыбнутся и скажутъ:

Жаль, что не молодъ поэтъ.

Въ посланіи Я...у Н...у О...у г. Бѣшенцовъ воспоминаетъ, что ужъ восемнадцать лѣтъ прошло со времени его «шалостей, проказъ, кипучей жизни молодецкой»; отсюда видно, что поэту уже далеко за сорокъ, если даже предположить, что онъ прекратилъ всѣ *шалости и проказы* не позже какъ въ 25 лѣтъ.

Мы должны признаться впрочемъ, что подобное предположеніе крайне неосновательно, если судить о поэтѣ по тому пылу страстей, какой обна-

руживается имъ даже и въ настоящее время. Онъ себя именуетъ *исполиномъ, орломъ и львиной душой* (соединеніе элементовъ весьма разнообразныхъ!), а о своихъ чувствахъ иначе и не выражается, какъ называя ихъ *вулканомъ и пожаромъ*, и хотя въ одномъ мѣстѣ увѣряетъ, будто его теперь

Не тѣшатъ, не манятъ соблазны и красота,

но вся книжечка его служить доказательствомъ, что такъ выразился онъ единственно для красоты слога. Во многихъ стихотвореніяхъ онъ признается, что *изъ-за дѣвъ* онъ готовъ затѣять какую угодно борьбу и даже нимало не сконфузится, если потерпитъ пораженіе. Что бы, говорить, со мною ни случилось, мнѣ все ничего:

Съ судьбою примирюсь
Я первымъ взглядомъ дѣвы милой,
Ея восторгами упьюсь
И, побравшись съ новой силой,
Опять пойду, *какъ исполинъ*,
На битву жизни...

Въ другомъ стихотвореніи г. Бѣшенцовъ признается, что ему нѣтъ отрады — ни въ разумѣ, ни въ благородствѣ, ни въ спокойствіи совѣсти, а нужна ему любовь того созданья,

За счастье чье *не жаль всю кровь*
Пролить безъ жалобъ, безъ страданья.

Но сильныя страсти поэта не ограничиваются желаніемъ пострадать самому за дѣву; въ экстренныхъ случаяхъ онъ готовъ и самой дѣвѣ надѣлать порядочныхъ непріятностей, — особенно когда любовь къ красотѣ борется въ душѣ его съ любовью къ жемчугу и другимъ матеріальнымъ благамъ. У

него есть стихотвореніе, въ которомъ онъ прогоняетъ отъ себя какую-то дѣву, объявляя, что у него нѣтъ денегъ, а между тѣмъ «ея съ красотой продадутъ, продадутъ . . .» — «Отойди», — кричитъ онъ въ изступленіи, — а не то

Не ручаюсь, убью
И тебя, и себя...

И не мудрено: г. Бѣшенцовъ даже къ цвѣтку обращается съ слѣдующими стихами:

Хотѣлъ бы я *груди своей къ вулкану*
Прижать тебя, цвѣтокъ, какъ чудо красоты...

А про людей ужъ и говорить нечего; г. Бѣшенцовъ говоритъ, что никто не въ состояніи даже понять его чувствъ, если «ревности вулканъ въ *своей груди не ощущалъ* . . .». Чего же стоитъ раздѣлять его чувства! Вулканическая натура г. Бѣшенцова видна даже въ самыхъ простыхъ проявленіяхъ; онъ, напримѣръ, не можетъ довольствоваться простымъ поцѣлуемъ дѣвы, а непременно требуетъ, чтобы она дала ему

Лобзанье
Унести *съ груди своей*...

Говоря о любви, г. Бѣшенцовъ постоянно упоминаетъ о какомъ-то таинственномъ *фіалѣ*, придающемъ его рѣчи особенную образность и силу. Въ посланіи Н. А. З., въ которомъ поэтъ желаетъ найти его на берегахъ Рейна —

Съ швейцаркой молодой.
Въ объятыхъ нѣги безмятежной, —

въ этомъ посланіи онъ совѣтуетъ, между прочимъ, своему пріятелю:

Излей въ нее фіаль любви.

Въ другомъ стихотвореніи поэтъ употребляетъ слово *фіаль*, уже говоря о своей собственной любви; но, къ удивленію нашему, онъ не *изливаетъ*, а самъ *пьетъ* этотъ *фіаль*...

Фіаль любви я пилъ

Устами жадными изъ чашки наслажденья
И *память торжества* [?] въ души я сохранилъ,
Какъ сна крылатого блестящее видѣнье...

Но еще болѣе удивились мы, встрѣтивъ у г. Бѣшенцова *фіаль* совершенно въ особомъ значеніи, въ стихотвореніи-экспромптѣ (не тотъ, который мы привели выше, а другой). Здѣсь поэтъ называетъ *фіаломъ* какую-то дѣву:

Когда бы ты, души моей *фіаль*,
Меня своимъ навѣки назвала ..

Впрочемъ и это ничего: все-таки выходитъ одно и то же — любовь къ прекрасному полу.

Послѣ прекраснаго пола г. Бѣшенцовъ любитъ во всемъ свѣтѣ — только родныхъ. Еще въ дѣтствѣ его баюкали, говоритъ онъ, слѣдующимъ *припѣвомъ ласки нѣжной*:

„Расти, дитя, расти!

И совершай путь жизни безмятежно,
Вѣрь въ Бога, честенъ будь и уважай родныхъ“.

И поэтъ вѣренъ былъ наставленію, пока его не отдали въ «коллегіумъ нѣмецкій, гдѣ портить начали способности его, и гдѣ природное богатство испытывать утраты начало». Тогда ему являлся какой-то духъ

Въ блестящихъ видахъ обольщенья,
Внушая новыхъ тьму идей...

Духъ этотъ былъ очень обольстительнъ: онъ

Алтарь свободы украшалъ
Цвѣтами равенства и братства,

Онъ свѣтъ науки обѣщаль
И ключъ народнаго богатства!

Душа г. Бѣшенцова «наивно отдалась ему въ чадѣ тщеславія людскаго, и въ міръ фантазій унеслась»; но тутъ судьба сразила г. Бѣшенцова. «какъ юнаго орла», и онъ палъ.

И много лѣтъ скитался я
Средь дикихъ горъ въ странѣ изгнанья.
Гордыня духа умерла;
Я къ Провидѣнью обратился!
Душа воскресла, ожила;
И я съ раскаяньемъ молился!
И снова взялся за перо.

Послѣднее совершенно напрасно, разумѣется; но тутъ выразилась нравственность вулканической природы поэта: хотя онъ и взялся за перо,

*Но буйнаго разгула краски
Ужъ не сливались съ него.*

Поэтъ переродился: съ него «свалилась пелена грѣхонеденія земныхъ страстей», какъ выражается онъ самъ. Тутъ-то имъ овладѣла любовь къ роднымъ, соединившаяся въ немъ такимъ образомъ съ любовью къ прекрасному полу; говоря поэтически, онъ сталъ *фіалъ* любви своей *изливать* на своихъ родныхъ, презирая весь остальной свѣтъ и соблюдая симъ способомъ экономію сердечныхъ чувствъ.

Преобразившись послѣ своего разгула, г. Бѣшенцовъ вспомнилъ о кружкѣ родныхъ, имъ овладѣла тоска по родинѣ.

Скорѣй въ Москву хотѣлось мнѣ,
Гдѣ колыбель моя качалась,
И гдѣ еще по-старинѣ
Хлѣбъ-соль радушьемъ отличалась,

Гдѣ мать, отецъ, кружокъ родныхъ,
Еще былъ тѣсенъ, — сердцу милый!
Немного было *между нихъ*
Крестовъ надъ свѣжею могилою...

Затѣмъ г. Бѣшенцовъ говоритъ, что онъ живетъ нынѣ въ смиреніи души; представленныя нами мѣста изъ его стихотвореній не совсѣмъ подтверждаютъ это свѣдѣніе. Вообще г. Бѣшенцовъ слишкомъ скромничаетъ. Напримѣръ, одно стихотвореніе «Въ альбомъ» онъ заключаетъ слѣдующими стихами:

И имя скромное мое
Припомните въ часы досуга.

Отчего же скромное? Мы вовсе не находимъ, чтобъ Бѣшенцовъ было скромное имя. Даже совершенно напротивъ. Напрасно г. Бѣшенцовъ скромничаетъ: стихи его достойны его имени, а имя — стиховъ.

Кромѣ стиховъ, г. Бѣшенцовъ пишетъ и прозою. Въ книжкѣ его помѣщена драма-водевиль «Жребій». «Жребій» этотъ совершенно чуждъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ, но въ достоинствахъ литературныхъ не уступаетъ комедіи г. Пивоварова. Содержаніе его просто. Стрѣльскій влюбленъ въ Вѣру; но Вѣра выходитъ замужъ за графа. Стрѣльскій встрѣчаетъ Софью, сестру Вѣры, на желѣзной дорогѣ и на другой день является въ домъ къ Вѣрѣ. Она его еще любитъ, но крѣпится и оставляетъ его съ Софьей. Софья приглашаетъ его въ деревню къ сестрѣ, Стрѣльскій же уговариваетъ Софью остаться въ Москвѣ и не ѣздить съ сестрою въ деревню. Софья, по непостижимой для смертныхъ логикѣ, вдругъ объявляетъ слѣдующее:

Постойте, постойте! я придумала прекрасное средство все уладить. Бросимъ жребій. Если выйдетъ мнѣ остаться

въ Москвѣ, то сестра отказанъ будетъ уже не въ правѣ; если же вамъ ѣхать въ деревню, то вы не въ правѣ отказаться.

Стрѣльскій соглашается. По жребію выходить ему ѣхать въ деревню; тамъ онъ влюбляется въ Софью и проситъ руки ея; Вѣра, слыша это, падаетъ въ обморокъ и потомъ, очнувшись, говоритъ къ партеру: «о, какъ же скоро онъ отмстилъ мнѣ!»

Затѣмъ она поетъ:

Вотъ образецъ любви мужчины,
 Всякъ на одинъ построенъ ладъ:
 Онъ васъ полюбитъ безъ причины
 И измѣнитъ вамъ очень радъ.

Стрѣльскій же поетъ въ заключеніе:

И авторъ „Жребіемъ“, конечно,
 Утѣшенъ будетъ въ первый разъ,
 Когда партеръ чистосердечно
 „Пишите, — скажетъ, — въ добрый часъ!“

Такова комедія г. Бѣшенцова, поэта съ скромнымъ именемъ. Хотя поэтъ и надѣется на одобреніе партера, но мы убѣждены, что партеръ не поощритъ его на дальнѣйшее писаніе, хотя бы даже всѣ мѣста въ креслахъ заняты были поклонниками чистой художественности. Нѣтъ, вѣрно и художественная теорія согласится съ нами, что лучше бы было, если бъ г. Бѣшенцовъ художествами не занимался и не прославлялъ бы своего скромнаго имени дѣянiями, не совсѣмъ одобрительными предъ судомъ безпристрастной критики, не только утилитарной, но и художественной. Приверженцы чистой художественности жертвуютъ намъ стихи г. Бѣшенцова, какъ мы жертвуемъ имъ комедію г. Пи-

воварова. Съ этой стороны мы можемъ быть спокойны. Но опасность другого рода угрожаетъ литературѣ. Г. Бѣшенцовъ объявляетъ, что ему критика ничего не значитъ, что это — машины свистъ. Онъ говоритъ:

Что мнѣ рецензійи и брань и похвала?

Отвратить его отъ писанія могутъ опять только красавицы; если же онъ его похвалятъ, то — слушайте, что будетъ:

Я, вашимъ искреннимъ привѣтомъ оживленный,
Изъ рукъ не выпущу пера!

Итакъ — вотъ гдѣ опасность! Бѣда, если дамы похвалятъ г. Бѣшенцова! Изъ рукъ пера не выпустить, вѣдь просто плакать придется тогда бѣдному рецензенту. О, жестокая и несправедливая судьба! Зачѣмъ ты не создала меня дамскимъ кавалеромъ, зачѣмъ не дала мнѣ въ воспитатели француза или полотера, или вообще какого-нибудь танцмейстера! Тогда я зналъ бы тайны дамскаго сердца и умѣлъ бы такъ расписать г. Бѣшенцова, что всякая дама пришла бы въ невольный ужасъ. Но теперь — что могу я сдѣлать? Я могу только взывать къ нимъ, въ непритворномъ лирическомъ порывѣ:

«О вы, души моеѣ царицы! Оставьте въ покоѣ скромное имя г. Бѣшенцова! Пусть его предается любви къ роднымъ и радуется на свое родное жилище, гдѣ колыбель его, можетъ быть, и до сихъ поръ качается. Не поощряйте его къ писанію: вы сами видѣли, какъ онъ плохо пишетъ. Да при томъ же — онъ вѣдь и опасенъ: у него *львиная* натура, у него въ груди *вулканъ*, онъ *фіалъ* изливаетъ . . .».

— Чортъ знаетъ что такое наплелъ и все дѣло, кажется, испортилъ: найдутся, пожалуй, дамы, котормъ вулканъ и фіаль-то именно и нравятся. Ну, да ужъ ничего; по крайней мѣрѣ буду знать кого винить, если г. Бѣшенцовъ еще что-нибудь напечатаетъ.

О русскомъ государственномъ цвѣтѣ.

Составилъ А. Языковъ. Спб. 1858.

Брошюра весьма серьезная и по необыкновенной важности своего предмета заслуживающая особеннаго вниманія русской публики. Изданіемъ своего сочиненія, посвящаго на себѣ признаки глубокой учености и многолѣтняго, серьезнаго труда, г. А. Языковъ открываетъ русскому народу, такъ сказать, новый отдѣлъ вѣдѣнія, доселѣ бывшій ему недоступнымъ. Въ началѣ своей брошюры г. А. Языковъ объясняетъ значеніе своего предмета слѣдующимъ образомъ (стр. 4).

Усвоивъ однажды, по распоряженію Правительства, собственный цвѣтъ, народъ придаетъ ему значеніе, составляющее символическій языкъ, главная мысль котораго любовь и преданность къ своей родинѣ и своей династии.

Къ сожалѣнію, это значеніе, приписываемое почти всеми народами ихъ національнымъ цвѣтамъ, у насъ, въ Россіи, не только не получило еще никакого развитія, но даже самая мысль о томъ для насъ и до сихъ поръ нова, хотя съ давнихъ временъ мы и употребляемъ эти цвѣта безсознательно.

Чтобы внушить русскому народу истинныя понятія о великой важности государственнаго цвѣта, г. А. Языковъ представляетъ въ началѣ своей бро-

шюры краткія историческія свѣдѣнія объ установленіи государственныхъ цвѣтовъ у различныхъ древнихъ и новыхъ народовъ. Несмотря на свою краткость, замѣтки эти могутъ похвалиться образцомъ ученаго трудолюбія, что доказываютъ ученныя ссылки, находящіяся почти на каждой страницѣ. Изъ нихъ видно, что почтенному автору знакомъ и Тацитъ, и Conversations-Lexicon (томъ девятый), изданный въ Лейпцигѣ въ 1836., и Петръ Санкте, и Барантъ, и Симонди. Замѣтимъ только маленькую неисправность на стр. 7, введшую насъ въ недоумѣніе. На этой страницѣ три ученыхъ цитаты. Первую дѣлаетъ авторъ, говоря о томъ, что на турнирахъ рыцари украшали себя шарфомъ; въ подтвержденіе столь любопытнаго и малонизвѣстнаго факта ссылается онъ на Conversations-Lexicon, Band IX, § 714. Leipzig, 1836. Ссылка несомнѣнная. Вторую ссылку дѣлаетъ авторъ на Тацита, говоря, что во время рыцарства, «когда установились гербы и ихъ начали украшать разными цвѣтами, любимый цвѣтъ былъ всегда господствующимъ въ гербѣ». Здѣсь цитата изъ Тацита, по нашему убѣжденію, не совсѣмъ основательна. Такъ называемое время рыцарства, сколько намъ извѣстно, началось въ Европѣ нѣсколько позже Тацита, и потому онъ, не будучи пророкомъ, не могъ писать о рыцаряхъ; но главное — въ указанномъ г. Языковымъ мѣстѣ Тацитъ упоминаетъ только у германцевъ «*fucatas colore tabulas*» и выводъ, сдѣланный г. А. Языковымъ изъ этихъ словъ, кажется намъ нѣсколько смѣлымъ. Третья ссылка относится къ слѣдующему мѣсту: «въ Средніе вѣка евреи нашивали себѣ на одежду кружокъ изъ желтаго сукна, какъ символъ націи». Цитата гласитъ: — «Петръ

Санкте, стр. 25, de colorum usu in Judis circensibus» Такъ какъ дѣло идетъ о *евреяхъ*, то немудрено, что всякій читатель введенъ будетъ въ заблужденіе неправильной цитатою и подумаетъ, что въ самомъ дѣлѣ существовали *Judi circenses*. Считаемо должномъ благонамѣренной критики сообщить почтенному автору, что въ означенномъ мѣстѣ слѣдуетъ читать *Iudi*, а не *Judi circenses*, т. е. *игры* въ циркѣ, а не *евреи*, принадлежащіе къ цирку. Прибавимъ при семъ, что евреи и не называются по-латыни *Judi*, а *Judaei*.

И вотъ все, что мы могли замѣтить относительно недостатковъ книжки г. А. Языкова. Недостатки ничтожные и обильно искупаемые ея несомнѣнными достоинствами! За изложеніемъ исторіи государственныхъ цвѣтовъ у другихъ народовъ, г. А. Языковъ переходитъ къ исторіи собственно русскаго государственнаго цвѣта. Онъ приступаетъ къ своему историческому обзору съ благородной энергіей, полною патріотическихъ чувствованій, и предпосылаетъ изслѣдованію слѣдующія краснорѣчивыя строки (стр. 16):

Россійская Имперія, съ главнымъ зерномъ коренного, единоплеменнаго единовѣрнаго русскаго народа, окруженная широкою лентою своихъ земель, населенныхъ иными племенами, иной религіи, правовъ и нарѣчій, но стремящихся къ этой сердцевинѣ, рано или поздно обѣнитъ милліоны своихъ поселенцевъ единымъ знаменемъ и выразитъ это единство свое наружнымъ символомъ — русскимъ государственнымъ цвѣтомъ.

Обратить вниманіе на предметъ — какіе цвѣта у насъ, въ Россіи, могутъ быть названы національными, *значитъ возбудитъ вопросъ новый, для многихъ странный, для другихъ вовсе непонятный и лишь для малаго числа доступный по своему значенію*; ибо до сего времени даже не было слышно самаго названія: „*русскій государственный цвѣтъ*“.

Строки эти обличаютъ уже всю громадность труда, предпринятаго г. А. Языковымъ; но слѣдующія страницы доказываютъ, что силы его достаточны для того, чтобы достойно совершить свое дѣло, и что онъ стоитъ совершенно въ уровень съ этимъ «новымъ вопросомъ, лишь для малаго числа доступнымъ по своему значенію». Съ непостижимымъ обиліемъ учености, открывающейся въ слишкомъ десяти цитатахъ изъ Лакіера, «Описанія монетъ» Шуберта, «Журнала Петра Великаго», «Книги Комиссаріатскаго Повытья 1762 г.», Книги Числъ и пр., г. А. Языковъ разсматриваетъ исторію русскаго государственнаго цвѣта съ древнѣйшихъ временъ до настоящей минуты. Изъ его добросовѣстныхъ изысканій оказывается съ несомнѣнною очевидностью, что хотя у насъ до сихъ поръ и не было точнаго опредѣленія государственныхъ цвѣтовъ, такъ что даже въ 1856 г. въ Парижѣ, при заключеніи мира, выставленъ былъ русскій флагъ цвѣтовъ *бѣлаго, синяго и краснаго* (стр. 17); но что правительство наше «никогда не отвергало существованія національныхъ цвѣтовъ, ибо 1) въ 1856 г. герольды въ Москвѣ имѣли черезъ плечо шарфы съ длинными концами изъ трехъ цвѣтовъ: *чернаго, оранжеваго и бѣлаго*, и 2) въ новѣйшее время замѣчено, что дворцовый флагъ, изображавшій до того орла на *бѣломъ* полѣ, замѣненъ орломъ на *желтомъ* полѣ» (стр. 35).

Представивъ такіе результаты своихъ неусыпныхъ изслѣдованій, г. А. Языковъ такъ заключаетъ свою брошюру (стр. 36):

Настоящія указанія на сей предметъ вообще имѣли цѣлью ознакомить нашъ народъ, сдѣлать для него доступнымъ и понятнымъ значеніе своего цвѣта.

Возбудить мысль никогда не поздно, и можно быть увѣреннымъ, что она *столь же быстро и прочно усвоится въ понятіяхъ, а потомъ и чувствахъ 60.000.000 нашего народа, какъ случилось то же съ національнымъ гимномъ*: долгое время полковая музыка наша встрѣчала императоровъ заимствованнымъ въ Англіи народнымъ гимномъ: *God save the King*; императоръ Николай I устранилъ эту несообразность, приказавъ составить русскій народный гимнъ, навѣки усвоенный въ души и рѣчи русскаго: „Боже, Царя храни!“.

Не будемъ же чужды мысли, принятой всеми народами, и пожелаемъ, чтобъ наше царство, сохранившее *столь много особеннаго, удержало у себя и знаки, выражающіе отлнчительно нашу народность, усвоимъ себѣ нашъ національный цвѣтъ: черный, оранжевый (золотой), бѣлый (серебряный)*. — Еще въ 4-й книгѣ Моисея дѣлалъ Израиля повелѣвалось: „человѣкъ держайся по чину своему, по знаменіямъ, по домамъ отчествъ своихъ“ (4 кн., гл. 2, ст. 2).

Въ самомъ дѣлѣ, тяжкая грусть невольно овладѣваетъ патріотическимъ сердцемъ, когда подумаешь, какъ много есть прекрасныхъ, полныхъ глубокаго нравственнаго смысла знаковъ, которые нынѣ существуютъ для насъ только въ своей формѣ, безъ духа жизни. Напр., безпрестанно мы видимъ, что чиновники и офицеры, привѣтствуя другъ друга при встрѣчѣ, прикладываютъ руку къ кокардѣ; но многимъ ли приходило въ голову спросить себя: какой внутренній смыслъ заключаетъ въ себѣ это виѣшнее дѣйствіе? Къ счастью Россіи, въ ней появляются время отъ времени люди съ философскимъ складомъ ума, умѣющіе изыскивать коренныя причины явленій. Такимъ человѣкомъ является въ настоящее время г. Языковъ; вотъ какъ объясняетъ онъ указанное нами явленіе: «Имѣя кокарду и, для привѣтствія при встрѣчѣ, указывая рукою на нея [на нее?], имѣютъ въ виду выразить принадлежность свою къ такой-то націи» (стр. 11).

Другой примѣръ: кому приходило на мысль спросить себя, что означаютъ бѣлый, черный и красный цвѣтъ на верстовыхъ столбахъ, будкахъ, плагбаумахъ и пр. До сихъ поръ, по словамъ г. А. Языкова, полагали, что «какъ главная цѣль плагбаума есть задержаніе проѣзжаго, а цвѣта эти ярко отличаются, то и необходимо, чтобы они, также какъ и верстовые столбы, замѣтны были издали» (читатель долженъ простить автору не совсемъ логическое построеніе періода), «подобно тому, какъ тѣ же цвѣта для той же цѣли употребляются въ означеніи межевыхъ линій». Но такое мнѣніе, очевидно, недостаточно: г. Языковъ доказываетъ, что здѣсь выразился русскій государственный цвѣтъ, и въ подтвержденіе этого разсказываетъ слѣдующій случай (стр. 32):

Замѣчательный случай, бывшій въслѣдствіи: однажды императоръ Николай I, проѣзжая мимо одной будки, замѣтить инженерному департаменту, что будка эта не окрашена веѣми русскими государственными цвѣтами, ибо тамъ значились только свѣжія краски бѣлая и черная, но красной полосы не успѣли еще провести. Здѣсь, можно сказать, въ первый разъ высказаны были царствующимъ лицомъ слова: *„русскій государственный цвѣтъ“*.

Вообще — какъ мало развито въ нашемъ народѣ понятіе о значеніи кокарды! Съ душевнымъ прискорбіемъ прочли мы въ книгѣ г. А. Языкова слѣдующія строки (стр. 34):

Вслѣдствіи, когда въ царствованіе Императора Николая I приказано было кокарду имѣть офицерамъ на фуражкахъ, то немногимъ приходило даже на мысль спросить себя, что жь выражаетъ кокарда?

Скажемъ болѣе: нынѣ царствующій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ приказать имѣть кокарду на форменныхъ фуражкахъ гражданскимъ чиновникамъ; до

состоянія сего повелѣнія слышались въ публикѣ вопросы: какую дадутъ кокарду чиновникамъ, на Владимірекой или Анненской лентѣ? Такіе *общественные толки* могутъ свидѣтельствовать, что у насъ еще не установилось понятіе о значеніи кокарды и ея цвѣта, когда инымъ казалось, что въ одномъ и томъ же государствѣ, у одного и того же народа, можетъ быть двѣ кокарды; да и до сихъ поръ, когда и военные и гражданскіе имѣютъ форменныя кокарды, въ насъ нѣтъ еще сознанія: что онѣ выражаютъ? Для того же, кто знаетъ, какъ высоко цѣнится въ понятіи другихъ народовъ значеніе національной кокарды, прискорбно, что нашъ народъ не усваиваетъ себѣ въ семъ смыслѣ народнаго о томъ значенія.

Будемъ надѣяться, что добросовѣстный и громадный (несмотря на малость брошюры) трудъ г. А. Языкова возвыситъ наконецъ наше народное сознаніе до степени пониманія своего государственнаго цвѣта. Желаемъ брошюркѣ г. А. Языкова быстро распространиться, подобно русскому народному гимну, между всѣми 60 милліонами русскаго народа и принести достойные плоды!!

Но чтобы результаты изслѣдованій г. А. Языкова были вполнѣ благодѣтельны, мы рѣшаемся напомнить ему, чтобы онъ въ будущихъ многочисленныхъ изданіяхъ своей брошюрки, исправилъ незначительные недосмотры, скромно замѣченные нами на ея седьмой страницѣ.

Исторія русской словесности.

Лекції *Степана Шевырева*, ординарнаго академика и профессора. Часть III. Столѣтія XIII, XIV и начало XV. Москва. 1858.

Дѣятельность г. Шевырева представляетъ какой-то вѣчный промахъ, чрезвычайно забавный, но въ то же время не лишенный прискорбнаго значенія. Какъ-таки ни разу не попасть въ цѣль, вѣчно дѣлать все мимо, и въ великомъ, и въ маломъ! Мы помнимъ, что въ началъ своей литературной карьеры г. Шевыревъ отличился статьею: «Словесность и торговля», — въ которой старался доказать, какъ позорно для писателя брать деньги за свои сочиненія: статейка эта явилась именно въ то время, когда литературный трудъ начиналъ у насъ получать право гражданства между другими категоріями труда. — Пустился г. Шевыревъ въ критику и — произвелъ въ поэты мысли г. Бенедиктова, который тѣмъ именно и отличается, что поэзія и мысль у него всегда въ разладѣ.—Увлекся онъ библіографіей, и сочинилъ, что стихи Пушкина:

Бранной забавы
Любить нельзя —

надобно читать:

Бранной забавы
Любить не я...

Мистицизмомъ занялся онъ, и провозгласилъ однажды «чудное и знаменательное совпаденіе событій въ томъ, что Карамзинъ родился въ годъ смерти Ломоносова»: вдругъ оказалось, что Карамзинъ вовсе не родился въ годъ смерти Ломоносова! — Въ живописи сталъ искать себѣ отрады г. Шевыревъ, и пришелъ въ восторгъ отъ Рафаэлевыхъ картоновъ, найденныхъ имъ въ Москвѣ: но на повѣрку вышло, что Лухмановскіе картоны, приведшіе его въ восхищеніе, никакъ не могутъ быть приписаны Рафаэлю. — Фельетонистомъ однажды сдѣлался почтенный ученый и принялся рассказывать, какъ Москва угощала брагой защитниковъ Севастополя: въ дѣйствительности оказалось, что брагой ихъ никогда не угощали. — Захотѣлъ онъ въ одномъ изъ своихъ сочиненій представить портретъ Батюшкова; но въ то время когда г. Шевыревъ принялся рисовать, Батюшковъ обернулся къ нему спиною, и въ книгѣ злополучнаго профессора оказался рисунокъ, изображающій Батюшкова — съ затылка!.. Въ стихотворство пустился ординарный академикъ и профессоръ; но и тутъ дѣло кончилось неудачно: извѣстно, какъ промахнулся онъ недавно съ своимъ привѣтствіемъ Бѣлевской библіотекѣ, которое не могло появиться въ самый день, вслѣдствіе невеликодунія редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Словомъ, что ни дѣлалъ г. Шевыревъ, производилъ ли слово *зефиръ* отъ *сѣвера*, изъяснялъ ли желаніе взобраться на Александровскую колонну, толковалъ ли о великомъ значеніи Жуковского или объ отношеніи семейнаго воспитанія къ государственному, вступалъ ли въ русскую горячую бесѣду, — вездѣ его поражали тяжкіе удары, вездѣ его дѣятель-

ность ознаменовывалась самыми несчастными промахами.

Такъ случилось и съ лекціями г. Шевырева о русской словесности. На первыхъ книжкахъ его курса было прибавлено: «исторія словесности, *преимущественно древней*», — и это подало поводъ одному писателю справедливо замѣтить: т. е. *преимущественно того времени, когда ничего не писали*». Замѣчаніе это оправдано г. Шевыревымъ вполне, — какъ въ первыхъ двухъ книжкахъ его лекцій, такъ и въ третьей, нынѣ изданной. На каждой страницѣ очевидно, что почтенный профессоръ сильно промахнулся въ самомъ выборѣ предмета. Не менѣе ловкіе промахи умѣлъ онъ сдѣлать и въ обработкѣ его. Такъ, говоря о языкѣ русскомъ, онъ выразилъ вражду къ германской филологіи, по слѣдамъ которой считалъ постыднымъ *влачиться*; между тѣмъ именно съ этого времени германская филологія и принялась у насъ, благодаря преимущественно трудамъ г. Буслаева. Говоря о словесности, г. Шевыревъ старался во всемъ видѣть чудеса и, въ своемъ мистически-московскомъ патріотизмѣ, старался превозносить древнюю Русь выше облака ходячаго: а именно въ это время, болѣе чѣмъ когда-нибудь прежде, пробуждалась склонность къ безпристрастному и строгому пересмотру дѣяній древней Руси. Труды гг. Соловьева, Кавелина, Калачова, потомъ Буслаева, Забѣлина, Чичерина, Пыпина и др. указали намъ правильную историческую точку зрѣнія на нашъ до-петровскій періодъ и на его литературу. А г. Шевыревъ и теперь опять является съ тѣми же высокомѣрными возгласами о величій русскаго смиренія, терпѣнія и пр., да еще при этомъ осмѣливается увѣрять, буд-

то со времени изданія его книги (въ 1846 г.), «по его слѣдамъ [по слѣдамъ г. Степана Шевырева, ординарнаго академика и профессора!!] вели науку далѣе [далѣе?] другіе ученые [каково наивное признаніе въ собственной учености!] и трудилось молодое поколѣніе, которое скоро и представило отличныхъ дѣятелей по тому же предмету. Нѣкоторые изъ нихъ [изъ отличныхъ-то дѣятелей? полноте!] мнѣ лично выражали признательность свою за то, что начали изучать русскую словесность древняго періода по моей книгѣ. Желаю душевно, чтобы и вновь выходящая книга принесла такой же плодъ, какой принесенъ былъ двумя первыми [!!!]. (Стр. V, предисл.)

Такія безцеремонныя претензіи г. Шевырева опять составляютъ весьма жалкій промахъ въ наше время, когда забавное значеніе почтеннаго профессора такъ ясно уже для молодыхъ изслѣдователей. Не менѣе жалокъ намъ историкъ русской словесности и въ другомъ своемъ промахѣ, относящемся къ сужденію о немъ другихъ журналовъ. По его словамъ, всѣ петербургскіе журналы, при первомъ появленіи его книги въ 1846 г., осудили его потому, что онъ «поставилъ себя въ «Московскомъ Наблюдателѣ» и въ «Москвитянинѣ» во враждебное отношеніе къ тѣмъ журналамъ». Такое объясненіе можно отнести, конечно, опять къ той же, вѣчно преслѣдующей г. Шевырева, опрометчивости. Но, вообще говоря, подобныя объясненія наводятъ насъ на мысль о той степени нравственнаго униженія, на которой находился извѣстный герой, любившій рассказывать, какъ онъ «пострадалъ по службѣ за правду». Мы убѣждены, что сознательно заподозрить гласнымъ образомъ чужую честность, не

представивъ никакихъ доказательствъ на свои подозрѣнія, — можетъ только человѣкъ, не имѣющій достаточно увѣренности въ своемъ собственномъ благородствѣ и добросовѣстности.

Къ сожалѣнію, новая книжка, г. Шевырева представляетъ обильныя доказательства на то, что онъ еще доселѣ не умѣетъ возвыситься до пониманія того, что человѣкъ можетъ дѣйствовать по убѣжденію, — что мысль, сознаніе правды можетъ быть такимъ же двигателемъ человѣческихъ поступковъ, какъ и всякіе другіе, самые практическіе расчеты. Напримѣръ, что можетъ быть проще того факта, что я спору противъ мнѣнія, не согласнаго съ моимъ, что я осуждаю направленіе, которое считаю ложнымъ? Г. Шевыревъ этого не понимаетъ; по его мнѣнію, когда я не хочу согласиться съ нимъ, что черное — бѣло, то я непременно имѣю тутъ какіе-нибудь особенныя виды. Вслѣдствіе такихъ понятій, онъ начинаетъ меня убѣждать: для чего вамъ хочется доказать, что черное — черно? какая вамъ будетъ бѣда, ежели я успѣю кого-нибудь увѣрить, что оно не черно, а бѣло? Развѣ мало другихъ цвѣтовъ, опредѣленіемъ которыхъ вы можете заняться? и пр. Невѣроятно, чтобъ ученый профессоръ могъ имѣть такія понятія; но что же дѣлать? — онъ ихъ дѣйствительно имѣетъ... Вотъ его слова: «Поле нашей науки такъ обширно, что нуждается во множествѣ дѣятелей: если бы было ихъ вдесятеро болѣе противъ наличнаго числа, на всѣхъ бы доставало работы. Изъ чего же мы споримъ? что мы дѣлимъ? изъ чего мѣшаемъ другъ другу?» (Пред., стр. X.) Видите, какія соображенія: если Бѣлинскій критиковалъ г. Шевырева, если гг. Буслаевъ, Забѣлинъ и пр. возставали про-

тивъ его миѣнія, такъ это дѣлали они *изъ боязни, чтобы онъ не отбилъ у нихъ работу, изъ торговой конкуренціи!!* И послѣ такихъ заявленій г. Шевыревъ осмѣливается еще толковать въ томъ же Предисловіи о безкорыстной любви къ наукѣ!!

Въ дополненіе представленныхъ уже данныхъ стносительно личнаго характера г. Шевырева, какъ писателя, укажемъ слѣдующіе факты. На стр. XXII Предисловія онъ приходитъ въ восхищеніе отъ «Исторіи русской цивилизаціи» г. Жеребцова, говоря, что она *«проливаетъ новый свѣтъ предъ всѣмъ просвѣщеннымъ [каламбуръ ученаго!] Западомъ на прошедшія, настоящія и будущія судьбы нашего отечества»*; а нѣсколько строкъ ниже говорится, что г. Жеребцовъ многое взялъ изъ «Исторіи словесности» г. Шевырева, «а главное — *изъ нея заимствовалъ основное свое воззрѣніе на христіанское просвѣщеніе древней Руси*». Итакъ, свѣтъ г. Жеребцова — заимствованный, т. е. говоря метафорически, — г. Жеребцовъ есть въ нѣкоторомъ родѣ луна просвѣщеннаго Запада, а солнце-то его есть г. Шевыревъ. Гм!..

На стр. XXIII Предисловія г. Шевыревъ считаетъ нужнымъ оправдаться предъ публикой — не въ томъ, что рѣшается снова выступить съ продолженіемъ своихъ лекцій (какъ слѣдовало бы ожидать), а въ томъ, что это продолженіе *такъ замедлилось*. Въ оправданіе онъ приводитъ разные труды свои «на пользу университета, младшихъ товарищей по наукѣ и студентовъ», и кромѣ того намекаетъ еще на какія-то «душевные скорби, борьбу съ судьбою, великое и трудное дѣло жизни, въ которыхъ онъ долженъ отдать отчетъ только Богу. Наконецъ, въ извиненіе себѣ ставитъ авторъ и то,

что «работаетъ безъ предшественниковъ въ этомъ дѣлѣ, которые могли бы облегчить ему построение цѣлаго и разработку подробностей». Между тѣмъ, по самымъ примѣчаніямъ къ книгѣ г. Шевырева видно, что онъ весьма много пользовался изслѣдованіями пресвященныхъ Макарія, Филарета, профессора Горскаго и др. Кромѣ того, — нельзя не замѣтить, что большая часть книжки г. Шевырева состоитъ изъ краснорѣчиваго пересказа житій святыхъ русскихъ; житія же эти давно уже обработаны не менѣе краснорѣчивымъ перомъ А. Н. Муравьева, того самаго, который у г. Жеребцова отличенъ наименованіемъ *шамбеляна*. Соображая все это, необходимо приходишь къ мысли, что отзывъ г. Шевырева — просто неблагодарность къ его предшественникамъ.

Характеръ общихъ понятій г. Шевырева, неизлѣчимо-мистическій, виденъ также изъ примѣровъ, подобныхъ слѣдующимъ. Говоря о желѣзныхъ дорогахъ и телеграфахъ, онъ признаетъ ихъ пользу вотъ по какимъ основаніямъ: «въ этихъ явленіяхъ чувствуетъ и сознаетъ человѣкъ осязательнымъ образомъ свое духовное назначеніе и предвкушаетъ, такъ сказать, на землѣ то совершенное уничтоженіе времени и пространства, которое ожидаетъ его въ будущей жизни» (стр. XXVIII). Это, такъ сказать, ординарный академикъ и профессоръ поэтизируетъ...

Въ другомъ мѣстѣ (стр. XX) г. Шевыревъ доказываетъ, что знанія и промышленность процвѣтали въ древней Руси, ибо въ ней былъ «искусный и опытный кормщикъ Антипъ Тимооосевъ». Серьезно... Вотъ слова ученаго мистика: «Какъ же изъ древней Руси, при отсутствіи всякой промышленности, вся-

каго знанія, объяснить *искуснаго и опытнаго кормщика*, Антипа Тимоооева, которому мы, въ рогахъ Унской губы, обязаны спасеніемъ жизни Петра? Какъ же это объяснить въ самомъ дѣлѣ? Мы думаемъ, что матеріаль для объясненія могутъ г. Шевыреву доставить въ этомъ случаѣ описанія путешествій къ различнымъ дикимъ островитянамъ.

Внося мистицизмъ во всѣ явленія дѣйствительной жизни, даже самая уродливая, г. Шевыревъ доходитъ до того, что не стыдится давать слѣдующее объясненіе *кликушамъ*:

Мы всѣ знаемъ, съ какимъ благоговѣніемъ русскій человѣкъ преклоняетъ свою голову передъ нашимъ евангельскимъ и внемлетъ понятию громогласному слову благовѣстія; мы знаемъ, съ какимъ внутреннимъ трепетомъ онъ срѣтаетъ во время литургіи, пѣнь иже херувимскую и какъ глубоко чувствуетъ свое недостойнство, когда священникъ, приступая къ св. причащенію, изъ алтаря возглаголетъ міру: святая святымъ! Въ эти три мгновенія божественной литургіи какимъ-то особеннымъ трепетомъ бьется сердце благочестиваго русскаго. *Затѣмъ надобно искать перваго объясненія тому психологическому явленію, которое извѣстно въ нашемъ простомъ народѣ между жєнщинами подъ именемъ кликушъ!* (Стр. 108 прим. 6.)

Признаемся, — если бъ этотъ пассажъ былъ написанъ не г. Шевыревымъ, котораго благочестіе не подвержено сомнѣнію, а кѣмъ-либо другимъ, то мы приняли бы его за самую неприличную насмѣшку...

Впрочемъ, довольно объ общихъ понятіяхъ г. Шевырева; обратимся къ его лекціямъ объ исторіи русской словесности XIII, XIV и XV столѣтій.

Прежде всего нужно предупредить читателей, что объ исторіи словесности почти вовсе нѣтъ рѣчи

въ книжкѣ г. Шевырева. Вы найдете въ его пяти лекціяхъ (XI—XV) и подробный разсказъ о татарскомъ нашествіи, и біографіи благочестивыхъ и мужественныхъ князей, и житія русскихъ пастырей и отшельниковъ, и замѣтки о церковныхъ колоколахъ, живописи, архитектурѣ, мѣстоположеніи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, о чудесахъ, совершавшихся въ древней Россіи; но исторіи словесности не найдете. Да оно и естественно, разумѣется; потому что — какая же тогда была словесность? Только зачѣмъ г. Шевыревъ мистифицируетъ читателей названіемъ своей книги? Писать можно о чемъ и что угодно; но надо же, по крайней мѣрѣ, имѣть нѣкоторое понятіе хотя о томъ, къ какой области знаній относится предметъ, о которомъ пишешь. Не все, что было въ древней Руси, можно назвать исторіею древней русской словесности. Г. Афанасьевъ написалъ, напримѣръ, нѣсколько статей о зооморфическихъ божествахъ славянскихъ, г. Егуповъ — о торговлѣ древней Руси, г. Забѣлинъ — о металлическомъ производствѣ въ древней Россіи; — но не сказали же они, что ихъ труды составляютъ исторію словесности. Да не говоря уже о нихъ, самъ, уважаемый г. Шевыревымъ и извѣстный пылкостью своего ученаго воображенія, г. Бѣляевъ не называлъ исторіею словесности свои игривые изслѣдованія — хотя, напримѣръ, о Руси до Рюрика и о Руси въ первое столѣтіе послѣ Рюрика. Не слѣдовало и г. Шевыреву называть исторіею словесности своихъ извлеченій изъ «Исторіи Государства Россійскаго» Карамзина и изъ «Житій русскихъ святыхъ», изданныхъ г. шамбеляномъ Муравьевымъ.

Въ доказательство того, что мы вовсе не клеве-

цемъ на г. Шевырева, приводимъ его собственную характеристику двухъ столѣтій, словесность которыхъ составляетъ предметъ его лекцій. О XIII вѣкѣ онъ говоритъ: «Скудно число писателей, относящихся къ XIII вѣку; еще скуднѣе число памятниковъ, отъ нихъ оставшихся (стр. 30). Внезапное безплодіе, поражающее насъ въ XIII вѣкѣ, можно было бы сравнить съ впечатлѣніемъ пустыни, встрѣчавшей въ тѣ времена странниковъ нашихъ на ихъ пути изъ населенной Россіи къ полудню, къ татарскимъ кочевьямъ» (стр. 17). А между тѣмъ тринадцатому столѣтію посвящено въ книгѣ г. Шевырева сто страницъ. Чѣмъ же онѣ наполнены? Да такъ, — кое-чѣмъ. Вслѣдъ за признаніемъ литературнаго безплодія XIII вѣка говорится, что безплодіе происходило отъ татарскаго нашествія, и разсказывается подробно о нашествіи Батые, потомъ говорится о доблестяхъ Александра Невского, Михаила Черниговскаго, Владиміра Волынскаго и другихъ *героевъ отечества*, въ родѣ Меркурія Смоленскаго, Романа Углицкаго, Петра и Февроніи и другихъ личностей, никогда и не думавшихъ попасть въ литературу. И описываются они не мимоходомъ, не вкратцѣ, а со всѣми возможными амплификаціями, какія только можетъ внушить искусство Квинтилиана. Вотъ, напримѣръ, *малая толика* изъ разсказа о Владимірѣ Волынскомъ, находящагося въ «Исторіи русской словесности»:

Высокій ростъ, сильныя плечи, прекрасное лицо, русые кудрявые волосы, борода остриженная, стройныя руки и ноги, неподнятая часть рта полная и голосъ громкій, — составляли признаки его наружности. Онъ былъ искусный ловецъ, храбръ, крогокъ, смиренъ, незлобивъ... [И пр., и пр. Множество качествъ и дѣйствій, изъ которыхъ къ словесности относится только то, что онъ переносилъ свою

рукою нѣсколько книгъ]. За четыре года до смерти у него начала гнить неподвѣжная часть рта, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Сначала эта болѣзнь не мѣшала ему ходить и ѣздить на конѣ; онъ раздавалъ все имѣніе свое нищимъ. Потомъ на четвертый годъ спало у него все мясо съ бороды, выгнили нижніе зубы, кость бородная перетнилась, обнаружилась внутренность гортани: въ теченіе семи недѣль онъ не питался ничѣмъ кромѣ воды, и то скудно, — и наконецъ скончался послѣ тяжкихъ страданій въ 1288 г., 10 декабря, въ городѣ Любомль. (Стр. 25—26.)

Надобно прибавить только одно: что Владиміръ этотъ *ничего не писалъ* и не былъ предметомъ *никакого отдѣльнаго сказанія*, — и читатели вполне оцѣнятъ умѣстность въ исторіи словесности любопытныхъ страданій этого князя...

Такимъ способомъ и наполняетъ почтенный профессоръ свою книжку. Во всей одиннадцатой его лекціи, излагающей на ста страницахъ исторію словесности XII вѣка, къ словесности собственно относятся только немногія страницы о Симонѣ и Поликарпѣ, да о словахъ Серапіона. Но и эти страницы весьма поверхностны и состоятъ почти изъ одного только пересказа содержанія памятниковъ. Кромѣ того, г. Шевыревъ распространяется — объ Аврааміи Смоленскомъ, который тоже ничего не писалъ, но которому *можно приписать* «Слово о небесныхъ силахъ и исходѣ души» *потому*, что Авраамій, по свидѣтельству житія его, написалъ двѣ иконы — страшнаго суда и воздушныхъ мытарствъ—и любилъ о томъ говорить!.. (стр. 89). Распространяется г. Шевыревъ и о разныхъ Кириллахъ, изъ которыхъ одному можетъ быть приписано то самое Слово, которое можетъ быть приписано и Авраамію; о другомъ предполагаютъ, что онъ писалъ что-нибудь; но предположенія эти, по созна-

нію самого г. Шевырева, требуютъ еще ученаго изслѣдованія; а третій, — если и ничего не писалъ, то замѣчателенъ тѣмъ, что *къ нему писалъ* Германъ, патріархъ цареградскій, о непосвященіи рабовъ въ духовный санъ (стр. 30—33).

Такъ наполнено XIII столѣтіе. О XIV вѣкѣ ученый профессоръ говоритъ, что представителями его (въ русской словесности) являются — прендобный Сергій, митрополитъ Алексій и Кирианъ, Стефанъ Пермскій, но что еще лучше вѣкъ этотъ «можно назвать по преимуществу вѣкомъ св. Сергія» (стр. 106 и 313). И цѣлую двѣнадцатую лекцію (60 страницъ) г. Шевыревъ говоритъ о Сергіи, Алексіи и Стефанѣ. Въ результатъ лекціи оказывается, что Алексіи почти ничего не писалъ, а отъ Сергія и Стефана рѣшительно ничего не осталось. Столь странный результатъ изумляетъ самого г. Шевырева, какъ будто почувствовавшаго, что онъ совершенно попусту сочиняетъ свою лекцію. «Страннымъ съ перваго раза покажется, говоритъ онъ, что изъ двухъ первенствующихъ дѣятелей въ духовной жизни нашей XVI вѣка (Сергій и Алексій) одинъ не оставилъ ничего письменнаго, а другой мало по объему» (стр. 138). Но впрочемъ ученый нашъ не смущается; онъ тотчасъ нашелся въ своемъ затруднительномъ положеніи. «Ясно,—говоритъ,—что оба дѣйствовали, по обычаю древнихъ русскихъ людей, изустнымъ словомъ». Это, говоритъ, у насъ перѣдко бывало. Такъ, напримѣръ . . . и начинается распространяться о *книжномъ инокѣ* Павлѣ Высокомъ. «А между тѣмъ отъ Павла Высокаго намъ, — говоритъ, — ничего не осталось» (стр. 139). Стало быть, и отъ другихъ нечего требовать! . .

Утѣшивъ себя примѣромъ Павла Высокаго, по-

чтенный академикъ оканчиваетъ свою лекцію уже совершенно спокойно. Разсказавши на 10 страницахъ о Стефанѣ Пермскомъ, онъ уже весьма храбро и безъ обиняковъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ: «Осталось ли намъ что-нибудь отъ словесно-духовной дѣятельности Стефана Пермскаго на славянскомъ языкѣ? — Рѣшительно ничего. — Дошли ли до насъ памятники зырянской письменности трудовъ Стефана Пермскаго? — Ни одного» (стр. 149—150). После этого становятся уже совершенно ясны права Стефана на мѣсто въ исторіи русской словесности.

Въ тринадцатой лекціи, — самой коротенькой, — посвящено страницъ 15 митрополиту Кипріану и страницъ 20 — краснорѣчивому описанію пустынно-жительскихъ обителей. Мистицизмъ ученаго профессора находитъ себѣ здѣсь полный просторъ въ мечтаніяхъ о томъ, какъ на берегахъ Шексны «склоны неба, простираясь кругомъ, кажется, съ любовью захватываютъ все дива благословенной земли» (стр. 199). Впрочемъ, если мечтательнаго автора и можно упрекнуть въ недостатокъ научной точности и простоты, то нельзя въ то же время и не похвалить его за теплоту чувства, съ которою разсказываетъ онъ о чудесахъ, бывшихъ въ обителяхъ. Вотъ, напримѣръ, назидательный разсказъ о Кириллѣ Бѣлозерскомъ:

Чудесно обнаружилось призваніе Кириллу. Разъ, по обычаю, читалъ онъ ночью акафистъ Божіей Матери; мысль его остановилась на словахъ: „странное рождество видѣвше, устранимъ міра“, — и сильно загорѣлась въ немъ давняя молитва. Вдругъ слышитъ онъ голосъ: „Иди на Бѣлоозеро! тамъ мѣсто твоего спасенія“, — и внезапно горній свѣтъ озарилъ его келью. Онъ отворилъ окно — свѣтъ изливался отъ странъ полуночныхъ, гдѣ открывалось Бѣ-

лоозеро, а голосъ звалъ и манилъ его туда. Эта ночь была ему свѣтлѣе дня. Она исполнила его радости и дала ему силу рѣшиться на подвигъ. (Стр. 198.)

Четырнадцатая и пятнадцатая лекціи болѣе касаются словесности, чѣмъ предыдущія; но и онѣ не обошлись безъ пространнаго изложенія предметовъ, которое могли бы вовсе не входить въ исторію словесности. Такъ, нѣсколько страницъ здѣсь занято сладкими разсужденіями о зодчествѣ, литейномъ искусствѣ, о дверяхъ и колоколахъ въ древней Руси; слишкомъ уже краснорѣчиво описана жизнь Фотія, много приводится лишнихъ подробностей о разныхъ событіяхъ, по поводу которыхъ написано было то или другое сочиненіе и пр., двадцать страницъ посвящено *изложенію* безобразнаго «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ». Въ этомъ изложеніи попадаютъ между прочимъ такія мысли: «Нельзя не пожалѣть, что этотъ зародышъ поэмы остался у насъ дичкомъ и не одушевилъ ни одного поэта въ художественномъ періодѣ новой Россіи. Древняя Русь, въ своемъ смиреніи, не тщеславилась своими подвигами, а все отдавала Богу. Новая Россія, увлеченная другими стремленіями (?), полюбила славу. Ея бы дѣло было воздѣть славою тѣмъ, которые не о славѣ, а о благѣ думали: *но не труда устремила она очн. Подождемъ далѣе*» (стр. 273). Подождите, г. Шевыревъ! . .

Въ вознагражденіе за длинноту изложенія «Сказанія», г. Шевыревъ едва удѣляетъ нѣсколько страничекъ народнымъ пѣснямъ татарской эпохи. Не стоитъ говорить о его экцентрическихъ тенденціяхъ и обо всемъ его поверхностномъ очеркѣ; но можно замѣтить еще одинъ забавный промахъ его. Алешу Поповича онъ принимаетъ за олицетворе-

ніе русскаго, христіанскаго героя въ борьбѣ съ татарскою, бусурманскою силою Тугарина Змѣевича (стр. 298). Между тѣмъ Алеша во всѣхъ народныхъ пѣсняхъ является съ характеромъ плутовства, трусости и обмана; это просто — противопоставленіе тонкой хитрости грубой тѣлесной силѣ. Хорошаго же героя выбрать г. Шевыревъ для борьбы съ нехристію! . . .

Въ заключеніи своей книги г. Шевыревъ удивляется единству и высотѣ мысли, выработанной древнею Русью. Единство видитъ онъ въ томъ, что всѣ тогда сочиняли на одинъ ладъ, не пускаясь въ нагубное разнообразіе — не только мнѣній, но и самыхъ предметовъ. Высота же мысли древне-русской доказывается, по г. Шевыреву, тѣмъ, что и нынѣ писатели, слѣдующіе тѣмъ же путемъ, какъ древніе наши книжники, сходятся съ ними въ мысляхъ. Отсюда г. Шевыревъ заключаетъ, что истина древней Руси — вѣчна, а «для вѣчной истины нѣтъ различія между XIX и XV вѣкомъ; мѣняются формы ея выраженія, она же пребываетъ одна» (стр. 376). Все это прекрасно, и нимало не удивило насъ; мы давно знали, что г. Шевыревъ проповѣдывалъ печатно что-то въ родъ того, что философія Гегеля заимствована изъ «Поученія» Владиміра Мономаха. Но отчего же г. ординарный академикъ и профессоръ не хочетъ до сихъ поръ обратить свое просвѣщенное вниманіе на одно возраженіе, которое давно и нѣсколько разъ уже ему предлагали, именно: что успокоеніе на *незмѣнной истинѣ*, отысканной имъ въ древней Руси, ведетъ къ самому унылому застою и смерти? . . Вѣдь теперь уже всѣ видятъ и знаютъ, что *единая и высокая истина* г. Шевырева, вѣчно присущая древней Руси, совершенно чужда всѣмъ

жизненнымъ интересамъ новой Россіи и можетъ примириться съ ними только развѣ въ мистическихъ теоріяхъ опрометчиваго профессора. Въ жизни она можетъ повести теперь только къ жалкимъ самоистязаніямъ, въ родъ тѣхъ, которыхъ жертвою сдѣлался Гоголь; въ литературѣ она губитъ самообытные таланты, какъ мы видѣли примѣръ на томъ же Гоголь, — и производитъ затхлыя, гнилыя, трупобразныя явленія, подобныя «Опыту исторіи русской цивилизаціи» и «Исторіи русской словесности, преимущественно древней».

Путешествіе по Сѣверо-Американ- скимъ Штатамъ, Канадѣ и острову Кубѣ.

Александра Лакіера. Сиб. 1859. Два тома.

«Американцы -- народъ очень практическій; деньги для нихъ — все».

«Америка — страна купцовъ, страна матеріальныхъ удобствъ жизни».

«Америка имѣетъ демократическія учрежденія и предоставляетъ въ жизни полную свободу каждой личности, не исключая женщинъ».

«Въ Америкѣ есть важный жизненный вопросъ— о невольничествѣ».

Вотъ, кажется, весь обиходъ стереотипныхъ фразъ объ Америкѣ, обращающихся въ большинствѣ нашей публики. Нѣкоторые знаютъ побольше, нѣкоторые поменьше; но рѣдко кто имѣетъ основательныя и подробныя познанія относительно американскихъ нравовъ и учрежденій. Большею частью полагаютъ, что это та же Англія, только уже до крайности практическая и матеріальная. Вотъ и все. А между тѣмъ мы и Англію-то знаемъ далеко не вполнѣ; и объ Англіи часто слышатся у насъ толки вкривъ и вкосъ. Но англійскія учрежденія все-таки

въ значительной степени разъяснены для нашей публики, благодаря «Русскому Вѣстнику», нравы англичанъ также довольно извѣстны намъ — по множеству переведенныхъ у насъ нравоописательныхъ очерковъ и романовъ лучшихъ англійскихъ писателей. Относительно же Америки и этого нѣтъ. Были когда-то у насъ въ славѣ романы Купера, потомъ рассказы Герштейкера; но и тѣ и другіе знакомили болѣе съ природою страны, нежели съ гражданскою жизнью ея обитателей. Въ недавнее время произведенія г-жи Бичеръ Стоу раскрыли намъ одну изъ сторонъ быта Сѣверной Америки. А затѣмъ остается лишь нѣсколько короткихъ, отрывочныхъ замѣтокъ, время отъ времени помѣщавшихся въ нашихъ журналахъ. Вслѣдствіе такой бѣдности знаній, въ нашей литературѣ постоянно раздавались самыя разнорѣчивыя и часто очень забавныя сужденія объ Америкѣ. Одни, напр., уподобляли Сѣверо-Американскіе Штаты Россіи; другіе, напротивъ, утверждали, что въ нихъ господствуетъ гнусная анархія. Одни восхищались ихъ образованностью, другіе бранили ихъ за постыдное невѣжество во всѣхъ вопросахъ искусства, поэзіи и высшей философіи. Одни увѣряли, что женщины тамъ поставлены очень хорошо, веселятся и вполне пользуются своими человѣческими правами, другіе изображали американокъ несчастными, сухими и безжизненными существами, подобными счетной машинѣ. Относительно частныхъ вопросовъ разногласіе было бы, конечно, еще рѣзче; но ихъ, къ сожалѣнію, почти никто и не касался.

При такомъ положеніи нашихъ знаній о Сѣверной Америкѣ книга г. Лакіера составляетъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ. Наши читатели, вѣ-

роятно, знакомы уже съ характеромъ этой книги по двумъ большимъ отрывкамъ изъ нея, помѣщеннымъ въ «Современникъ» прошлаго года. На этомъ основаніи мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться о достоинствахъ и недостаткахъ путешествія г. Лакіера и ограничимся лишь нѣсколькими краткими замѣтками о его содержаніи. Въ коротенькомъ предисловіи г. Лакіеръ говоритъ, что «главною его заботою было изучить учрежденія и познакомиться съ внутреннимъ бытомъ страны и общества». Сообщая плоды своего изученія читателямъ, г. Лакіеръ идетъ путемъ систематическихъ, дѣловыхъ обзрѣній. Прежде всего онъ даетъ «Очеркъ исторіи колоній въ Новомъ Свѣтѣ», потомъ излагаетъ конституцію Соединенныхъ Штатовъ, затѣмъ уже изображаетъ Бостонъ, Нью-Йоркъ, Филадельфію, Бальтимору и пр. Но и въ этихъ частныхъ описаніяхъ г. Лакіеръ не вдается въ бѣглыя путевыя замѣтки, а наполняетъ большую часть страницъ подробностями, заимствованными изъ официальныхъ источниковъ. Въ Бостонѣ, напр., его заняли школы, и онъ подробно передаетъ свѣдѣнія о томъ, на какіе доходы содержатся школы, какіе разряды ихъ существуютъ, какъ онѣ управляются, сколько въ нихъ дѣтей, какіе часы назначены для ученія, какіе именно предметы и въ какомъ размѣрѣ преподаются, какое жалованье получаютъ учителя, и т. д. Точно также подробно, систематически разсматриваетъ г. Лакіеръ вопросы о судопроизводствѣ, о тюрьмахъ, о торговлѣ и пр. Этого, разумѣется, нельзя вѣнать въ вину автору: способъ изложенія зависитъ отъ взгляда автора на задачу своего труда. Но можно опасаться, что форма замѣтокъ г. Лакіера покажется нѣсколько утоми-

тельною многимъ изъ его читателей, которымъ нужны еще не подробности частныхъ фактовъ, а общій очеркъ учреждений и быта страны. Въ предисловіи своемъ г. Лакіеръ признается, что придаетъ значеніе своему путешествію только какъ «первому у насъ описанію Америки». Въ этомъ смыслѣ его сочиненіе дѣйствительно заслуживаетъ вниманія, и его можно рекомендовать всякому русскому читателю, не имѣющему возможности познакомиться съ Америкой изъ иностранныхъ источниковъ. Но справедливость требуетъ сказать, что въ книгѣ г. Лакіера постоянно замѣчается весьма важный недостатокъ—отсутствіе личной наблюдательности автора. Все, что онъ говоритъ отъ себя, ограничивается тѣмъ, что онъ ѣхалъ оттуда, туда по такому пути, останавливался тамъ-то. Къ этому нерѣдко прибавляются описанія пароходовъ, вагоновъ, улицъ, гостиницъ, замѣчательныхъ зданій или памятниковъ и т. д. А чуть дѣло коснется жизни, быта, — авторъ немедленно сообщаетъ вамъ положительныя офіціальныя данныя. Вы хотите знать, какъ въ Америкѣ люди живутъ, торгуютъ, судятся, учатся,—г. Лакіеръ удовлетворяетъ ваше желаніе, сообщая вамъ перечень судебныхъ должностей, разныхъ школъ, цифры привоза и вывоза товаровъ, число рѣшенныхъ дѣлъ и т. п. Такимъ образомъ, живая сторона быта скрывается за формальными ея проявленіями, занесенными въ книжки, газеты, отчеты и пр. Именно вслѣдствіе этого качества книги, мы полагаемъ, что кто читалъ хоть только два сочиненія объ Америкѣ — Токвиля и Фребеля, тотъ не много потеряетъ, если не станетъ читать «Путешествія» г. Лакіера. Скажемъ больше: изъ читающихъ по-французски, даже кто не захочетъ сидѣть надъ

серьезными и дѣльными произведеніями, въ родѣ названныхъ нами книгъ, и тотъ можетъ обойтись безъ книги г. Лакіера, взявши для общаго знакомства съ Америкой какія-нибудь первыя попавшіяся французскія книжки, въ родѣ, напр., хоть Ксавье Эймă, Оскара Кометтана и т. п. Въ нихъ, разумѣется, болѣе общихъ фразъ и игривыхъ анекдотовъ, ничего не доказывающихъ, нежели дѣловыхъ и официальныхъ замѣчаній. Но зато у нихъ болѣе легкости и живости, болѣе сноровки въ общихъ очеркахъ, болѣе умѣнія группировать свои замѣтки такъ, чтобы онѣ оставляли то общее впечатлѣніе, какое автору хотѣлось произвести, и въ то же время не были обременительны для читателя. Очевидно, что наша публика, читающая по-французски, обратится скорѣе къ этимъ легкимъ замѣткамъ, нежели къ дѣльной книгѣ г. Лакіера. Читая его «Путешествіе», надобно выкинуть въ цифры, соображать частные факты, самому нужно выводить общіе результаты и составлять цѣльный очеркъ изъ матеріаловъ, излагаемыхъ въ его книгѣ. Не гораздо ли удобнѣе имѣть дѣло съ авторомъ, который, какъ говорится, все въ ротъ кладетъ своимъ читателямъ? Не легче ли пробѣжать французскій очеркъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, набросанный, напр., въ такомъ родѣ.

«Съ одного конца до другого Соединенные Штаты прорѣзаны желѣзными дорогами; одно уже это не внушаетъ ли вамъ мысли о процвѣтаніи промышленности въ этой странѣ?

«Рѣки и озера Америки покрыты безчисленнымъ множествомъ пароходовъ, американскіе корабли въ огромномъ числѣ разгуливаютъ по всѣмъ морямъ земного шара; не показываетъ ли это, какъ значительна ихъ торговля?

«Дома американцевъ отлично устроены и убраны; не наводитъ ли это васъ на мысль о богатствѣ обитателей страны?

«Великолѣпіе общественныхъ учрежденій, составляющихъ гордость Союза и предметъ удивленія для иностранцевъ, — не доказываетъ ли общаго довѣрія къ прочности государственнаго устройства?

«Множество театровъ, бездна удовольствій всякаго рода, въ которыхъ кружится этотъ народъ, по наружности столь степенный, непрерывно возрастающее количество журналовъ, охота (если не разумная любовь) къ искусствамъ, обнаруживаемая въ этой странѣ, процвѣтаніе литературныхъ обществъ, серьезное развитіе наукъ, — не свидѣтельствуютъ ли въ пользу американскихъ учрежденій, не доказываютъ ли, что подъ ихъ покровомъ все можетъ успѣвать, расти, процвѣтать, — пока и въ правительствѣ и въ народѣ сохраняется ясное сознаніе своихъ правъ и обязанностей въ отношеніи другъ къ другу?

«Да, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, только нужно, чтобы въ обществѣ заключались тѣ основныя начала, которыя одни служатъ залогомъ жизни и прочности учрежденій, подобныхъ тѣмъ, при какихъ процвѣтаетъ Американскій Союзъ.

«Первые колонисты, образовавъ въ Америкѣ общество, принесли съ собою начала нравственности, религіи, разумности и упорной энергіи въ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей. Они проникнуты были презрѣніемъ къ заблужденіямъ стараго міра, который оставили, и мыслью о великой будущности, какую они должны были приготовить себѣ въ Новомъ Свѣтѣ. Съ такими идеями и средствами приступили они къ дѣлу своего общественнаго

устройствъ и составили учрежденія, которыя въ свою очередь помогли дальнѣйшимъ успѣхамъ ихъ развитія.

«Въ настоящее время образованіе развито повсюду въ Соединенныхъ Штатахъ, и его первое благодѣяніе состоитъ въ томъ, что оно предохраняетъ отъ тѣхъ заблужденій, которыя такъ часты и легки при демократическомъ устройствѣ государства. Въ Сѣверной Америкѣ мудрено обольстить цѣлую массу народа какими-нибудь вздорными обѣщаніями и теоріями; мудрено обмануть общественное мнѣніе насчетъ государственной дѣятельности частныхъ лицъ. Каждый гражданинъ понимаетъ тамъ свои обязанности и свои права, каждый знаетъ свое значеніе въ общей массѣ народныхъ силъ. Въ то же время каждый очень хорошо понимаетъ, какъ вредятъ благоденствію общества всякіе безпорядки и волненія, и потому всѣми силами старается устранять и предупреждать всякій поводъ къ нимъ.

«Въ Соединенныхъ Штатахъ дѣла не терпятъ медленности, рѣдко что-нибудь дѣлается тамъ въ половину, никакое предпріятіе не бросается неоконченнымъ. Дѣлая первый шагъ, американецъ знаетъ, въ какой именно цѣли приведетъ этотъ шагъ, и онъ не остановится на пути, пока не достигнетъ цѣли. И никто не захочетъ тамъ останавливать этого шествія: всякій самъ занятъ, и притомъ всякій сознаетъ, что каждый шагъ впередъ, каждаго члена общества, — приноситъ общую пользу, а всякая частная остановка дѣйствуетъ невыгодно и на общее благосостояніе.

«Если же въ этой странѣ является какая-нибудь великая, благотворная для общества мысль, — она мгновенно овладѣваетъ всѣми умами, съ необыкновен-

венной быстротой пріобрѣтаетъ всеобщую симпатію; тысячи рукъ тотчасъ являются для ея осуществленія, но ни одна не подымется для того, чтобы помѣшать ея развитію. Явится ли она въ союзномъ конгрессѣ, или зародится въ головѣ самаго темнаго гражданина — все равно; она повсюду найдетъ себѣ равную поддержку, безъ различія лицъ и партій.

«При такомъ теченіи общественныхъ и частныхъ дѣлъ, участь людей, даже поставленныхъ въ самыя неблагопріятныя обстоятельства, постоянно улучшается совершенно естественно и безъ всякихъ потрясеній. Здѣсь бѣднымъ не нужно стараться погубить богатыхъ для того, чтобы самимъ обогатиться. Насильственные мѣры здѣсь не нужны, потому что люди, болѣе имѣющіе средствъ и выше поставленные, считаютъ своею обязанностью—не противодѣйствовать общему движенію, а напротивъ, сколько можно, ему способствовать. Поэтому на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ вы никогда не встрѣтите тайныхъ заговоровъ, имѣющихъ въ виду ниспроверженіе общественнаго порядка и безопасности частныхъ лицъ; напротивъ, во всѣхъ концахъ этой огромной страны вы находите могущественныя ассоціаціи, имѣющія цѣлью возвышеніе частной производительности, порядка и любви къ труду. Всякій гражданинъ принимаетъ тамъ общее благо столько же близко къ своему сердцу, какъ и свое собственное. Отсюда происходитъ въ Соединенныхъ Штатахъ совершенная ненужность многихъ чиновничьихъ и полицейскихъ должностей, которыя кажутся необходимыми въ Европѣ. Такому ходу дѣлъ благопріятствуютъ многія условія, свойственныя исключительно Сѣверной Америкѣ.

«Начнемъ съ того, что здѣсь всякій здоровый.

неглупый и нелѣпный человѣкъ всегда находитъ себѣ множество средствъ и матеріаловъ, если только хочетъ приняться за работу. Притомъ же трудъ, каковъ бы онъ ни былъ, пользуется здѣсь общимъ уваженіемъ, и уже это одно предохраняетъ работника отъ увлеченія какой-нибудь другой карьерою. Смѣло, прямо и твердо можетъ онъ идти по дорогѣ труда, въ увѣренности, что она приведетъ его къ достатку, а можетъ быть и къ богатству. Кромѣ того, при общественномъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ самый простой расчетъ заставляетъ людей быть честными и не посягать на нарушеніе общественнаго и частнаго спокойствія. Здѣсь общество настолько образовано, что умѣетъ цѣнить людей по ихъ настоящему достоинству и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣетъ правильно понимать свое собственное благо. Поэтому популярность и авторитетъ въ американскомъ обществѣ могутъ доставаться только на долю тѣхъ, кто дѣйствительно желаетъ общаго блага и умѣетъ доказать благотѣльность своихъ стремленій и дѣйствій. Уважая трудъ, ставя его выше всего, преклоняясь только предъ нимъ, американецъ презираетъ всѣ другія привилегіи, которыми такъ дорожатъ въ Европѣ. Громкія имена, почетныя титулы, общественное положеніе не даютъ человѣку въ Америкѣ никакихъ личныхъ преимуществъ. Тамъ цѣнятъ человека только по тому, какъ онъ работаетъ и что умѣетъ пріобрѣсти своимъ трудомъ. Ясно, что при такихъ понятіяхъ общества дѣятельность частныхъ лицъ должна быть направляема совершенно иначе и давать другіе результаты, нежели у насъ въ Европѣ.

«Нельзя, конечно, безусловно превозносить Америку, нельзя видѣть въ ней одни только совершен-

ства. Напротивъ, въ ея устройствѣ и бытѣ можно находить свои недостатки, и даже весьма важные; но недостатки эти не могутъ помрачить тѣхъ прекрасныхъ качествъ, которыя составляютъ неотъемлемыя черты Сѣверо-Американскаго Союза и въ которыхъ заключается тайна его величія. Эти качества: разумное спокойствіе въ строгомъ соблюденіи правъ и обязанностей каждаго, практичность въ примѣненіи общихъ идей, стремленіе къ развитію матеріальнаго благосостоянія народа и благородный патріотизмъ, заставляющій каждаго гражданина забывать свой собственный интересъ въ виду интересовъ общественныхъ».

Мы не ставимъ высоко этого очерка, заимствованнаго нами изъ книги г. Эймъ. Мы готовы признаться, что онъ весь состоитъ изъ общихъ мѣстъ, и кромѣ того — онъ довольно односторонень . . . Но нельзя не согласиться въ одномъ, что его можно прочесть безъ утомленія. А между тѣмъ онъ все-таки *вводитъ* васъ въ Америку и даетъ нѣкоторое, хотя поверхностное, понятіе объ ея общественномъ устройствѣ даже такому читателю, который знаетъ объ Америкѣ только то, что написано въ географіи Ободовскаго. Книга г. Лакіера, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ полезнаѣ такихъ легкихъ и поверхностныхъ замѣтокъ для тѣхъ читателей, которые захотятъ возникнуть въ цифры и факты, въ ней излагаемые. Но, какъ мы уже сказали, мы именно того и боимся, что въ русской публикѣ немного найдется читателей столь трудолюбивыхъ. Мы думаемъ, что «Путешествіе» г. Лакіера имѣло бы болѣе успѣха, если бы онъ менѣе увлекался систематичностью изложенія, болѣе давалъ простора своимъ личнымъ впечатлѣніямъ и болѣе обращалъ вни-

манія на живые и современные вопросы. Такъ, на-
примѣръ, изъ «Путешествія» г. Лакіера видно, что
онъ былъ въ Нью-Йоркѣ около осени 1857 г., въ са-
мый разгаръ промышленнаго кризиса. Ходъ торго-
выхъ операцій неизбежно долженъ былъ отразиться
на всей физіономіи общества въ этомъ городѣ, од-
номъ изъ главныхъ центровъ промышленнаго движе-
нія въ Америкѣ. Наблюденіе надъ нравами жителей
въ это время, изложеніе ихъ взгляда на дѣло—могли
бы дать много интереснѣйшихъ страницъ для книги
г. Лакіера; между тѣмъ у него о кризисѣ находимъ
всего двѣ страницы, да и въ нихъ о самомъ кризисѣ
говорится только мимоходомъ, по поводу устрой-
ства банковъ въ Нью-Йоркскомъ штатѣ. Точно
такъ, говоря о кораблестроеніи въ Соединенныхъ
Штатахъ, г. Лакіеръ перечисляетъ количество су-
довъ, построенныхъ въ Нью-Йоркѣ, вкратцѣ излага-
етъ ходъ работъ при постройкѣ судовъ, но ни слова
не говоритъ о той, полной драматизма, борьбѣ, ка-
кую въ кораблестроительной дѣятельности сѣверо-
американцы выдерживали, и еще доселѣ выдержива-
ютъ, съ англичанами. Даже вопросъ о невольни-
чествѣ, самый важный и живой изъ всѣхъ вопросовъ
не только Сѣверной Америки, но можетъ быть и
всего образованнаго міра, изложенъ у г. Лакіера да-
леко не такъ полно и обстоятельно, какъ это было
бы нужно для русскихъ читателей. Недостатокъ
вниманія къ этому предмету тѣмъ менѣе извини-
теленъ нашему путешественнику, что въ самое вре-
мя его пребыванія въ Америкѣ происходили тамъ го-
рячія пренія о невольничествѣ по поводу Канзаса...

Указывая на эти примѣры, мы вовсе не хотимъ
сказать, чтобы книга г. Лакіера лишена была инте-
реса для русской публики. Напротивъ, мы убѣжде-

ны, что читатели найдутъ въ ней очень много новаго и любопытнаго. Мы хотѣли только замѣтить, что напрасно г. Лакіеръ, желая познакомить русскую публику съ Америкою, мало позаботился о внѣшней занимательности своего «Путешествія». Для людей серьезныхъ, слѣдящихъ за политической литературой, подробности, приводимыя нашимъ путешественникомъ, давно знакомы и не нужны. Безъ всякаго сомнѣнія, такихъ людей и не имѣлъ въ виду г. Лакіеръ, описывая свое путешествіе. Для обыкновенныхъ же читателей, ничего не знающихъ объ Америкѣ, всѣ эти частности фактовъ, цифры и извлеченія изъ отчетовъ — во-первыхъ скучны, а во-вторыхъ — ни къ чему не поведутъ, потому что они все-таки неполны и отрывочны. Впрочемъ, можетъ быть новость предмета и дѣльность книги г. Лакіера придадутъ ей въ глазахъ читателей занимательность, которую не вполне дастъ ей авторское изложеніе. Мы съ своей стороны будемъ очень рады, если «Путешествіе по Америкѣ» встрѣтитъ сочувствіе публики.

Но пока еще сочиненіе г. Лакіера не разошлось въ публикѣ и не распространило въ большинствѣ читателей ясныхъ и здравыхъ понятій объ Америкѣ, мы считаемъ не лишнимъ представить здѣсь кстаті небольшой очеркъ учреждений и быта Сѣверной Америки. Мы оставимъ въ сторонѣ Кубу и Канаду, тѣмъ болѣе, что о нихъ не много говорится и въ «Путешествіи» г. Лакіера, и обратимъ исключительное вниманіе на Сѣверо-Американскіе Штаты. Мы не будемъ подробно излагать ихъ исторію, не будемъ входить въ мелкія частности ихъ учреждений, разбирать оттѣнки ихъ политическихъ партій, не будемъ прибѣгать къ цифрамъ и выкладкамъ: все

это можетъ войти въ особенныя статьи, спеціально посвященныя разсмотрѣнію того или другого вопроса изъ исторіи и быта Сѣверной Америки. Мы ограничимся только самымъ общимъ и самымъ легкимъ очеркомъ внутренняго устройства Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, съ цѣлью показать вліяніе ихъ учреждений на бытъ народа. Въ этомъ очеркѣ мы будемъ отчасти пользоваться книгою г. Лакіера, иногда же будетъ дополнять его свѣдѣніями изъ другихъ иностранныхъ источниковъ.

Демократическій характеръ учреждений Сѣверной Америки не разъ былъ предметомъ жаркихъ преній въ Западной Европѣ. Еще недавно спорили объ этомъ въ самой Англіи; одни приписывали демократическому образу правленія въ Америкѣ необычныя выгоды, другіе старались представить его гибельнымъ для страны и изображали его такими мрачными красками, что становилось странно. Конечно, въ Англіи подобныя споры объ Америкѣ могутъ имѣть свою практически-полезную сторону: несмотря на свое соперничество и видимую неприязнь, обѣ страны имѣютъ между собою много общаго и для обѣихъ очень возможны полезныя заимствованія другъ отъ друга. Но для насъ эти споры совершенно чужды. И отъ Соединенныхъ Штатовъ и отъ Англіи насъ отдѣляютъ обширныя пространства морей; наши нравы и обычаи, весь нашъ общественный бытъ сложились совсѣмъ подъ другими условіями, наши интересы направлены совершенно инымъ образомъ, и конечно для нашего общества даже вовсе не любопытно то, что составляетъ жизненный вопросъ по ту сторону океана. Поэтому мы

не станемъ попусту тратить время на безплодныя и напрасныя разсужденія о выгодахъ и невыгодахъ демократіи, и ограничимся спокойнымъ и безпристрастнымъ изложеніемъ того, какъ она выразилась въ учрежденіяхъ Соединенныхъ Штатовъ и что успѣла произвести въ этой странѣ.

Начала американской демократіи нужно искать въ историческихъ обстоятельствахъ, подъ вліяніемъ которыхъ сложились политическія убѣжденія первыхъ ея поселенцевъ; для этого нужно обратиться на минуту къ исторіи Стараго Свѣта.

Много разъ уже высказано было замѣчаніе, что весь ходъ исторіи представляетъ постепенное уясненіе правъ личности и освобожденіе людей отъ ложныхъ авторитетовъ, создаваемыхъ суевѣріемъ и невѣжествомъ. Исторія Европы въ средніе вѣка служить однимъ изъ самыхъ ясныхъ подтвержденій этой мысли. Постепенное уничтоженіе авторитета папъ, паденіе феодальной системы, усиленіе городскихъ общинъ, возникновеніе парламентовъ, — всѣ эти явленія средне-вѣковой исторіи прямо вели къ ослабленію аристократическихъ принциповъ и расширенію человѣческихъ правъ личности. Въ эпоху реформаціи личность уже ясно заявила свои права: въ дѣлѣ религіи разумъ потребовалъ свободы въ объясненіи священнаго писанія, во взаимныхъ отношеніяхъ захотѣли болѣе прочныхъ гарантій, перестали довѣряться произволу отдѣльныхъ лицъ и требовали опредѣленныхъ законовъ для общественной и частной дѣятельности. Эти явленія, общія всей Европѣ XV и XVI вѣка, съ особенною силою развились въ Англіи, изъ которой и вышли первые поселенцы Сѣверной Америки. Политическое образованіе народа въ Англіи было уже и въ это время гораз-

до выше, чѣмъ въ другихъ странахъ Европы. Вѣковая борьба партій непрерывно привлекала участіе значительнаго числа гражданъ въ политическихъ событіяхъ изъ отечества, и при этомъ естественно уяснялись у нихъ понятія о правѣ и законности и развивалась потребность истинной свободы. Коммунальное устройство, глубоко уже проникшее въ нравы англичанъ, поддерживало въ народѣ сознаніе его силы; а религіозныя секты, вызывая общество на серьезное обсужденіе высшихъ духовныхъ вопросовъ, довершили его нравственное образованіе. Послѣдователи одной изъ самыхъ строгихъ и чистыхъ по нравственности сектъ въ началѣ XVII вѣка положили основаніе колоніямъ Новой Англіи¹. Это были пуритане, удалившіеся изъ отечества вслѣдствіе религіозныхъ стѣсненій, которымъ они подвергались тамъ при Стюартахъ. При самомъ переселеніи они сознательно опредѣлили свою цѣль и образъ дѣйствій, которымъ намѣрены были слѣдовать. Памятникомъ ихъ рѣшенія остался актъ, составленный ими немедленно по прибытіи на берега Америки и приводимый между прочимъ у г. Лакіера. Вотъ этотъ актъ:

«Мы, нижеподписавшіеся, предпринимаемъ для славы Божіей, распространенія христіанства, чести нашего короля и отечества, путешествіе для того, чтобы основать первое поселеніе въ сѣверной части Виргиніи, торжественно, въ присутствіи Бога и другъ предъ другомъ, объявляемъ, что мы соединяемся въ политическое и гражданское тѣло для сохраненія

---

¹ Подъ именемъ Новой Англіи разумѣются штаты Коннектикутъ, Родъ-Эйлэндъ, Массачусетсъ, Нью-Гэмпширъ, Вермонтъ и Мэнъ. Здѣсь первоначально опредѣлялись главнѣйшія идеи, послужившія основаніемъ послѣдующихъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ.

между собою добраго порядка и достиженія предположенной цѣли. Вслѣдствіе настоящаго договора мы введемъ у себя такіе законы, такія установленія и учрежденія, такія должностныя лица, какія будутъ для насъ необходимы и полезны для блага цѣлой колоніи. Имъ мы обѣщаемъ полную покорность и совершенное повиновеніе. Отъ Р. Х. 1620 г., 11 ноября».

Въ дополненіи къ этому акту можно представить нѣсколько строкъ изъ книги Метера, излагающихъ причины переселенія пуританъ изъ Англіи.

«Страна, гдѣ мы живемъ (говорятъ переселенцы), кажется, тяготится своими обитателями; человекъ, благороднѣйшее изъ твореній, цѣнится здѣсь меньше, чѣмъ земля, которую онъ попираетъ ногами. На дѣтей, на сосѣдей, на друзей смотрятъ какъ на тяжкое бремя; отъ бѣдняка бѣгутъ; всѣ отвергають то, что должно было бы приносить величайшее въ мірѣ наслажденіе, если бы естественный порядокъ вещей не былъ нарушенъ. Страсти наши дошли до того, что уже нѣтъ такого достатка, при которомъ бы человекъ въ состояніи былъ поддерживать свое достоинство въ кругу себѣ равныхъ; а между тѣмъ кто не можетъ успѣть въ этомъ, тотъ подвергается презрѣнію, а отсюда происходитъ то, что во всѣхъ отрасляхъ дѣятельности люди стараются обогатиться непозволительными средствами, и честнымъ людямъ стало очень трудно жить въ довольствѣ и безъ позора. Школы, въ которыхъ обучаютъ наукамъ и религіи, такъ развращены, что большая часть дѣтей и нерѣдко самыя отличныя изъ нихъ, подававшіе самыя лучшія надежды, оказываются совершенно испорченными отъ множества худыхъ

примѣровъ и отъ распущенности нравовъ, среди которыхъ они живутъ. Между тѣмъ вся земля не есть ли достояніе Господне? Не отдалъ ли ее Богъ потомкамъ Адама для воздѣлыванія? Зачѣмъ же намъ умирать съ голоду за недостаткомъ мѣста, между тѣмъ какъ обширныя страны, равно принадлежащія всякому человѣку, остаются необитаемыми и невоздѣланными?».

Такимъ образомъ мысль о переселеніи прямо вытекала у пуританъ изъ ихъ религіознаго чувства. Но, по самой сущности пуританства, религія не могла привести ихъ къ тому, къ чему приводилъ своихъ послѣдователей католицизмъ. Не преклоненіе предъ личнымъ авторитетомъ и не униженіе правъ разума, а свободное братство всѣхъ членовъ общества и широкій просторъ для развитія знаній были провозглашены первыми поселенцами Новой Англіи. Въ американскомъ кодексѣ 1650 г. находится между прочимъ такой законъ: «Такъ какъ сатана, врагъ человѣческаго рода, находитъ для себя самое могущественное оружіе въ людскомъ невѣжествѣ; такъ какъ нужно, чтобы свѣтъ знаній, принесенный сюда нашими отцами, не исчезъ съ ними въ гробахъ ихъ; такъ какъ воспитаніе дѣтей составляетъ одинъ изъ первыхъ интересовъ государства, то жителямъ каждой общины предписывается заводить и содержать у себя школы, подъ опасеніемъ большаго штрафа». Такимъ образомъ изъ правильно развитаго религіознаго чувства возникло требованіе всеобщаго народнаго образованія; изъ того же чувства у пуританъ произонло стремленіе къ гражданской свободѣ. Вотъ какъ объясняли они свои понятія объ этомъ предметѣ:

«Не станемъ обманывать себя насчетъ того, что мы должны разумѣть подъ нашей независимостью. Есть одинъ родъ свободы неразумной, общей человѣку съ животными и состоящей въ томъ, чтобы дѣлать все, что вздумается; такая свобода — врагъ всякой власти; она не терпитъ никакихъ правилъ, никакихъ законовъ; ею мы унижаемъ себя; она — врагъ истины и мира, самъ Богъ противится ей. Но есть другая свобода, гражданская и нравственная, которая находитъ свою силу въ единеніи и которую всякая власть должна поддерживать. Это — свобода безбоязненно дѣлать все, что хорошо и справедливо. Эту святую свободу мы должны защищать при всякомъ случаѣ и, если нужно, жертвовать для нея своею жизнью.»

Ясно, что въ этомъ опредѣленіи свободы уничтожается слѣпой, неразумный произволъ и признаются права разумнаго убѣжденія. Человѣкъ долженъ дѣлать не все, что вздумается, а только то, что хорошо и справедливо. Этимъ требованіемъ предоставляется человѣку широкая свобода въ разсужденіяхъ о томъ, что справедливо и что ложно, что хорошо и что дурно, а черезъ это прямо уже уничтожается слѣпое подчиненіе чужому авторитету и узаконяется самостоятельность личности. При соединеніи отдѣльныхъ личностей въ общество, изъ этого же начала должны возникнуть — понятіе о братствѣ и о равныхъ правахъ всѣхъ его членовъ. Такъ именно и случилось съ обществами, образовавшимися въ Сѣверной Америкѣ: полная демократическая свобода составляетъ основаніе всѣхъ ихъ учрежденій.

Впрочемъ, развитію демократіи въ Новой Англіи

способствовали не одинъ пуританскій образъ воззрѣнія первыхъ переселенцевъ. Вишнія обстоятельства не мало помогли этому. Во-первыхъ, между людьми, прибывшими на берега Сѣверной Америки, не было никакихъ притязаній на превосходство однихъ предъ другими. Если въ своемъ отечествѣ они и принадлежали къ различнымъ состоянїямъ общества, то общія несчастья давно уже сравнивали ихъ. Ступивши на новую почву, они всѣ очень хорошо сознавали, что здѣсь права всѣхъ совершенно одинаковы, и что всѣ родовыя привилегїи, всѣ различія общественной іерархіи, оставшіяся по ту сторону океана, не могутъ имѣть здѣсь ни малѣйшаго смысла. Кромѣ того — въ Америкѣ нечѣмъ было питаться и поддерживаться аристократическимъ тенденціямъ. Извѣстно, что основаніемъ аристократіи всегда была поземельная собственность, наследственно переходящая изъ рода въ родъ. На ней всегда покоилось высокое значеніе аристократовъ, на ней опирались ихъ права, безъ нея ничего не могли значить ихъ громкія титула и почетныя званія. Въ Америкѣ земля не была ни въ чѣмъ исключительномъ владѣніи. По понятіямъ пуританскихъ поселенцевъ, это было достояніе Божіе, которымъ равно можетъ пользоваться всякій человѣкъ. И дѣйствительно, — всякій поселенецъ бралъ себѣ изъ огромныхъ пространствъ дѣвственной земли, разстилавшихся передъ нимъ, — столько, сколько могъ обработать. Сначала даже обработка земель, какъ въ Новой Англіи, такъ и въ Виргініи, производилась поселенцами сообща. Откуда же тутъ было взяться поземельной аристократіи? Правда, являлись и въ Америку люди, гордые своимъ феодальнымъ значе-

ніемъ, захватывали на свою долю большіе участки земли, въ этомъ никто имъ не препятствовалъ. Но здѣсь они не могли дожидаться, чтобы кто-нибудь явился къ нимъ — поселиться на ихъ землѣ, съ вассальными обязательствами. Большіе участки не имѣли никакого значенія въ виду безграничныхъ пространствъ, которыя были открыты для всякаго новаго поселенца. Такимъ образомъ поземельная аристократія съ перваго раза не удалась въ Сѣверной Америкѣ: она не пришлась ни къ почвѣ страны, ни къ нравамъ и убѣжденіямъ первыхъ ея поселенцевъ.

Въ Виргиніи очень скоро введено было невольничество, которое потомъ проникло и въ другіе штаты. Но и это учрежденіе не дало достаточной опоры для образованія аристократіи. Съ одной стороны, право владѣть невольниками не было ограничено только извѣстными лицами, а принадлежало одинаково всѣмъ гражданамъ; съ другой — невольники не признавались членами общества, а считались чѣмъ-то совершенно особеннымъ, существами низшей породы. Такимъ образомъ владѣніе рабами не придавало никакого значенія человѣку въ кругу его согражданъ, и введеніе рабства нисколько не мѣшало демократическому развитію страны. Американцы очень хорошо понимали, что быть рабовладѣльцемъ не значитъ еще быть аристократомъ.

Можетъ быть, демократическія стремленія первыхъ поселенцевъ Новой Англіи и уступили бы наплыву новыхъ эмигрантовъ, между которыми стали появляться и люди съ аристократическими замашками, съ значеніемъ и богатствомъ. Но въ первое время такихъ людей было немного; большею частью убѣгали сюда тѣ, которые не хотѣли вы-

носить въ Европѣ политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. А между тѣмъ поселенцы успѣли уже составить гражданскія общества и начать самобытную политическую жизнь. Тогда уже поздно было старымъ европейскимъ началамъ вторгаться въ американское общество, тѣмъ болѣе, что политическое развитіе Сѣверной Америки пошло путемъ, совершенно противоположнымъ европейскому. Въ Европѣ формальное образованіе государствъ совершилось раньше, нежели успѣло развиться въ народахъ политическое сознаніе. Отдѣльныя общины никогда не составляли здѣсь самобытнаго цѣлаго; начала государственной жизни развились прежде всего не въ нихъ, а въ высшихъ сословіяхъ, чуждыхъ народной жизни. Это обстоятельство имѣло вліяніе на все послѣдующее развитіе европейскихъ государствъ. Здѣсь все устанавливалось въ видахъ государства: законодательство соображалось съ высшими политическими интересами, администрація отдѣльныхъ частей выкраивалась по образцу цѣлаго, а между тѣмъ участіе въ государственной жизни очень рѣдко выпадало на долю народа. Въ Америкѣ вышло совсѣмъ другое: вліяніе государства, т. е. метрополіи, не могло быть велико, а въ нѣкоторыхъ колоніяхъ, и именно въ Новой Англіи, оно ограничивалось только пустою формою подданства. Англійское правительство предоставило эмигрантамъ право составить въ Новой Англіи гражданское общество и управляться самимъ собою, только подъ покровительствомъ Англіи. Такимъ образомъ съ самаго начала своего существованія американскія общины получили свое самостоятельное политическое устройство. Извиѣ стояло надъ ними англійское

королевское правительство, но внутри онѣ развились совершенно свободно и составляли для себя учрежденія въ демократическомъ духѣ. Изъ соединенія общинъ образовалось графство, по духу своихъ учреждений совершенно подобное общинѣ: нѣсколько графствъ составили штатъ, и наконецъ Соединенные Штаты, избавившись отъ англійской зависимости, образовали Сѣверо-Американскій Союзъ. Такимъ образомъ здѣсь не было организаціи отдѣльныхъ частей подъ вліяніемъ государства, а, напротивъ, государство составилось изъ постепеннаго соединенія маленькихъ частей. Отсюда произошла та особенность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, что въ нихъ нѣтъ ни малѣйшей централизаціи административной, и каждая община въ своихъ домашнихъ дѣлахъ совершенно свободна отъ всякаго вмѣшательства властей графства и штата. При такомъ отношеніи частей государства другъ къ другу легко объясняется демократическая полноправность народа, развившаяся въ Сѣверной Америкѣ. Городскія и сельскія общины до сихъ поръ стоятъ на первомъ планѣ въ политическомъ устройствѣ Соединенныхъ Штатовъ. Въ нихъ совершается самая дѣятельная работа жизни, въ нихъ раздаются важнѣйшіе внутренніе вопросы, составляющіе потомъ предметъ конгресса. Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Лакіера мы ничего не нашли о значеніи и устройствѣ отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ. А между тѣмъ это предметъ весьма важный и любопытный, такъ какъ изъ него объясняется вся союзная конституція. Да и вообще организація высшихъ государственныхъ учреждений далеко не представляетъ той важности, какъ устройство

учрежденій, непосредственно соприкасающихся съ народомъ. Въ политической жизни народа учрежденія, прямо относящіяся къ устройству отдѣльныхъ общинъ, имѣютъ то же значеніе, какое элементарныя школы имѣютъ для народнаго образованія. Не въ устройствѣ университетовъ и академій можно узнать степень просвѣщенія народныхъ массъ; такъ точно не въ конгрессѣ и не въ министерствахъ познается степень благосостоянія народа. Самое лучшее и даже единственно-надежное ручательство въ этомъ случаѣ представляютъ низшія учрежденія, прямо касающіяся частныхъ лицъ и небольшихъ общинъ. На этомъ основаніи мы намѣрены въ настоящей статьѣ представить нѣсколько подробностей о внутреннемъ устройствѣ общинъ въ Соединенныхъ Штатахъ, съ тѣмъ чтобы потомъ уже вкратцѣ изложить учрежденія, относящіяся къ устройству отдѣльныхъ штатовъ и цѣлаго Союза. Чтобы дать понятіе объ устройствѣ общинъ въ штатахъ, мы беремъ изъ книги Токвиля описаніе общинъ Новой Англіи.

Община Новой Англіи, какъ городская, такъ и сельская, обыкновенно состоитъ изъ 2,000—3,000 жителей. Такое количество вполне обезпечиваетъ возможность хорошей и довольно однородной администраціи. Потребности небольшого числа людей, живущихъ въ одномъ мѣстѣ и при одинаковыхъ условіяхъ, нетрудно согласить; гражданамъ весьма удобно совѣщаться между собою о своихъ дѣлахъ, и изъ числа ихъ всегда могутъ найтись люди, способные успѣшно вести общее дѣло, какое будетъ имъ поручено ихъ согражданами. Такимъ образомъ въ общинѣ Новой Англіи вполне можетъ проявляться господство народа,

составляющее основу всего государственнаго устройства Соединенныхъ Штатовъ. И дѣйствительно, въ штатахъ Новой Англіи даже представительное начало допускается только въ общихъ дѣлахъ, касающихся цѣлаго штата, въ общинахъ же всѣ дѣла, требующія общаго сужденія, разрѣшаются въ общемъ собраніи всѣхъ гражданъ-избирателей; только въ очень большихъ общинахъ и при соединеніи въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ общинъ, напр. въ значительныхъ городахъ, существуетъ меръ и при немъ городской совѣтъ.

Общинная администрація находится главнымъ образомъ въ рукахъ нѣсколькихъ чиновниковъ, избранныхъ всѣми обитателями общины и называемыхъ *выборными* (select-men). Они избираются каждый годъ, въ маленькихъ общинахъ по три, а въ самыхъ большихъ по девяти. Они имѣютъ опредѣленный кругъ обязанностей, ясно указанныхъ закономъ, и при исполненіи положительнаго закона дѣйствуютъ совершенно независимо, не спрашиваясь никакихъ разрѣшеній общины. Но если дѣло сколько-нибудь сомнительно, если является надобность въ измѣненіи положенныхъ правилъ, въ какомъ-нибудь нововведеніи — тутъ уже выборные являются покорными служителями народной воли. Въ ихъ власти только — созвать общее собраніе гражданъ-избирателей и предложить дѣло на ихъ сужденіе. Положимъ, напр., что въ городѣ нужно открыть школу; выборные тотчасъ собираютъ гражданъ и предъ собраніемъ ихъ излагаютъ, какая надобность предстоптъ въ учрежденіи новой школы, указываютъ на средства для осуществленія этого предпріятія, разсчитываютъ издержки, какія община должна понести по этому случаю,

сообщаютъ свои предположенія относительно размѣровъ новой школы, мѣста для нея, и пр. Общее собраніе выслушиваетъ ихъ, признаетъ или не признаетъ справедливость ихъ соображеній и въ случаѣ согласія съ ихъ главной мыслью, т. е. что школа нужна, тутъ же разсматриваетъ подробности дѣла, опредѣляетъ расходы и назначаетъ налогъ, который долженъ падать на всѣхъ членовъ общины, для устройства и содержанія школы. Затѣмъ — выборнымъ остается только исполнять волю общаго собранія.

Конечно, выборные могли бы и злоупотреблять своимъ правомъ, если бы общее собраніе гражданъ не могло состояться безъ ихъ вызова. Но дѣло въ томъ, что и право собирать гражданъ для сужденія о дѣлахъ не принадлежитъ имъ исключительно. Общинное собраніе можетъ состояться безъ всякаго желанія выборныхъ, просто по требованію десяти гражданъ; они могутъ предъявить свое желаніе выборнымъ, которые не имѣютъ права отказать имъ. Такимъ образомъ управленіе дѣлами общины никогда не выходитъ изъ-подъ контроля народа и очень прочно ограждено отъ всякаго произвола выборныхъ чиновниковъ.

Кромѣ этихъ выборныхъ, на которыхъ лежитъ забота объ общемъ ходѣ администраціи, въ каждой общинѣ Новой Англіи есть еще до двадцати чиновниковъ, которымъ поручаются нѣкоторыя частныя отрасли общиннаго управленія; такъ назначаются особенныя лица для раскладки податей, для сбора ихъ, для храненія общинной казны, для полицейскаго наблюденія за порядкомъ, для записыванія совѣщаній и рѣшеній, состоявшихся въ общемъ собраніи, и т. д. Чиновники эти изби-

раются каждый годъ въ общемъ собраніи гражданъ: всякій гражданинъ можетъ быть избираемъ, и ни одинъ не можетъ отказаться отъ принятія должности, въ которую избранъ. Впрочемъ, отказываться и не для чего: общественное служеніе вознаграждается довольно хорошо, и члены общества, безъ всякаго ущерба для своихъ матеріальныхъ выгодъ, могутъ посвящать ему свой трудъ и время. Здѣсь нужно замѣтить еще одну особенность американскаго общественнаго устройства: большая часть американскихъ чиновниковъ не получаетъ опредѣленнаго жалованья, но каждое дѣло, совершаемое ими, даетъ имъ извѣстную плату, такъ что каждый получаетъ большее или меньшее содержаніе, по мѣрѣ того, сколько онъ трудится на общую пользу.

Въ числѣ должностей, существующихъ въ общинахъ, есть нѣсколько такихъ, которыя могутъ довольно странно поразить человѣка, привыкшаго смотрѣть на администрацію по-европейски. Въ общинахъ Новой Англіи назначается, напримѣръ, особый чиновникъ, который долженъ смотрѣть за исполненіемъ законовъ относительно бѣдныхъ; есть особія лица, которымъ поручается наблюденіе за вѣсами и мѣрами, за сборомъ хлѣба съ полей, за дѣйствіями всѣхъ гражданъ въ случаѣ пожара, и т. п. Намъ это можетъ показаться стѣсненіемъ, противнымъ духу демократической свободы, которымъ отличаются всѣ общинныя учрежденія Сѣверной Америки, но американцами все дѣло администраціи понимается совершенно не такъ, какъ нами. Они видятъ въ ней простое раздѣленіе труда между членами общины, и лицо, выбранное общиною для одного извѣстнаго рода дѣлъ, чрезъ это

вовсе не пріобрѣтаетъ себѣ того оттѣнка власти, какой мы придаемъ обыкновенно всякому административному лицу. Въ американскихъ общинахъ нѣтъ, напримѣръ, особой пожарной команды, но въ случаѣ пожара всѣ граждане должны содѣйствовать погашенію огня. Нужно, чтобы при этомъ кто-нибудь распоряжался ихъ дѣйствіями, но американецъ не хочетъ въ этомъ случаѣ подчинить себя болѣе тѣхъ чиновниковъ, на которыхъ возложена общая администрація; онъ хочетъ, чтобы власть и трудъ какъ можно больше были раздѣлены между членами общины, и выбираетъ для пожарныхъ случаевъ особаго человѣка, который при пожарѣ и распоряжается, но зато во всемъ остальномъ не имѣетъ уже ровно никакой власти. Такимъ образомъ распредѣленіе частныхъ должностей между значительнымъ числомъ лицъ оказывается совершенно согласнымъ съ демократическимъ характеромъ страны.

Вообще между членами общины Новой Англіи соблюдается совершенное равенство правъ. Тѣ, которые управляютъ, и тѣ, которые имъ подчиняются, не чувствуютъ ни малѣйшаго стѣсненія другъ передъ другомъ. Одни очень хорошо понимаютъ, что самая власть ихъ есть только особенный видъ служенія обществу и можетъ продолжаться только подъ тѣмъ условіемъ, если они будутъ ею пользоваться добросовѣстно. Другіе повинуются власти, но не потому, чтобы признавали ея превосходство надъ собою, а только потому, что находятъ свою собственную пользу въ этомъ раздѣленіи общественной службы. Получая въ свои руки какую-нибудь власть, чиновникъ американской общины знаетъ, что онъ обязанъ ею избранію своихъ согра-

жданъ, и потому не можетъ рѣшиться смотрѣть на нихъ свысока, тѣмъ болѣе, что постоянно чувствуетъ свою зависимость отъ нихъ во все время отправления своей должности. Въ свою очередь граждане, избирающіе чиновника для извѣстнаго рода дѣлъ, тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ о своемъ довѣріи къ его способностямъ и честности. Вслѣдствіе того общинная администрація никого не обременяетъ и не стѣсняетъ; административныя лица не составляютъ особаго, привилегированнаго сословія, и, какъ отзываются путешественники по Америкѣ, со стороны даже не видно, кѣмъ и какъ управляется эта страна.

Но какимъ же образомъ сохраняется единство Союза? Какія обезпеченія существуютъ для того, чтобы каждая община, каждый городъ исполняли общіе законы союзной конституціи и не производили безпорядокъ въ управленіи? Эти вопросы разрѣшаются учрежденіемъ судовъ въ Сѣверной Америкѣ. Почти всѣ административныя затрудненія рѣшаются тамъ путемъ судебнымъ, и оттого суды имѣютъ весьма важное значеніе даже въ политическомъ смыслѣ. Устройство и дѣятельность судебной части въ Штатахъ Сѣверной Америки имѣетъ слѣдующій видъ.

По назначенію губернатора штата, а въ нѣкоторыхъ штатахъ по народному избранію, определяется извѣстное количество судей; изъ числа ихъ трое составляютъ судебную палату — court of assizes. Суды эти обязаны ѣздить по общинамъ и производить судъ и расправу при помощи присяжныхъ и адвокатовъ. Дѣло суды состоитъ собственно въ томъ, чтобы примѣнить къ частному случаю законъ, существующій въ конституціи Со-

юза. Сужденіе же о самомъ фактѣ предоставляется присяжнымъ, которыхъ выбираетъ сама община. Оттого при назначеніи судей смотрятъ всего болѣе на то, чтобы это были люди юридически образованные, не только знающіе букву закона, но умѣющіе понимать духъ законодательства и отношеніе частныхъ законовъ къ общимъ правиламъ конституціи. Судья можетъ даже постановить рѣшеніе, основанное не на частномъ законѣ, а на общихъ требованіяхъ конституціи; онъ имѣетъ право объявить, что такое-то постановленіе признаетъ противнымъ конституціи и не руководствуется имъ при рѣшеніи дѣла. Бываютъ даже такіе случаи: сенатъ, или собраніе народныхъ представителей, сдѣлаетъ постановленіе; народъ найдетъ его несогласнымъ съ конституціей; въ такомъ случаѣ судья представляется жалоба на этотъ законъ. Судья разбираетъ дѣло, и если признаетъ жалобу справедливой, то законъ теряетъ обязательную силу и мало-по-малу выходитъ изъ употребленія. Отсюда видно, что значеніе судьи очень велико и что отъ него требуется высокая степень добросовѣстности, юридическаго образованія и независимости. Именно этого и стараются достигнуть въ Америкѣ назначеніемъ въ судьи не просто хорошихъ людей, любимыхъ народомъ, но юристовъ, людей опытныхъ, болышею частью составившихъ себѣ предварительную извѣстность адвокатурою. Въ нѣкоторыхъ штатахъ и судейскія должности замѣщаются по избранію; но въ другихъ назначеніе судей предоставляется губернатору штата и его совѣту. Злоупотребленіямъ, вреднымъ для демократіи, трудно вкрасться и при этомъ способѣ назначенія, потому что — во-первыхъ, губернаторъ и совѣтъ его из-

бираются самимъ же народомъ, во-вторыхъ — губернаторъ не можетъ по произволу смѣнить назначеннаго имъ судью; должность судьи отправляется однимъ лицомъ много лѣтъ, а губернаторы выбираются ежегодно. Съ другой стороны — и отъ народа судья находится довольно въ независимомъ положеніи, потому что онъ обезпеченъ очень значительнымъ жалованьемъ: въ Массачусетсѣ судьи получаютъ жалованья болѣе 5,000 руб. сер.

На разсмотрѣніе судей представляются обыкновенно и всѣ уклоненія отъ общихъ законовъ Союза, совершаемыя чиновниками общины или кѣмъ бы то ни было изъ ея членовъ. Случаи такихъ уклоненій не часты, потому что, какъ уже сказано, государство не вмѣшивается въ частныя дѣла общины и предоставляетъ ей полную свободу устроиться какъ ей кажется лучшимъ. Но есть общія требованія, которыя должна исполнить каждая община. Требованія эти разъ навсегда постановляются закономъ, и за исполненіемъ ихъ никто не смотритъ, кромѣ самихъ членовъ общины и судей. *Графство*, состоящее изъ соединенія общинъ, не представляетъ никакой важности въ административномъ смыслѣ, а имѣетъ именно судебное значеніе. Въ каждомъ графствѣ есть судебная палата, шерифъ, какъ исполнитель приговоровъ суда, и тюрьма для содержанія преступниковъ. Изъ административныхъ дѣлъ — въ графствѣ составляется только проектъ бюджета, который потомъ разсматривается въ законодательномъ собраніи цѣлаго штата, и затѣмъ сообразно съ нимъ распределяются подати на общины. Кромѣ того — забота объ устройствѣ и содержаніи дорогъ также относится къ обязанности court of assizes въ графствѣ. Община получаетъ

обыкновенно только назначеніе того, сколько заплатить и что сдѣлать должна она вообще. Распредѣленіе повинностей между частными лицами, видоизмѣненія въ формѣ исполненія закона предоставляются совершенно на ея волю. Община непременно должна, на примѣръ, содержать школу; иначе она подвергается большому штрафу «за поддержаніе невѣжества и безправственности». Но какъ устроить школу, откуда взять на нее денегъ, какъ распредѣлить въ ней занятія и пр., — это уже община опредѣляетъ сама. Только ежели, по скупости членовъ общины, школа будетъ устроена дурно, или ежели кто-нибудь изъ людей, которымъ поручено будетъ наблюденіе за нею, станетъ небрежно исполнять свою обязанность, то каждый отецъ семейства можетъ обвинить эти лица и даже цѣлую общину передъ court of assizes. Тогда дѣло разсматривается судебнымъ порядкомъ, и если жалоба оказывается справедливою, община присуждается къ штрафу. Та же самая исторія повторяется во всѣхъ отрасляхъ управленія. Инстанцій нѣтъ никакихъ, низшій чиновникъ не получитъ отъ высшаго никакихъ предписаній, подтвержденій, запросовъ и т. п.; но онъ всегда можетъ быть позванъ къ суду за неисполненіе своей обязанности. Есть, на примѣръ, особый чиновникъ для смотрѣнія за устройствомъ дорогъ; ему передаются отъ сборщика податей деньги, собранныя на этотъ предметъ. Если дорога не въ порядкѣ, то всякій, у кого сломалось колесо въ какой-нибудь ямѣ или вообще случилось что-нибудь непріятное отъ дурной дороги, имѣетъ право позвать къ суду чиновника, наблюдающаго за путями сообщенія. Чиновникъ знаетъ это и по-этому самъ заботится, чтобы получить въ свои

руки нужныя для расходовъ деньги. Если община не дастъ денегъ, онъ имѣеть право самъ требовать ихъ, нарушая обычный порядокъ; въ противномъ случаѣ дѣло опять рѣшается судомъ.

Можно бы опасаться, что подобное право вмѣшательства въ общественныя дѣла, предоставленное всякому гражданину, поведетъ къ непрерывнымъ кляузамъ и всякаго рода безпорядкамъ. Въ Америкѣ это могло бы произойти тѣмъ скорѣе, что во многихъ случаяхъ доноситель за противозаконныя поступки пользуется частью штрафа, который взыскивается съ обвиненнаго. Но устройство судовъ, — словесныхъ, съ адвокатами, присяжными и съ полнѣйшею публичностью, — не слишкомъ благопріятствуетъ развитію кляузничества. Да притомъ же есть и еще обстоятельство, удерживающее американцевъ въ предѣлахъ благоразумія и справедливости, — распространеніе началъ образованія въ цѣломъ народѣ. Всякаго рода вздорныя и несправедливыя притязанія являются въ обществахъ неразвитыхъ, не имѣющихъ правильныхъ понятій о предметахъ; съ развитіемъ образованія взаимныя отношенія опредѣляются легче, разуміе и дружелюбіе. Это очень хорошо поняли въ Америкѣ, и потому-то тамъ каждая община непременно обязана содержать школы для первоначальнаго обученія. Образование дѣтей совершается на счетъ государства, и въ каждой общинѣ есть свой школьный капиталъ. Всѣ граждане должны жертвовать на школы часть своихъ доходовъ, потому что всѣ пользуются плодами общаго образованія: если у кого и нѣтъ своихъ дѣтей, то все же школы для него полезны, потому что только при образованности гражданъ возможно въ обществѣ поддержаніе по-

рядка и благоденствія. Оттого человѣкъ, вовсе не бывшій въ школѣ, не принимается даже на фабрику; оттого для распространенія грамотности въ народѣ ничего не жалѣютъ въ Америкѣ, и всякая небрежность въ этомъ отношеніи строго преслѣдуется. Кромѣ денежной подати, въ пользу школъ выдѣляется всегда, при заведеніи общины, одна тридцатьшестая доля общинныхъ земель; земля эта продается, и деньги, вырученныя за нее, составляютъ школьный капиталъ, находящійся въ распоряженіи штата. Въ книгѣ г. Лакіера приведены цифры изъ отчета за 1857 г. провинціи Массачусетсъ. Изъ нихъ видно, что въ пользу школъ собирается въ годъ болѣе 2.300,000 долларовъ (до 3.000,000 руб. сер.), а школьный капиталъ простирается до 1.625,000 долл.; проценты съ него, до 50,000 долл., распределяются между школами отдѣльныхъ городовъ. Но право на полученіе этого вспоможенія имѣетъ только та община, которая сама собираетъ не менѣе $\frac{1}{2}$ доллара на каждого ребенка отъ 5 до 15 лѣтъ. Въ отношеніи къ управленію, — и здѣсь находимъ совершенное отсутствіе всякой централизаціи. Каждая община управляетъ своими школами по собственному усмотрѣнію; даже если община, особенно городская, очень велика, то она раздѣляется на округа и участки (приходы). Такъ въ Бостонѣ, по свидѣтельству г. Лакіера, «для большаго удобства городъ раздѣленъ на округа, и въ каждомъ сами граждане избираютъ членовъ въ училищный комитетъ, числомъ шесть, и при томъ такъ, что двое изъ нихъ, по исполненіи своей обязанности въ теченіе трехъ лѣтъ, выбываютъ и замѣняются другими, буде на нихъ снова не падетъ выборъ. Эти шесть членовъ училищнаго комитета образуютъ для

школъ своего участка особый комитетъ (district committee), и затѣмъ для мѣстнаго завѣдыванія отдѣльными школами подраздѣляютъ между собою училища по своему усмотрѣнію, такъ что въ важнѣйшихъ только и опредѣленныхъ случаяхъ дѣла изъ мѣстныхъ комитетовъ доходятъ до участковаго, и еще рѣже до общаго городского». Нужно впрочемъ замѣтить, что не во всѣхъ штатахъ устройство школьнаго управленія таково, какъ въ Бостонѣ; въ штатѣ Нью-Йоркѣ, напримѣръ, существуетъ нѣчто въ родѣ нашихъ учебныхъ округовъ, и мѣстныя школы подлежатъ начальственному наблюденію чиновниковъ штата.

Общая тенденція образованія въ Сѣверной Америкѣ — приготовленіе дѣтей къ гражданской дѣятельности, ожидающей ихъ за предѣлами школы. Оттого элементарныя школы считаются необходимыми для всѣхъ; затѣмъ важнѣйшими считаются среднія школы общаго образованія, въ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ математика, новая географія, исторія Соединенныхъ Штатовъ и ихъ конституція. Затѣмъ — знанія классическія, богословскія, философскія и пр. представляются каждому *ad libitum*, и охотниковъ на нихъ является сравнительно не слишкомъ много. «Но объ этомъ американецъ и не сокрушается, — какъ замѣчаетъ г. Лакіеръ: — онъ хлопочетъ о гражданахъ, образованныхъ въ такой мѣрѣ, чтобы быть хорошими исполнителями народной воли, — а ученые для него роскошь...».

Вообще въ образованіи дѣтей и въ устройствѣ школъ въ Америкѣ выражается то же направленіе, какое и во всемъ другомъ отличаетъ эту страну: дѣлать какъ можно больше для народа и какъ можно менѣе потворствовать аристократическимъ тен-

денціямъ. Въ этомъ отношеніи любопытна для насъ замѣтка г. Лакіера, сопоставляющая воспитаніе американское съ англійскимъ. «Въ Англіи — говоритъ онъ — безграмотный вовсе не рѣдкость, тогда какъ высшій классъ едва ли гдѣ-нибудь можетъ сравняться въ классическомъ образованіи съ англійскою аристократіею. Но и до сихъ поръ тамъ воспитаніе сохранило средневѣковой, монастырскій характеръ, который оно имѣло въ Англіи двѣ столѣтія. Изученіе древнихъ языковъ, греческаго и латинскаго, занимаетъ большую часть времени въ англійскихъ, особенно высшихъ школахъ, и вытѣсняетъ языки живые и науки болѣе практическія. Очевидно, американцы не могли допустить ни такой ограниченности, ни односторонности воспитанія; свѣтъ наукъ долженъ былъ по возможности просвѣтить каждого по мѣрѣ его способностей и стремленія къ образованію. Тѣмъ менѣе можетъ быть рѣчь о раздѣленіи воспитанниковъ разныхъ кастъ — не только по заведеніямъ, но въ одномъ и томъ же заведеніи по комнатамъ, костюмамъ и столамъ, какъ это дѣлается въ Англіи».

Таковы общія черты устройства и положенія отдѣльныхъ общинъ въ Сѣверной Америкѣ. Между ними и штатомъ составляютъ посредствующее звено графства, которыя впрочемъ не имѣютъ почти никакого значенія. Правительство штата заключается въ *сенатъ* и въ *палату представителей*. Оба учрежденія очень сходны между собою и вовсе не находятся въ тѣхъ отношеніяхъ, какъ двѣ палаты въ Англіи. Вся разница между ними состоитъ въ томъ, что сенатъ, кромѣ законодательной дѣятельности, иногда имѣетъ еще административную и судебную, а палата представителей занимается исклю-

чительно законодательствомъ, въ судебную же часть пускается — только обвиняя передъ сенатомъ чиновниковъ, не исполняющихъ своей обязанности. Кромѣ того есть еще разница — въ томъ, что въ сенатѣ членовъ меньше, и они избираются на болѣе продолжительное время, чѣмъ въ палатѣ представителей... Существенный же смыслъ учрежденія двухъ палатъ, вмѣсто одной, заключается въ желаніи раздѣлить законодательную власть между двумя политическими учрежденіями и чрезъ то доставить болѣе ручательствъ безпристрастію и обдуманности законовъ.

Исполнительную власть въ штатѣ представляетъ губернаторъ, избираемый на одинъ годъ. Онъ имѣетъ право остановить рѣшеніе сената, и въ такомъ случаѣ дѣло переходитъ на разсмотрѣніе конгресса. Но самъ собою губернаторъ не можетъ ни издавать законовъ, ни вмѣшиваться въ администрацію страны. Онъ можетъ только излагать предъ законодательнымъ собраніемъ нужды штата и указывать на средства, какія, по его мнѣнію, полезно употребить. Затѣмъ на его обязанности остается только исполненіе опредѣленій сената и палаты представителей. На всякій случай у него въ рукахъ и военная власть.

Федеральный конгрессъ Союза представляетъ то же, что правительство каждаго штата. Въ немъ тоже находимъ сенатъ и палату представителей; исполнительная власть — въ рукахъ президента, который, слѣдовательно, то же самое значитъ въ цѣломъ Союзѣ, что губернаторъ въ каждомъ отдѣльномъ штатѣ. Существованіе двухъ палатъ въ Союзѣ имѣетъ историческое основаніе. При первомъ предположеніи о конгрессѣ возникли двѣ партіи:

одна хотѣла, чтобы Союзъ былъ просто международнымъ конгрессомъ, въ которомъ было бы по равному числу представителей изъ каждаго штата; другая, напротивъ, желала болѣе тѣснаго, національнаго соединенія, для котораго нужно было, чтобы представители являлись въ конгрессъ не по штатамъ, а по числу жителей. Примирить оба требованія было трудно, и потому рѣшили принять ихъ оба. Для сохраненія принципа совершенной независимости и равенства штатовъ учрежденъ сенатъ, въ который присылается по два представителя изъ каждаго штата; они обыкновенно назначаются на шесть лѣтъ, изъ числа сенаторовъ штата. Но чтобы населеніе штата не оставалось безъ вліянія на его представительство въ Союзѣ, въ палату представителей является отъ каждаго штата различное число депутатовъ, сообразно съ количествомъ его населенія. Такимъ образомъ штатъ Нью-Йоркъ, напр., присылаетъ на конгрессъ 40 депутатовъ, а Делаваръ — только 1. Число народныхъ представителей нынѣ 233, такъ что, по разсчету населенія Соединенныхъ Штатовъ, приходится по одному депутату на 93,000 гражданъ.

Обсужденію союзнаго конгресса подлежатъ: дѣла иностранной политики, содержаніе войска и флота, займы, необходимыя для общихъ интересовъ Союза, принятіе въ Союзъ новыхъ штатовъ, законы о подданствѣ иностранцевъ, о банкротствѣ, о монетѣ и пр. Кромѣ законодательной власти союзный конгрессъ имѣетъ и судебную во всѣхъ дѣлахъ, выходящихъ изъ круга власти одного штата, — напр. въ спорахъ между двумя штатами, между гражданами какого-нибудь штата и иностранцами, и т. п. Но, вообще говоря, конгрессъ

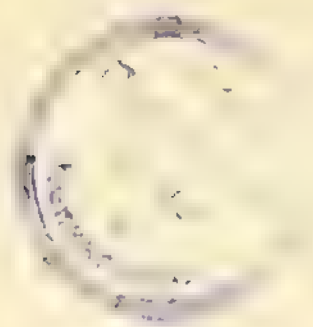
нисколько не стѣсняетъ внутренней жизни штата, и потому Сѣверо-Американскій Союзъ не только не близится къ распаденію, какъ сначала ожидали нѣкоторые, а все болѣе укрѣпляется. Число штатовъ все возрастаетъ, и теперь ихъ уже 33 вмѣсто первоначальныхъ 13. Необходимыя условія для принятія новаго штата въ Союзъ составляютъ: признаніе имъ союзной конституціи, и населеніе не менѣе 93,000 человѣкъ, потому что иначе онъ не могъ бы посылать отъ себя депутата на конгрессъ.

Президентъ Союза — совершенно то же, что губернаторъ въ отдѣльномъ штатѣ. Онъ представляетъ конгрессу о нуждахъ страны, указываетъ, что и какъ можно сдѣлать, разсматриваетъ постановленіе конгресса и можетъ остановить ихъ своимъ противорѣчіемъ. Въ этомъ случаѣ постановленіе опять переходитъ на разсмотрѣніе обѣихъ палатъ, и тутъ уже требуется, чтобы двѣ трети голосовъ не согласились съ президентомъ: только тогда первоначальное постановленіе можетъ остаться въ своей силѣ. Въ отношеніи къ вѣншей политикѣ президентъ можетъ, съ согласія конгресса, вести переговоры и заключать трактаты съ иностранными державами; онъ же имѣетъ начальство надъ союзной арміей въ случаѣ войны. За службу свою онъ получаетъ 25,000 долларовъ въ годъ.

Какъ ни поверхностенъ этотъ общій очеркъ учрежденій Соединенныхъ Штатовъ (назначенный для тѣхъ только, кто о нихъ ровно ничего не знаетъ), но и изъ него можно видѣть, что основаніемъ всего ихъ устройства служитъ народная воля и что если въ этой странѣ и есть нѣкоторые

признаки правительственной централизаціи, то въ административномъ отношеніи господствуетъ децентрализація самая полная. Хорошо это или дурно — нельзя судить по одной теоріи, не зная жизненныхъ фактовъ, въ которыхъ выражается вліяніе политическихъ учрежденій страны. Поэтому мы намѣрены въ другой статьѣ коснуться нѣкоторыхъ чертъ быта и нравовъ Сѣверной Америки. Вообще говоря, конечно справедливѣе будетъ признать зависимость учрежденій отъ нравовъ народа. Но въ Америкѣ основныя положенія ея государственнаго устройства опредѣлились очень рано и, разъ сдѣлавшись необходимой принадлежностью политическаго существованія страны, не могли остаться безъ вліянія на самый бытъ народа. Поэтому намъ кажется, что для полной оцѣнки американскихъ учржденій не мѣшаетъ прослѣдить, какъ они отражаются въ самой жизни американцевъ. Пользуясь наблюденіями нашего путешественника и другихъ писателей, мы и постараемся сдѣлать это въ слѣдующей статьѣ.

Р. 1931
25/с
20

Собраніе сочиненій

А. И. ЛЕВИТОВА.

Съ портретомъ автора и вступительной статьей

А. А. Измайлова.

8 томовъ по 1 руб., въ изящн. переплетахъ 12 руб.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

В. В. МУЙЖЕЛЯ.

Съ портретомъ автора.

9 томовъ въ изящныхъ переплетахъ 14 руб. 25 коп.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

ВАС. И.

НЕМИРОВИЧЪ-ДАНЧЕНКО.

Подъ наблюденіемъ автора.

10 томовъ въ изящныхъ переплетахъ 19 руб. 50 коп.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Н. Ф. ОЛИГЕРА.

Подъ наблюденіемъ автора.

5 томовъ по 1 руб. 25 коп., въ изящн. перепл. 8 руб. 75 коп.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Собраніе сочиненій

Н. М. ОСИПОВИЧА.

Подъ наблюденіемъ автора.

4 тома по 1 руб. 25 коп., въ изящныхъ переплетахъ 7 руб.

Допускается разсрочка платежа по 1 руб. въ мѣс.

Каталогъ изданій Т-ва „Просвѣщеніе“ высылается, по требованію, бесплатно.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ

«Просвѣщеніе»

Штук

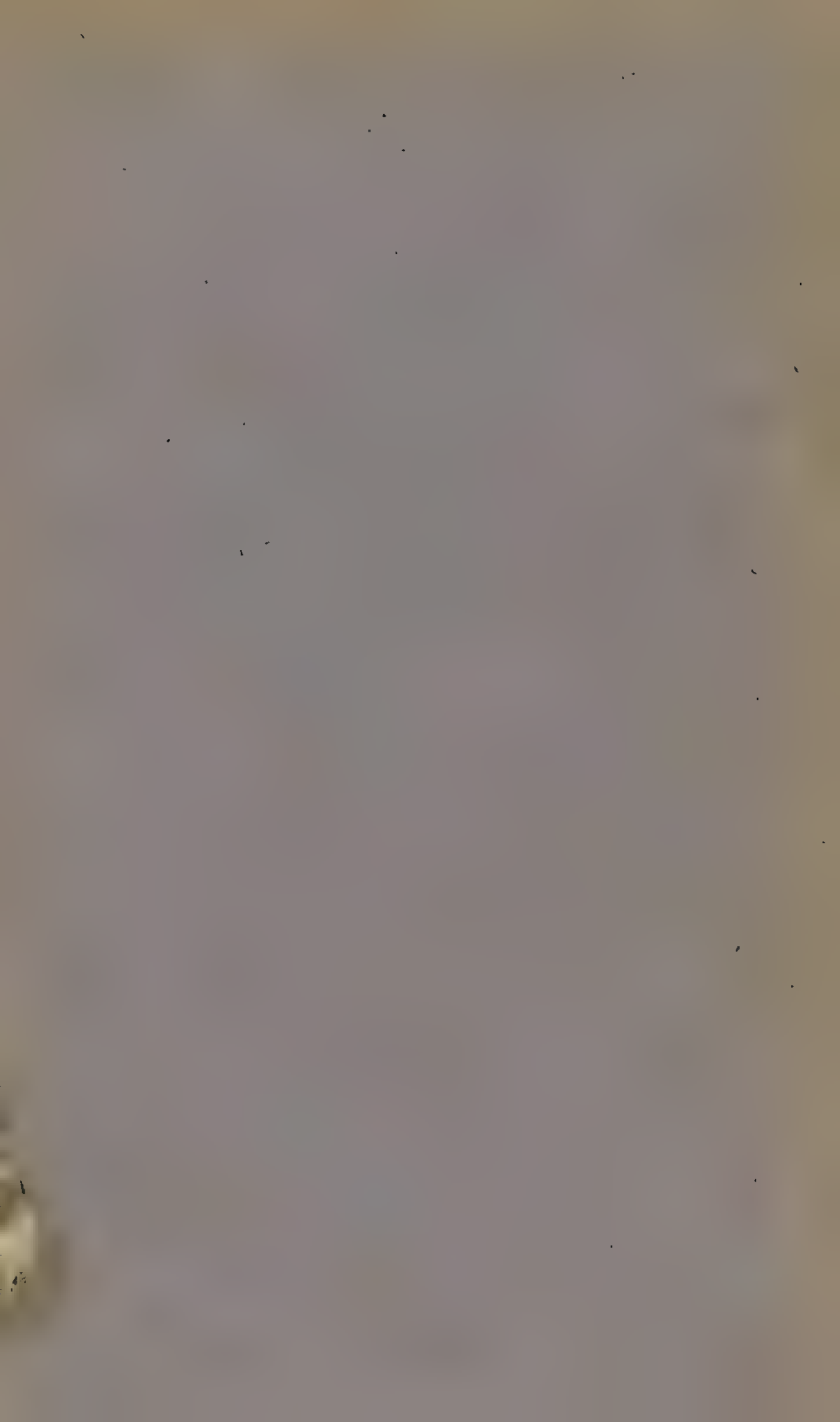
Обращаемъ внима-
ніе подписчиковъ на
изготовленные нами

ИЗЯЩНЫЕ
переплеты
для нашего изда-
нія классиковъ.

По желанію, подпис-
чики могутъ полу-
чать дальнѣйшіе томы
уже переплетенными,
чѣмъ ими будутъ
сбережены издерж-
ки, которыя должны
бы въ послѣдствіи по-
требоваться на вы-
писку и отдѣльную
пересылку крышекъ
и на вплетеніе въ
нихъ книгъ.

Цѣна переплетен-
наго тома на 50 коп.
дороже цѣны книги.
Цѣна крышки от-
дѣльно — 40 коп.

Товарищество
„Просвѣщеніе“

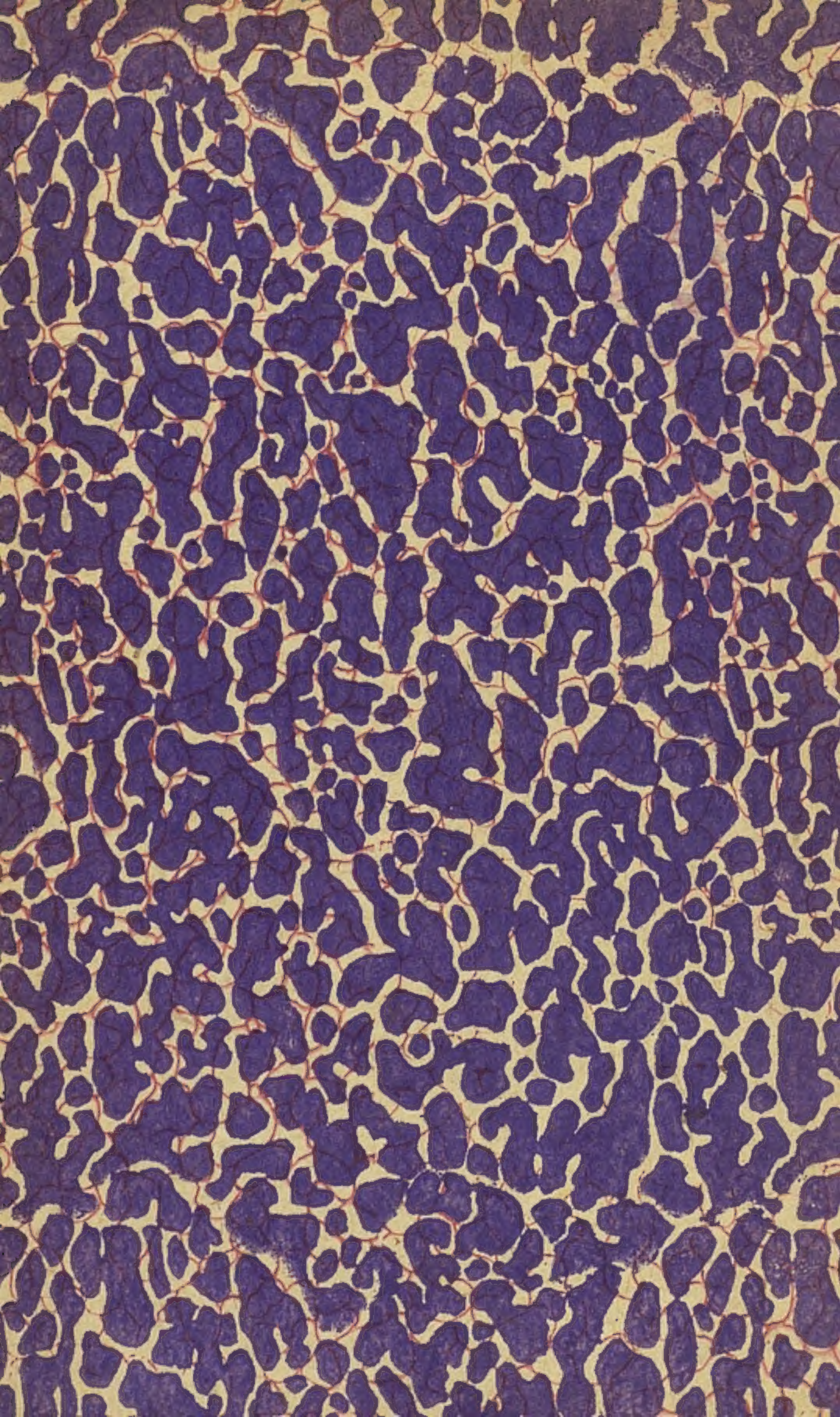

112/54-3

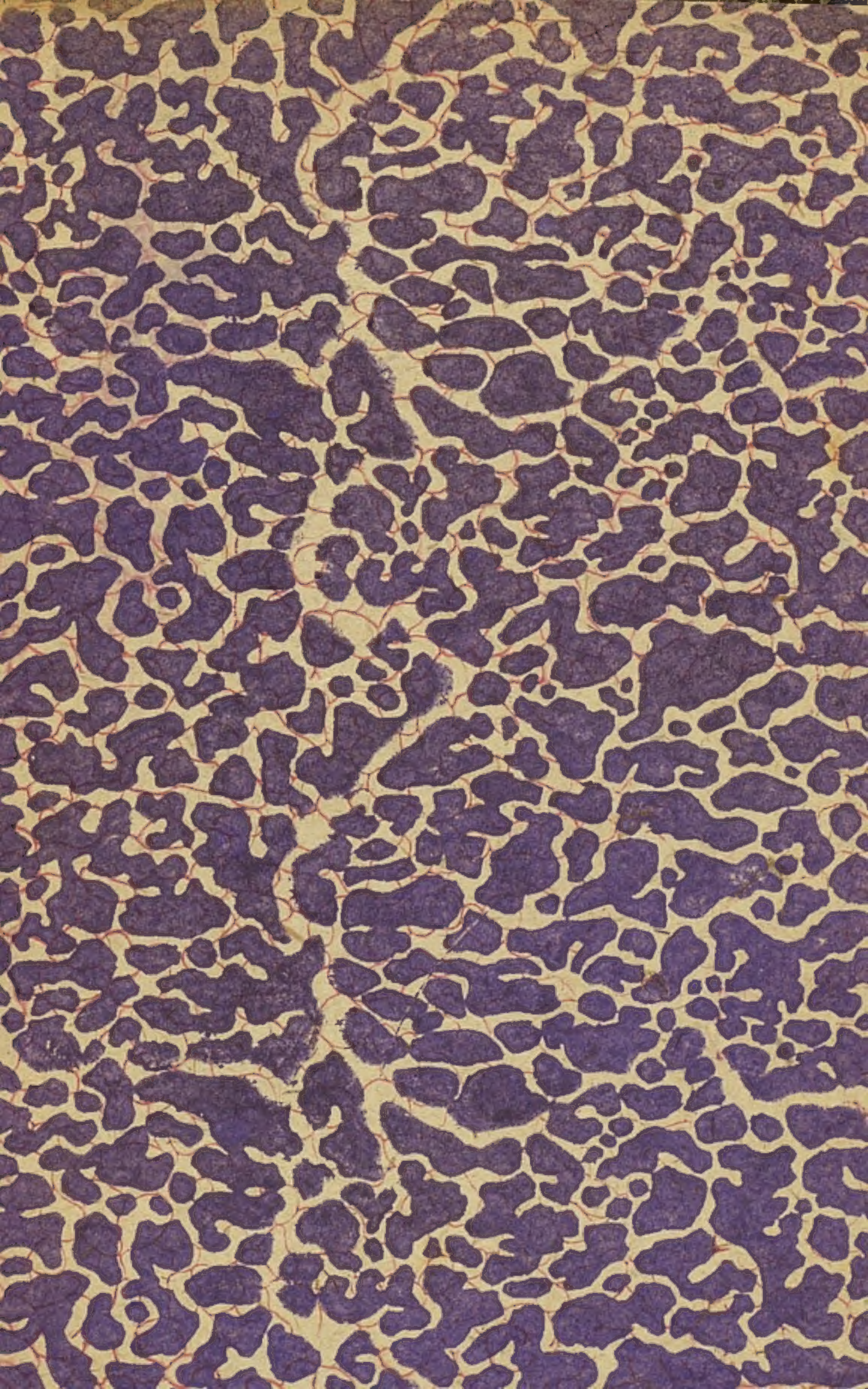
4238/6

2

РНБ РУССКИЙ ФОНД

112

54-3